

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения

«Житие» протопопа Аввакума Петрова, его челобитные, послания - нетленный памятник древнерусской литературы и величия человеческого духа принадлежит перу видного публициста и общественного деятеля, идеолога и вождя старообрядчества.

ISBN 5-85560-114-5

P1 + 63,3(2)46

Северо-Западное книжное издательство, оформление, вступит, статья, 1990

СОДЕРЖАНИЕ

«ВОРЧУ ОТ БОЛЕЗНИ СЕРДЦА СВОЕГО» (Г. М. Прохоров)	4
ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА	
Вступление	10
Первые испытания	14
Ссылка в Сибирь	20
Возвращение на Русь	31
«Московское бытие»	35
Пустозерская ссылка	46
Дополнительные повести	50
ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»	
Введение	60
Беседа первая «Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания».....	60
Из беседы второй Об образе креста Христова	62
Беседа третья Об иноческом чине	64
Беседа четвертая Об иконном писании	67
Беседа пятая О внешней мудрости	69
Из беседы восьмой Об Аврааме	71
Из беседы девятой Толкование на 87-88 зачало Послания ап. Павла к Римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна	73
Из беседы десятой Беседа о нятых делателях	75
ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»	
Из толкований псалмов.....	76
Из толкований на Книги Притчей и Премудрости Соломона.....	85
Из толкования на книгу пророка Исайи	87
«Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове»	89
ИЗ «КНИГИ ОБЛИЧЕНИИ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЯ ВЕЧНОГО»	93
ИЗ СТАТЬИ «СПИСАНИЕ И СОБРАНИЕ О БОЖЕСТВЕ И О ТВАРИ И КАКО СОЗДА БОГ ЧЕЛОВЕКА»	95
ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ	
Челобитные царю Алексею Михайловичу	
«Первая» челобитная	98
Записка о жестокостях воеводы Пашкова, приложенная к «Первой» челобитной Алексею Михайловичу	101
«Третья» челобитная	103
«Четвертая» челобитная	103
«Пятая» челобитная	104

Челобитная царю Федору Алексеевичу	109
Послание царевне Ирине Михайловне Романовой	110
Письма и послания семье	112
Письма и послания боярыне Ф. П. Морозовой	115
Послание боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой.....	117
Письма и послания Симеону.	122
Письмо игумену Феоктисту	130
Письмо Афанасию	131
Письмо Маремьяне Феодоровне.....	131
Послание «верным».....	133
Послание «горемыкам миленьким» .....,.....	135
«Совет святым отцем преподобным»	138
Послание Симеону [?], Ксенни Ивановне и Александре Григорьевне	143
Послание всем «ищущим живота вечнаго»	154
Послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре	157
Послание игумену Сергию с «отцы и братией»	158
Послание Борису и «прочим рабам Бога вышняго»	162
Письмо Алексею Копытовскому	165
Письмо «отцам святым» и «преподобным маткам»	166
Письмо «отцам поморским».	167
Письмо Ионе и Моисею	168
Письмо «старнице Каптелине»	169
Письмо «двум девам»	171
«О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ»	172
Комментарий	178
Словарь трудных для понимания слов	267

«ВОРЧУ ОТ БОЛЕЗНИ СЕРДЦА СВОЕГО».

Так сказал о своем литературном труде протопоп Аввакум. Сомнений никаких нет: именно оттого, что ему больно было видеть происходившее на Руси с церковью в XVII веке, Аввакум и стал делать то главное в своей сознательной жизни, что он делал: проповедовать, учить, обличать, спорить, писать — «ворчать», как он говорит. Трудно сказать, как он пишет. Читая его, будто слышишь голос человека, у которого сердце, душа болит, и наше сердце безошибочно чувствует эту боль. Невозможно объяснить, что такое гениальный писатель. Но это тоже можно почувствовать. Достоевский, как мы знаем, считал, чтобы хорошо писать, надо страдать. У Аввакума страданий было с избытком. Не потому ли он гениальный писатель, какого далеко во все стороны от него не было? Страдальцев-то вокруг него было, да и всегда есть, великое множество. Еще что-то надо иметь кроме страданий. Ясность сознания-совести? Некий «словесный» дар свыше? И то, и другое, и... еще что-то третье. Не знаю что. Но как хорошо, когда чувствуешь, читая, что этот благой дар у человека есть. Чувствуешь чужую боль, но радуешься, благодарный, за то, как она выражена. Радуешься полной внутренней свободе Аввакума — вопреки полной телесной несвободе: и заключенный в подземный сруб на краю земли за Полярным кругом он чувствует себя свободней свободных: «Воистину и на свободе люди-то в нынешнее время равны с погребенными»; радуешься ясности его умственного взора — вопреки тому, что глазами смотреть дальше стен его сруба да окошка сверху было ему некуда; радуешься его необычайному художественному таланту — способности воссоздать или создать умом образ и этот образ немногими словами оживить. Необыкновенна мощь его личности и красота столь же, как он сам, свободного и сильного его языка. Свобода души и красота языка — вещи, кажется, взаимосвязанные.

«Бедной, бедной, безумное царшко! Что ты над собою зделал! (...). Ну, сквоз землю пропадай, блядин сын! Полно христиан-тех мучить!» — это о царе Алексее Михайловиче, попустителе никоновских реформ и преследовании, обратившем затем несогласных с реформой церкви в государственных преступников (ущемленными в правах, они оставались по 1905 год). А вот о самом патриархе Никоне: «А Никон веть не последний антихрист, так — лишь шишь антихристов, бабод, плутишко изник в земли нашей. (...) Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова в деревне. Отец у него черемсин, а мати русалка, Минка да Манька. А он, Никитка, колдун учинился, да в Желтоводие с книгою поводился, да — выше, да — выше, да и к чертям попал в атаманы.

(...) Потряс Церковию-тою не хуже последнего черта-антихриста, и часть его с ним в огне негасимом». «Ныне нам от никониян огонь и дрова, земля и топор, и нож, и виселица...» Правда ведь это. Болтались на перекладинах

повешенные за верность древнему благочестию, падали в пыль вырезанные языки, отрубленные пальцы, в подземные тюрьмы запихивали женщин, детей, стариков, священников, сжигали и голодом умаривали людей,— власти переделывали церковную жизнь. «Не умолчу-су и по смерти своей вашему воровству,— обещает Аввакум.— Отдайте матери нашея имение все, и аз-от, которой передвинули на иное место, положите на старом месте, где от святых отец положен был. То малое ли дело: всю невесту Христову разорили!»

«Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как покупать, как есть, как пить, как баб блудить...». Да простит мне читатель столь обильное цитирование. Потом он сам будет читать Аввакума, а теперь мы как бы вместе, втроем, то есть вдвоем его слушаем, например, как он говорит о «никонианах»: «А сии вид весь имеют от главы и до ног корпуса своего насыщенный и дебелой, и упитанной в толстоте плоти их сыростной...» (Мне это напоминает лучшие находки Платонова).

А вот зарисовка русских блудника и блудницы; начинается она сравнением с Адамом: «Такоже бывает и здесь: моторшит окаянной прелюбодеи, яко Адам, листвием закрывает свою срамоту — сиречь я зане парится. И измывается начисто, яко слезень, сблудя с чюжею, или блудница с чюжим, рубаху чистую воздевает; к церквя пришед, молитвы у попа просит, бутто и всегда доброй человек, праведник. А совесть-та замучила злодея. Ох, ох, зрит внутрь души своея наготы и срамоты... И бес блудной в души на шее сидит, кудри бедной расчесывает и ус разправляет посреде народа. Силно хорош, и плюнуть не на ково.

А прелюбодеица белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, ноклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяжки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красная, сапоги сафьяинья... Посмотри-тко, дурка, на душу свою, какова она красна. И ты, кудрявец, чосаная голова! Я отселе вижу в вас: гной и червив в душах ваших кипят, беси же вас злосмрадною водою кропят и ликовствуют в вас, яко в адовых темных жилищах, веселящихся. Вы же не чюете в себе зверей таковых, яко снедают вас ради беззаконная сласти сея. Молю вас: престаните от беззакония сего...»

Как видим, Аввакум — художник-проповедник, проповедник-художник. Позволю себе привести здесь еще одну его зарисовку,— порядков, царивших на строительстве Вавилонской башни: «И роженице-жене не дадут полежать: оставя младенца, поволокись на столп с кирпичем или с известью. И ребенок бедной трех годов потащил туды же с кирпичем. Так-то,— заключает он,— и нынешние алманашники, слышал я, мало имеют покоя». И обличает: «Оставя промысл своего Творца, да дьяволу работаете, безчинники».

Надо сказать, церковная проповедь была восстановлена на Руси именно Аввакумом и его единомышленниками, «боголюбцами», еще до

раскола. Насколько мы сейчас можем себе представить, проповедывать перестали на Руси сразу после того, как русская церковь освободилась от власти константинопольского патриарха, попавшего в зависимость от турок. Последним русским митрополитом, писавшим церковные проповеди, был грек Фотий в первой половине XV века. Дальше у московской «святой Руси» рот оказался для проповеди завязан. Аввакум, конечно, идеализировал прошлое, в частности времена «миленково царя Ивана Васильевича», Грозного. У Грозного он бы и пикнуть не успел, как его бы придушили или закололи, не то что написать целое собрание проповедей-сочинений и житие-автобиографию. Великая Русь обрела в церкви голос после Смутного времени.

Аввакум — один из возобновителей русской проповеди. Сопрягая, как и полагается в проповеди, вечное с настоящим, он дал русскому разговорному языку, как некогда Кирилл и Мефодий славянскому языку, необыкновенный простор — от небес до земли. Об очень им любимых Богородице и Христе он пишет следующим образом. Сказав, что «не бывает у дев молоко, дондеже с мужем во чреве не зачнет», Аввакум продолжает: «У Пречистыя Матери Господни и у Девы млеко бысть. Егда родила Бога-человека без болезни, на руках ея возлегша, сосал титечки Свет наш. Потом и хлебец стал есть, и мясца, и рыбку,— да все ел за спасение наше. И винцо пияше. Да не как веть мы объядением пиянством, нет, но — благоискусно дая потребная плоти, болши же в посте пребывая». Как видим, вечный образ у Аввакума материален, чувственен, нагляден, близок. Ощутимость того, о чем пишет протопоп Аввакум, и духовный простор над этой чувственно воспринимаемой художественной материей захватывают и чувства и дух. А при этом ведь язык Аввакума и традиционен, как это ни удивительно,— неразрывно связан с традиционной древнерусской книжностью. Его поняли бы древнерусские предшественники-предки, понимаем и ценим мы, в XX веке. Аввакума можно было бы назвать, как Пушкина, классиком и создателем языка и стиля «новой» русской литературы, если бы сразу следом за ним образовалась традиция. Но он был уничтожен, и его просторечному «ворчанию» предпочли традицию ученую западную, украинско-белорусскую, «алманашную». Ну и, можно сказать, завели всю русскую литературу надолго в тупик, из которого выход нашелся — благодаря усилиям пушкинского гения — лишь в девятнадцатом веке. И лишь в преддверии двадцатого века просвещенные россияне открыли неведомое им дотоле свое литературное богатство - Аввакума. Лев Толстой потрясен был им до слез.. У Аввакума стали учиться литературному языку Тургенев, Достоевский, Лесков... да я думаю, умные люди и до сих пор учатся и будут учиться, теперь уж по всему свету.

Но вернемся к текстам Аввакума и послушаем, как он в традиционно-поэтическом стиле обращается к собственной душе:

О, душа моя! Что за воля твоя,
иже ты сама в такой дальней пустыни,

яко бездомная ныне ся скитаешь,
и со зверми дивими житие свое имеешь,
ив нищете без милости сама себя изнуряешь,
жаждею и голодом ныне умираешь?

Почто создания Божия со благодарением не принимаешь?

Али ты власти от Бога на то не имеешь —
доступити сладости века сего и телесныя радости?

В самом деле, почему же он, протопоп Аввакум, не мог позволить себе чем-то поступиться ради «сладости века сего и телесныя радости»? Потому что (как он пишет в стиле поговорки) «Коли же кто изволил Богу служить, о себе ему не подобает тужить»? А что, разве его противники уж и Богу совсем не служили? Служили. В чем же разница? Разница в другом. Те покусились на древнерусскую традицию, на старину: «...и говорят сами, дияволом научени: как бы нибудь, лишь бы не по-старому! Ох, собаки! Чем вам старина помешала? Разве то тяжко, что блудить-тово не велят старыя святыя книги? Блуди, собака, блуди, отступник, баб уняток, а не замай старых святых непорочных книг пречистых!». «Припади, брате, к старине той гонимой всем сердцем и всею душею! Тут живот наш весь сокровен в Бозе, а ты лаешь, блядин сын, глаголя изумленные глаголы: подобает-де старыя книги править...».

В старину, получается, человеческая жизнь и Бог были, по Аввакуму, едины, а при нем возник разрыв между ними и с годами увеличивается: «Мните себе исправляти и под титлом исправления, чем далее, тем глубее во дно адово себе низводите. И тому мнимому вашему исправлению конца не будет, дондеже не останется в вас ни едина малейшая часть христианства».

Как чутко и характерно среагировал Аввакум на сделанную Никоном перемену в поминании царя во время литургии: «...благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшего государя нашего» и так далее вместо «Да помянет Господь Бог благородие твое во царствии Своем». Аввакум так комментирует перемену: «А царь-ет, петь, в те пори чается и мнит, бутто и впрямь таков, святее ево нет»; а раньше «не в лице говорили, именем его посылая во царство небесное: буде он и грешен, ино род его, царев, православен, а в роду и святой обрящется». Выражение почтения к роду царя — на это обратил внимание Аввакум — заменилось лестью ему самому.

Реформаторы, противники и гонители Аввакума, устремились от Прошлого к Будущему, каким они возжелали его видеть. А мечтали они, конечно, — помимо того, чтобы угодить своему государю, — обо всем хорошем для российских церкви и государства. Именно Будущему они приносили в жертву своих строптивых противников — жгли их, вешали, вырывали им языки, отрубали руки, гноили их в тюрьмах. Не в деталях церковной традиции, конечно, состояло существо дела, спора, разделившего русскую церковь, верующих русских людей. При

все-таки, я думаю, общей у них любви ко Христу, к Богочеловеку, Вечности-в-настоящем (это — существо христианской веры), они разошлись в отношении к Прошлому и Будущему. Ведь если и был какой-то смысл в никонианских разрушениях старых традиций, то, как теперь ясно, не собственно-церковный (ибо традиции эти почти все были более древни и чисты, нежели взятые Никоном за образец современные ему греческие). Смысл перемен был скорее международно-политический. Аввакум сам участвовал в дониконианской правке церковных книг и не был в принципе против всяких исправлений. Но только ради Вечности. Никониане же Прошлого приносили в жертву Будущему. Можно сказать, реформаторы отклонились от Вечности в сторону Будущего, а их противники, сделавшись консерваторами, естественным образом качнулись в противоположную сторону, к старине, Прошлому. Стране пришло время осваивать новое для нее духовное измерение, и русскую церковь трагическим образом раскололи «вектора второго порядка».

Заметим попутно, что для истории русской культуры любовь староверов к старине оказалась благословенной: именно староверы сберегли множество древнерусских книг, икон, одежд, обычаев. Археографы, например, хорошо знают, что в деревнях и селах, где нет и не было старообрядцев, искать материальные остатки древнерусской культуры, как правило, бесполезно.

Конечно, оказавшись преследуемы, гонимы, казимы, старолюбы Аввакумова поколения, да и позже, вкушали гораздо меньше «сладостей века сего и телесной радости», нежели их преследователи «никонияне». Но победили они, мучениками сделались бы «новолюбцы». «А что, государь-царь,—пишет Аввакум Алексею Михайловичу, еще не понимая, что тот от перемен в самом большом выигрыше,— кабы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во один день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрий Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона-того, собаку, разсекли бы начетверо, а потом бы никониян тех. Князь Юрий Алексеевич! (Это уже Аввакум подчиняется своему воображению). Не погрешим, не бойся, но и венцы небесные примем». «Дай-тко срок,— обещает он,— о Христе будут у меня и никонияня твои возлюбленные в руках, такие же что и ты, прелагатаи, блядины дети: всех вас развешаю по дубю». Страстный был человек протопоп Аввакум, загорающийся, вспыльчивый. Он и скоморохов бил, и их медведей, и домашних своих, и пасомых стегал. И ведь знал же он, что веру нельзя утверждать и исправлять насильно, сам писал: «Чудо, как то в познание не хотят прийти: огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! (...) Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить». А приди он, измученный, к власти, окажись у него воля и сила, он с его горячим характером, наверное, учинил бы такие казни

разорителей старых церковных обычаев и традиций, как обещал. Бог, можно сказать, его миловал.

Кстати сказать, сам Аввакум как раз так и считал, что Бог его всю его тяжелую жизнь миловал, и даже уверен был в особой своей к Нему близости. Он мог, например, сказать, как пророк: «Тако глаголет Дух Святыи мною грешным рабом своим...» (Замечу в скобках, что в данном случае, предсказывая царю Алексею Михайловичу «Сын твой после тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам...», он ошибался: воцарившийся после Алексея Михайловича Федор Алексеевич никого не распустил, а самого Аввакума в 1682 г. сжег). Аввакум, этот великий страдалец, несмотря на все свои страдания, а отчасти и благодаря им, был на редкость свободным и счастливым человеком. Он был счастлив в семье, уважал и любил свою жену, а она его. Один только раз заколебался Аввакум, говорить ли ему, или молчать, и причиной тому было сострадание к жене и детям, терпевшим несчастья из-за него; и жена, прошедшая с ним Сибирь, ответила: «...о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай...». У них было много детей. У Аввакума — еще и духовных детей (несколько сот), и учеников, и читателей. Он знал, что далеко расходятся из Пустозерска тайными путями его сочинения и доходят до читателей. Он получал ответы на свои послания, со вкусом доделывая, переделывая, совершенствуя свои словесные произведения, создавая их новые редакции. Работал как профессионал. И он узнал высокую радость творчества и удачи, и ничего не боялся, кроме своей совести. «Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну!». «Любо им, как молчу, да мне так не сошлось». И он сумел хорошо выговориться. Он сделал все, что мог, защищая старую веру. Он завидовал убитым, замученным за нее и мечтал сам отдать за нее жизнь. Аввакуму и это удалось.

Русский Север был использован властями, чтобы задушить и погубить протопопа Аввакума и других, недовольных новшествами. Северу отведена была роль могилы Древней Руси. Но вышло так, что Север стал гигантской «крестьянской библиотекой» древнерусских книг, кладовой древнерусской культуры XI—XX веков, скоро скажем: XI—XXI веков. На Север стремятся археографы, этнографы, музейщики, и все вывозят и вывозят богатые находки. Филиалом «северной крестьянской библиотеки» стало десятитысячное собрание рукописных книг Древлехранилища Пушкинского Дома в Ленинграде и становится сейчас собрание Сыктывкарского университета. Север теперь всей России помогает понять и углубить свое историческое измерение, вернуть и укрепить чувство Отечества. Могила Древней Руси стала драгоценностью новейшей России.

Пепел Аввакума стучит в наше сердце. Этот человек — и наша радость, и наша непроходящая боль. Такой уж человек случился в нашей истории и нашей литературе.

Г. М. ПРОХОРОВ

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком <Епифаном*, понеж отец ему духовной иннок, да не забвению предано будет дело Божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу, Богу нашему. Аминь.> 1

[ВСТУПЛЕНИЕ]

Всесвятая Троице, Боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими, яже ныне хочу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да добрыми делами просвещен, на судище десная ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, Владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю* Дионисия Ареопагита «О божественных именах»*, что есть Богу присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что виновные, сиречь похвальные. Сия суть сущие: Сый, Свет, Истинна, Живот; только четыре свойственных, а виновных много; сия суть: Господь, Вседержитель, Непостижим, Неприступен, Трисиянен, Триипостасен, Царь славы, Непостоянен, Огонь, Дух, Бог и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: «себе бо отвержение — истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение — сущаго отвержение есть; от сущаго же Бог испасти не может, и еже не быти — несть».

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо Божие испадением от истиннаго Господа, святаго и животворящаго Духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглись. Бог же от существа своего испасти не может, и еже не быти — несть того в нем: присносущен истинный Бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекасти, в нем же существо Божие содержится.

1 Текст, выделенный разрядкой, написан Епифанием и заключен им в круг. Он помещен на обороте листа, предшествующего автографу Аввакума. В автографе новой редакции В «вступлении» к «Житию» предшествуют фрагмент сопроводительного послания Аввакума некоему Алексею; выписки из поучения Дарофея о любви; собственноручный рисунок Аввакума с бранными подписями, карикатурно изображающий фигуры пяти основных врагов старообрядчества (патриарха Никона, митрополитов Павла и Илариона, греческих иерархов Паисия и Макария*); обращение Аввакума к читателям — «питомникам церковным»; новый вариант «понуждения» Епифания. Приводим два фрагмента из этих дополнительных текстов. (К местам, помеченным звездочкой (*), см. примечания в комментарии.)

[Из послания Аввакума Алексею]

Вот тебе, чадо мое возлюбленное, Алексей...* книга живота вечнаго*. Поминай мя в молитвах своих и старца не забывай Епифания: я писал, а он мне молитвами помогал. Над всем же сим благословит тя Господь, и Марью твою Пиминовну, и чад ваших, и снох, и внучаток, и сродников, и знаемых, и други, и другиня, и вся вас любящия. Еще же да будет всяк благословляти тя благословен, и проклинали тя — проклят. И да подаст ти Господь от влаги земныя и от росы небесных свыше*, и множа да умножит в дому твоём всяких красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхих, и ветхая от лица новых изринете*, сиречь всего изобильно и с остатками; дай вам Господи и хлеба, и мяса, и ры(бы).., (текст обрывается) (л. 3 — 3 об.).

[Из обращения к читателям]

Вот вам, питомникам церковным, предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов*. Авва Дарофей описал же свое житие ученикам своим, понуждая их на таяжде — поучение 4, лис (т) 49*; и я такожде, убеждая вашу любовь о Христе Иусе, Господе нашем, сказываю вам деемая мною, непотребным рабом Божиим <....> (л. 2 об.).

Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго*, света нашего, веруем, со Отцем и с Сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнею.

Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: «сей убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумев Христа и тем богоразумие стяжав, исступив убо себе, не сый в мирском их нраве и прелести, себя же весть трезвящися и изменена всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедствующе истинны ради, но и неведением скончевающися всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетельствуемы».

Сей Дионисий научен вере Христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не приитти в веру Христову, хитрость имый ищитати беги небесный*; егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы*. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: «дитя, али не разумеешь, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля и пагуба, аз пройдох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет*. Ищитати беги небесныя любят погибающий, понеже любви истинныя не прияша, воеже спастися им; и сего ради послет им Бог действо лъсти, воеже веровати им лжи, да суд примут не веровавший истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, 275*.

Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия Господня быв в Солнечней граде*, и виде: солнце во тьму преложилося и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилисья

черным видом*. Он же ко ученику глагола: «или кончина веку прииде, или Бог-Слово плотию стражет»; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечном знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны Бог положил не в пределах, яко ж и прочий звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет солнечный, то солнечное затмение за гнев Божий, к людям бывает. Егда ж бывает, от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей России бысть знамение: солнце затмилось в 162 году, пред мором за меняц или меныци*. Плыл Волгою-рекою архиепископ Симеон Сибирской*, и в полудне тьма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала, по Дионисию, являя Бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил и законы церковный, и сего ради Бог изливал фиал гнева ярости своя на Рускую землю*; зело мор велик был*, неколи еще забыть, вси помним.

Потом, минуи годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток, в час шестый, тьма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев Божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили*. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Иисусе Наввине во Израили. Егда Иисус секий иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полднях, ста Иисус крестообразно, сиречь расл ростре руке свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый-на-десять час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь*.

Он же Дионисий пишет о небесных силах*, росписует, возвещая, како хвалу приносят Богу, разделяйся деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от Бога приемлют и сие восклицают: благословенна слава от места Господня!* И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сия троица, славословя Бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По Алфавиту*, «аль» — Отцу, «иль» — Сыну, «уйя» — Духу Святому. Григорий Ниский* толкует: аллилуйя — хвала Богу; а Василий Великий* пишет: аллилуйя—ангельская речь, человечески рещи — слава тебе, Боже! До Василии пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя,

аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю — человеческую, сице; аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим Бога, а не четыржи, по римской бляди; мерско Богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже! Да будет проклят сице ноюще.

Паки на первое возвратимся. Третьяя троица: силы, архангели, ангели; чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: «свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполни небо и земля славы его!»* Зри: тричислено и сие воспевание*. Пространно пречистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именем Василию. Велика во «аллилуйи» хвала Богу, а от зломудрствующих досада велика,— по-римски святую Троицу в четверицу глаголют, Духу и от Сына исхождение являют*; зло и проклято се мудрование Богом и святыми. Правоверных избави Боже сего начинания злаго, о Христе Исусе, Господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: «иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единаго Бога в Троице и Троицу во Единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав Отец, ин — Сыновень, ин — Святаго Духа; но Отчее, и Сыновнее, и Святаго Духа едино Божество, равна слава, соприисноушно величество; яков Отец, таков Сын, таков и Дух Святой; вечен Отец, вечен Сын, вечен и Дух Святой; не создан Отец, не создан Сын, не создан и Дух Святой; Бог Отец, Бог Сын, Бог и Дух Святой — не три бози, но един Бог; не три несоздания, но един несозданный, един вечный. Подобие: вседержитель Отец, вседержитель Сын, вседержитель и Дух Святой. Равне: непостижим Отец, непостижим Сын, непостижим и Дух Святой. Обаче не три вседержители, но един вседержитель; не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей святей Троице ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три составы и соприисноусны суть себе и равны». Особно бо есть Отцу нерождение, Сыну же рождение, а Духу Святому исхождение: обще же им, божество и царство.

[Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении Бога-Слова к вашему спасению].² За благость щедрот излия себе от отеческих недр Сын-Слово Божие в Деву чисту Богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от Духа Свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и седе одесную величества на высоких и хочет паки приитти судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца. И сие смотрение в Бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися.

2 Скобки (квадратные) — в автографе.

[Совет отечь.]³ Рече Отец Сынови: «сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвеща другий: «сотворим, Отче, и преступит бо». И паки рече: «о едиnorodный Мой! о свете Мой! о Сыне и Слове! о сияние славы Моея! аще промышляеши созданием своим, подобает ти обещися в тлимаго человека, подобает ти по земли ходити, апостолы⁴ восприяти, пострадати и вся совершити». И отвеща другий: «буди, Отче, воля твоя!» И посем создася Адам. Аще хоцещи пространно разумети, чти Маргарит, Слово о вочеловечении; тамо обряцещи. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сиче всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай — осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию*. Сиче аз, протопоп Аввакум, верую, сиче исповедаю, с сим живу и умираю*.

[ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ]

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове*. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец нее мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видевав у соседа скотину умершу, и в нощи, восставше, пред образом плакавша довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом.

Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходити во церковь — имя ей Анастасия*. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божий тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место*.

Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живой в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, — тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство⁵.*

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране Сибирской проповедуя и уча слову Божию, — годов будет тому с полтретья-цеть*.

3 Скобки (квадратные) — в автографе.

4 Епифанием вместо заключенного им в скобки слова «апостолы» сверху вписано «плоть» (в автографе редакции В — также «апостолы»).

5 После этих слов в редакции В: а от рода на шестой десяток идет (л. 14).

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатиси девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробно возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо.

И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали! «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами,— красно, и бело, и сине, и черно и пёпелесо,— его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидя на нем отвещал: «твой корабль! На б, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох»*. У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе Божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя рассвирепел,— прибежав ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань: ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистолы, и Божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и Божия воля учинила так же,— и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а

б Епифанием исправлено на «да». В редакции В также—«на».

ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!»⁷ Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан*. Аз же, взяв ключку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит⁸, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле*. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу, Иванну*, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился — ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю.

Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари ⁹ и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другого о[т]пустил в поле*. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань* на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолубный образ*. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались*; а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была*. Так-то Бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя расвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним Святым Духом. Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батюшко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «дайте мне батька Аввакума! за него Бог меня наказует!»

7 После этих слов в редакции Б: Сердитовал на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; так ему было досадно (л. 11 об.).

8 После этих слов в редакции В: ...а сами, пошед, запели божественный песни, евангельскую стихеру большим роспевом: «На гору учеником идущим за земное вознесение предста Господь и поклонишася ему», всю до конца, а пред нами образ несли. Певцов в дому моем было много; поюще, со слезами на небо взираем, а провождающий жители того места, мужи, и жены, и отрочата, множество народа, с рыданием плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, поучение прочет и, благословя, на силу в дома их возвратил, а с домашними вперед побрели (л. 1 об.—18).

9 После союза «и» Епнфанием вписано «у» («ухари?»).

И я чаял, меня обманывают; ужасея дух мой во мне. А се помолил Бога сице: «ты, Господи, изведый мя из чрева матере моея, и от небытия в бытие мя устроил!»* Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским*; аще зарежут, и ты причти мя с Захариєю пророком*; а буде в воду посадят, и ты, яко Стефана Пермскаго, паки свободишь мя!»* и моляся, поехал в дом к нему, Евфимию.

Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «чюдно! давеча был блядин сын, а топер-ва — батюшко! Большо у Христа тово остра шелепуга та; скоро повинился муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногами моима, вопит неизреченно: «прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!»* А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «хощеши ли впредь цел быти?» Он же лежа, отвеща: «ей, честный отче!» И я рек: «востани! Бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой; и с женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби Христовы. Так-то Господь гордым противится, смиренным же дает благодать*.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдруго-ряд. Аз же сволокся к Москве*, и Божиєю волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного,— только осьмь недель; дьявол научил попов, и мужиков, и баб,— пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и, вытаща меня из приказа собранием,— человек с тысящу и с полторы их было,— среди улицы били батожем и топтали*; и бабы были с рычагами. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!»

Аз же, отдохня, в третьей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третьей ушел к Москве. На Кострому прибежал,— ано и тут протопопа ж Даниила изгнали*. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? А жена, и дети, и домочадцы, человек с дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита*. А прежде его приезде Стефан духовник, моля Бога и постясь седмицу с братьею,— и я с ними тут же,— о патриархе, да же даст Бог пастыри ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав

челобитную за руками*, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах*. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречу*: «преосвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всеа Русии радоватися», и прочая. Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да «здорово!». Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась.

Много о тех кознях говорить!¹⁰ Егда поставили патриархом*, так друзей не стал и в Крестовую пускать*. А се и яд отрыгнул; в пост великой прислал память к Казанской к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силено покойника место; да Бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. В намети Никон пишет: «год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились»*. Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хошет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов*,— седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас бысть* во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал; таже коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в ново-городских пределах*; потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вея где, скрыл их; мнит ми ся, Никону отдал*.

После тово вскоре схватав Никон Даниила в монастыре за Тверскими вороты*, при царе остриг голову и, содрав однорятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрьме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом*. Таже протопопа Неронова Иванна — в церкви скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острог*. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной,— принял три перста, да так и умер*. Ох, горе! всяк мняйся стоя, да блюдетя, да ся не падет*. Люто время, по реченному Господем, аще возможно духу антихристову прельстит и избранныя*. Зело надобно крепко молитися Богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

¹⁰ После этих слов в редакции В: Царь ево на патриаршество зовет, а он бытто не хочет*, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают* как чему быть, и много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество Божиим поущением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою (л. 22 об.),

Таж меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда ж россветало в день недельный*, посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря* и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чепи, не знаю—на восток, не знаю — на запад*. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно.

Бысть же я в третий день приалчен*,— сиречь есть захотел,— и после вечерни ста предо мною, не вем — ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал; похлебать,— зело прикусны, хороши! — и рекл мне; «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено.

На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне: «что патриарху не покорисья?» А я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы, дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза, плюют. Бог их простит в сии век и в будущий: не их то-дело, но сатаны-лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа* муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг 11 в обедню*. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом Христовым; а с чашею архимарит чудовской Ферапонт вне олтаря, при дверех царских стоял. Увы, рассечения тела Христова, пуши жидовскаго действия!* Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся-ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чудно! — растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздух. А в то время и царица в церкви была. На Логина возложили чепь и, таща из: церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря и кинули в полатку нагова, и стрельцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж Бог в ту ночь дал шубу новую да шапку, и на утро Никону сказали, и он, рассмеявся, говорит: «знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

11После этих слов в редакции В: ево овчеобразный волк (л. 26).

Посем паки меня из монастыря водили пешева на патриахов двор, также руки ростяня, и, стязався много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход' со кресты*, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкви стричь, и держали в обедню на пороге долго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирский приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрме. Спаси ево, Господи! и тогда мне делал добро*.

[ССЫЛКА В СИБИРЬ]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила,— больную в телеге и повезли до Тобольска*; три тысячи верст недель с тринацеть волокли телегами и водою и саньми половину пути*.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня¹²*. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня*, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь,— а я вечерню пою,— и вскочил в церковь, ухватил Антона на крыло-се за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил,— один он, Струна, в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочий, человек с дватцеть, вси побегоша, гоними Духом Святым. И покаяние от Струны прияв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят.

И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнанн быша и побегоша вспять*. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви начую, иное к воеводе* уйду¹³; а иное в тюрму просился,— ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах,— опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг*. Тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил.

12 Эта фраза в редакции В: Архиепископ Симеон Сибирской — тогда добр был, а ныне учинился отступник — устроил меня в Тобольске к месту (л. 28).

13 После этих слов в редакции В: Княиня меня в сундук посылала: «я-де, батюшко, нат тобой сяду, как-де придут тебя искать к нам». И воевода от них, мятежников, боялся, лишю плачет, на меня глядя (л, 28 об.— 29).

Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул*. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня*. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав*. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж граждана оплачют согрешение его. А сами три дня прилежне стужали Божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыко и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укоряю ересь Никонову*. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы в Верху*, а оба умерли в мор и с женами и с детьми: и многий друзья и сродники померли. Излиял Бог на царство фиял гнева своего!* Да не узнались горюны однако,— церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение*; то и сбылось во дни наша ныне. Но милостив Господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюсь на Христа: ожидаю милосердия Его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох,— поехал на Лену*. А как приехал в Енисейской*, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцетъ тысяч и больши будет от Москвы*. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк,— людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет*. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска*, как будем в Большой Тунгуске-реке*, в воду загрузило бурей дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало,— одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя*. А я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божию волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощени-ке двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманской порог*, навстречу приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и больши, пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж о[т]дать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге* стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поиде по горам, а с казаками не ходи!»

О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимый, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать*.

И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся Бога, сидящаго на херувимех и призирающаго в без[д]ны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человека, один ты презираешь и неудобство показуешь», — и прочая: там многонько писано: и послал к нему*. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, — версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне.

Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп?»; и аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?». Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног, и, чекан ухвата, лежачева по спине ударил трижды и, разболочки, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару, молитву говорил, да осреди побои вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам. Опустили¹⁴. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал.

Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!».

14 Перед «опустили» Епифанием вместо точки вставлено «и». В редакции В: «Спустили» (л. 34).

Бытто доброй человек — другой фарисей с говенною рожею,— со Владыкою судитца захотел! Аще Иов и говорил так*, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное*, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред Владыкою, и Господь-свет милостив: не поминает наших беззаконных первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуну,— река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает*,— меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине,— нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, на душе добро, не пеняю уж на Бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «сыне, не пренемагай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аще ли без наказания приобщается ему, то выблядки, а не сынове есте»*. И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог* и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста* в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу¹⁵: коли накормят, коли нет¹⁶. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батюшка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила Божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцетъ была

15 После этих слов в редакции В: ...на брюхе: на спине той нельзя было (л. 36 об.).

16 После этих слов в редакции В: Есть-тово после побои тех хочется, да веть-су неволя то есть: как пожалуют — дадут. Да бесчинники ругались надо мною: иногда одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное не вареной, иногда масла коровья без хлеба же. Я-таки, что собака, так и ем. Не умывался веть, да и кланяться не смог, лише на крест Христов погляжу, да помолитвую. Караульщики по пяти человек одаль стоят. Щелка на стене была,— собачка ко мне по вся дни приходила, да поглядит на меня: яко Лазаря во гною у вратех богатаго, пси облизаху гной его*, отраду ему чинили, так и я со своею собачкою поговаривал; а человецы далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют (л. 36 об.—37).

сослана от меня. Баба ей Ксенья мучила зиму ту всю,— лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери,— руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги, я одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке* по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был,— и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третье тонул. Барку от берегу оторвало водою,— людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: «Владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што веть делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в суммах; все с тех мест перегнило — наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака тово!» Так она, надежа, уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня-озера*; волок тут,— стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанята не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок¹⁷.

17 После этих слов в редакции В: У людей и собаки в подпрышках, а у меня не было; одинова лишю двух сынов,— валеньки еще были, Иван и Прокопей,— тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто: насилу, бедные, и перебрели. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила; а дочь Огрофена брела, брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленьку тащили. И смех и горе, как по-мяцутся дние оны: робята-те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и оне, съедши, опять лямку потянут; и кое-как перебились волок, да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба Мамврийска*. Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, дондеже натешился, и мы неделю-другую мерзли под сосною с робяты одны, кроме людей, на бору, и потом в засеку пустил и указал мне место. Так мы с робяты огородились, балаганец сделав, огонь курили и как до воды домаялись... (л. 39 — 39 об.).

Весною на плотах по Ингоде-реке* поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работных водяных бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет!¹⁸ Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился! У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила,— по-русскому рублев в полтретьяцеть* и больши потамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулись, на Нерче-реке* живучи, с травною перебиваячюся. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять,— осталось небольшое место; по степям скитающюся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит — всякую скверну.

Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла,— все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех*, а с прочими, скитающюся по горам и по острому камению, наги и боси, травною и корением перебиваячюся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечым звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез*, да оке оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сладьми?*

Но помогала нам по Христе болярня, воеводская сноха, Евдокея Кири-ловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево,— иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму из корыта нагребет*. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех!— иногда ребенка погонят от окна без ведома боярнина, а иногда и многонок притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов,— девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваячюся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят*. Да што же делать? пускай,

¹⁸ После этих слов в редакции В: ...и без битья насилу человек дышит. С весны по одному мешку солоду дано на десеть человек на все лето, да петь работай, никуды на промысел не ходи. И вербы, бедной, в кашу ущипать сбродит — и за то палкою по лбу: не ходи, мужик, умри на работе! Шесть сот человек было, всех так-то перестроил (л. 40 — 40 об.).

горькие, мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божиею помощью. На том положено, ино мучитца¹⁹ веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавый»*. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы,— сенные ево любимые были,—Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, что ничто же успеваает, но паче молва бывает*,— зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, Бога моля; послушает тебя Бог». И я ему отвещал: «Господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть Богу». Взял их, бедных. Простите!

Во искусе то на Руси бывало — человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действием и повелением Бога живаго и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила Божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему,— ни никако же,— но по вере приходящих. Древле благодать действовавшие ослом при Валааме, и при Улияне мученике — рысью, и при Сисинии — оленем: говорили человеческим гласом*. Бог идеже хочет, побеждается естества чин*. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящещи: и блудница мертваго воскресила*. В Кормчей* писано: не всех Дух Святой рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует.

Таже привели ко мне баб бешаных: я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал; и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся Богу; любят меня и домой не идут. Сведал он, что мне учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пущи старова,— хотел меня в огне жжечь: «ты-де выведываешь мое тайны!» А как петь-су .причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от веть не мужик: батага не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею.

В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так,— не брегут о исповеди; а нам, православие блюдушим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и Бог простит тя, покаяние твое виде, и тогда с правильном причащайся святых тайн. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви,

¹⁹ В автографе «ино мучитца» повторяется дважды.

вздохня пред Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле пред образом Христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и и сусудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадиллом вся покади, поплавав, глаголи: «верую, Господи, и исповедаю, яко ты еси Христос Сын Бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслиго, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки Богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после тово, ино хорош. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пуци и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним Чернова попа, и оне ево дровами бросают,— и поволокся прочь. Я дома плачу, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало. Прибтели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя Христово маслом, так опять, дал Бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибежали тайно молитца Богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правильна держатца²⁰. На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились*. Слава о них Богу!

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе*. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не посеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится,— кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришол,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохни, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

²⁰ После «держатца» Епифанием вписано: «стали».

Курочка у нас чернёнька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом, И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет, Ни курочка, ни что чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней — плюново дело, железо! А та птичка одушевлен[н]а, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони* куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал — помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней и отслал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племянн и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козьма и Дамиян человеком и скотом благоденствовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Иргень-озеро. Бояроня пожаловала,— прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон — там родился, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение, и я, крестом благословя и водою кропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердился ж на нея, и меж нами пря велика стала быть. Младенец пуци занемог; рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а Бог пуци угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «коли баба лиха, живи же себе одна!»

А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый Бог, умяхчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне,— со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяясь около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет,— всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощения просить у Орефы-колдуна». Потом и больнова принесли, велела перед меня положить; и все плачют и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель и масло священное нашол. Помоля Бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал Бог, и опять здоров стал,— с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Видь,

слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть?— не сегодня кающихся есть Бог! На утро прислала нам рыбы да пирогов, а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирились. Выехав из Даур, умерла, миленькая, на Москве; я и погребал в Вознесенском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца,—она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенько мне, а сам говорит: «спаси Бог! отечески творишь — не помнишь нашева зла». И в то время пици довольно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытатъ; слушай, за что. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство* воеватъ,— казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек,— и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Волхв же той мужик, близ моегого зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призыватъ и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «удастся ли поход?» И беси сказали: «с победою великою и с богатством большим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуяся говорят: «богаты приедем!» Ох, душе моей тогда горько и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «Господи, хочещи ли, рече, да огонь снидет с небесе и потребит их, яко же и Илия сотвори". Обращъ же ся Исус и рече им: «не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь»*.

А я, окаянной, сделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко Господу: «послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный, свет, послушай меня! да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем! приложи им зла, Господи, приложи*, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же Бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне; а я им говорю: «погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужас на всех напал. Еремей вестъ со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолился за меня. И мне ево стало жаль. А се друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погнался за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник,— снасть добрая была, и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести,— взяла силу вода, паче же рещи — Бог наказал!

Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в него не идет. Чудо, как то Бог безумных тех учит! Он сам на берегу, боярня в дощенике. И Еремей стал говорить: «батюшко, за грех наказует Бог! напрасно ты протопопа тово кнутом тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «Господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую пищаль,— никогда не лжет,— приложася на сына, курок спустил, и Божию волею осеклася пищаль. Он же, поправля порох, опять спустил, и паки осеклася пищаль. Он же и в третьи так же сотворил; пищаль и в третьим осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил — так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит.

Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався и плакать стал, а сам говорит: «согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну*, напрасно протопопа бил; за то меня наказует Бог!» Чюдно, чюдно! по писанию: яко косен Бог во гнев, а скор на послушание*,— дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды; потянули, он и взбежал на тихое место тотчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолвил ему: «прости, барте, Еремей, правду ты говоришь!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «Бог тебя, государя, простит! я пред Богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по писанию и надобе так: Бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника,— тут был,— Григорей Тельной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны,— не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огонь росклат — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы проговорил; ведаю ево стряпанье,— после огня тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачущей и детям говорю: «воля Господня да будет! Аще живем, Господеви живем; аще умираем, Господеви умираем»*. А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело Господне и неизреченны судьбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моего едет, и палачей вскричал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклонясь со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил семь дней,— одну съел белку,— и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать; он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел. Егда он отцу рассказывает, а я пришел в то время по-клониться им. Пашков же, возвед очи свои на меня,— слово в слово что медведь морской белой,

жива бы меня проглотил, да Господь не выдаст!— вздохня, говорит: «так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!» А Еремей мне говорит: «батюшко, поди, государь, домой! молчи для Христа!» Я и пошел²¹, Десять лет он; меня мучил* или я ево — не знаю; Бог разберет в день века.

[ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУСЬ]

Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы»²². Он в дощениках со оружием и с людьми плыл, а слышал я — едучи, от иноземцев дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и больных, и раненых, кои там негодны, человек с десятков, да я с женою и с детьми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали*, амо же Бог наставит, ничево не бояся²³. Книгу Кормчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моей головы искал; в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще Бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу,— пускай ево, беднова!—либо покаются о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая. Сего не хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су,— простите!—своровал: яко Раав блудная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево*, положи на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на

21 После этих слов в редакции Б: ничево не говоря,— Христом запечатлел уста моя Еремей! (л. 39).

22 Вместо: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы*— в редакции В: умышлял во уме, чаял, меня без него и не вынесет Бог. А се и сам я убоился с ним плыть; на поезде говорил: «здесь-де земля не взяла, на дороге-де вода у меня приберет». Среди моря бы велел с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадел (л. 52 об.).

23 После этих слов в редакции В: А во иную-су пору и боялись, человецы бо есмы; да где жо стало детца, однако смерть! Бывало то и на Павла апостола; сам о себе свидетельствует сине: «внутри убо страх, а вне убо боязнь»; а в ыном месте: «уже бо-де не надеяхомся и живи быти, но Господь избавил мя есть и избавляет»*. Так-то и наша бедность: аще не Господь помогал бы, в мале вселися бы во ад душа моя. И Давид глаголет: «яко аще не бы Господь в нас, в негда востати человеком на ны. убо живы пожерли быша нас»*, но Господь всяко избавил мя есть и до ныне избавляет; мотаюсь, яко плевел посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инде-су посреде волков, яко овечка, или посреде псов яко заяц, всяко перебиваеься о Христе Исусе. Но грызутся еретики, что собаки, а без Божьи воли проглотить не могут. Да воля Господня — что Бог даст, то и будет. Без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе то сделать и с чем бы появиться пред Владыку, а то умрем всяко. Полно о сем (л. 52 об.—53 об.).

нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули,— лишю говорят: «матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» А я,— простите Бога ради,— лгал в те поры и сказывал: «нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да я раб Христов, простите же меня, что я лгал тогда. Каково вам кажется? не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же сделала, да писание ея похваляет за то. И вы, Бога ради, порассудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к Богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

<Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружью твою Анастасию, и дочь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь. >24

Добро, старец, спаси Бог на милостыни! Полно тово²⁵.

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мяско иссуша; и тем лето питались, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была,— после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил и детей крестил с кумом — с прикащиком, да дочь моя большая — кума, а я у них поп. Тем же обрасцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своей; есть о том в правилех,— велено так делать. А что запрещение то отступническое*, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою,— дурно молыть!— гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр, и Алексей, и Иона, и Филипп*,— я по их книгам верую Богу моему чистою совестью и служу; а отступников отрицаюся и клену,— враги оне Божий, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою воровскую никониянскую клятвою их. А што много говорить?

24 Приписка Епифания.

25 В редакции Б вместо слов: Да друга моего выкупил... полно тово.— Да друга своего ябедника вывес, которой моя головы там искал научением сатаны. Хотели ево после Пашкова войским убить; так я его отпросил у них; пожаловали, отдали мне, и я ево, кормя, вывес на Русь. Не слаще и он мне, Василей, Пашкова там был; в иную пору, бьючи меня, на рожен было посадил; да Бог ево простит! Надобе Евангелие помнить реченное: «любите враги ваша и благотворите»* и прочая.

Плюнуть на действо то и службу ту их, да и на книги те их новоизданныя,— так и ладно будет! Станем говорить, како угодити Христу и пречистой Богородице, а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хотите. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуετε-подбиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столько же Бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о Господе Бозе и Спасе нашем Иусе Христе! А затем сколько Христос даст, только и жить. Полно тово,— и так далеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали из Даур, стало пищи скудять и с братнею Бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зверя,— тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухвата, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; Никона отступника простил, как бы он покался о блудни своей ко Христу; ино лиха не та птица: залетела в пыстыя дебри не-проходимыя, возвратитися не хочет; питается червми и змиями и на селах рожцы ядше со свиниями, а ко отцу возвратитися не хочет и не уйдет от руки Господни. Пушай его еще поиграет! Полно тово (л. 40 — 40 об.). плачют, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «вот, батюшко, на твою часть Бог в запоре нам дал,— возьми себе всю!» Я, поклонись им и рыбу благословя, опять им велел взять: «на што мне столько?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись*: не больно о том месте широко,— или со сто, или с осьмьдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки,— двадцеть тысяч верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы,— все богоделанно. Лук на них растет и чеснок,— больши романовскаго* луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленныя, а во дворах тразы красныя — и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей,— по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем*: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо,— нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово, света, наделано для человек, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал. А человек, суετε которой уподобится, дние его, яко сень, преходят*; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; съестъ хочет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукаует, яко бес*; насыщаяся довольно, без правила спит; Бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет, или во

тму,— день судный коегождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевае, но паче молва бывает*. Опечался, сидя, рассуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово Божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печальна, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорит[ь] ли мне или молчать? — связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я,— ты же читал,— апостольскую речь „привязался еси жене, не ищи разрешения; егде отретишися, тогда не ищи жены"*». Аз тя и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже Бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович,— обличай блудную еретическую!» Я-су ей за то челом и, отряспе от себя печальную слепоту, начах по-прежнему слово Божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никония[н]скую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал и паки, лето пльвише, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедае слово Божие, и уча, и обличая безбожную лесь. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур*, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземских руках. На Оби, великой реке, предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше-реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена мод также с ними лицемеритца, как в мире лесь совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали,— медведей я у них накупил,— да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкирцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье,— Иван Богданович Камынин*, друг мой, дивится же мне: «как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес, и пречистая Богородица провела; я не боюсь никою; одново боюсь Христа».

[«МОСКОВСКОЕ БЫТИЕ»]

Таже к Москве приехал, и, яко ангела Божия, прияша мя государь и бояря,— все мне ради. К Федору Ртищеву зашел*: он сам из полатки выскочил ко мне, благословился от меня, и учили говорить много-много,— три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца Бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «жив Господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит Бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря после ево челом да челом: «протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобретаю*, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено («блюдися, от меня да не полма растесан будеши»)26. Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют, Боже мой!» Был я у заутрени в соборной церкви на царевнины имянины,— шаловал с ними в церкви той при воеводах; да с приезде смотрил у них просвиромисания дважды или трожды, в олгаре у жертвеника стоя, а сам им ругался; а как привык ходить, так и ругатца не стал,— что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет поужал и рече ми: «по толиком страдании погибнуть хочешь? блюдиися, да не полма рассеку тя!»* Я и к обедне не пошел и обедать ко князю пришел и вся подробну им возвестил. Боярин, миленькой, князь Иван Андреевич Хилков, плакать стал. И мне, окаянному, много столько Божия благодеяния забыть?27*

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут, и льды толсты намерзают,— блиско человека толщины; пить мне захотелось и, гораздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верст с осьмь; стал, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый из камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда

26 «Возвешение» в автографе заключено в скобки (квадратные)— оно повторено ниже, где смысл его поясняется Аввакумом.

и днесь ты еси!* напой меня, ими же веси судьбами, Владыко, Боже мой!» Ох, горе! не знаю, как молить; простите, Господа ради! Кто есмь аз? умерый пес! Затрещал лед предо мною и расступился, чрез все озеро сюду и сюду и паки снидися: гора великая льду стала, и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте* и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне Бог пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу и радуюся, благодаря Бога. Потом и пролубка содвинулася и я, встав, поклоняся Господеви, паки побежал по льду куды мне надобе, к детям.

Да и в прочие времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и заутреню, или часы — што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любят, а идучи мне нельзя было исполнить, и я, отступя людей под гору или в лес, коротенько сделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складеи-ки поставя, правнльца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало, и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я хотя немнош-ко, а таки поворчу. Яко же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад великий человеку — Бога не моля, жити*.

Бывало, отче, в Даурской земле,— аще не поскучите послушать с рабом тем Христовым, аз, грешный, и то возвещу вам,— от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, только павечернишныя псалмы, да полунощницу, да час первой, а больши тово

27 Этот абзац в редакции В читается так: А се мне в Тобольске в тонце сне страшно возвещено было. Ходил в церковь большую и смотрил в олтаре у них действия, как просвиры вынимают: что тараканы просвиру исщиплют. И я им говорил от Писания и ругался их безделью. А егда привык ходить, так и говорить перестал: что жалом ужалило, молчать было захотел. В царевнины имянины, от заутрени пришел, взвалился. Так мне сказано: жаль-де и ты по толиких бедах и напастех соединишься с ними? блюдися, да не полма растесан будешь!» Я вскочил во ужасе велице и пал пред иконою, говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют!» Да и не пошел к обедне к той церкви. Ко иным ходил церквам, где православное пение, и народы учил, обличая их злобесовное и прелестное мудрование (л. 57—57 об.).

ничево не стало; так, что скотинка, волочюсь; о правиле том тужу, а принять ево не могу; а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачут. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу — зело робенок рыдает; связавшуся языку ево, ничево не промолыт, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «о имени Господни повелеваю ти: говори со мною! о чем плачешь?». Она же, вскоча и поклоняся, ясно загозори-ла: «не знаю, кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала, а мне он говорит: „скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он и сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет"». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет и сколько друзей первых на Руси заедем*,— все так и сбылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и заутрени пел, так Бог ведро даст, и хлеб родится, а то были дожди беспрестанно; ячменцу было сеено небольшое место — за день или за два до Петрова дни,— тотчас вырос, да и сгнил было от дождей. Я ему про вечерни и заутрени сказал, и он и стал так делать; Бог ведро дал, и хлеб тотчас поспел. Чюдо-таки! Сеен позд[н]о, а поспел рано. Да и паки, бедной, коварничать стал о Божиим деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излился, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала, и иноземцы дивятся. Виждь: как поруга дело Божие и пошел строною, так и Бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схватился, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия помнить и не забывать, всякое Божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молчал*. И я потешил ево: царь-то есть от Бога учинен, а се добренек до меня,— чаял, либо помаленьку исправится. А се посулили мне Снмеонова дни сесть на Печатном дворе книги править*, и я рад сильно, мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублей денег, царица десеть рублей же денег, Лукьян духовник* десеть рублей же, Родион Стрешнем десеть рублей же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублей казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных печева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы Христовы! И у Анны Петровны

Милославские покойницы всегда же в дому был*. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто осе успеваает, но паче молва бывает*, — паки за« ворчал, написав царю многонько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую — святую Церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волка и отступника Никона, злодея и еретика*. И егда письмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым, что после отступники удавили его, Феодора, на Мезени, повеся на виселицу*. Он же с письмом приступил к цареви корете со дерзновением, и царь велел ево посадить и с письмом под Красное крыльцо, — не ведал, что мое; а опосле, взявше у него письмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать²⁸. Там Павел архимарит* и железа на него наложил, и Божию волею железа рассыпалися на ногах предлю[дь]ми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулись и архи-мариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить: любо им, как молчю, да мне так не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби Христовы многие приходили ко мне и, уразумеvше истинну, не стали к прелес[т]ной их службе ходить*. И мне от царя выговор был: «власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайлович Салтыков*. Да и повезли на Мезень*. Надавали было кое-чево во имя Христово люди добрые много, да все и осталось тут; токмо с женою и детьми* и с домочадцы повезли. А я по городам паки людей Божиих учил, а их, пестро-образных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтара года держав, паки одново к Москве взяли*, да два сына со мною, — Иван да Прокопей, — съехали же, а протопопица и прочий на Мезени остались все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь*. И туды присылка была, — тож да тож говорят: «долго ли тебе мучить нас? соединишь с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза!

28 После этих слов в редакции В: Я пред царем стою, поклоняюсь, на него гляжу, ничего не говорю; а царь, мне поклоняюсь, на меня, стоя, глядит, ничего ж не говорит. Да так и разошлись; с тех мест и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начал послал. Да и комнатные на меня ж: «ты-де не слушаешь царя», да и власти на меня ж: «ты-де нас оглашаешь царю, и в письме своем бранишь, и людей-де учишь ко церквам, к пеню нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать (л. 60 об.).

Скаску им тут с бранью с большою написал* и послал с дьяконом ярославским, с Козьмою, и с подьячим двора патриарша. Козьма та не знаю коего духа человек: въяве уговаривает*, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «протопоп! не отступай ты старова тово благочестия; велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопровтив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево, горюна; больши тово нечева мне делать с ним; ведает то Бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чеши, взяли меня паки в Москву²⁹ и в Крестовой, стязався власти со мною*, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора*, потом и проклинали; а я их проклинал сопровтив; зело было мятежно в обедню ту тут! И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь*. И бороду враги Божии отрезали у меня. Чему быть? волки то есть, не жалеют овцы!³⁰ оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу³¹. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, — что на них и пенять! Не им было, а быть же было иным*; писанное время пришло по Евангелию: «нужда соблазнам прийти»*. А другой глаголет евангелист: «невозможно соблазнам не приитти, но горе тому, им же приходит соблазн»*. Виджь, слышателю: необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попускает Бог, да же избрани будут, да же разжсгутся, да же убелятся, да же искуснии явлении будут в вас. Выпросил у Бога светлую Росию сатона, да же очервленил ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель*. Тут мне Божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши*. И царь приходил в монастырь; около темницы моя походил и, постонаи, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля Божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение в Верху* у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленькая; напоследок и от казни отпросила меня*. О том много

29 Епифанием исправлено: «на Москву». После этих слов в редакции В: свезли томнова человека, посадя на старую лошедь. Пристав созади — побивай, да побивай. Иное вверх ногами лошедь в грязи упадет, а я через голову. И днем одним перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы (л. 62—62 об.).

30 Епифанием изменено на «рвец».

31 Вместо этой фразы в редакции Б: Дети, чему быть? волки то есть. Коли волк овцы жалеет? Оне бы и мясо то мое съели. Да еще то, кажется, царь-ет вдруг не выдаст. А какое царь? Бог до времени снабдевает. Как будет время, так вдруг проглотят. Да буди же воля Господня (л. 46—46 об.).

говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Диявол между нами рассечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской, бедной, князь Иван, тут же без царя молитца приезжал*; а ко мне просился в темницу; ино не пустили горюна; я лишю, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! боится Бога, сиротинка Христова; не покинет ево Христос! Всегда-таки он Христов да наш человек. И все бояря те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь сделаешь, коли Христос попустил! Князь Ивана миленькова Хованскова и батожьем били*, как Исайю сожгли*. А боярню ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат*; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленьких! Мучася³², небеснаго жениха достигнут. Всяко то Бог их перепроводит век сей суетный, и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше!³³ Паки на первое возвратимся³⁴.

32 Епифанием изменено на «мучат» (то есть читалось бы: «Пускай их, миленьких, мучат!»).

33 Вместо последней фразы в редакции Б: Красные и светлые боярони в русской земли явились; не токмо славы, но и плоти своей и деток не пощадили, да Христа приобряшут, пускай Христос своих собирает к себе! Умер же бы Иванушко всяко, а то мученик Христов Морозовых бояр. Исповедал ево-света в темнице, на Москве бывше, и причастил тела Христова, яко непорочного агнца. Добро, полно тово. Любо мне, что за Христа умирают, я их тому и учил, Что по них и тужить? Слава Богу о всем (л. 48 — 48 об.).

34 Вместо двух последних абзацев в редакции В: И, подержав на патриархове дворе, вывели меня ночью к Спальному крыльцу*; голова досмотрит и послал в Тайнишные водяные ворота*. Я чаял, в реку посадят, аио от тайных дел шнш антихристов стоит, Дементий Башмаков*, дожидается меня, учал мне говорить: «протопоп, велел тебе Государь сказать — не бось-де ты никово, надейся на меня!» И я ему поклонись, а сам говорю: «челом,— реку,— бью на ево жалованье; какая он надежа мне! надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: «не надейтесь на князя, на сыны человеческая, в них же несть спасения»*, и прочая.

Таже полуголова Осип Салов со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь; посмотрю — ано предо мною и дьякона тащат. Везли болотами, а не дорогою, до монастыря, и, приезде, в полатку студеную над ледником посадили, и прочих — дьякона и попа Никиту суздальскаго — в полатках во иных посадили, и стрельцов человек с дватцет с полуголовою стояли. Я сидел семнатцет недель, а оне, бедные, изнемогли и повинились, сидя пятнадцатъ недель; так их в Москву взяли опять*, а меня паки в Пафнутьев перевезли и там в полатке, сковав, держали близко с год. А как на Угреше бы, тамо и царь приходил и, посмотря, около полатки вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял, и с ним кое-што говоря про меня, да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да видишь, Богу уш то надобно так. Опосле и Воротынской князь Иван в монастырь приезжал и просился ко мне, так не смели пустить; денег, бедной, громаду в листу подавал, и денег не приняли.

После, в другое лето, на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в корете нароком мимо меня, и благославил я ево, миленькова. И все бояря те добры до меня, да дьявол лих. Хованскова князь-Ивана и батогами за благочестие били в Верху, а дочь ту мою духовную Феодосью Морозову, и совсем разорили, и сына ея Ивана Глебовича уморили, и сестру ея, княгиню Евдокею Прокопьевну, дочь же мою духовную, с мужем и с детьми, бивше, розвели и ныне мучат всех; не велят веровать в старова Сына Божия Спаса-Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединишь с ними в преисподний ад! Полно тово.

В Никольском же монастыре мне было в полатке в Вознесениев день Божие присещение; в Цареве послании писано о том — тамо обрящещи* (л. 62 об.—64 об.).

Посем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без мала*. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был. был³⁵. А се бедной больше тово же табаку испил, что у газскаго митрополита выняли напоследок 60 пудов, да домру, да иные тайные монастырские вещи, что поигравше творят*. Согрешил, простите; не мое то дело: то ведает он; своему владыке стоит или падает*. К слову молвилось. То у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросился я на велик день* для праздника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришел, разболелся: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понедельник светлой.

И в ноши против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадиллом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу,— идучи говорит: «блаженна обитель,— таковыя имеет темницы! блаженна темница — таковых в себе имеет страдальцов! блаженны и юзы!»* И пал предо мною, ухватился за чепь, говорит: «прости, Господа ради, прости, согрешил пред Богом и пред тобою; оскорбил тебя,— и за сие наказал мя Бог». И я говорю: «как наказал? повеждь ми». И он паки: «а ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял,— что-де запираешься!» А келейник, тут же стоя, говорит: «я, батюшко-государь, тебя под руку вывел из кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе: «или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келарства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отъиде к себе и на утро за трапезою всей братье сказал. Людие же

35 После этих слов в редакции В: в первом году, а в другой привоз ожесточал, горюн, задушил было меня, заваялял и окошка и дверь, и дыму негде было итти. Тошнее мне было земляные тюрьмы: где сижу и ем, тут и ветхая вся срание и сцание; прокурить откутают, да и опять задушат. Доброй человек, дворянин, друг, Иваном зовут, Богданович Камынин, вкладчик в монастыре, и ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье, и все без указа розломал, так мне с тех мест окошко стало и отдух (л. G4 об.—65 об.).

бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, просяще благословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и пользую словом Божиим; в те времена и врази кои были, и те примирились тут. Увы! коли оставлю суетный сек век? Писано: «горе, ему же рекут добре вси человецы»*. Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил Бог! То ведает он,— воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай с детьми моими Феодор покойник, удушенной мой*, и спрашивался со мною: «как-де прикажешь мне ходить — в рубашке ли по-старому или в платье облещись? — еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня,— реткой день, коли плетьми не бьет, и скована в железах держал, принуждая к новому антрихристову таинству*. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача, говорю: „Господи! аще не избавишь мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотворишь?» — И много плачючи говорил.— «А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де Богу поклоняюсь, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по большой дороге, к Москве напрямик! Егда-де россветало,— ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали — не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду-таки впредь. Помале-де оне едут навстречю ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын,— где-де ево возьмешь! Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел: туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» — И я ему, грешной, велел вздеть платье³⁶. А однако не ухоронил от еретических рук — удавили на Мезени, повеся на виселицу. Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Детушки миленькие мои, пострадали за Христа! Слава Богу о них!

Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродствует, а ношь всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полгода на Москве,— а мне еще не моглося,— в задней комнатке двое нас с ним, и, много час-другой, полежит да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу— иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «долго ли тебе, протопоп, лежать тово, образумься,— веть ты поп! как сорома нет?» И мне неможется, так меня подымает, говоря; «встань³⁷, миленькой батюшко,— ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен, миленькой, был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин³⁸. Неможет, а кишки перемеряет. И смех с ним и горе! На Устюге пять лет беспрестанно мерз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне

36 В место этой фразы в редакции В: Я, подумав, велел ему платье носить и посреде людей таяся жить (л. 68).

учинился сын духовной, как я из Сибири ехал. У церкви в полатке,— прибежал молитвы ради,— сказывал: «как-де от мороза тово в тепле том станешь, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает»,— по кирпичью тому ногами теми стучает, что коченьем, а на утро и опять не болят. Псалтырь у него тогда была новых печатей в келье,— маленько еще знал о новйзнах; и я ему рассказал подроб-ну про новья книги; он же, схватив книгу, тотчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча была вера!³⁹ Да что много говорить?— как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончался боголепне⁴⁰.

Хорош был и Афонасьишко* миленькой, сын неже мне духовной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и яко хлеб сладок принесся святей Троице⁴¹. До иночества бродил босиком же

37 Епифанием добавлено: «ж».

38 После этих слов в редакции В: от тяготы зимняя и от побои (л. 68 об.).

39 Епифанием порядок слов изменен: «вера была».

40 Вместо: Псалтырь у него тогда была... и скончался боголепне.— в редакции В: Отец у него в Новгороде богат гораздо, сказывал мне, мытоимец-де, Феодором же зовут, а он уроженец мезеньской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог изволил, и удавили его на виселице отступники у родни на Мезени. А уродствовать тово как обещался Богу, да солгал, так-де морем ездил на ладье к городу с Мезени, и погодою било нас, и не ведаю-де, как упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел: голова в воде, а ноги вверху, и на ум-де взбрело обещание: яко не солгу, аще от потопления мя Бог избавит. И нечем-де, кто силен — выпехнул меня из воды на палубы; с тех-де мест стал странствовать. Домой приехав, житие свое девством прошел, Бог изволил. Многие борьбы блудныя бывали, да всяко сохранил Владыко; слава Богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже скончал свой подвиг: как-то еще мы до пристанища доедем? Во глубине еще пловем, берегу не видеть, грести надобе прилежно, чтоб здорово за дружиною в пристанище достигнуть. Старец, станем много спать: дьявол около темниц наших бодро зело ходит, хочется ему нас гораздо, да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа своего, Творца и Содетеля и Владыки; а дьявол — какая диковина, чево ево боятца! Боятца подобает Бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем (л. 68 об.— 69 об.).

41 После этих слов в редакции В: Павел Крутицкой* за бороду ево драл и по шокам бил своими руками, а он истиха писанием обличал их отступление; таж и плетьюми били и, муча всяко, кончали во огне за старую нашу христианскую веру. Он же скончался о Христе Иисусе, после Феодорова удавления два года спустя. И Лука Лаврентиевич сын же мне был духовной, что на Мезени вместо с Феодором удавили те же отступники, на виселице повеся; смирен нрав имел, покойник: говорил, яко плакал, москвитин родом, у матери вдовы сын был единочаден, сапожник чином, молод леты — годов в полтретьятцеть — да ум столетен. Егда вопроси его Пилат: «как ты, мужик, крестисься?» — он же отвеца: «как батюшко мой, протопоп Аввакум, так и я крещуся». И, много говоря, предаде его в темницу; потом с Москвы указали удавить, так же, что и Феодора, на виселице повеся; он же и скончался о Христе Иисусе. Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, да же бы и нам о Христе подвиг сей мирно скончати. Полно мне про детей тех говорить, стану паки про себя сказывать (л. 70 — 70 об.).

в одной рубашке и зиму и лето; только сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молвит,— и у него слова тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле Божий болезнен; всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Иусе, Господе нашем.

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов⁴², поставили перед вселенских патриархов*, и наши все тут же, что лисы, сидели,— от Писания с патриархами говорил много; Бог отверз грешные мое уста*, и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «что-де ты упрям? вся-де наша Палестина,— и серби, и албанасы, и волбхи, и римляне, и ляхи,— все-де трема персты крестятся, один-де ты стоишь во своем упорстве и крестисься пятью персты!—так-де не подобает!»* И я им о Христе отвечал сице: «вселенстии учителяе! Рим давно упал и лежит несклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша христианом. А и у вас православие пестро: стало от насилия турскаго Магмета*,— да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте; к нам учитца: у нас, Божию благодатию, самодержство.

До Никона-отступника в нашей Росии у благочестивых: князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна*. Никон-волк со дьяволом предал» трема персты креститца; а первые наши пастыри яко же сами пятью персты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших Мелетия Антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа Киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека*. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая персты креститися и благословляти повелевает, яко ж прежний святии отцы Мелетий и прочий научиша*. Тогда при царе Иване быша на соборе знаменосцы Гурий и Варсонофий, казанские чюдотворцы, и Филипп, соловецкий игумен, от святых русских»*. И патриарси задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не учоные-де люди были,— чему им верить? Они-де грамоте не умели!» О, Боже святой! како претерпе святых своих толикая досаждения?

Мне, бедному, горько, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колько мог, и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прылепший от ног своих отрясаю* пред вами, по писанному: „лучче един творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных!“ »* Так на меня и пущи закричали: «возьми, возьми его!* — всех нас обесчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю,

42 После этих слов в редакции В: грызлися, что собаки, со мною власти (л. 70 об.).

было*,— велико антихристово войско собралось! Ухватил меня Иван Уаров* да потащил. И я закричал: «постой,— не бейте!» Так оне все отскочили. И я толмачю-архимариту* говорить стал: «говори патриархам: апостол Павел пишет: «таков нам подобаше архиерей — преподобен, незлобив», и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям да набок повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю им. Так оне смеются: «дурак-де протопоп-от! и патриархов не почитает!» И я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же бесчестии; вы сильны, мы же немощны!»* Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал — посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чудовской келарь, молил: «правде ты,— нечева-де нам большя тово говорить с тобою». Да и повели меня на чепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы*; тут же священника Лазоря и инока Епифания старца*; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленькие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы*; а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедныя никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрельцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется,— и смех и горе,— как-то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили⁴³.

43 Вместо последних двух абзацев в редакции В: Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же священника Лазаря и старца Епифания, обруганы и острижены, как и я был прежде. Поставили нас по розным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли: берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали.

Помилуй их, Христос! прямые добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, мучатся туды жо, с нами возясь; нужица ли какова прилучит-ся, и оне всяко, миленькие, радеют. Да што много рассуждать? У Спаса оне лутче чернцов тех, которые клабуки те рогатые ставцами теми носят*. Полно, оне, горюны, испивают допьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были. Да што же делать, и так их не покинет Бог! Таже нас перевезли на Ондреевское подворье. Тут приезжал ко мне шпынять от тайных дел Дементий Башмаков; бытто без царева ведома был, а опосле, бывше у меня, сказал—по цареву велению был. Всяко, бедные, умышляют, как бы им меня прельстить, да Бог не выдаст за молитв пречистые Богородицы: она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк, коиюшей, Тимофей Марков от царя прислан и у всех был. Много кое-чево говоря, с криком розошлись и со стыром большим. Я после ево написал послание и с сотником Иваном Лобковым к царю послал*; кое о чем многонько поговоря, и благословение ему, и царице, и детям приписал.

Потом, держав на Воробьевых горах, и на Ондреевском подворье и в Савине слободке, к Николе на Угрешу перевезли; тут голову Юрья Лутохия ко мне опять царь присылал и за послание «спаси Бог» с поклоном большое сказал, и, благословение себе, и царице, и детям прося, молитца о себе приказал (л. 73 об.— 74 об.).

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и бого-подражательное житие, прошу-де твоего благословения и с царицею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачу; жаль мне сильно ево. И паки он же: «пожалуй-де послушай меня: соединишь со вселенскими теми хотя небольшим чем!» И я говорю: «аще и умрети ми Бог изволит, с отступниками не соединюся! Ты,— реку,— мой царь; а им до тебя какое дело? Своево,— реку,— царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я,— реку,— не сведу рук с высоты небесных, дондеже Бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «где-де ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!»* Я и ныне, грешной, елико могу о нем Бога молю⁴⁴.

[ПУСТОЗЕРСКАЯ ССЫЛКА]

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали* в Пустозерье⁴⁵. И я из Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое больши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет*. Еще же от меня и от

44 После этих слов в редакции В: Аще и мучит мя, но царь бо то есть; бывало время, и впрямь добр до нас бывал. До Никона-злодея, прежде мору, к Казанской пришед, у руки мы были, яйцами нас делил: и сын мой Иван маленек еще был и не прилунился подле меня, а он, государь, знает гораздо ево, послал брата моево роднова сыскивать ребенка, а сам долго, стоя, ждал, докамест брат на улице ребенка сыскал; руку ему дает целовать, и ребенок глуп, не смыслит; видит, что не поп,— так не хочет целовать; и государь сам руку к губам робенку принес, два яйца ему дал и погладил по голове. Ино-су и сие нам надобе не забывать, не от царя нам мука сия, но, грех ради наших, от Бога дьяволу попущено озлобити нас, да же, искусяся ныне вечнаго искушения уйдем. Слава Богу о всем (л. 75 об.—76).

45 В место этого предложения в редакции В: Таже братию — Лазаря и старца — казня, вырезав языки, а меня и Никифора-протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье, а двоих сынов моих — Ивана и Прокопья—оставили на Москве за поруками, и оне, бедные, мучились годы с три, уклонялся от смерти властелинскаго навета: где день, где ночь, никто держать не смеет, и кое-как на Мезень к матери прибрели*; не пожили и с год, апо и в землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно Бога о том молю: «Господи, аще хотим, аще и не хотим, спаси нас!» И Господь и промышляет о нашем спасении помаленьку; пускай потерпим токо, а то пригодится не в кую пору; тогда слюбится, как время будет (л. 76 об.).

братьи дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматах церковных*. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху*. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человек, детей моих духовных,— преждереченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов Христовых. Лука та московской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь чином, юноша лет в полтретьятцеть: приехал на Мезень по смерть с детьми моими. И егда бысть в дому моем всегубительство, спросил его Пилат*: «как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренномудро: «я так верую и крещуся, слагая персты, как отец мой духовной, протопоп Аввакум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положи петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная възде. Больши тово что ему могут сделать? Аще и млад, да по-старому сделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадался! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились⁴⁶. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть: недивно! Некогда и друг ближний Петр отречесе и, исшед вон, плакася горько и слез ради прощен бысть*. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро; быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати⁴⁷.

Посем той же полуголова* Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сиче реченно: год и месяц, и паки: «мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинскаго патриарха Паисея с товарищи еретическое соборище проклинаем». И иное там говорено многонько, и Никону, завотчику ересям, досталось небольшое место. Посем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня

46 После этих слов в редакции В: «Виноваты пред Богом и пред великим государем», а неведомо, что своровали (л. 77 об.).

47 Вместо: Вот вам и без смерти смерть... спасти и помиловати.— в редакции В: да по правилам так оне сделали, спаси Бог. Того ради, робята, не бойтесь смерти, держите старое благочестие крепко и непоползновенно! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради умирати, и жила бы, не розвешав уши; а то баба, бывало, нищих кормит, сторонних научает, как слагать персты, и креститца, и творить молитва, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиною* умерли заодно Христа ради. Ну, да Бог вас простит, не дивно, что так сделали,— и Петр-апостол некогда убоялся смерти и Христа отречся, и о сем плакася горько, таже помилован и прощен бысть. А и о вас некогда молящу ми ся тощно, и видев вашу пред собою темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огнены к небесем стоят простерты. Аз с тех мест обрадовался и лехче мне стало, яко покаяние ваше приял Бог. Слава о сем Богу! (л. 77 об.— 78).

отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в трубе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели⁴⁸.

Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало пошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсеки, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третей день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все,— без языка, а не болит. Дал Бог, во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чудо: в три дни у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступников порицая⁴⁹.

Посем взяли соловецкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсеки четыре перста. И сперва говорил гугново. Посем молил пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и здешней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретесе во рте. Дивна дела Господня и неизреченны судьбы Владычни!— и казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чудотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мгновении ока воскресит. Да кто о том рассудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

48 Вместо: и, прочет наказ... есть велели.— в редакции В: ...и прочитали наказ: «изволил-де государь, и бояря приговорили, тебя, Аввакума, вместо смертные казни учинить струб в землю и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим товаришам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «я,— реку,— плюю на ево кормлю; не едше, умру, а не предам благоверия». И потом повели меня в темницу, и не ел дней с десятков, да братья велели (л. 78 об.).

49 Вместо: Дал Бог... и отступников порицая.— в редакции В: ...а говорит, яко и прежде. Играет надо мною: «щупай, протопоп, забей руку в горло то, небось, не откушу!» И смех с ним, и горе! Я говорю «чево щупать, на улице язык бросили!» Он же сопротив: «собаки оне, вражьи дети! пускай мои едят языки». Первой у него лехче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по дву годах и опять иной язык вырос, чудно, с первой жо величиною, лишь маленько тупенек (л. 79 — 79 об.).

Посем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накость резан⁵⁰; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленько. У него же отсекали руку поперек ладони. И все, дал Бог, стало здорово,— и говорит ясно против прежева и чисто.

Таже осыпали нас землю; струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; стражие же пре[д]дверьми стрежаху темницы*. Мы же, здесь и везде сидящий в темницах, поем пред владыкою Христом, Сыном Божиим, Песни Песням, их же Соломан воспе, зря на мать Вирсавию: «се еси добра, прекрасная моя! се еси добра, любимая моя! очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных луч, и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей»* (Хвала о церкви)⁵¹.

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаяю сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. Чюдо, как то в познании не хотят прийти: огнем, да кнутом, да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю.

Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да виселицею в веру приводить. Но господем реченко ко апостолом сице: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится — спасен будет, а иже не имет веры — осужден будет»*. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на виселицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подконити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учителя явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»*: от плода бо всяко древо познано бывает.

Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Перейду, а то дома Вавилон*. Ну-тко, правоверный, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знаменем Спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умрети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю

⁵⁰ После этих слов в редакции В: не милость показуя, но руки не послужили — от дрожи и трепета нож из рук валился (л. 81 об.).

предел вечных, до нас положено*: лежи оно так во веки веком! Не буди, еретик, не токмо над жертвою Христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книг перепечатать, вся переменить — крест на церкви и на просвирах переменить*, внутрь олтаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят,— я бы им и с ним в глаза наплевал,— и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви святя, против солнца же и брак венчав, против солнца ж водят*,— явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть?— дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе!— вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и сделал: «печатай, Арсен*, книг как-нибудь, лишь бы не по-старому!» — так-су и сделал. Да больши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянныи, со всем лукавым замыслом своим, а стражушим от них вечная память!⁵²

Посем у всякаго правовернаго прощения прошу: иное было, кажется, про житие то мне и не надобно говорить; да прочтох Деяния апостольская и Послания Павлова,— апостола о себе возвещали же, е[г]да что Бог соделает в них: не нам, Богу нашему слава*. А я ничто ж есмь. Рекох, и паки реку: аз есмь человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам и всякому человеку лицемерен окаянной. Простите же и молитесь о мне, а я о вас должен, чтущих и слушающих. Больши тово жить не умею; а что сделаю я, то людям и сказываю; пускай Богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая или злая. Но аще и не, учен словом, но не разумом; не учен диалектика и риторики и философии, а разум Христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: «аще а невежда словом, но не разумом»*.⁵³

[ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ «ПОВЕСТИ»]

Простите,— еще вам про невежество свое побеседую. Ей, сглупал, отца своего запове[дь] преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; вни[май] Бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вонифантьевич, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина*, себя пользоваться, прочитал, и люди. Аз же, окаанный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял.

⁵³ В настоящем издании рассказы («повести») разделяются пробелом, поскольку в автографе в одном случае они графически отделены небольшим пробелом, что свидетельствует об осознании Аввакумом их относительной самостоятельности (в других случаях в автографе рассказы отделяются особым разделительным знаком).

У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церк-ве велико прилежание имел; напоследок взят был к бо[ль]шой царевне в Верх во псаломщики, а в мор и с женою скончался. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде Бог неправду в нас с братом, яко неправо по истинне ходим,— я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал,— изволил нас Владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить,— всегда мокра, заезжена, и еле жива стала.

Аз же недоумею-ся, коея ради вины бес так озлобляет нас. А в день недельный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: «призри на мя и помилуй мя!»* — и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть,— начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начата мучить. В дому же моем иные родные два брата — Козьма * и Герасим — больши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек с тритцеть, держа ево, рыдают и плачют, вопиюще ко Владыке; «Господи помилуй, согрешили пред тобою, прогневали твою благостыню, прости нас, грешных, помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!»

А он пуци бесится, кричит и дрожит, и бьется. Аз же, помощью Божию, в то время не смутихся от голки тоя бесовския. Кончавшее правило, паки начах молитися Христу и Богородице со слезами, глаголя: «Владычице моя, пресвятая Богородице! покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумеv, каюся пре[д] Сыном твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать!» И, плачючи, послал во церковь по Потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнадцать, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящися, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свечи и воду святую подносил, а прочий держали беснующагося.

И егда в молитве речь дошла: «аз ти о имени Господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, идеже человек не живет, но токмо Бог призирает»*, — бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь в другоряд, и бес еще не слушает, пуци мучит брата. Ох, горе мне! Как мольть? — и сором, и не смею. Но по старцову Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударился о лавку, рыдав на мног час. Восставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде и сел на окошко; брат же быв яко мертв. Аз же

покропил ево водою святою; он же, очхняся, перстом мне на беса, сидящаго на окошке, показывает, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указывает. Аз же и там покропил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указывает. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам перекрестился. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя Господне.

Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «спаси Бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и дух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Бог, которой в церковь по книгу и по воду ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он, что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика* меня водили и били, а сами говорят: „нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любишь“, так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я,— реку,— свет, брат твой Аввакум». И он мне отвечал: «какой ты мне брат? Ты мне батько; отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет,— будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святые воды; он лее и судно у меня отнимает и съестъ хочет,— сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить.

Ночь всю зимнюю с ним простряпал; маленько я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки беси отъидоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится; егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну; он просвиря вынял за брата; тогда добро жил,— что ныне архиепископ резанской, мучитель стал христианской*. И иным духовным я бил челом о брате, и умолили Бога о нас, грешных, и освобожден от бесов бысть брат мой. Таково то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди Господня? Ох, да только огонь да мука! Не знаю, дни коратать как! Слабоумием объят и лицемерием, и лжею покрыт есмь, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной есмь, окаянной,— прямое говно! отвсюду воняю — душею и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиньями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, зло-смердною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвый, повержен на улице града. Спаси Бог властей тех, что землею меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так.

Да и в темницу ту ко мне бешаной зашел, Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз, и вымыл, и платье переменял,— зело вшей было много, замкнуты мы с ним двое⁵⁴ жили, а третей с нами

Христос и пречистая Богородица. Он, миленькой, бывало серет и сцѣт под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет,— дьявол сон ему наводит, и я постегаяю чотками, так и молитву творить станет и кланяется за мною, стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет, При мне беснуется и шалует, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его, и, докамест у старца сижу, лежит, не встанет, Богом привязан,— лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прииду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я закричу, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест — просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет, и глотает. И как рыбою по-кормлю, тогда бес в нем вздивиячится, а сам из него говорит: «ты же-де меня ослабил!»* И я, плакався пред Владыкою, опять постом стягну и окрочю ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и больши. Перед смертию образумился. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленькой, скоро. И я, гроб купи и саван, велел по-гребсти у церкви; попом сорокоуст дал. Лежал у меня мертвой сутки, и я ночью, востав, помоля Бога, благословя ево, мертвова, и с ним поцеловався, опять подле его спать лягу. Таварищ мой миленькой был! Слава Богу о сем! Ныне он, а завтра я также умру,

Да у меня ж был на Москве бешаной,— Филипом звали,— как я из Сибири выехал. В углу в ызбе⁵⁵ прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, бился и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом Христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила Божия отгнала от него беса, но токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради Христовы отступники удавили,— Псалтырь над Филиппом говорил и учил ево Исусовой молитве. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились,—дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали⁵⁶; согрешил пред Богом и пред ними. Таже бес вздивиял в Филиппе, и начал

⁵⁵ Далее еще раз повторяется «с ним», обведенное чернилами, «в ызбе в углу». строкой указана перековка слов.

⁵⁶ После этих слов в редакции В: Да и всегда таки я, окаянной, сердит, дратца лихой. Горе мне за сие! (л. 90 об.).

чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас, и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему; хотя ево укротити; но не бысть по-прежнему. Ухватил меня и учал бить и драть и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не пользует и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдался. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но,— чуден Господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «не боюсь я тебя!» Так мне в те поры горько стало: «Бес,— реку,— надо мною волю взял!» Полежал маленько, с совестью собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяясь, говорю: «согрешил, Настасья Марковна,— прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. Посем и с Фетиньею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было с дватцеть,— и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небесном!»* И оне нехотя бьют и плачют; а я ко всякому удару по молитве. Егда ж все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминуемую, опять вышел вон из Филиппа. И я крестом ево благословил, и он постарому хорош стал. И потом исцелил Божию благодатию о Христе Исусе, Господе нашем, ему ж слава.

А егда я был в Сибири,— туды еще ехал,— и жил в Тобольске, при вели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день с женою своею, неругая празник,— жена ево сказывала,— да и взбесился. И я, в дому своем держа месяца с два, стужал об нем Божеству, в церковь водил и маслом освятил, и помиловал Бог: здрав бысть, и ум исцеле. И стал со мною на кры[ло]се петь в литоргию; во время переноса и досадил мне*. Аз в то время, побив его на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пуци и первова в[з]бесясь, в обедню ушел на двор к большому воеводе и, сундуки разломав, платье княинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; он же в тюрьме юзников бедных все перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, велики[е] пакости творил. Всяк бегаёт от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред Владыкою плакал всегда.

Посем пришла грамота с Москвы,— велено меня сослать из Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собрался в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «спаси Бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца и паки прошу благословения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии Божий, понеже о всех нас печется и промышляет Господь: ево исцелил, а меня

возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына Божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я едуци, спрашивал про него, и мне сказали: «преставклся-де, после тебя годы с три живучи христиански с женою и детьми». Ино и добро. Слава Богу о сем!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался,— еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому⁵⁷ вдова молодая,— давно уж, и имя ей забыл; помнится, Офимью звали,— ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвевает вся, яко камень станет, и не дышит, кажется,— ростянет ея среди горницы, и руки и ноги,— лежит яко мертва. И я, «О всепетую»* проговоря, кадилком покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит, а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я — и по другой, и другая так же освободится; я — и по-животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею дуды крестом гладить,— думаю, думаю,— и ноги поглажу: баба и вся свободна станет. Вставше, Богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки — ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея осветил, так вовсе отошел прочь: исцелела, дал Бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы,— странно и говорить про них: кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазнава-то, кажется,— да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же выросла, привезена из полону из кумыков. Чистотою девство соблюла, и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня отйти и за первова хозя[и]на замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиря ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем и о поклонех не стала радеть. Егда станем правило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде Бог противление ея, послал беса на нея: в правило⁵⁸ стоящу ей, да и в[з]бесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же единаче в безумии своем и непокорстве пребывает.

Благохитрый же Бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи не пробудяся спала. Я лишь ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулась; села, да плачет; есть ей дают — не ест.

57 После этого Епифанкем вписано: «моем».

58 Епифанием изменено: «правиле».

Егда я правило канонное скончав и домочадцев, благословя, распустил, паки начах во тьме без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступи паки к столу, и плачючи, говорит: «послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея. «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела и взяли меня и вели меня тесным путем, И на левой стране слышала плач, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место, зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех и велика гораздо. Ввели-де меня в нея; ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда с брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повеваает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умильны и хороши! И подержав-де меня, паки из полаты повели, а сами говорят: „знаешь ли, чья полата сия?“ И аз-де отвечала: „не знаю, пустите меня в нея“. Оне же отвечали: „отца твоего, протопопы Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает персты слагать, и креститца, и кланятца, Богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будешь с ним здесь. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси водили тебя; смотри: у нас папарты; беси-де не имеют тово“. И я-де, батюшко, смотрела,— бело у ушей тех их». Да и поклонилася мне, прощения прося.

Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали из Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела пострищися, а дьявол опять сделал по-своему; пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осьми летах услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и постриглася. А как замужем была, по временам Бог наказывал,— бес мучил ея. Егда ж аз в Тобольск приехал, за месяц до меня постриглася и принесла ко мне два детища.и, положа предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающеся, бесстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многажды на нея кричал; она же прощается в преступлении своем, каяся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса,— учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же сжалихся об ней: покиня херуви[м]скую петь, взявше от престола крест и на крылое взошед, закричал: «запрещаю ти именем Господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сии век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея⁵⁹ благослови, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала с детьми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Довольно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

⁵⁹ В автографе «ея» зачеркнуто (Елифанием?).

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, скорбию одержимы[х] грыжною; и мои детки егда скорбели во младенчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою презвитерскою, помажу вся чюства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка, и Божию благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и Бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь ноши глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действием скачет столик на месте своем. И я, не утращась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действием верхняя роскрылася доска, и саван шевелитца стал, утращая меня. Аз же, Богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места на место, утращая меня. Аз же, помолясь и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, из церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над беша[ны]ми⁶⁰ и больными не творит благодатшо Божию!⁶¹ Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу Господь дает. А я, грязь, что могу сделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чудотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысяч пятьсот лет во аде был осужден*. Посем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за Христовы ноги и Богородице молись и всем святым, так будет хорошо⁶².

60 Исправлено Епифанием.

61 Епифанием цифрами над строкой обозначена перестановка слов: «Божиею благодатию».

62 В редакции В последнего абзаца нет. Вместо него следует рассказ о борьбе Аввакума с бесами («О жертве никонианской») и статья «О причастии», после чего читаем: Еще тебе скажу, старец, повесть. Как я был в Даурах с Пашковым с Афонасьем на озере Иргене, гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нет, от глада исчезаем. Помоля я Бога, взяв две сети, в протоке перекидал, наутро пришел, ано мне Бог дал шесть язей да две щуки. Ино во всех людях дивно, потому никто ничего не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне Бог дал. Тут же сведав Пашков и исполняя зависти, сбил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне насмех и ругаясь, указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодышку,— какая рыба?— и лягушек нет! Тут мне зело было горько, а се, подумав, рече: «Владыко

человеколюбче, не вода дает рыбу,— ты вся промыслом своим, Спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово, прослави имя Твое святое, да не рекут невернии, где есть Бог их». И помоляся, взяв сети, в воде с детьми бродя, положили сети. Дети, на меня, бедные, кручиняся, говорят: «батюшко, к чему гноить сети те? Видишь ли, и воды нету, какой быть рыбе?» Аз же, не послушав их совету, на Христа уповаю, сделал так, как захотелось. И наутро посылаю детей к сетям. Оне же отвечали: «батюшко-государь, пошто итти? какая в сетях рыба? благослови нас, и мы по дрова лутче сбродим». Меня ж дух подвизает, чаю в сетях рыбу. Огорчась на большева сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам. Гораздо о том Христу докучаю.

Егда пришли, ино и чюдно и радощно обрели: полны сети напехал Бог рыбы, свившися клубом и лежат с рыбою о середке. И сын мой Прокопей закричал: «батюшко-государь, рыба, рыба!» И аз ему отвечал: «постой, чадо, не тако подобает, но прежде поклонимся Господу-Богу, и тогда пойдем в воду». И, помоляся, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу-Богу, и, паки построя сети на том же месте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы, на третьей день — паки столько же рыбы; и- слезно, и чюдно то было время, а на прежнем нашем месте ничего Пашкову не дает Бог рыбы. Он же, исполняя зависти, паки послал ночью и велел сети мои в клочки изорвати. Что петь с дураком делаешь! Мы, собрав рваные сети, починя втай, на ином месте промышляв рыбу, кормились, от нево таяся, и сделали ез. Бог же и там стал рыбы давати, а дьявол ево научил и ез велел втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили, и много тово было. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Терпение убогих не погибнет до конца*.

Слушай-ко, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро*, к детям по рыбу,— от двора верст с пятнатцеть, там с людьми промышляли,— в то время как лед треснул и меня напоил Бог. И у детей накладше рыбы нарту большую, и домой потащил маленьким детям после Рождества Христова. И, егда буду нареди дороги, изнемог, таща по земле рыбу, понеже снегу там не бывает, токмо морозы велики. Ни огня, ничево нет, ночь постигла, выбился из силы, вспотел, и ноги не служат. Верст с восемь до двора; рыба покинуть и так побрести — ино лисицы розъедят, и домашние гладны; все стало горе, а тащить не могу. Потаща гоны места, ноги задрожат, да и паду в лямке среди пути ниц лицом, что пьяной, и озябше, встав, еще попойду столько ж — и паки упаду. Бился так много, блиско полуночи. Скиня с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную белью шубу и взлез на вершину древа, уснул. Поваляся, пробудился,— ано все замерзло: и базлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и живот озяб весь. Увы, Аввакум, бедная сиротина, яко искра огня угасает и яко неплодное древо посекаемо бывает,— только смерть пришла. Взираю на небо и на сияющая звезды, тамо помышляю владыку, а сам и прекреститися не смогу: весь замерз. Помышляю лежа: «Христе, свете истинный, еще не ты меня от безгоднаго сего и нечаемого времени избавишь, нечева мне стало делать; яко червь исчезаю». А се согреяся сердце мое во мне, ринулся с места паки к нарте и на шею, не помню как. взложил лямку, опять потащил; ино нет силки; еще версты с четыре до двора,— покинул, и нехотя, все; побрел один, тащился с версту, да и повалился, только не смогу; полежав, еще хошу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем. На коленях и на руках полз с версту; колени озябли: не могу владеть, опять лег. Уже двор и не само далеко, да ке могу попасть, на гузне помаленьку ползу,— кое-как и дополз до своая конуры. У дверей лежу, промолыть не могу, а отворить дверей не могу же.

К утру уже встали; уразумев, протопопица, втащила меня, бытто мертвова, в ызбу; жажда мне велика,— напоила меня водою, разболукши. Два ей горя, бедной, в ызбе стало: я да корова немощная,— только у нас и животов было,— упала на воде под

лед; изломався, умирает, в ызбе лежа; в двадцети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайлова* ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала, и Пашков, на церковной обиход взяв, мне в то число коровку ту было дал: кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травною молочка того хлебнешь, так лехче на брюхе. Плакав, жена бедная с робяты зарезала корову и истекшую кровь из коровы дала найму-казаку, и он приволок мою с рыбою нарту (л. 101 об.— 106 об.).

Ну, старец, моево вяканья много веть слышал. О имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову*, как Богородица беса тово в руках тех мяла и тебе отдала, и как муравьи те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег, и как келья та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо то, да иное, что вспомнишь во славу Христу и Богородице.

Слушай же, что говорю: не станешь писать, я-веть осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца,— скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред всеми, елика сотвори Бог знамения и чюдеса во языцех с нима, в Деяниях, зач. 36 и 42 зач., и величашеся имя Господи Исуса. Мнози же от веровавших прихождаху и исповедующе и сказующе дела своя*. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниях. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред Богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем Бога молить; наши оне люди будут там, у Христа, а мы их во веки веком. Аминь⁶³.

63 В Пустозерском сборнике, содержащем редакцию В, после «Жития» Аввакума, первой части «Жития» Епифания» и «Снискания и собрания о Божестве и о твари...» помещена следующая «похвала» русскому языку, выражающая писательское кредо Аввакума: По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною, протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, Господа ради, чтущий и слышаший, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам — ничто ж есмь*. Вот, что много рассуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хочет; того ради я и не брегу о красноречии и не унижаю своего языка русскаго. Ну, простите же меня, грешнаго, а вас всех, рабов Христовых, Бог простит и благословит. Аминь (л. 162 об.— 163).

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

[ВВЕДЕНИЕ]

Книгу святую собрал от святого Писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь* никониянскую и на протчая их коби. Беседа человека грешна, человека безобразна и бесславна*, человека не имуща видения, ни доброты, ниже подобия Господня. Поистинне рещи, яко несть и человек. Но гад есмь или свиния; якоже и она питается рожцы, так и я грехми. Рожцы вкус имут, в гортани сладость, во чреве же бредкость. Тако и аз, яко юнейший блудный сын, заблудих от дому отца моего, пасяхся со сзиниями*, еже есть с бесы, питаются грехми, услаждая плоть, огорчеваяй же душу дела, и словесы, и помыслы злыми.

Человек бысть Иов*, праведен, непорочен, беззлюбив; человек Божий Моисей*, боговидец; человек бысть Исус Наввин, молитвою постави на небе текущее солнце*; человек бысть Давыд, царь и пророк, его же похвали Божие сердце сице: «обретох Давыда, сына Иессеева, мужа по сердцу моему»*; человек бысть пророк Даниил, его же в Вавилоне, в рове, устыдешася лютые звери*, видевшие на нем Божий образ непорочен, ради добродетелей в нем цветущих; человек бысть пророк Аввакум, его же принесе ангел от Иерусалима с пищею в Вавилон, в ров, к Даниилу*. Но не я, окаянный Аввакум: я и сам сижу в рове, душею и телом обнажився, сам пят*, с нагими же. Ныне нам подобает плакати в настоящее время*. Увы, увy мне! Мати, кого мя роди? По Иову, проклят день, в оньже родихся, и ночь она буди тьма, иже изве-де из чрева матере моя*. Понеже антихрист прииде ко вратом двора* и народилось выблятков его полна поднебесная. И в нашей русской земли обретеса чорт большой, ему же мера — высоты и глубины — ад преглубокий. Помышляю, яко, во аде стоя, главою и до облак достанет. Внимайте и разумеите вси послушавший, даст бо вам Господь разум о всем.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

«Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания»

В лета 7160-го году, июня в день 1, по попущению Божию вскрался на престол патриаршеский бывшей поп Никита Минич, в чернецах Никон*, обольстя святую душу протопопа духовника царева², Стефана, являяся ему яко ангел, а внутрь сый диявол. Протопоп же увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место*. И я, окаянной, о благочестивом

1 июня в 1 день — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 4; июня 10 День — БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 154.

2 В рукописи: духовнаго царева; исправлено по другим спискам — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 4; № 1885, л. 49; № 1898, л. 3; ГБЛ, собр. Общества истории и древностей российских, ф. 188, № 12, л. 40 об.; ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 54, л. 8; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 29 об.; ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 3 об.; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 62 об.

патриархе к челобитной приписал свою руку*. Ано врага выпросили и беду на свою шею. Тогда и я, при духовнике, в тех же палатах шатался, яко в бездне мнозе. Много о том потонку беседовать, едино реши; за что мучат мя, тогда и днесь, большо и до исхода души. Егда же бысть патриархом злый вождь, и начат казнити правоверие, повелеваяй трема персты креститися и в пост великий в церкви в пояс творити метания.

Мы же, со отцы и братиею, не умолчав, почали обличать еретика*, предтечу антихристового. Он же нас, муча много, и розослал в ссылки всех. И рассеяны быша, яко от скорби, бывшая при Стефане апостоли*. Тако, отец и братию мою, епископа Павла Коломенского, муча, и в Новгородских пределах огнем сожег; Даниила, костромского протопопы, муча много, и в Астрахани в земляной тюрьме заморил*; такоже стриг, как и мене, в церкви, посреди народа; муромского протопопы Логина,— остригше и муча, в Муром сослал, тут и скончался в мор*; Гавриилу, священнику в Нижнем, приказал голову отсечь; Михаила священника без вести погубил: за Тверскими служил в монастыре Богородичне, перевел к тюрьме, да не и стало вдруг; двух священников, вологжан, безвестно же и сих дел; со мною 60 человек у всенощнова взял*, муча и бив и проклиная, в тюрьме держал, малии в живых обретошася; а меня в Даурскую землю сослал,— от Москвы, чаю, тысяч будет с дватцать за Сибирь,— и волоча впредь и взад 12 лет, паки к Москве вытощили, яко непогребеново мертвеца*. Зело там употшивали палками по бокам и кнутом по спине 72 удара.

А о прочих муках потонку неколи говорить,— всяко на хребте моем делаша грешницы. Егда же выехал на Русь, на старые чеши и беды попал*. Видите, видите, яко аз есмь, наг Аввакум протопоп, в землю посажен. Жена моя, протопопица Настасья, с детьми в земли же сидит*. И старец Соловецкия пустыни Епифаний, наг, в земли же сидит; два языка у него никонияна вырезали за исповедание веры, да и руку отсекли, а и паки ему третий язык Бог дал. И Лазарь поп, наг же, сидит в земле, казен, говорит также*, И дият кон Федор и Киприян*. нагой, с нами же мучится, В тюрьме за православие же пытан в прошлом году; А Соловецкий монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит*. На Мезени из дому моего двух человек удавили* никонияна еретики на виселице. На Москве старца Авраамия, духовнаго сына моего, Исаяю Салтыкова в костре сожгли. Старца Иону казанца в Кольском рассекли на пятеро. На Колмогорах Ивана юродиваго сожгли. В Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрельца Илариона сожгли. А по Волге той живущих во градех, и в селех, и в деревеньках тысяща тысящами положено под меч* нехотящих принять печати антихристовы. А иные ревнители закона суть, уразумевше лесь отступления, да не погибнут зле духом своим, собирающесе во дворы с женами и детьми, и сожигахуся огнем своею волею*. Блажен извод сей о Господе! Мы же, оставшии, еще дышущи, о всех сих поминание творим жертвою, со слезами, из глубины въздыхания

неизглаголаными, воспеваем, радуящися, Христа елавяще: «упокой» Господи, душа раб своих, всех пострадавших от никониян на всяком месте, и учини их идеже присещает свет лица твоего, в селех со святыми, избранными твоими, яко благ и человеколюбец». Рабом Божиим побиенным вечная память трижды ж. Почивайте, миленькие, до общаго воскресения и о нас молитесь, да же и мы ту же чашу испием о Господе, которую вы испили и уснули вечным сном. Пряно вино: хорошо умели никонияне употшивать. Да не тужите о здешнем том окаянном житии, но веселитесь и радуйтесь праведнии о Господе, понеже преидоша от злаго во благое и от темнаго в житие светлое. Мы же еще в море, плаваем пучиною*, и не видим своего пристанища. Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердит ли ся владыка и даст ли нам та же чаша пить, ея же сам пил, и вас, рабов своих, напоил.

Душе моя, душе моя, восстани, что спиши! Конец приближается, и хочещи молвити. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняли*. Душе, яже zde — временно, а яже тамо — вечно. Потщися, окаянная, и убудися: уснула сном погибельным, задремала еси в пищах и питии нерадения. Виждь, мотылолюбная, и то при тебе: боярня Феодосья Прокопьевна Морозова и сестра ея Евдокея Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловых дворянская жена Марья Герасимовна с прочими! Мучатся в Боровске, в землю живы закопаны*, по многих муках, и пытках, и домов разорении, алчут и гладуют. Такие столпы великия, им же не точен мир весь! Жены суть, немощнейшая чадь, а со зверем по человеку борются. Чудо, да только подивитися лише сему. Как так? Осьмь тысящ хрестиян имела*, домовова заводу тысящ больши двух сот было,— дети мне духовныя, ведаю про них,— сына не пощадил, наследника всему, и другая тако же детей. А ныне вместо позлащенных одров в земле закопана сидит за старое православие. А ты, душе, много ли имеешь при них? Разве мешок, да горшок, а третье лапти на ногах. Безумная, ну-тко опрянися, исповеждь Христа, Сына Божия, явственне, полно укрыватися того. Добро рече некто от святых отец, яко всем нам един путь предлежит. Иного времени долго такова ждать: само царство небесное валится в рот. А ты откладываешь, говоря: дети малы, жена молода, разориться не хочется*, а тово не видишь, какую честь ту бросили бояроне те, да еще жены суть. А ты — мужик, да безумнее баб, не имеешь цела ума: ну, дети переженишь и жену ту утетишь. А за тем что? не гроб ли? Таже смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец...

ИЗ БЕСЕДЫ ВТОРОЙ [Об образе креста Христова]

Пребывайте, чада, о Господе пребывайте, и крест Христов трисоставный почитайте от кипариса, и певга, и кедра устроен, по речению Исая пророка к лицу церкви, яко «приидет к тебе слава Ливанова от кипариса, и певга, и кедра, прославити место святое мое и место ногу моею прослаблю»*.

...А иже крест трисоставный Христов суемудренный отлагают и четвероконечный римский крыж почитают*, кольми суть врезают душа своя, по реченному: аще кто любит Христа, той любит и крест снятый и тричастный, от кипариса, и певга, и кедра сложенный. Аще отлагает кто сего Христова креста, той отместся и Христа, Бога нашего. Держи, христианин, церковная неизменна вся, и благословен будещи Богом вышним и нами, грешными. И не предвигай вещей церковных с места на место, но держи. Что положиша и святии отцы, то тут да пребывает неизменно, якоже и Василий Великий рече: «не прелагай пределы, яже положиша отцы!»* Слыши и вонми, яже глаголю: да будет крест Христов тричастный на престоле, и на жертве, еже есть на просвире, и на главе церкви, и на иконах, и повсюду вместо образная, еже есть и поклонение. Держим же и четвероконечный крест во церкви, по преданию святых отец, но не вместо образная, токмо на ризах, и стихарях, и патрахилиях, и пеленах. А иже кто его учинит на просвирах, или написав на нем образ распятого Христа и положив его на престол, вместо тричастного: таковый мерзок есть и непотребен во церкви, подобает его изринути. Почто на владычнем мест садится!

...Что блядословят никонияна научением сатаны,— говорят: Соломону-де царю бес принесе со главы Адамовы от Едема срасленное древо на связи церкви, и от того-де древа и крест Христов делан четвероконечной: и се блядь, нечему веры нять, в еретических кобях писано. Ино статнее тово я читал: не бес принесе одно³ срасленное древо, но Тирской князь привезе Соломону три древа в связи,— кипариса, и певга, и кедра. А те древа изростоша Лотова ради покаяния, егда паде со дщерьми своими и каяся греха своею пред Авраамом. Он же посла его на Восток по главни бывшего венца Адамля, ему же сын Сиф от рая принесе, от ангела взяв древо преступления, и возложи на главу во утешение скорби его. И по смертиде Адам л и от венца того изростоша древеса и сгореша. Напоследок же Лот, главни те взяв, на горах подкнул и водою и слезами поливал, каяся своего греха, и Бог-де его простил, и главни в три древа процвели. И Тирской князь древа те Соломону привезе, Соломон их в церкви святая святых в седали-щи устрой. И при царе Езекии обоготвориша людии церковные вещи вся. Он же повеле змию медную разбить, иже в Синайстей пустыни чудотворная была*, и древа вышереченная из церкви изврещи за обоготворение их. И стояху у церкви до пришествия Христова невреждени никем. Егда же приспе время распятися Христу, повелеша жидове от всех трех древ отсеци по концу и в трех чюрбанах сотвориша крест Христу, по речению пророчю — от кипариса, и певга, и кедра, три-частен. Я, грешный, сице читал, а не в церковных же книгах, кои обносятся во церкви, свидетельствованы, но в лежащих и не свидетельствованных*. Аще сие правда или ни, Бог весть. Аз верую крепко пророком, апостолом, и богословцем всем. Они нас научают, яко тричастен крест Христов, сиречь от трех древ сотворен. И над распятым Христом повеле Пилат титла положить*. Пространно о том

Епифаний Кипрский благовестит*: деку с надписанием пригвоздиша ко кресту, и возглавие над декою оставиша кресту, еже есть верхней чибышек над титлом зрим. А без возглавия — тот не Христов крест, но Петров: колода на кресте, а не титло положено. Внимай о сем, мы тебе со Христом возвестим. Егда в Риме Петр апостол от Нерона царя пострада, и повелеша его пригвоздити ко кресту,— Петр же глагола: не подобает⁴ подобитися смерти Владыки моего Христа, но учините мя стремглав в распятии моем. Распинатели же поворотя вверх ногами Петра и в колоду вдолбиша верхней конец креста, по прошению его*. Егда же соблудиша римстии людие и весь Запад над церковию, нарекоша имя ей костел, понеже стоит на костях апостола Петра: оттоле же восприяша и крест с колоткою, Петров, а Христов отринуша прочь. И стали писать распятие Христова на сеновном, еже есть — на четвероконечном кресте. И сии две вещи, Петров крест и четвероконечный, изгнаша с одново Владыку своего — крест Христов. Мы же, правовернии, сие блядское мудрование Римскаго костела и выблядков его, поляков и киевских унийт*, еще же и наших никониян, за вся их нововводныя коби еретический анафеме трижды предаем и держим от святых отец преданное неизменно все. И почитаем крест Христов с возглавием на престоле, и на просвирах, и на церкви на главе и прочая, идеже положища отцы поклонятися и почитати его честне и сердечне, со усердием обლობызаем и поклоняемся, припадающе к нему, милости прося и победы на видимых и невидимых врагов.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

[Об иноческом чине]

...Бысть в лета наша в русской земли Божие попущение, а дияволе злохитрие: изникоша из бездны мниси, нареченныя монахи, имеющие на себе образ любодейный: камилавки — подклейки женския и клобуки рогатыя*; получиша себе сию пагубу от костела римскаго. Бысть в Риме, прежде собора Фларенскаго, на престоле, в папах баба еретица*. В Римской церкви, по пущению⁵ Божию, устроила себе клобук на подклейки,— сицевым образом, яко же Никон, еже носят и ныне прельщении тамо и здесь. Идушу ей, любодейце, за кресты, в ходу родила, на пути идучи, младенца выблядка. Разумевше же римстии людие, извергоша от сана святительства, яко на Москве врага Божия, патриарха Никона; клобук же ея и всяко мудрование в церкви не изриновено бысть.

4 В других списках: не подобает ми — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 18; ГБЛ, собр. Олонецкой семинарии, № 54, л. 16 об.; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 36, об.; БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 170 об.; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 80.

5 В других списках: по попущению Божию — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 21; № 1885, л. 69; № 1898, л. 24 об.; ГБЛ, собр.

И от тогдаб в церкви их слабость бысть велия: жены и девы во олтарь входяща, за престолом, на горнем месте: саждахуся; людие же ослабеша и не брегуще о сем, понеже ереси одоле благочестие. И егда умножися грех, ту преизбыточествова благодать. При Евгении*, папе Римском, воздвижеша род христианский от простаго чина, изгнаша еретика, папу Евгения, в Базилийский град. На месте же его в Риме возведоша папу именем Феликса*. И бысть распря в народе между большими и меньшими, понеже больший поборающе по Евгении, а меньший народи по Фелике. Понеже Феликс держа во церкви старое благочестие и за сие дело любим бысть народу; а Евгений еретик мздою великих ударил. И того ради бысть в них разделение. И увещаша вельможи народ, даже соберут вселенский осмый собор на исправление падения своего. Богу же попушающе, по начинанию сердец их, а врагу действующу, собрашася на сонм той лукавый царь, и патриарси гречестии, и весь Восток и Запад, от всех стран; и наш митрополит Исидор Московский таможе бысть.

И сотвориша во Флоренце граде собор*, яко и у нас бысть ныне при вселенских в Москве такая же лукавая сонмища; утвердиша прелесть свою паче прежнего. Не приста же совету и делу их епископ Марко Ефесский*. И осудиша его в заточение смертное, якоже и нас, бедных, здесь. Да воздаст им Господь по делом их! Тогда Феликс, видя свое изнеможение, уступи папство Евгению. Он же, Евгений, прииде на собор в прежереченном рогатом клобуке, управлял и правило иноческая отмещуще. И приписаша царь и власти гречестии к нему, лукавому собору, руки своя. Сия уставы и в Царь-град пришли: оттоле и греки развратилися; клобуки такая вздели на себя и иныя догматы Флоренскаго собора учиниша в церквах своих. Тому времени 282 года, как бысть Фларенский собор*. Писано в летописцах латынских, и в летописцах русских помянуто. Оттоле в Риме и повсюду нача болезнь болети болезненно, и распространятися гной по вселенной всей. Царь же Иван Калужан* поехал домой, умре на пути, его же земля не прия в недра своя. А патриарх Иван Антиохийский в Риме зле живот свой сконча, егда начат руки прикладывать, в то время ангел исторже душу от него. А Цареградский Иосиф*, разболевся, приволокся домой. А митрополит наш Московский приехал домой с гордостью. Его же князь великий и встретить не велел, понеже гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской вез, а по левую крест Христов. За сие его князь предал под начал*: он же, тайно убежав паки в Рим, и тамо скончася зле. А кои правовернии, на соборе том бывше и не хотя рук приложити к приговору сонмищы лукавыя тоя: римляне же их овых заточиша, а инии разбегошася. И наш старец Сергиева монастыря оттоле ушел и на пути заблудил, ему же явился игумен преподобный Сергей Радонежский*, и проведе старца сквозе нужна места, и путь указал. И спросил преподобный старца, глагола ему: «видел ли еси третьяго-надесять апостола, Марка Ефесскаго?» Старец же, поклонися ему, рече: «ей, отче, и благословения сподобился от руки его». Таже Сергей невидим бысть, старец же прииде

восвоя и поведя всем. Видите ли, вернии, римское-то дело родилося каково хорошо! А и у нас на Москве той нехуже тово. Мне царя тово бедново жаль пуше всех греческаго: здешняя и вечная вся погубил! Посем брата ево роднова, Константина царя, предал Бог за отступление-то сие Магнету, турецкому царю, и все царство греческое с ним*.

А на Русь было напруг в мимошедшем году*. Да еще удержа молитвы сидящих по темницам и тюрьмам, вопиющих к Богу день и ночь. А никонияне пуши устремившаяся на зло, чают добро творят, еже пожигают Христовых людей. Бог ожидает обращения их и дает время на покаяние их, пострашает тем и сем; а им мнится — ради достоинства их терпит. Увы, ослепил сатана! Водимы духом противным, и сами не сведят⁷, камо грядут. Токмо жги да пали, секи да руби едиnorodных своих! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидетели нашей крови изливающейся. Толико наша великая вина, еже держим отец своих предание неизменно во всем! Аще мнится имя иззергнути от памяти преже бывших царей и патриархов и всех, на что оне нам после себя оставили книги сия, за них же мы полагаем душа своя! Аще ли им памяти честне творят и святых русских почитают всех, их же мы уставы и предания неизменно держим: за что же нас мучит и губит? Али не правду говорю? Отвещай ми! Что задумался? «Безумие, в сию ночь ангел душу твою истяжет от тебе, а яже уготова, кому будет?»* Разве турецкому царю? Ох, ох, затмение ума!

А все-то блюдолизы римские устроили с Никоном врагом гонение сие на христиан. Да воздаст им Господь по делом их! Мы же со Христом не боимся ваших гроз, любим сию старину, преданную от святых, и не изменяем риз священных и простых, понеже изменения ради риз гнев Божий на люди живет. Почти себе пророка Софония 3 главу*; он тебе повестит, что случается от Бога изменяющим ризы не токмо священный, но и про-стыя на себе. А то малое ли дело: Богом преданное скидали с голов, и волосы расчесали, чтобы бабы блудницы любили их; выстави рожу свою да подпояшется по титькам, воздевши на себя широкий жюпан! Так-то святые предали смирения образ носить? Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает. Не ведаешь? А где тебе ведать. Всегда пьян и блуден,— прости, не то тебе на ум идет, как душу спасти. Василий Великий икону повелевает* мало и на небо глядеть, но всегда1 землю зри. А егда за трапезою с братиею ясти сядешь, тогда и паче клубуком лице свое накрой, да же не видят друг друга, како ядят.

...Подобает истинному иноку дела Христу подобитися, а не словесы глумными, и так творить, якоже святии. Помнишь ли? Иван Предтеча* подпоясывался по чреслам, а не по титькам, поясом усменным, сиречь кожаным: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, даже брюхо-то не толстеет. А ты что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе ребенка, подпоясываеся по титькам! Чему быть! И в твоём брюхе том не меньше ребенка бабья накладено беды тоя,— ягод миндальных, и ренсково, и романей, и водок различных с вином процеженных налил: как и подпоясать. Невозможное дело, ядомое извредить в нем. А сей ремень

на тебе долог!⁸ Бедные, бедные! Так-то Христос приказал жить и святии научиша! Увы, погибе благоговейный от земля и несть исправляющего в человецех. Ну-су полно браниться— тово нам. Приимите вы первыя наши святыя и непорочныя книги, их же святии предаша, и обычая свои дурныя отложите: мы станем пред вами прощатися о Христе Иусе, Господе нашем. Писал протопоп Аввакум своею рукою.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ [Об иконном писании]

...По попущению Божию умножися в нашей руской земли иконнаго письма неподобнаго изуграфы*. Пишут от чина меньшаго, а велиции власти соблаговоляют им*, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившися, по писанному: слепый слепца водая, оба в яму впадутся, понеже в ноци неведения шатаются; а ходяй во дне не поткнется, понеже свет мира сего видит, еже есть: просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования еретическая и потонку разумевае вся нововводная, не увязает в советех, яже умышляют грешнии. Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила*, лице одутловато, уста чернованная, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же Бог наш тонкостны чюства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргарите слово Златоустаго на Рожество Богородицы, в нем писано подобие Христово и Богородично: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша.

А все то кобель борзой Никон, враг*, умыслил, будто живыя писать, устрояет все по-фряжскому, сиречь по-неметцкому. Якоже фрязи пишут образ Благовещения пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колени висит,— во мгновения ока Христос совершен во чреве обретесе! А у нас в Москве в Жезле книге* написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретесе совершен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесяти лет. Вот смотрите-су, добрыя люди: коли с зубами и с бороною человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: бывало ли то от века? Пуще оне фрягов тех напечатали, враги Божий, Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святия научают нас, Иван Дамаскин и прочий: в членах, еже есть в составех, Христос, Бог наш, в зачатии совершен обретесе, а плоть его пресвятая по обычаю девятomesячно исполняшесе; и родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет. Вот, иконники учнут Христа в рожестве с бороною писать, да и ссылаются на

⁸ В других списках: надобе долог—ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 26; № 1885, л. 75; № 1898, л. 29; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 41; БАН, собр. Дружинина, № 467, л. 180; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 92.

книгу ту: так у них и ладно стало. А Богородицу чревату в Благовещение, яко же и фрязи поганья⁹. А Христа на кресте раздутова: толстехунок миленькой стоит, и ноги те у него, что стульчики.

Ох, ох, бедныя! Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступов и обычаев! А Николе Чюдотворцу имя¹⁰ немецкое*: Николай. В немцах немчин был Николай*, а при апостолах еретик был Николай*; а во святых нет нигде Николая. Только с ними стало. Никола Чудотворец терпит, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову ту назад рожею заворотил, да пускай бы по Москве той так ходил. Да что петь делать? Христос им время-то попустил, якоже Июда апостол пишет: «яко Господь люди от земли Египетския спасл, последи неверовавших погуби. Ангелы же, не соблюдшая своего начальства, но оставльших свое жилище, на суд великаго дне узами вечными под мраком соблюде»*. Виждь, слышателю, яко терпит им Бог, яко и бесом, до суднаго дни. Тогда им весь указ будет; а ныне пускай их поиграют с бесами теми заодно над Христом, и над Николою, и над всеми святыми с Богородицею, светом нашим, да и над нами бедными, что черти над попами,— пускай возьматся! Златоуст Иван и лутче нас был, а как время пришло, так спрятали* так же, как и нас. И Филипп митрополит на Москве*. Да много того есть. Коли же кто изволил Богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришину Филипп. Кольми же за церковной изврат,— всяк правоверный много не рассуждай, пойди в огонь. Бог благословит, и наше благословение да есть с тобою во веки! Не по што в Персы итти, печи огненныя искать, но Бог дал дома Вавилон*: в Боровске пещь халдейская*, идеже мучатся святии отроцы*, херувимом уподобльшися, трисвятую песнь воссылающе.

Право хорошо учинилося. Лучше дому Новходоносорова, палаты и теремы златоверхими украшены, преграды и стены златом устроены, и пути камнями драгими намощены, и садовие дресва различныя насажены, и птицы воспевающе, и зверие в садах глумящися, и крины и травы процветающе, благоухание износяще повеваемо. А Навходоносор, раздувшися, глагола ко Господу Богу небесному: «ты царствуешь на небеси, а я подобен тебе, здесь, на земли». И егда виде Бог гордость его обратную, претвори Навходоносора сопреди тельцом, а создади львом*, и хождаше в дубраве со скоты 7 лет, ядый траву, дондеже покайся. Так-то Господь гордым противится смиренным же дает

9 В другом списке: поганцы — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 28.

10 В других списках: дали имя — ГБЛ, собр. Егорова, № 1366, л. 28 об. имя немецкое написали — ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 41 об.; ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 93 об.

благодать*. Разумейте, правовернии, как трие отроцы, ради своего страдания, в царстве, по всей поднебесней величаются, а Новходоносор уничижается. Сие дело предлежит во образ за хотящих наследовати спасение.

Не покланяйся и ты, рабе Божий, неподобным образом, писанным по немецкому преданию, якоже и трие отроки в Вавилоне телу златому, поставленному на поле Дейре. Толсто же телищо-то тогда было и велико, что нынешние образы, писанные по-немецкому! Да и много же у них изменение тово во иконах тех: власы расчесаны, и ризы изменны, и сложение перстов — малакса. Вместо Христова знамения — малаксу погубную целуй! Знаешь ли, что я говорю? А то руку ту раскорякаю тою пишут. Не умори, не целуй ея, то антихристова печать*. Плюнь на нея; привяжется дурная мысль. Бude образа подобна написана не прилучится: и ты на небо, на восток, кланяйся, а таким образом не кланяйся. Посем мир вам от нас и благословение. Я, грешной протопоп Аввакум, со отцы и братиею о Христе Иусе, вам светом, всякому верному, попремногу челом бьем. Молитесь о нас, а мы должны о вас. Богу нашему слава о всем, аминь.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

[О внешней мудрости]

...Альманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики познали Бога внешнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своею мудростию начинающе, якоже первый блядивый Неврод*, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис* пияница, и Артемида любодеица*, о них же Гронограф и вси кронники свидетельствуют*; таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель* и Диоген*, Иппократ* и Галин*: вси сии мудри быша и во ад угодиша, достигоша с сатаною разумом своим небесных твердей, и звездное течение поразумевше, и оттоле пошествие и движение смотрях небесного круга, гадающе к людской жизни века сего,— настоящей, или тщету, или гобзование,— и тою мудростию своею уподобляхуся Богу, мнящеся вся знати. Якоже древле рече диавол: «поставлю престол мой на небеси и буду подобен вышнему»*, тако и тии глаголют; «мы разумеем небесная и земная, и кто нам подобен!» И взимахуся блядины дети выше облак,— слово в слово, яко и сатана древле.

Сего ради отверже их Бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение. Вси христиане от апостол и отец святых научени быша смиренню, и кротости, и любви нелицемерной; с верою непорочною, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешняя,— поразумевати и луннаго течения,— но на самое небо восходят смиреннем ко престолу царя славы, со ангелы сподоблятися славити Бога; души их во благих водворяются, а телеса их на земли нетлени быша и есть. Виждь, гордоусец и альманашник, твой Платон и Пифагор: тако их же, яко свиней, вши съели,

и память их с шумом погиге, гогдиги их и уподобления ради к Богу. Многи же святии смирения ради и долготерпения от Бога прославившася и по смерти обоготворени быша, понеже и телеса их являют в них живущую благодать Господню, чудесьми и знаменьми яко солнце повсюду сияют.

Виждь, безумной зодийшик, свою богопротивную гогдость, каковы плоды приносите Богу и творцу всех, Христу; токмо насыщатися, и упиватися, и баб блудить ваше дело. Прости — не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дело, но бесовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати: понеже плоть от плоти наша и кость от костей наших, тела нашего и уды отчасти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство! Уже бо разлучишася от святых зде и в будущем веце. Како о вас не плакать? Плачу, рече, яко взял вас живых диавол и не вем, где положити хоцет: яве есть, сводит в преглубокий тартар и огню негасимому снеть устроает. Посмотритко на рожу ту, на брюхо то, ннкониян окаянный,— толст ведь ты! Как в дверь небесную вместится хоцешь! Узка бо есть и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие. Возри на святые иконы и виждь угодившия Богу, како добрыя изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе, и вся чувства тончава и измождала от поста, и труда, и всякий им находящия скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишете таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих и ноги и руки яко стульцы. И у кажного святаго,— спаси Бог-су вас,— выправили вы у них морщины те, у бедных: сами оне в животе своем не догадалися так сделать, как вы их учинили! Помните ли? — на сонмице той лукавой, пред патриархами теми вселенскими*, говорите мне, Иларион и Павел*: «Аввакум милой, не упрямяся, что ты на руских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить!» Помните, чаю, не забыли,— как я бранить стал, а вы меня бить стали. Разумныи!11 Мудрены со дьяволом!

Нечего рассуждать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олtare за афедрон хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелагатаи, другия немцы руския. Святых образы изменили и вся церковныя уставы и поступки: да еще бо християном милым не горько было! Он, мой бедной, мается шесть-ту дней на трудах, а в день воскресной прибежит во церковь помолити Бога и труды своя освятити: ано и послушать нечего — по-латыне поют, плясавицы скоморошьи! Да еще бы в огонь християнин не шел! Сгорят-су

11 В других списках: разумные свиньи ГБЛ, собр. .Егорова,

все о Христе Иисусе, а вас, собак, не послушают. Да и надобно так правоверным всем: то наша и вечная похвала, что за Христа своего и святых отец предания сгореть, да и в будущем вечно живи будем, о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

ИЗ БЕСЕДЫ ВОСЬМОЙ [Об Аврааме]
«О МЕЛХИСЕДЕКЕ»

...Сей Мелхиседек сын царев, отец его именем Мелхил, матери Салима, брат Мелхил же. Отец же его любляше брата его Мелхила, а матери его любляше Мелхиседека. И восхоте отец его, Мелхиседека, на жертву богам принести; матери же плакаше о нем и глагола мужу своему: метнем жребия о чадах наших и по жребию на жертву Богом возложим. И паде жребий на Мелхила, к пожрению сотвориша велие торжество, и инии чад своих с царевичем уготовиша на жертву великую. А скота, овец и быков и прочих, и масла, и круп, числа нет. Все царство их снидесе на празднество се. Мелхиседек же отиде в гору, в чащу леса, и моляшесе Господу Богу небесному с воплем крепким, да пожрет земля отца его и матери, и брата, и всех, жертву творящих истуканным Богом.

Бог же с небесе услышав его молитву, повеле расступитися земле и пожре их и грады и царство все. Оста един Мелхиседек в горе, не имый отца и матери, ни причта роду, уподоблен Сыну Божию: напоследок Господь наш воссия на земли от девы, не имый отца на земли, а на небеси без матери,— здесь без отца родися, а на небеси без матери; прежде век вечных из чрева от Отца родися, не имать начала днём, ни животу конца, по чину Мелхиседекову царь и священник пребывает во веки. Не якоже в Моисееве законе кровию козлию, и тельчею жертвы приношахуся о гресех на всяк день, но единою Христос себя принесе в жертву Отцу Своему, и освятив нас кровию своею и сыны света сотвори, и наследники царствию небесному. На што нам лутче тово? Сыны Божия стали верующии во Христа! А никонияна сыны дияволи: понеже не любят Христа и божественнаго его креста. Сей Мелхиседек, живый в чащи леса того, в горе сей Фаворской, семь лет ядый вершия древес, а вместо пития росу лизаше*, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых, и вишневых, и белых розных крепких.

Друг мой Иларион*, архиепископ Рязанской. Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты кто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! Недостоин суть век твой весь Макарьевского монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве? Явно ослепил тебя диявол! Где ты ум-от дел? Столько добра и трудов погубил! На Павла

митрополита что глядишь? Тот не живал духовно*,— блинами все торговал, да оладьями, да как учинился попенком, так по боярским дворам блюдолизить научился: не видал и не знает духовнаго тово жития. А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением тем в тебя бросали на Лыскове том у мужика того, как я к тебе приезжал! А ныне уж содружился ты с бесами теми, мирно живешь, в карете с тобою же ездят и в соборную церковь и вверх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им. Как им тебя не любить? Столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором, еще же и учением своим льстивым и пагубным многих неискующих во ад сведе! Никто же ин от властей, якоже ты, ухищрением басней своих и пронырством царя льстишь и люди Божия губишь. Да воздаст ти Господь по делом твоим в день страшнаго суда!

Полно мне говорить. Хощу от вас ныне терпеть. Якоже образ нам даде Христос, терпя от жидов: тако и мы ныне от вас не стужаем,— терпим о Христе до смертнаго часа. Хощу и всех, да же постражут, якоже и мы, а мы якоже и Христос, от вас, новых жидов. Иларион! Не лгу веть я,— сердиты были и жиды те, якоже и вы: Исайю пророка пилою претерли*; Иеремию* в кал ввергли; Науфея камением побили*; Захарии главу отрезали в церкви*, якоже и вы меня, стригше в церкви, браду отрезали*; напоследок и самого Сына Божия убили, истинну им свидетельствующа; архидиякона Стефана камением побили*; Иякова, брата Иванова, мечем скончали*. Да и много у них стряпни той было,— почтите токо.

И вы не меньше их наклочили беды той, людей тех перегубили, мняся службу приносить Богу. Мне сие гораздо любо: руская освятилася земля кровию мученическою. Не ленитесь, бедные, подвизайтесь гораздо, яко Махмет, подклоняйте под меч непокоряющихся в веру свою, да и по смерти своей, яко Ирод древле, прикажите владык и старейшин галилейских на память кончины своея побить. Да пускай плачет Израиль, в день умертвия вашего поминая мертвыя своя.

...Молю убо аз, юзник, вас всех страждущих о Христе: претерпим мало здесь от никониян, да Бога вечно возвеселим. С ним и мы возрадуемся: ныне же в зеркале и в гадании, таможе со Христом лицом к лицу. Ныне нам от никониян огонь и дрова, земля и топор, и нож и виселица; тамо ангельския песни и славословие, хвала и радость, и честь, и вечное возрадование. Яра ныне зима, но тамо сладок рай. Болезнено терпение, но блаженно восприятие. Да не смущается сердце ваше и устрашается. Слышите Господем реченное: «блажени плачущий, яко тии утешатся»*, и: «многими скорбьми подобает нам внити в царство небесное»*. Не начный блажен, но скончавый: «претерпевый до конца, той спасен будет».

Всяк верный не развешивай ушей-тех. На Богородицу и всех святых, уповаем, конечно: не оставит нас Господь и Богомати. Аще они нас и мучат и гонят, а сами дрожат; шлюсь на их совесть нечистую. А

праведник уповая, яко лев рыкая, ходит, не имать попечении о чем, токмо о Христе. Станем братие добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аще и покушаются никоииане нас отлучити от Христа муками и скорбми: да статочное ли дело избидить им Христа? Слава наша Христос, утвержение наше Христос, прибежище наше Христос.

Я, братия моя, видал антихриста тово, собаку бешаную-право, видал, да и сказать не знаю как Не-са мне печальну бывшу и помышляющу, как приидет антихрист, враг последней, и коим образом, да сядя молитвы говоря, и забылся, понеже не могу стоять на ногах — сядя молюся, окаянный. А се на поле на чистом много множество людей вижу. И подле меня кто стоит. Я ему говорю: «чего людей много в собрании? Он же отвеща: «антихрист грядет; стой, не ужасайся». Я подперся посохом двоерогим своим протопоповским, стал бодро: ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека, плоть та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит. За ним царь наш наследует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хощу его бить Он же мне отвещал: «что ты, протопоп, на меня кончишь? Я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми, сих во области держу». Да изговоря, пал предо мною, поклонился на землю. Я плюнул на него да и очутился^{12*}, а сам вздрогнул и поклонился Господеви Дурно сильно мне стало, ужасно, да нечезо на то глядеть!

Знаю я по Писанию о Христе и без показания, скоро ему быть. А выблядков тех ево уже много бешаных собак. Нас же да избавит от них Христос, Сын Божий, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕВЯТОЙ

[Толкование на 87—88 зачало Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна]

Апостол: «Не точию же, но и хвалимся в скорбех, ведуще, яко скорбь терпение соделовае, терпение же — искусство, искусство же — упование, упование же не посрамит: яко любы Божия излися в сердца наша Духом Святым, данным нам»*.

Толкование: Паки реку: ей, хвалимся и радуемся в скорбех своих, мучими от вас, никониян, в темницах, и во оковах, и в смертях многажды от вашева жалованья. Двадесять два лета плаваю и так и сяк, иногда наг, иногда гладей, иногда убит, иногда на дожде, иногда на мразе, иногда на чеппи, иногда в железзах, иногда в темнице, кроме повседневных нападений и разлучений жены и детей*. «Кто изнемогает, и аз не изнемогаю? Кто соблажняется, и аз не разжизаюся?»* Но

¹² в другом списке: очувствовался — ГБЛ, собр. Егорова, №1366, л. 66 об.

терплю, бедной, о Христе Иисусе упованием будущих благ. А ты, никониян, чем похвалишься? — скажи-тко! антихристом своим нагим разве, да огнем, да топором, да виселицею? Богаты вы тем! — знаю я. Да кто от святых так делал? Разве Саул* царь, сын Киссов. Егда Доик оклеветал архиерея Авимелеха и сына его Авиафара про зятя его Давида, понеже угостили его и оружие Галиафово отдали ему: уведав же Саул мерский от Доика Идумейска и приказал, взбесясь, леввит со архиереи тысящи с две и больши убить*. Ни пути, ни дела!

Так то и вы ныне: секи да руби, жги да пали, да вешай! А неведомо за што. Сами же соблюдили над церковию с Никоном с носатым и с брюхатым, с борзым кобелем, отступником и еретиком, да бросайся на тех, кои правду говорят. Больно-су нам! Мать нашу ограбили святую Церковь, да еще бы мы ж молчали! Не умолчим-су и по смерти своей вашему воровству. Отдайте матери нашея имение все, и аз-от, которой передвигнули на иное место, положите на старом месте, где от святых отец положен был*. То малое ли дело; всю невесту Христову разорили. Разорили римляна воры, блядины дети,— разорили, зело обесчестили! Бесятся, играют в церкви той! Кой что захватил, тот то и потащил: иной за сердце-то ухватил, еже есть престол святой четверостолпый переменял и пятой столп в середине учнил и тут мощи положил, а иной вор за голову невесту Христову ухватил и венец богоукрашенный сорвал, еже есть древо жизни и спасения, древо бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетленно и неизнуряемо, крест трисоставный, честное древо, троица бо носит трисоставный образ. Сице пишет Григорий Синаит*: «радуйся, кресте, образе неописанный и многоименный, древо требогатое, страшное же и всеблаженно, радуйся, кресте всесвятой и всеильный, радуйся, хранителю жизни нашея, Господень кресте многоветый, образом своим беседы низлагая, враги отгоняя, страсти упражняя, и благословение даруя нам, и жизнь и силу содействием Святаго Духа, и честными пречистыя мольбами нам, свет, помогая». А от воров терпи,— пускай тебя бесчестят.

...А иной вор церковной с просвир Христов крест схватил да крыж римской положил. А просвиру ту Предоточю, что таракан изгрыз, девять дыр сделал, а сам говорит: «в девять чинов небесных сил так надобе». Господи помилуй! Где у них ум-от? Да мне видится, чины-те небесныя бесплотны, а жертва та приносится в воспоминание бывших на земли плотных, самого Христа агнец, а вторая просвира — Богоматери, а третья всех святых,— неразлучным соединением, в части единой, все лики святых купно в мольбу предлагаем к Богу о наших согрешениях, воспоминая им сродник наших; труды и подвиги пред Богом, и милися деим к ним же сочетаться в неразлучное соединение сего ради приношения; а лики частями не разлучаем их: се бо есть нечестиво, аще кто разлучает их, единаче послуживших Богови. Таже четвертую просвиру и часть из нея приносим со агнцем предложенным о чине святительства, да же правят дело Божие, и о спасении их. Таже пятую

просвиру и часть из нея приносим о цари благочестивом и всем княжестве, пекущихся о правоверии. Таже шестую просвиру и часть из нея приносим со агньцем к Богу о всех живущих на земли, да же ради части сея подаст всему миру долгоденство и здравие и спасение. Таже седьмую просвиру и часть из нея приносим за усопшия в правой вере, да же ради части сея помянет Бог души отец и братию наших во царствии своем. Аще и за единаго изволишь часть принести особь, да будет особная просвира; нечестиво бо есть един хлеб многожды святить и един, принос к Богу дважды и трижды приносить, якоже никонияна из единаго хлеба самочинием многи части приносят в принос.

Повесть писана в Духовном Цветнике*. Некий священник егда творяще просвиромисание, прихождаше к нему Дух Святый в видении орла, священник же действуя, взираше на него. По прилучаю же пономарь над просвирами прежде священника в пекарне действо сотвори по обычаю олтаря и принесе к действию священническому. Егда же священник нача просвиромисать, и не бысть пред ним в видении орла. Он же начат плакався, которати себя, глаголя: «яко греха ради моего не прииде, Святый Дух». Бысть же глас к нему; «сего ради не прииде к действию твоему, яко закланное ми паки закалаешь и принесенное паки приносишь», Священник же вопросив пономаря о тайне сей; он же исповедав подробно вся, како учинил, пад пред священником, прощения испросил. Видишь ли, никониянин, что вы делаете, над одною просвирою кудесите,— дыр с 300 навертишь! Ох, собаки! Переменили предание святых отец и пять просвир вместо седми возлюбили. Так же и в Риме прежде вас соделалося. Папа еретик,— забыл я имя ему, Спиридон Потемкин* покойник помнил,— так же откинул от седми две просвиры: подобает-де над пятию просвирами служить в пять чувств человеческих. А другой папа после тово еще две откинул: подобает-де над трема служить во образ святыя Троицы. А после тово третий папа еще две откинул: подобает-де над единою служить во едино Божество. А иной папа: не подобает-де кислой просвиरे в службе быть, но опреснок* надобе Моисеева закона ветхаго.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕСЯТОЙ

{Беседа о наятых делателях}

...В Луке зачало семьдесят третие: «нищ же бе некто именем Лазарь, иже лежаще пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупиц, падающих от трапезы богатаго. Но и пси, приходяще, облизаху гной его. Бысть же умрети нищему, и несену быти на лоно Авраамле. Умре же богатый, и погребоша его, и во аде. Возвед очи свои сый в муках, узре Авраама издалеча и Лазаря в недрах его. И той возгласи, рече: «отче Аврааме, помилуй мя и повели Лазаря, яко да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой, яко стражду в пламени сем». Рече же Авраам: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоем, и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страждеши. И над всеми сими

между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящий прейти отсюда к вам не возмогут, ниже оттуду к нам переходят». Рече же: «молю тя убо, отче, да послещи его в дом отца моего, имам бо пять братия, яко да засвидетельствует им, да не и тип придут на место се мучное». Глагола ему Авраам: «имут Моисея и пророки, да послушают их». Он же рече: «ни, отче Аврааме; но аще кто от мертвых идет к ним, покаются». Рече же ему: «аще Моисея и со пророки не послушают, ниже аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры»*.

Видите ли, братие, како смири его мука? Преже даже пред очима не видел Лазаря гнойна, а ныне зрит издалеча и мил ся деет ко Аврааму, а Лазарю говорить сором, понеже не сотворил добра ничтоже. Возьми,— пойдет Лазарь в огонь к тебе с водою! Каков сам был милостив! Вот твоему празднеству отдание! Любил вино и мед пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленные куры: вот тебе в то место жару в горло, губитель души своей окаянной! Я не Авраам,— не стану чадом звать: собака ты! За что Христа не слушал, нищих не миловал? Полно-тко милостивая душа Авраам-от миленькой,— чадом зовет, да разговаривает, быт-то с добрым человеком. Плюнул бы ему в рожу ту и в брюхо то толстое пнул бы ногою! Да что тово говорить? — по себе я знаю: хотя много надосадит никониянин, да как пришед с лестиго бывало: «ведаю твое чистое, и непорочное и богоподражательное житие, помолися о мне, и о жене, и о детях, и благослови нас!» — так мне жаль станет, плачу пред Богом о нем. Да и ныне ево жаль,— не знаю што. Завел его собака Никон за мыс, а то он доброй человек был, знаю я его. Полно тово.

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ ПСАЛМОВ]

Псалом: «Обновится, яко орлу, юность твоя»*.

Толк: Чти Алфавит, да разумееш, како обновляется орел. Аще внимаеш, и аз ти повем. Егда состарееся орел и обветшает весь, тогда обретает источник воды чистыя я возлетает выспрь с великим трудом, еже есть в высоту, взимается к небесному огню, сиречь близ солнца подлетит, и обгорит вся ветхость на нем; он же паки возвращается на прежереченный источник чистыя воды и измывается довольно в нем, и, паки опернатев, бывает юн вместо ветха. Ну, душе, сотвори и ты так. Аще обетшала грехми, да обновится, яко орлу, юность твоя; так же прибегни ко огню небесному, попяляющему терние наших грехов*. С Павлом реку: «Бог наш огонь паядаяй есть*. И измойся чистою водою естественного*, еже есть крестися паки во второе, по Писанию, понеже второе крещение грешнику — слезы и покаяние. Да обновится, яко орла, юность твоя.

...Псалом: «Господь на небеси уготова престол Свой и царство Его всеми обладает»*. Толк: Царствует Господь наш Иисус Христос над всею тварию, над верными и неверными, еллинами, иудеями и самими бесами. Не пресекается царство его, и его же царствию несть конца. Слыши,

никониянин, что глаголет пророк, яко вечно царство Господне и не пресекается времени. Аще и блядословишь на погибель себе, не по разуму говоря; «его же царству не будет конца», и я на тебя не дивлю: понеже пьян ты, упился еси от жены любодеицы, сидящая на водах многих и ездящи на звери червление. Зело пьяно вино и пьяно питье у блядки. Нарядна вор-блядь; в царской багрянице ездит и из золотой чаши подливает*. Упоила римское царство и польское, и многия окрестные веси, да и в Русь нашу приехала* во 160 году*, да царя с царицею напоила: так он и пьян стал; с тех мест не проспится; беспрестанно пиет кровь свидетелей Исусовых. Ну, разумеете ли про жену ту, чада церковная? Всякая ересь блядня глаголется. У еретиков у всех женская слабость: якоже блудница всякова осквернити желает, тако и отступник Никон с товарищи всех тщится перемазать сквернами любодеяния своего, да же отведет от Бога великия и малыя, богатя ми убогия, смиренныя и нищия, старыя и младыя; юноша и девы и ссуция сосца материя младенцы — всех сих еретик ищет погубить и ко диаволу подклонить.

...Псалом: «Слово законопреступно возложиша на мя: еда спяй не приложит воскреснути»*. Толк: Жиды лгаху Пилату на Христа, ведяще, да распнет Его*, и ругающесе глаголаху: «аще снидет со креста, упова на Бога, да видим и веру имем Ему!»* А нынешние жиды, в огонь сажая правоверных христиан, тоже ругаяся говорят: «ащеде праведен и свят, и он-де не сгорит!» А кой и не сгорит, и оне, иссекши бердышами, и паки дров насеченных накладут, да в пепел правоверных жгут, яко и там на кресте Христа мертва в ребра мужик стрелец рагатиною пырнул*. Выслужился блядин сын, пять рублев ему государева жалованя, да сукно, да погреб! Понеже радеет нам, великому государю. Ох, ох, бедныя!

Псалом: «Ибо человек мира моего, на нь же уповах, ядый хлебы моя, возвеличи на мя пята»*. Толк: Сие реченно о Июде предатели. Ступил на шею Христу тому свету враг Божий, забыл хлеб-соль; все на руках было, и ковчежец имеяша и вметаема ношаше*. Да что на Июду? И ныне много таких; всяк Июда, иже льстит и обманывает, любя тленные вещи и серебро паче души своея.

...Псалом 41: «Им же образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, Боже»*. Толк: Елень бо зверь легкий и быстрый, питается мохом, и зиму и лето щиплет подле земли пищу свою, и по прилучию пожирает змей и поглотаает живы во утробу свою; змия же, егда утробу терзати начнет, елень же течет быстро на источник водный и, пиюще текущую воду, умерщвляет в себе змию и паки здрав и жив бывает: еще ли же не получит воды в той час, змия его умерщвляет (о сем писано во Алфавите). Сице подобает и нам желание имети к Богу. Пожерше змию мысленную, еже есть беса возгнездившагося в нас, многокозненными умыслами и страстьми различными на вечную смерть устрояюща*. Дондеже есмы в животе, потщимся взыскати текущая (живыя воды, ею же Спас поил самаряныню жену, сице глагола к ней: «всяк пияй от воды сея, вжаждется паки, а иже пиет от воды, юже аз дам

ему, не вжаждется во веки; но вода, юже аз дам ему, будет в нем источник воды, текущи в живот вечный»*. Вот живая вода во Евангелики во всех святых писаниях. Заливай ею, слы-шателю, змей-те в себе.

...Псалом: «Красотою твоею и добротою твоею и налещи и спей, и царствуй, истинны ради, и кротости, и правды, и наставит тя дивно десница твоя»*. Толк: Силен-де ты, Христе, налищя налячещи лук свой на скипетры сатанины и спешно-де сотвори добротою своею красною, испровергше диявола; царствуй над грехом, кротости ради и правды истинны; наставит тя дивно десница твоя. Мудро Господь диявола тово победил, братия; обманул его, яко рыболов рыбу удицею подцепил. Евсевий Самосадцкий* пишет: «якоже лшение ловец на уду вон-зе, рыбу уловляет, тако и Христос плоть облече на Божество, утаився, диявола уловил». Дурачищо большой, не Адама в породе снадном обмануть! Сам, что собака бешаная, в петлю попал! Да ладно так Христос Сын Божий сделал,— заколол его деревянным копнем, еже есть трисоставным крестом, да и нам приказал тем же крестом его побеждать и власть дал, наступати на змию, и на скорпию, и на всю силу вражию.

...Псалом: «Помяну имя твое во всяком роде и роде. Сего ради людие исповедятся тебе в век и в век века»*. Толк: Зри, и нам поминати имя господне, великим и малым, во всяком роде, и апостольски во Христе жити. Да и есть в нашем роде; на них зря людие исповедятся Богу в век и в век века непрестанно. Наипаче же в нынешнее время в нашей России сами во огонь идут от скорби великия, ревнуя по благочестии, яко древле апостоли; не жалеют себя, но Христа ради и Богородицы в смерть идут, да вечно живи будут. А как-су нейти в огонь христианскому роду. Богородицу согнали со престола* инконияне-еретики, воры, блядины дети. Да еще бы не горько христианину! Горько-су будет, не покручинься. У христиан только и надежи она, упование, с Сыном своим и Богом. А еретики с престола сбросили и обесчестили. Ну, поп еретик, с чем о велике дни приидешь на двор ко крестьянину? Ни креста Христова в руках нет, ни образа Богородична! По польскому обычаю крыжок из зепи вынявши, и благословлять, смеяся, станешь. Ох, воры, блядины дети! Каковы митрополиты и архиепископы, таковы и попы наставлены. Воли мне нет да силы,— перерезал бы, что Илья пророк студных и мерских жерцов всех, что собак. А к чему их блюсти! Тушны уже гораздо, упиталися у трапезы Иезавелины* и держаще учение Валаамова, иже учаше Валаака положить соблазн пред сынми Израилевыми, ясти жертвы идольских и любы творити*. Ей, прямо так; не затеял я: чти книги 4-я Моисеевы, глава 24. Слово в слово так же и ныне. В Ферапонтове монастыре новой Валаам*, блудодей, царя тово развратил и выблядков тех наплодил. Знаете ли, вернии? Никон пресквернейший; от него беда та на церковь ту пришла. Как бы доброй царь, повесил бы его на высокое дерево, яко древле Артаксеркс Амана, хотяща погубити Мардохея и род Израилев искоренити*. Миленькой царь Иван Васильевич* скоро бы указ сделал такой собаке. А то чему быть! Ум отнял у милова, у нынешнева, как близ

его был. Я веть тогда тут был, все ведаю. Всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволом.

...А противник, еже есть антихрист, зачнетя от блуда, от жены жидовки, от колена Данова. Мнит ми ся, сам сатана сблудит с нею сим подобием, якоже змий ныне летает к женам*, дьявольской же дух; и дасться зачатому душа за плоть матерю. А хотя и бусорман сблудит, ино тот же поганец,— духом своим дьявол помажет его, так и стал помазанец. Исперва будет казаться людям кроток, и смирен, и милостив, и человеколюбив: слово в слово как Никон, ближней предтеча его, плакать горазд. Я ево высмотрил дьяволова сына, до мору тово еще,— великий обманщик, блядин сын! Как-то при духовнике том, Стефане, вздыхает, как-то плачет, овчеобразный волк. В окно из палаты нищим деньги бросает, едучи по пути нищим золотые мечет! А мир-от слепой хвалит! государь такой-сякой, миленькой не бывал такой от веку! А бабы молодые,— простите Бога ради,— и черницы, в палатах тех у него верременницы, тешат его, великого государя пресквернейшаго. А он их холостит, блядей. У меня жила Максимова попадьа, молодая жонка, и не выходила от него: когда-сегда дома побывает воруха, всегда весела с воток да с меду; пришед песни поет: у святителя государя в ложнице была, вотку пила. А иные речи блазнено и говорить. Мочно вам знать и самим, что прилично блуду*. Простите же меня за сие. И больши тоя безделицы я ведаю, да плюнуть на все. Слово в слово таков-то и антихрист будет.

...И царя тово враг Божий омрачил, да к тому величает, льстя, на переносе: «благочестивейшаго, тишайшаго, самодержавнейшаго государя нашего, великаго,— больше всех святых от века! — да помянет Господь Бог во царствии своем, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков». И веков тех,— и то в Кириллове книге* описует ересь: малое-де слово сие, да велику ересь содержит*. А царь-ет, петь, в те поры чается и мнится бутто и впрямь таков, святее его нет! А где пуще гордости той! Мерзко Богу горделиваго и доброе дело, колми же блудня и слабоумие, истинну, в неправде содержаще. И бесплотных на небеси не пощадил Бог за гордость и неправду, якоже Иезикииль пророк глаголет,— «херувим из среды огня извержен бысть, зане обретошася неправда в нем»*. Кольми же бернал человека не пощадит Бог за гордость и неправду. Прежде во православной церкви на переносе не так бывало, но ко всему лицу мирскому глагола дьякон и священник: «всех вас да помянет Господь Бог во царствии своем, всегда, и ныне, и просно, и во веки веком»; а до царя дошед, глаголет: «да помянет Господь Бог благородие твое во царствии своем»; а к патриарху пришед: «да помянет Господь Бог святительство твое во царствии своем».

1 брэнна — в Боровском списке (XVIII в.), по которому печатал отрывки из данного сочинения Н. Субботин (см.: Материалы, VIII, стр. VI, стр. VI, IX). В настоящее время этот список неизвестен и разночтение указывается на основании свидетельства Н. Субботина

А не в лице говорили имянем его, посылая во царство небесное: буде он и грешен, ино род его царев православен, а в роду и святой обрящется. Тако и патриарх, еще и согрешит нечто, яко человек, но святительство непорочно. А ныне у них все накое да поперег; жива человека в лице святым называй: коли не пропадет. В Помяннике напечатано сице: «помолимся о державном святом государе царе». Вот, как не беда человеку! А во Отечниках написано*: «егда-де человека в лице похвалишь, тогда сатане его словом предаешь». От века несть слышано, кто бы себя велел в лице святым звать, разве Навходоносор Вавилонский! Да досталось ему, безумному! Седьмь лет быком походил по дубраве, траву ядше, плачучи. Да, хорошо; слава Богу о сем. Как простил Бог слез тех ради, так потом годе усу тому воля давать; не стал уж раздувать, но и до смерти семеньми питаешься. А то приступу не было: «Бог есмь аз! Кто мне равен? Разве небесной! Он владеет на небеси, а я на земли равен ему!»

...Много мучительства сотворил и крови неповинный реки потекли. Во Апокалипсисе писано: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, а еще кто мечем убиет, подобает ему убиенну быти»*. Писание не лжет, будет так; проведен суд Божий; терпит Господь, наказуя, ожидая обращения. Манасии пятьдесят лет терпел, да дождался*. Также шаловал дурачищо, Бога отступя, и на высоких жрал, сиречь на горах болванам кланялся. Исая пророк, велегласная труба, так же ему журил, как и ныне бывает, и он ево на полы древяною пилою перетер: «навось! не указывай нам, великому государю! на нас то положено!» А кто положил? В коих правилах писано царю церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить? Только ему подобает смотреть и оберегать от волк, губящих ея, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных архиереов и истинных пастырей, иже души своя полагают за стадо Христово, а не тех, глаголю, пастырей слушать, иже и так и сяк готовы на одном часу перевернутца. Сии бо волцы, а не пастыри, душегубцы, а не спасители: своими руками готовы неповинных крови пролияти и исповедников православныя веры во огнь всажати. Хороши законоучителие! Да што на них дивить! Таковыя нароком наставлены, яко земские ярышки,— что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: «а-се, государь, во-се, государь, добро, государь!» Медведя Никон, смеяся, прислал Ионе Ростовскому на двор, и он челом медведю,— митрополитищо, законоположник! А тут же в сонмище с палестинскими седит*, бутто знает! А о Павле Крутицком мерско и говорить*: тот явной любодей, церковной кровоядец и навадник, убийца и душегуб, Анны Михайловны Ртищевой любимой владыка, подпазушной пес борзой, готов зайцов Христовых ловить и во огнь сажать. Добро-су, други, пришла ваша година и область темная. Творите, еже хотите. Нечево много говорить, не пособить подождать воли господни, аже умилосердится о нас бедных и услышит плач вопиющих к нему день и ночь. Надеюся, яко прекратит дние сии за молитв святых отец наших и подаст рабом своим отраду и

утеху. Да и при Манасии жерцы те также шурмовали; да как самово выдал Бог персам, так и все скуталися, и хвосты те, воскрылия риз своих, прижали. А Манасию татаровя в коноб всадили, самово изжарить хотели, как он жарил во Израили глаголющих истину и правду. Видит беду свою неминучую, яко не помогут боги, стоящий на горах высоких, притече душею ко истинному Богу, животворящему мертвыя, и возопи, в конобе медяне сидя: «Господи вседержителю, Боже отец наших, Авраамов, и Исааков, и Ияковль», и прочая. Вот, пророк Давыд не солгал, рекше: «броздами и уздою челюсти их востягнеши, неприближающихся к тебе»*.

Слава тебе, Господи! Любо и мне; хорошо так, Христе, Сыне Божий! А то с дураком ладу не было, все переломал на свой лад, и Сына Божия попрали, и кровь заветную осквернили, а в котле том узнали Авраамова Бога. И Авраам отец стал. А до того глупым звал, как и в Московском сонме: глупы-де были русские наши святые, грамоте не умели! Так и там было. Господь милостива покаяния ради избави его от смерти,— рассядися коноб, и ангел восхитя его и принесе во Иеросалим. Ну же он жерцов тех душить, и живых и мертвых: от вас-де разорение се, и мне была кончина! воры-де, блядины дети, с ума меня свели! А сам где был? А то Исая говорил. Полно противитца! Сам так захотел: новой закон блядивой положил, а отеческой истинной отрынул и обругал. Кто бы тя принудил? Самовластен еси и священная писания измлада умеши, могущая тя умудри-ти во спасение твое, да не восхотел последовати учению отца истиннаго духовнаго твоего, но приял еси змию вогнездящуюся в сердце твое, еже есть тогда и днесь победители. Кайся вправду, Манасия! Не гляди на Озию, во отчаяние пришедша, дерзнувшаго святая покадити*, но зри на богоотца царя и пророка Давида, Егда изочте Израиля и прогневал тем Бога, послан ангел и уби от полка его в три часа 70 000. Давыд же плакати и бияше в перси, глаголя: «аз, пастырь, согреших; аз тя, Господи, прогневах, а сии овцы ничтоже о сем разумеют; меня казни и дом мой, а сих помилуй!» II умилосердися Господь, покаяния ради царева, повеле ангелу престати от пагубы людцкой*. Виждь, начальных согрешения какову беду миру наносит, тогда и ныне и во веки. А в нашей России в 20 в 3 лета, отнележе враг развратил церковь и внесены быша еретический уставы, много пагубы бывало: мор на всю землю и сеча, и междуусобие, и кровь беспрестанно льется, за начальных игрушки. А еретики ему блазнят и лагодят, глаголя: «яко на кроткова, государь, Давыда напасти и беды на тебя и на царство твое бывают». А не молвят так, что-де, государь, войны те и смущение во царстве том, яко при Сауле царе, сыне Киссове; несть ли-де и во твоей души такового смущения, якоже и в его, Саулове, мерской, осмотрися-де, государь, и прибегни с покаянием к Богу, да милостив будет той zde и в будущем веке яко Манасии, умилосердися-де, государь, яко Ахав развративше Израиля; прибегни, яко блудница*; возопи, яко хананея*; припади, яко мытарь*, бия в перси, и, яко разбойник, возопи*: «помяни мя, Господи, егда придеси во царствии си», да милостив будет ти Господь Бог, не ревнуй лукавнующим, ниже завиди

творящим беззаконие, зане яко трава скоро истшут и яко зелие злака скоро отпадут*.

Престани-де, государь, проливати крови неповинных; пролей в то место слезы, угаси пещь, палящую рабов Христовых в Боровске и в Казани; с воздыханием из глубины сердца расторгни узы сидящих в темницах и изведи живых, закопанных в землю; припади к коленама их с покаянием, да умолят о тебе Бога, яко о Феофиле иконоборце Мефодий*. Древле также был миленький Мефодий-ет с двема разбойникама закопан в землю, яко и боярня Морозова Феодосья в Боровске с прочими, в земле сидя,: яко кокушка кокует.

...Пострижена ты уж нынеча, инокиня схимница Феодора*, миленькая моя! Как-то человеку тому, душка та коему больна, всяко домышляется, еже бо не во тщету жизнь изнурят! Хороша ты и так милостию Божиею была и без чернечества тово. А ныне и давно добро, кстае плакать сильно ладно². Также бы нам надобно царя тово Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветер гоня, облетая по аеру, яко пернат, ища станы святых, како бо их поглотить и во ад с собою свести. Но спаси его, Господи, имиже веси судьбами своими, Христе, за молитв кокушек тех, бедных, сидящих в земле.

...О царю Алексею! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Воззри на царя Давыда, что сотвори, внегда вниде к Вирсавии, жене Уриеве, сиречь у живова мужа отнял жену и на постелю к себе взял. Таже вниде к нему Нафан пророк и глагола пророку со дерзновением: «царю Давыде! даждь ми суд праведен на сильного, имущаго у себя сто овец, и едина бысть овца у некоего, он же, восхитя, и ту к себе привлече. Да судиши праведне обидящаго со обидимым!» Давыд же отвеща: «сотворивый неправду повинен смертному осуждению»*. И глагола ему Нафанз «царю Давыде! Ты сию неправду сотворил: понеже имаши триста жен и семьсот наложниц, не удоволився ими, убив боярина своего Урию, и жену его Вирсавию к себе же на ложе привлече. По суду своему повинен еси смерти». Давыд же рече: «о Нафане, что сотворю? Согреших, неправду сотворих». И глагола ему Нафанз «возри вспять и виждь осуждение твое». Обозревжесе Давыд, виде над собою ангела,— оружие наго держа, хотя его за беззаконие посети*. И возопи Давыд ко Господу: «помилуй мя Боже, по велицей милости твоей и по многим щедротам твоим очисти беззакония моя» и прочая псалма того, весь до конца. И плакався о гресе том непрестанно и до смерти своей. Вот, царю! коли тебя притрапезники те твои Давидом зовут, сотвори и ты Давыдски к Богу покаяние о себе и не гневайся на мя, правду свидетельствующу ти, якоже и на Нафана Давыд, но послушай совета моего болезненнаго к себе. Ей, тебе истинну говорю,— время покаяться.

2 В Боровском списке (см. стр. 105): сильно хорошо, ладно.

...Любя я тебе, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лижут тебя,— да уже слизали и душу твою! А ты аще умеешь грамоте той, но и нонеча хмельненек от Никанова тово напоения; не помнишь Давыдова тово покаяния. Ведаю разум твой; умеешь многи языки говорить, да што в том прибыли? С сим веком останется здесь, а вогрядущем ничимже пользует тя. Воздохни-тко по-старому, как при Стефане, бывало, добренько, и рцы по рускому языку: «Господи, помилуй мя грешнаго!» А кирелеисон-от отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так и подобает говорить. Любит нас Бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кирилом святым и братом его*. Чево же нам еще хочется лучше тово? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общаго воскресения. «Да аще бы и ангельски говорили,— Павел рече, любви же не имам, бых яко медь звенящи или яко барабаны ваши!»* Никоея пользы в них несть. «Любы не превозносятся, не бесчинствуют, любви не завидит, не гордится, не раздражается, не ищет своя си, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же ся о истинне, вся любит»*. А ты, миленькой, посмотри-тко в пазуху-то у себя, царь христианской! Всех ли христиан тех любишь? Несть больше, отбеже любви и вселися злоба. Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных христиан, мучишь, правду о церкви Божий глаголющих ти. Перестань-ко ты нас мучить тово! Возьми еретиков тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих. Право, будет хорошо. Меня хотя и не замай в земле той до смерти моей; иных тех распусти. Потому что меня жалуют люди те, знают гораздо везде: так мне надобе себя поуласти, чтобы в гордость не войти. Писано: «отрада на душу гонение велико живет». И ты, пожалуй, распусти иных тех при себе, а я и так хорош. Сын твой после тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам в Господа нашего Иисуса Христа. На шестом соборе бысть же сие,— Константин Брадатый проклявше мучителя, отца своего еретика*, и всем верным и страждущим по Христе живот дарова. Тако глаголет Дух Святой мною грешным, рабом своим: и здесь тоже будет после тебя! И ты послушай меня, сделай доброе при себе, дондеже еси в животе. Егда придет хищник и восхитит тя, не успеешь тогда; понеже суд бывает без милости несотворшим милости*. Веть мы у тебя не отнимаем царства тово здесь, ниже иных взушаем на тебя, но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданием от святых отец. Что ти успеет во грядущий век? Грабишь нас напрасно и обнажаешь* от Христа. Время и тебе покаяться, понеже любит Господь Бог покаяние.

Хощеши ли, ин путь тебе покажу? Взри на неввитян. В три дни милость Божию к себе привлекли сицевым образом. Глагола Господь ко пророку Ионе с повелением: «иди и проповеждь ниневвитяном, да покаются, понеже грехи их внидоша во уши моя; аще ли ни, погибнут

пагубою». Иона же, ведав Божие милосердие, яко милостив бывает кающимся, не восхоте в Неввию итти, но седше в корабль и в Фарсис побеже, да же не солжется пророчество. Став же корабль непоступно на пучине морстей, ветру велию дышущу. Иона же навкли-ром, еже есть кораблеником, рече: «вверзите мя в море, понеже мене ради не поступит корабль». Егда же вовер-гоша, и повеле Бог киту великому, да пожрет его. И бысть три дни и три нощи во чреве китове, прообразуя Христово тридневное погребение в сердцы земли. И принесе его кит жива к Ниневии, граду великому, ему же обхождение седмь дней. В книгах Ионы пророка, в Библии писано. Егда же испусти его зверь, он же проповеда людям, глаголя: «аще не покаетесь, тако глаголет Господь, в три дни погибнете». И изыде на поле, седе под смерчем, ожидая граду погубления. Людие же умилишася, и с ссущими младенцы, сосцы материи три дни постишася, и плакавшие грех свои, во вретича облекошася, и перстию главы своя посыпавше, и скоту не даша пищи и пития. Много их бысть, иже не позна-ша десницы и шуйцы, больши дванадесяти тем,— сиречь робят тех столько, а старых тех и гораздо много. И виде Бог умиление и покаяние их, раскаявся Владыко и помилова их. Пророк же оскорбися, яко не сбысться пророчество его, и уснув, сидя под смерчем,— сиречь древца некакие,— и он, милой, с кручины взвалился под куст и уснул. И възыде об ноць тыковь над главою его, красна и лепа. Он же возрадовахся и возвеселихся о ней. И повеле Господь червю ночному подгрызти: и изсше из корени. Пророк паки оскорбися о ней. И глагола ему Господь: «како ты, Иона, ни садил, ни поливал тыковь сию,— об ноць возрасте, об ноць и погипе, а скорбию великою оскорбился еси о ней? Кольми же в Ниневии людии мои, иже не познаша десницы и шуйцы, больши паче, нежели дванадесят тем, вси оскорбишася и притекоша ко мне»*.

Виждь, человеце, како любит Бог покаяние грешников, понеже праведника пророка тешит, а грешных милует. Прибегнем к нему, милостивому Богу и Спасу нашему, и не отчаем своего спасения, якоже Каин сотворил, или царь Озия во Израили. Добр человек был и милостив, и правдолюбив, но впаде в недуг гордости, сицевым образом разгордевся: вниде во святая святых, взял кадило и приступи к жертвеннику, начат святая кадить. Архиереи же умолчаша ему за величество сана его, но токмо един священник Азар приступи к царю и рече (как бы то я, бедной, тебе ворчу,— архиереи те не помогают мне, злодеи, но токмо потекают лишю тебе: «жги, государь, крестьян тех, а нам как прикажешь, так мы в церкви и поем; во всем тебе, государю, не противны; хотя медведя дай нам в олтар-ет и мы рады тебя, государя, тешить, лише нам погребы давай, да кормы с дворца». Да, право, так,— не лгу). И глагола Азар: «Озия! не подобает ти святая кадити, но токмо едином иереом, сыном Аароним». Он же, не стыдевся гласа священническа, своя совершая. И порази его Господь язвою на челе, еже есть Бог проказу наведе. Изгнаша его из церкви по закону Моисеову, понеже закон повелевая проказенных вне

сонма и из града изгоняти, дондеже исцелиет, и паки по свидетельству священническу приемлется и прощен бывает. Людие же, устыдевся сана царьска, не изгнаша его из града. Он же, Озия, живяше в доме своем неисходно, не прииде в покаяние греха своего и до смерти. Бог же о сем прогневался на люди, удержа пророчество за их согрешение и за пророческое ослабление, яко не изгнаша прокаженного царя вне града. И молча пророк Исайя до смерти Озиины, понеже Дух Святый не сниде на пророка к недостойным людям глаголати, яко прогневаша Господа удержанием прокаженного во граде. И в лето, в не же умре Озия царь, виде Господа сидяща на престоле висоце и превознесение, и окрест его херувимы, шесть крыл единому и шесть крыл другому, двема облетаху, двема очи закрываху, двема же — ноги, и вопиюще друг ко другу: «свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и землю славы его». И един от предстоящих, взяв клещи и от престола уголь горящий, и прикоснуся устом моим, рече пророк и возопив: «о, окаянный аз, провидех воплощаемого Бога, света невечерня и миром обладающа!» И нача паки пророчествовати*. Виждь и разумей, колики беды гордость рождает: сам погиб и людям охрипу наведе и тщету дарования Божия. Тако и ныне от гордости вниде во церковь нестроение и догматное пременение.

[ИЗ ТОЛКОВАНИИ НА КНИГИ ПРИТЧЕЙ И ПРЕМУДРОСТИ
СОЛОМОНА]

...Коли взбесился, не унять тебя. Ну и церковь ту под гору со всем! Разделай костел римской и опреснок учини, яко папа, еретик римской, после причастия в олtare птицы рафленья заедать на золотых блюдах, о похмелья! как быть хорошо! прикусны! лутче просвир! мяско птичье брюшка не пыщит! Воры, воры, блядины дети! Как вам себя не сором! Иудейская вся возлюбили, яко и оне древле похотеша желанию в пустыни и искусиша Бога в безводне: и даст им прошение их, посла сытость в душа их. Но потекла им по пятам сия сытость! Поражеии бо быша в пустыне, и от змей погибоша, и из ноздрей черви потекоша, и многоразлично казни неблагодарнии прияша*; наконец же, всех кости падоша,— не вниде ни един в обетованную землю, токмо Исус Наввин, чад их обрезав*; а стыре те черти все падоша в пустыни. Такие же, как и вы, сластолюбцы были. Манну едят, а о чесноке египетском тужат. Да помяните себе, что я говорю: пропасть и вам за собак места!

Ждет вас Бог на обращение; не узнаетеся враги креста Христова, сластолюбцы, блудодеи, осквернившие ризу крещения, убийцы и прелюбодеи, пьяницы и непрестаемаго греха желатели. Горе вам, насыщении, яко взалчете! Горе вам смеющимся, яко восплачете и возрыдаете! Дайте только срок, собаки, не уйдете у меняз надеюся на Христа, яко будете у меня в руках! выдавлю я из вас сок-от! Ну, да полно тово! яжьте, пейте, веселитесь, разоряйте церковь ту! не соромьтесь, делайте костел-от! пришла ваша година и область темная. А ми с

православными христианами за святую церковь о Христе Иисусе помрем от вас, не изменим отеческое ничто же.

...Рассуждай глагол Христов: своего врага люби, а не Божия, сиречь еретика и наветника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его и душою и телом, а аще кто не богоборец и не еретик досаждает ти, такового любити подобает по Господни заповеди. Тому же подобно и мирное поставление. С еретиком какой мир? Бранися ,с ним и до смерти, и не повинуйся ево уму развращенному.

...Беги от еретика: обесчестишься, поречешь себя, сиречь душу свою извредишь: его не исправишь, а себе язвы приимешь. В еретиках жестоки нравы и неизвратны на благое; зудит его слово то правое, яко мозоль.

...Аще он когда я мякко с тобой говорит, уклоняйся его, понеже ловит тебя, да же наведет беду душевную и телесную. Но с премудрым советы сердечныя рассуждай.

...Взыщи христианина, который старых святых книг не уничижает, и с ним беседуй, рассуждая премудрость, писанную во святых старопечатных книгах, и приложит приимати. Так обоим добро будет от Христа Бога.

...Сущее: «Падут грады, вознегодует на них вода морская, реки же потекут жесточае»*. Толк: Глаголет,— падут грады — от Бога отступят люди, а вознегодует вода морская — грешные праведных изгоняют; реки же потекут жесточае — еже есть праведники пуще их воровство обливают: грешники праведников мучат, а оне больши их обливают, не молчат небось, стреляют их праведными словесы своими метко; не обмишулится праведник-от,— уж как пустит слово-то свое о Христе на собаку никониянина, тотчас неправду ту в еретике-то заколет.

...Сущее: «Седина же есть мудрость человеком и возраст старости житие нескверное»*. Толк: Зри житие чистое и не скверное и безгрешное, мудрость, и честь, и слава, и старость честная человеку. Всех богатых богачейший и славных славнейше, во всем мире обносится имя его, живущаго в вере Христове и в делах Господних. Блажен есть таковой и треблажен, иже не ульсти языком своим, и не сотвори искреннему своему зла, и поношения не принят на ближния своя. Окаянен же и безумен же оттекает от веры Христовы, истинные старыя премудрости, и прилепляется бесом, молодой вере, глупостию младенческою одержим. Таковой и дел благих не имать, тако глуп, яко робенок: по земле прилежай и щепу и говно поемля, в рот себе пихает; и падая с лавки и с полатей, язвы себе от безумия приемлет. Тако любяй никониянския книги спадает с высоты разума старопечатных книг московских и язвит себя по внутреннему человеку: яко щепу и кал пихает в рот, научая лжи и неправде от блядивых книг никониянских; таковой аще и сед и многолетен, но младенец сый неразумия ради.

...Сущее: «Рачение бо злое губит добрая и желание похоти пременяет ум незлобив»*. Толк: Аще кто возлюбит злыя никониянския книги и иные поступки,— наречия и одежды и прочия бляди, нововодныя коби,— таковой вся своя добрая погубляет и от Бога чюжд бывает, понеже

желание дурное переменит его беднова, ко всему нестроен учинится: ум-от у него омрачится от погани той новой, и бывает милостивый не милостив, и незлобивый злобен, и праведный лживый учинится. Такова-то их новая та благодать проклятая, губит людей-тех добрых. Того ради подобает неослабно прибегати к Богу и милости просити: всяк бо, правости ища и веры правыя, не погибнет, но имать по словеси Христову, живот вечный, а прилежай настоящей блазни, всяко погрязнет.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЯ НА КНИГУ ПРОРОКА ИСАИИ]

...Сущее: «И ту будет вселение птицам и водворение сирином, и тростие, и стеблие»*. Толк: Много птиц поющих по пустыне сей. Птичье житие проходят многие святые отцы и, яко сирины, со умилением и со слезами песнь Богу поют. Сирина бо есть птица краснопеснивая,— писано во Алфавите* о ней,— обретается к востоку близ рая, во Аравитцких странах, в райских селениях живет и, егда излетает из рая, поет песни красныя и зело неизреченны, и не вместимыи человеку уму; егда же обрящет ея человек и она узрит его, тогда и паче прилагает сладость пения своего. Человек же, слышавше, забывает от радости вся видимая и настоящая века сего и вне бывает себя; мнози же и умирают, слушавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пение*, и есть не захочет горюн от желания своего. Было также и при Христе, Бозе нашем, якоже и Евангелие повествует о сем: егда кождаше в пустыни Исус, а за ним народа пять тысяч и паки с бабами и с робятами волочатся, слушавше, яко сирина, песен его, и не ядше, бедные приседают, сладки гораздо песни. Он же, умилосердився о них, и хлебом чудесным и рыбою их накормил* после учения пречистаго своего. Да плуты люди те сия забыли все и песни и чудеса; идоша вспять от него. Кто их похвалит, дураки! начали, а не совершили. Претерпевый до конца, той спасен будет*, не начный блажен, но скончавый. Тако и ныне: кто сиринов тех, светов, слушает, сиречь учения святых отец, и тщится делом совершить, блажен будет и треблажен; понеже, яко иудей, не отступает вспять от Христа, но и умереть за истину готов, уповая на Господа, яко трость вкоренень крепко и яко стебель у кореня Христа прицепился неотлучно.

Сущее: «И тамо будет путь чист, и путь свят наречется, и мимо идет тамо нечист, ниже будет тамо путь нечистых, рассеяни иже пойдут по нему и не заблудят»*. Толк: Путь чист и путь свят — заповеди Божия глаголет, в них же ходят святым, чистое и непорочное живущее житие о Христе Исусе, а нечистии сими путями не ходят, еже есть еретики не соблюдают заповедей Господних, но и текущим по ним возбраняют: не любят по Бозе живущих, понеже стыдно их глядеть на постника, многоядцем, и блудным на целомудрых, и пьяным на трезвых. Праведник, яко светильник, не угасая светит, и люди о нем веселятся, по Писанию: похваляему праведнику, возвеселятся людие. А богоотступнику досадно: ево так не хвалят, да ищет, как бы праведника уловить или погубить. Рассеяни же пойдут по нему и не заблудят, сиречь, аще еретик праведника

и изгоняет в ссылки в расеяние посылает во страны дальняя, якоже Никон отступник делал с никонияны: отец и братию мою в Астрахань, и в Новгород, и в Сибирь, и в Дауры, и в Пустозерье, везде расеяни по лицу всей земли, а оне, миленькие, не заблуждают, единаче ходят по пути Господни.

...Сущее: «Почто цените сребро не в хлебы и труд ваш не в сытость; послушайте мене и снесите благая, и насытитесь во благих душа ваша; внимайте слухом вашим и последуйте путем моим: и жива будет во благих душа ваша»*. Толк: Развратився Израиль тогда, от закона и заповедаи Божиих ослабели, имения ваша изживаху в неподобство, якоже и у нас в новом Израили бывает; также по-жидовски украшают плоть, а душу же презирают, а инии строят многоценныя ризы, инии вознаграют дома красныи и различныя жилища, а инии кони и колесницы и иная несказанная, а к душевному строю претит диявол: в церковь и нищим подати не хочет, а что и подает, ино смеху достойно — денешку и полденешку или кусок корки сухие, а имеет тысящи сребра и злата и на псах ожерелки шелковые и кольца сребряныя*. Ох, увы, ценившим сребро не в хлебы и труд не в пост! Глад себе вечной немилостивии собирают, изживая в непотребство и в блудню, вечных благих не желают, ушми не слушают и сердцем не внимают Господу, зовущу: «внимайте слухом вашим и последуйте путем моим и жива будет во благих душа ваша. А сребролюбцы и немилостивии пуще изощряются на злая,— тогда во иудеях и ныне в наших единаче недугует человек род сим недугом смертоносным необратно.

...Сущее: «Горы бо и холми изменятся, чающе вас в радости, и вся дровеса дубравная воспещут ветвьми, и вместо прута взыдет кипарис, вместо же праха взыдет мирсина, и будет имя Господне во знамение вечно и не оскудеет»*, — рече Господь. Толк: Горы бо и холми — царие язык и власти земстии изменяются учением Христовым и святых его, приходят в благоразумие, чающе радости небесныя со святыми. И вся дровеса дубравная воспещут; люди все верни бывше во Христа возрадуются; прежде бывше яко голая лоза и яко прут сухой, процветут во благовонный кипарис верою во Христа; израстут дровеса чудная; по всей земли воня благоухания чудес наполнено святых. И ныне явился новой святой, Иринарх в Соловецком монастыре,— вместо же праха взыдет мирсина. Зрите и разумейте: не прах ли был Иринарх-от*, в земле лежал, кто ево знал, земля ино земля, а ныне яко мирсина взошел, зело завонял во всю русскую землю. Мирсина бо есть древо райское, обретается к восточным странам, посреде кедров и пи-парисов, и зело древо уханно еже есть вони исполненно благой, издавеча приходящаго обвеселит. Тако и Иринарх во всей земли верных возвеселил, а никониян взбесил своим и скорбь им наведе явлением. Понеже старыя наша изгнанныя православныя веры крин процвете, на обличение никонияном новолубцам, врагом и отступником от Христа и от пречистой Богородицы и от соловецких чудотворцев. Как вы, никонияне, скрыть чудо сие умыслите? Али сие

рцете, яко вашего ради достояния земля Иринарха отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв? Гордоусы!— обмишулились,— не так, не так! не лгите на истину, пение в Соловках церковное и келейное по старому православию и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся, того ради от вас в осаде сидять семь годов милые, алчни и жадни, наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя. Того ради, утешая их, Бог изведе из земля стараго игумна Иринар-ха, бывшаго древле в православной вере при благочестивом царе Михаиле Федоровиче всея Руси. И будет имя Господне во знамение вечно, рече Господь: еще же и не оскудеет, по словеси Божию, старое наше православие молитвами святых отец. А ваше никониянское собачье умышление скоро извод возьмет, не будет яко мирсина и кипарис, но яко неверия паки в прут иссохнет и в прах разыдется, и провоняет яко мертвый пес.

«ЧТО ЕСТЬ ТАЙНА ХРИСТИАНСКАЯ И КАК ЖИТИ В ВЕРЕ ХРИСТОВЕ»

...Еже есть хочещи помилован быти — сам такожде милуй; хочещи почтен быти — почитай; хочещи ясти — иных корми; хочещи взять — иному давай. Се бо есть равенство, а по превосходному уму — себе желай хуждшее, а искреннему лутьшее; себе желай меньшее, а искреннему большее. Богатому поклонись в пояс, а нищему в землю. Ударит тя кто по ланите — обрати ему и другую и, отшед, ему ж поклонись. Чти отца твоего и матерь твою любезне и сердечне, яко ко святым, к стопам ног их главу приклоняй благоговейне, изведших тя от своая утробы; тебя ради утроба материя болезнь претерпе, отец же, болезнующ о тебе, воздыханием и печалию снедаем всегда. Сего ради старость его поддержи, болезнь его уврачуй, гной его своима руками обмой, ризы мягкие на плоть его возложи, седины его облобызай, пищу сладкою напитай и, отшед, поклонись, яко Иосиф Прекрасный отцу своему, не постыдися Египта, державы своая*. Такоже и матери твори, яко Соломам царь Вирсавию* одесную престола своего устрой. Аще ветха деньми — на руку своєю поноси; чрез грязь на плещу принеси; прежде ея напитай — потом сам вкуси; со гласом хваления главу своєю к персям ея преклоняй и облобызай корень рождения своего. Воздохни о старости ея и, пад, поклонись родителю своему,— се бо есть благоприятно и любезно пред Богом. Яко же бо ты отцу своему и матери сотворишь, такожде и тебе чада твоя сотворят, и в ню же меру мериши — возмерит ти ся. Еще же по плоти брата и сестру своих почитай; не рцы им грубо и досадительно ничто; ниже возносись на единокровных своих; понеже единого корене леторосли масличныя, едина утроба вас поноси и единая ссаша сосца матери своая; из единых изыдоша ложесн; едино лоно матерне вас воспита, и руце ея равно строиша вас; единаче сердцем и утробою уязвляяся о вас и равною любовию прилежаше к вам. Воспоминайте, чада, между собою союз сея любви и равное к вам строение родителя своего; не возноситеся друг на

друга и не приобижайте словом и делом, и помышлением единоутробных своих, но меньшей брат к большему повинование приноси; больший же о меньшем вседушне промышление твори.

...Разумеете ли силу любви? Не сию, глаголю, любовь, еже любит рачитель блудный рачительницу или пьяница пьяницу; тако же любятся тати с татями и мытарь с мытарем; ядят и пьют и друг друга, восхитя чюжая, с любовию да пьют. Ни, ни! — се бо есть пагубная, бесовская любовь. Истинная же любовь о Господе Боже и Спасе нашем, Иусе Христе; сия есть от трудов и пота лица своего. Алчна накорми; жадна напой; нага одежи; странна в дом своей введи; священство и иночество почитай, главу свою до земли им преклоняй; в темницу пришед, сидящим упокоение сотвори; о вдовице и о сиром попекись; грешника на покаяние приведи; заповедь Божию творити научи; должника искупи; обидимаго заступи*; мимоходящему путь укажи и проводи и поклонись. И о всех и за вся молитвы Богу приноси, о здравии и спасении всех православных христиан. Се бо есть сила любви. Аще время привлечет и пострадать брата ради, не оторчыся по Христову словеси.

...Братия и чада моя о Господе, богатии и убозии, мали и велицы, смиренныя и нищия, сирья и вдовицы! Дондеже имамы время, попецемся о едиnorodных своих душах и о домашних своих: муж о жене, жена о муже; отец о сыне, сын о отце; мати о дщери, тщи о матери; брат о сестре, сестра о брате. Не во тлю, молю вы, попечение творим, якоже неверии попечение творят о брашнях, и о ризах, и о чести настоящего века сего: како сына ризами украсить, како тщерь венном, сиречь приданым, довольно наделить или пиршество ясно и светло сотворить или в дому храмы красныя и повапленныя возградить. Ни, ни, чада моя о Господе! — се бо языческо есть, в вас же, Христовых учениках, не тако да буди, но пещися вам подобает: како сына и тщерь во благоразумие привести, како к любви Божий привлещи, в православной вере утвердить, на милость и любовь к человеку научить, молитве и посту и иным добродетелей вразумить. Се бо есть благоприятно и любезно Богу. Еще же муж жене и жена мужу своему да воздают должную любовь о Господе. И пейте от своих студенец источника, еже есть в чюжия кладези не ходите, но свою воду пиите. Просто рещи — друг от друга не соблудите и не желайте красоты чюжия. Во всяком кладезе одинака вода и не разнствует ничем же друга друзей. Тако и совокупление мужа и жены, токмо красота чужая греху ходатайственна, а сладость смешению одна. Якоже в рай красен бе и добр в снеть, иже Адама уморивый, плод, озоба и наг бысть от славы своя, тако и здесь чюжая красота нага благодати святаго крещения сотворит. Так что стал еси? О, муж или жена, бес — не бес, человек — не человек! Как на тебя Христос поглядит, как пречистая Богородица позрит? Как явишися на страшней и нелицемерном суде наг красоты и одеяния светло блестящих риз? Скрыся под древо со Еввою Адам* и прикрыста листвием смоковичным свою наготу. Тогда Богу ходящу в рай и глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Спрятался бедной под куст, как

подъявитца наг? О, окаянный Адам, куды от Бога бежишь? Со дьяволом любил пировать и воровать, а к зиждителю повинутца не захотел.

Так же бывает и здесь: мотрошит окаянной прелюбодей, яко Адам, листвием закрывает свою срамоту, сиречь в бане парится и измывается начисто, яко селезнь, сблудя с чюжею, или блудница с чюжим, рубаху белую воздевает, к церкви пришед, молитвы у попа просит, будто и всегда доброй человек — праведник. А совесть та замучила злодея, да тут же идет ко кресту и к прочим святыням касается. Ох, ох, безумия! не зрит внутрь души своя наготы и срамоты, яко вместо риз благодатных сквернавыми ризы оболчен и помазан блудною тиною и вонею злосмрадною повит. И бес блудной в души на шее седнт, кудри бедной расчесывает и ус расправливает посреде народа. Сильно хорош, и плюнуть не на ково. А прелюбодейца белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны niskи, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяхки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя* Как быть хороша — вторая египтяныня, Петерфийна жена*, или Самсонова Диалида* блядь. Посмотри-тко, дурка, на душу свою, какова она красна. И ты, кудрявей, чосаная голова! Я отселе вижу в вас: гной и червие в душах ваших кипят; беси же вас злосмрадною водою кропят и ликовствуют в вас, яко в адовых темных жилищах, веселящеся. Вы же не чюете в себе зверей таковых, яко снедают вас ради беззаконныя сласти сея.

...Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быть христианин.

...Аз есмь ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения. Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящему по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав! домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, собираю и вам, питомником церковным, предлагаю,— пускай, ядше, веселимся и живи будем. У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, и торговова человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошел, да и дам даю, жителям в дому Бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду. Я опять побреду собирать по окошкам, еще мне надают, добры до меня люди те,— помогают моей нищете. А я и паки вам, бедненьким, поделюсь, сколько Бог дает. Не подобает скры-вати данного нам таланта, да же не осудимся, яко и оный, обертев во убрус сребро господина своего и скрых в землю; за сие ввержен бысть во тьму кромешную, ндеже плач и скрежет зубом, и зело прягут во огни негасимом*. Не ленись того для, собака!

...Слышал еси милосердие Божие, о друже, гладкая глава и учесанья кудри, и ты, разумная, похотка гладкая, умазанное лице, добрая жена? Вонмите евангельским словесем, престаните поне при кончине от беззакония. Отдали есте юность дияволу: дайте поне старость Богу, дайте целомудрие Творцу своему и содетелю-свету. Не таковой рачитель на смешение друг друга, якоже Бог спасения и обращения вашего хочет. Покайтесь, прибегнете поне позде к Нему, создателю своему свету! Ей, запоздали! Верите настоящему сему веку? Не быша ли прежде вас сильнии царие и князи, богатии и убози, малии и велиции? Где оне? Се видим, пожертвы быша, всех поглоти смерть, всех увяди, всех истни! Воистину, быв яко не быв. Возри во гроб и виждь: где юность, где очи краснии и зрак наш? Вся изше, яко сено, и яко цвет отцвете, и яко трава посеченна бысть. Гной, червие, смрад лют, блудящая плоть бедная лежит, таже прак и без вести бысть. Где же душа прелюбодеевая? Во адовых темных жилищах, идеже несть света, но тма кромешная идеже гроза неумолимая и лютии немилостиви приставницы, скрежет зубом и плач неутешимый. Ох мне, како избуду сих? Люто есть место и зело страшно, ужасает ми ся ум и трепещет ми душа, воспоминая сия. Помяните, чада, богатаго онаго, о нем же спас рече, како яко лев ревет за блудни своя, жгом негасимым огнем. Изо ада ко Аврааму рече: «Отче Аврааме, помилуй мя! Повели Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и ухладит язык мой, яко стражу во пламене сем». Видите ли, како смири его мука? Издалеча Авраама и Лазаря видит! А прежде, у врат лежаща, пред глаза, не видал! Недосуг больше чесать кудрей стало! Там же здесь дурил, как и вы ныне дурите, забывше смерть. Кто молвит о добре, так и слушать не хотел — заревет, да закричит: «не указывай,— не тебе за меня отвечать! Знай ты себя! не слушаю, говори твоея! Как хочу, так живу!» А мазаное-то лице защекочет, бутто и всегда добрая жена: «Бог судит! — напрасно оглушаешь! Я за тем не хожю,— право и не знаю тово!» Ох, бесчинница! Ворует, да запирается! Беду на беду творит! А как бы: «согрешила, прости, вперед престану!» — ино бы и Бог простит, да и жила бы чинненко, плакався о первой той глупости. Ино днавол претит, а своя слабость престать не велит. Да еще огрызается, что сука пред добрым человеком.

Ох, горе мне,— не хочется говорить, да нужда влечет. Как вора не обличить, коли не кается! Я, окаянный, в Сибири* зашел сам со огнем: в храмине прелюбодей на прелюбодейце лежит. Вскочили. И я говорю; «что се творите? не по правилам грех содеваете!» И оне сопротиво мне: «не ссужай!» И аз паки им: «не осужаю, а не потакаю». Прелюбодей мил ся деет и кланяется мне, еже бы отпустил. А женщина та беду говорит: «напраслину-де ты на меня наводишь, протопоп, и затеваешь небылицу! — брат-де он мне, а я-де с ним кое-што говорю». А сама портки подвязывает,— блудницы те там портки носят. И я говорю: «враг Божий! а то вещи обличают». И она смеется. Так мне горько стало,— согрешает, да еще не кается! Свел их в приказ воеводы. Те к тому делу милостивы,—

смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ея мне ж под начал и отдал, смеючись. Прислал. Я под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду,— заревела: «государь-батюшко, Петрович! Согрешила пред Богом и пред тобою! Виновата,— не буду так впредь делать! Прости меня, грешную!» Кричит ночью в правило,— мешает говорить. Я-су, перестал правило говорить, велел ея вынять и говорю ей: «хочешь ли вина и пива?»* И она дрожит и говорит: «нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочик хлебца». И я ей говорю: «разумей, чадо,— похотение-то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к Богу презорство и бесстрашие: наедшиися и напився пьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь и, яко кошка, котов ищешь, смерть забывше». Потом дал ей чотки в руки, велел класть пред Богом поклоны. Кланялася, кланялася, да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где-петь детца? Черт плотной на шею навязался! И плачу пред Богом, а мучю. Помню, в правилех пишет: «прелюбодей и на Пасху без милости мучится». Началя много, да и отпустил. Она и паки за тот же промысл, сосуд сатанин.

ИЗ «КНИГИ ОБЛИЧЕНИЙ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЯ ВЕЧНОГО»

А слышит глаголы сын мой духовный — Фетька отщепенец, от никониян рукоположенец, зря на животворящий крест Господень; да буди распятый на кресте сем судия между мною и тобою, днесь и в день века. Живешь развращенно и нелепо мудрствуешь о образе святыя Троицы*. Рекох ти и паки реку: веруй и исповеждь по Писанию, якоже святыя книги научают, а не по своему обольщенному смыслу. Ей, Бога тебе свидетелю поставляю и святой крест Господень!

Блудишь, сице пища и глаголя о святей Троице: понеже-де божественное несозданное существо святыя Троицы насекомо есть и нерасстоящо лицом же до друг друга, и отнюдь не раздельно. Аз ти глаголю: возбесился еси, человече, святая сливаешь, раздельную лица глаголеши нераздельну. Впал еси в бреге стремнины; украдше свои очи, помрачил свою душу; истинны в писании не разумевше глаголешь образ един святыя Троицы сличен; и исповедуешь, пища в своих подметных тетрадках, с клятвою и ротою глаголя, яко Сын во Отце, та ко же и Дух Святой внутрь Отца — имут един образ, нераздельными лица. И приводишь в приводе душу человею, толкуя суматоху, глаголя: якож-де душа три-составна — ум, слово, дух — имать един образ, також-де и Бог: Сын и Дух Святой во Отце соединенно и совокупно, а не слитно и нераздельно всяко.

...Подобно Федьке бешенному* бывал у меня в Сибири бешенный, Феодором же звали, тезоименит тебе, а другой на Лопатищах Насильем звали: на чепи сидя, У...ся, говно то свое ухватя, в рот пехает себе же, а сам говорит: царь, царь, царенки, царенки. И едино лице и два лица знаменит; понеже дьяволи так учат. Как я, мазав маслом святым, да потом шелепом свитым: твори молитву Иисусову, бешенный страдник! Да бывало

Христовою милостию и оцеломудрствуется недели в две, а в три и исправится. А с тобою уж десять лет мучюся, а не могу от тебя бесов тех отогнать: за моя некоторые грехи суровы велиары в тебя вошли. Да легче беса от бешенного изгнать, нежели от еретика.

...Федор, веть ты дурак! как тово не смыслишь! В Писании лежит о зачатии Христове писано сие: «слухом бо вниде и неизреченно изыде». И ты, не зная силы глаголу, блекочешь, страдник: «ухом-де девыя Бог Слово во чрево ея вниде и боком изыде». Тако ты рече, Федор! Лазарь и бранил тебя за сие, а я уж на тебя и плюнул. Как о сем не знаешь? Слухом бо вниде, сиречь, со гласом архангеловым зачатся Бог Слово в девей: не разверз двери девства в воплощении, а дверьми ея вселися во утробу, а не ухом.

...Кто изрещи может сие необычное дело? От века несть слыхано, николи же, нигде же. Аще и по благовещению радишася Сиф, Енох, Исаак, Иван Предтеча и Сампсон, и Владычица наша, свет царица небесная*, но отцы ложесна прежде детища разверзаху, и потом рождашася младенец, врата разбивше. Здесь же, во Христе, не тако. Бог идеже хоцет, побеждается естества чин: без болезни вниде, без болезни и изыде. И млеко дояше, дева питае питающаго всю тварь. И сие не по естеству бе, но выше естества неизреченно. Не бывает у дев млеко, дондеже с мужем во чреве не зачнет. У пречистыя Матери Господни и у Девы млеко бысть. Егда родила Бога-человека* без болезни, на руках ея возлегша, сосал титочки свет наш. Потом и хлебец стал есть, и мед, и мяса, и рыбку, да и все ел за спасение наше. И винцо пияше, да не как веть мы — объядением и пианством,— нет, но благоискусно дая потребная плоти. Больше же в посте пребывая.

...Да что-су вы, добрые люди, говорите: «батько-де сердито делает. У Николы тово и не мое смирение было, да не мог претерпеть: одинако Ария, собаку*, по зубам брязнул. Ревнив был миленькой покойник. Не мог претерпеть хулы на святую Троицу. Собором стащили с него и чин весь: «неправильне-де творишь, архиепископ». Да ему даром дали пестрыя те ризы Христос да Богородица. И опять ево нарядили, а он себе...¹ никою не бояся. Проклят блядин сын Арий да буди,— не называй тварию Творца, Сына Божия-света. За что-то меня в те поры не было. Никола бы вора по щоке, а я бы по другой, блядина сына.

...Ох, блядин сын, собака косая, дурак, страдник! Коли не знаешь в книгах силы и ты вопросы бабе поселянки*: заблудил-де от гордости, государыня матушка, на водах пустыни и не знаю праваго пути к Богу. А со отцем-де своим духовным дьявол спроситца претит ми, и от него-де за воровство свое учинился проклят. Помози-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую, и весьде мой орган по души катится косо, с трудом великим, не путем еду...

¹ Пропуск рукописи.

ИЗ СТАТЬИ «СПИСАНИЕ И СОБРАНИЕ О БОЖЕСТВЕ И О ТВАРИ И КАКО СОЗДА БОГ ЧЕЛОВЕКА»

Сице Моисей пишет: «искони сотвори Бог небо и землю»*. Гранограф толкует*: небо небес, на нем же престол Божий, то небо огненно, а сие, видимое, глаголется твердь быти; под тем небом ангельское ликостояние и служение бывает к Богу, а сотворил его Бог словом своим от несущества, еже есть от небытия в бытие приведе. Слово Божие живо и действенно,— рекл: «буди небо»,— и бысть, «буди вода», и бысть, «буди земля»,— и бысть. Землю взял от воды, а не от пены: пена — легкое дело*, а водное естество тяшко, того для и земля тяжела. Петр апостол пишет: «яко небеса убо исперва, и земля от воды, и водою составленна Божиим словом»*. И приказал лежать на воде, а не на китах. Дамаскин пишет: «утвержей ни на чем же землю повелением си и распространи неодоержимую тяготу»,— всегда поет церковь.

Паки Библия: «земля же бе невидима и неукрашенная*, сиречь без лица в водах морских вся плавала, яко камень,— ни дров, ни травы, ни рек, никакова украшения не бысть, много воды было.

Бытия: «и разлучи Бог между водою и водою, и рече: "да будет твердь, и бысть"»*. Слово и дело вскоре,— от тое же воды сгустилося, егоже видим,— небо. Давыд о нем же вещает: «пропиная небо, яко кожу, покрываяй водами превыспренняя своя»*. Сиречь там половина воды, яко на полатях лежит и николи к нам не сходит, токмо в потоп, при Нои, за грехи людския оттоле спустил Бог; разверзошася хляби небесныя, и шесть недель вода лила на землю. Еще же приказал и морю из предел выступить, и погрязла земля в водах. Над высокими горами пятнадцать сажен было воды. И стояла вода 40 недель¹, шесть недель прибывала, шесть недель убывала, и всего год было дондеже ковчег Ноев на месте ста. Все померло в водах: и люди, и скоты, и звери, и птицы небесный; токмо Ной праведник с своими спасеся.

На первое возвратимся и рцем паки Бытия: «и тьма верху безны, и дух Божий ношашеся верху воды»*. Сиречь не видеть ничево, дня не было,— темно. И рече Бог: «да будет свет», и бысть свет. И нарече свет — день, а тьму нарече ночь. И бысть вечер, и бысть утро, день един*. Просто молыть: ночь да день — сутки стали. День на дело людям приготовил, а ночь — на покой и на словословие к нему, свету, яко и Давыд глаголет: «седмижды днем хвалих тя о судьбах правды твоя»*, сиречь в сутках так всякому подобает: вечерня, павечерня, правила, полунощница, утренняя, часы, литургия. Да он же говорит: «полунощи востах исповедатиси на судьбы правды твоя». Сверх тово и нам так надобе встать и плакаться о гресех.

1 В списках: 40 дней—ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 116 об.; № 1898, л. 60; ГБЛ, собр. Общества истории и древностей российских; ф. 188, № 12, л. 127 об.; ГБЛ, собр. Попова, № 2548, л. 78 об., ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 55 об.

Паки Бытия: «и бысть мрачен день и не светел без светил». И в первый день Бог звезду сотворил, ей же имя Аррис*; а во второй сотворил звезду Ермис; а в третий день Крон; а в четвертый Афродиту, и Артемида* она же слово, и положил их на тверди небесной в нощи светити по земли; в четвертый же день солнце сотворил и украсил день яко пресветлым венцем; в пятый же день месяц сотворил и небо звездами украсил. И положил солнце во область дни, луну же во область нощи*.

...И повеле Господь, да изнесет земля траву, сеющу семенну породу и по подобию, и древа плодовая, творящая плод*. Гранограф толкует: во второй день землю красил Господь, а Златоуст в Маргарите глухо пишет. И израстиша былия прекрасная, травы цветныя разными процветением*: червонный, лазоревыя, зеленыя, белыя, голубыя и иныя многие цветы пестры и пепелесы, по Господню глаголу, яко ни Соломан премудрый возмог себе таковыя цветныя одежды устроить; оне же и благоуханием благовонным облагоухают. Такоже и дресеса израстоша: кипариси, и певги, и кедри, мирсины и черничие, смокви и финики, и виноградие, и иное садовие,— множество много различные плодовые древа из земли изыдоша. И реки посреде гор протекоша, и источники водныя. Таже от земли сотворил Бог скоты и зверие дубравнии, а от воды птицы небесныя, парящая по аеру; от воды же и вся летающая по аеру: мухи и прочая гады, пресмыкающиеся по земле. Посем насадил рай во Едеме, на востоце, древа и крины райския, по 12 плодов в году приносят; древа не гниющая, травы не ветшающая, цветы не увядаемыя, плоды неистлеваемыя; аще и на земле рай, но посреде платнаго и духовнаго жития устроен.

...И сотвори человека, сиречь яко скуделник скуделу, еже есть горшешник горшок. И положил пред собою. Он же бездушен пред ним лежит, недвижим. И виде Бог, яко добро; дуну на него. И дадеся ему душа, яко ангел некий чистейший; дух же возвратися ко Господеву, а персть отъиде в землю. И бысть человек в душу живу. Зри, всю тварь Господь сотворил словом, а человека боголепными руками*.

...И нарече имя ему Адам. Посем введе его в рай и заповеда ему, да не вкусит от древа, еже разумети добро и зло, и вложи в него сон, и успе Адам. И взят Господь от ребра его. И сотвори ему жену, помощницу по нем, и нарече имя ей Евва.

...Паки Бытию рцем: «и приведе Господь ко Адаму звери, и скоти, и птицы небесныя, и поклонишася ему видя его во славне образе сияюща, Адам же нарече им всем имена». И поживе Адам в раю, по Филону*, сто лет, а инии глаголют три годы*, а инии шесть часов*, яко царь над всею тварию. Вся ему покорна, вся повинна, лютые звери пред ним трепетаху и бояхуся Адама. И сам Бог бседоваше с Адамом. И позавиде диавол чести и славе Адамли, восхоте у Бога украсти, Вниде во змию, лучшаго зверя*, и оболга Бога ко Адаму, рече: «завистлив Бог, Адаме, не хочет вас быти таковых, яко же сам. Аще вкусите от древа, от него же вам заповеда, будете яко бози». Адам же отказал, помня заповедь зиждителеву. Змия же, отклоняся от Адама, прииде ко Евве: ноги у нее были и крылье было.

Хороший зверь была, красной, докаместь не своровала. И рече Евве те же глаголы, что и Адаму. Она же, послушав змии, приступи ко древу: возьм грезнь и озоба его, и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снесь, смоковь красная, ягоды сладкие, слова между собою льстивые: оне упиваются, а дьявол смеется в то время. Увы, невоздержания, увь небрежения Господни заповеди! Оттоле и доднесь торится так же лесь в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием нерастворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочими питии и сладкими брашны. А опосле и посмевают друг друга, упившагося до пьяна,— слово в слово, что в раю бывает при дьяволе и при Адаме.

Бытие паки: «и вкусиста Адам и Евва* от древа, от него же Бог заповеда, и обнажистася». О миленькие! одеть стало некому! ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помилует. Увы безумия и тогдашнева и нынешнева!

Паки Библия: «Адам же и Евва сшиста себе листовие смоковничное от древа», от него же вкусиста, прикры-ста срамоту свою и скрыстася, под древо возлегоста. Проспалися бедные с похмелья, ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в говнех, со здоровных чаш голова кругом идет.

Паки Бытия: и ходящу Богу в рай, глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Он же отвеща: «Господи, гласа твоего слышу, а видите тя не могу». Господь же наруга ему, рече: «се Адам, яко един от нас». И паки рече Господь: «что се сотворил еси?» Он же отвеща: «жена, ежи ми сотворил еси». Просто молыть: на што-де мне дуру такую сделал. Сам неправ, да на Бога же пеняет. И ныне похмельные, тоже шпыняя, говорят: «на что Бог и сотворил хмель-ет, весь-де до нага пропился и есть нечева, да меня ж-де избили всево», а иной говорит: «Бог-де его судит, упоил до пьяна»; правится бедной, бытто от неволи так сделалось. А беспрестанно тово ищет и желает; на людей переводит, а сам где был? Что, Адам, на Евву переводишь? А сам от дьявола и прежде поущение слышал. Ино было, уразумев навет дьявольской, и жена укрепить к соблюдению заповеди. Так в те поры не так было: небрежем о заповеди зиждителей: ешь да пей, да веселися. А топеря: «жена, еже ми даде». Чем было рещи: «согрешил Господи, прости мя». Ино стыдно так молыть, лукавая совесть не велит, коварством хошет грех загладить, да на людей переводит. «Жена, еже ми даде». Господь же рече ко Евве: «Евва, что се сотворила еси?» Она же отвеща: «змия прельсти мя». Вот хорошо: каков муж, такова жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны.

Бытия: змия же отвеща: «дьявол научил мя». Бедные! все правы и виноватова нет. А то и корень воровству сыскал. Чем еще поправитесь? И все за одно, с вором стакався, воровали: чем дело вершить? Да нечем переменить. Кнудом бить, да впредь не воруют.

Бытия паки: «и повеле Господь херувиму всех изгнати из рая». Изгнан бысть Адам и запечатлен бысть рай. И осудил Бог Адама делати землю, от нея же взят бысть; жене же в печалех родити чада; а змии на чреслах ползати и ясти землю, а дьявола прокляти.

ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ
ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ,
«ПЕРВАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

От высочайшая устроенному десницы благочестивому государю, царю-свету Алексею Михайловичи, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, радоватися. Грешник протопоп Аввакум Петров, припадая, глаголю тебе, свету, надежде нашей. Государь наш свет! что ти возглаголю, яко от гроба восстав, от дальняго заключения, от радости великия обливался многими слезами,— свое ли смертоносное житие возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?

Я чаял, живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял церковь паче и прежняго смущенну. Свет наш государь, благочестивый царь! Златаустый пишет на Послание к ефесеом*: «ничтоже тако раскол творит во церквах, якоже во властех любоначалие, и ничтож тако прогневает Бога, якоже раздор церковной». Воистинно, государь, смущенная церковь ныне. Летом, в Преображениев день*, чюдо преславно и ужасу достойно в Тобольске показал Бог: в соборной большой церкви служил литургию ключарь тоя церкви Иван, Михайлов сын, с протодьяконом Мефодием, и егда возгласиша: «двери, двери мудростию вонмем», тогда у священника со главы взяся воздух и повергло на землю; и егда исповедание веры начали говорить, и в то время звезда на дискосе над агнцем на все четыре постановления преступала* и до возглашения «Победныя песни»; и егда приспе время протодьякону к дискоосу притыкати, приподнялася мало и стала на своем месте на дискосе просто, А служба у них в церкви по новым служебни[кам], по приказу архиепископлю*. И мне, государь, мнится, яко и тварь рыдает, своего Владыку видя бесчестна, яко неистинна глаголют Духа витого быти и Христа, Сына Божия, на небеси не царя быти во исповедании своая веры*. Да не одно, государь, то, но и моровое поветрие* не мало нам знамение было от Никоновых затеек, и агарянской меч стоит десять лет беспрестани*, отнележе разадрал он церковь. Добро было при протопопе Стефане, яко все быша тихо и немятежно ради его слез, и рыдания, и негордаго учения; понеже не губил Стефан никого до смерти, якоже Никон, ниже поощрял на убиение. Тебе, свету, самому житие ево вестно. Увы души моей бедной! Лучши бы мне в пустыни даурской, со зверьми живучи, конец прияти, нежели ныне слышу во церквах Христа моего глаголюща невоскресша*.

Вем, яко скорбно тебе, государю, от докуки нашей. Государь-свет, православной царь! Не сладко и нам, егда ребра наша ломают и, розвязав, нас кнутьем мучат и томят на морозе голодом. А все церкви ради Божия

стражем. Изволишь, государь, с долотерпением послушать, и я тебе, свету, о своих бедах и напастех возведу немного. Егда я был в попех в Нижегородском уезде, ради церкви Божия был удавлен и три часа лежал, яко бездушен, руки мои и ноги были избиты, и имение мое не в одну пору бысть в разграблении, и сие мне яко уметы, да Христа моего приобретаю*. И егда устроил мя Бог протопопом в Юрьевце-Повольском, бит ослопием и топтан злых человек ногами, и дран за власы руками; отнял меня Дионис Крюков еле жива. И о сем молихся, да простит им Бог zde и в будущем веце.

А Никон меня, патриарх бывшей, на Москве по ногам бив, мучил недели с три по вся дни*, от перваго часа до девятого. И о сих всех благодарю Бога. Да он же, Никон, егда мя взял от всенощнаго с двора протопопы Иоанна Неронова, по ево патриархову велению, Борис Нелединской со стрельцами ризы на мне изодрали и святое Евангелие, с наложив сбив, затоптали; и посадя на телегу с чепью, по улицам, ростяня мои руки, не в одну пору возили. И уш то, государь, так попустил Бог им.

И потом во Андроньеве монастыре посадил под полату пустую в землю и три дни и три ноци на чепи держал без пищи. И о сих всех благодарю, государь, Бога. Прости, государь,— тут мне пищу принесе ангел за молитв святаго отца протопопы Стефана. Не скучно ли тебе, государю-свету? И сибирския беды хошу воспомянути, колико во одиннатцеть лет на хрепте моем делаша язв беззаконии за имя Христово. Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, да не буду, безумен, истинну бо, по апостолу, реку*. Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомольцы: некому нам возвещать, како строится во твоей державе.

Егда патриарх бывшей Никон послал меня в смертоносное место, в Дауры, тогда на пути постигоша мя вся злая. По лицу грешному воевода бил своими руками, из главы володы мои одрал и по хрепту моему бил чеканом, и седмьдесят два удара кнутом по той же спине, и скована в тюрьме держал пять недель, трит-цеть и седмь недель морозил на морозе, чрез день дая пищу, и два лета против воды заставил меня тянуть лямку. От водяного наводнения и от зноби осенний распух живот мой и ноги, и от пухоты расседалася на ; ногах моих кожа, и кровь течаше беспрестанно. А инии твои, государевы-световы, казаки, тружашеиися в водах, в то время многие помирали от тоя воеводския налоги и муки. И как мы дошли до места, тамо нас и совершенное зло постигло: ел я с казаками не по естеству пищу: вербу и сосну, и траву, и коренья, и мертвыя мяса зверины, а по напраснству и по прилучаю и кобылие. И тово было ядения шесть лет. А казаки бедные — всякую мертвечину, иные — волки и лисицы, иные — человеческую лайну. И от тоя нужды человек с пятьсот померло; а осталось немного — человек ныне с сорок. А иных он, воевода Афонасей Пашков, пережег огнем и перебил кнутьем до смерти, якоже и меня мучил. А что, государь, у меня было из Енисейска везено с собою в запас хлепча на предидушая лета, и тот хлеб он, Афонасей, у меня отнял

после кнутнова биения и продавал мне на платишко мое и на книги свою рожь немолотую дорогою ценою, по два рубли пуд вещей и болыни. И я из первых лет ел рожь немолотую вареную, покамест чево было. А он, Афонасей, и до съезду жил в покое, потому, государь, что завезено у него всего было много казачьими трудами.

У меня же, грешника, в той нужде умерли два сына, не могли претерпеть тоя гладныя нужды; а прочих, государь, детей моих снабдевала от смерти жена ево, Афонасьева, и другая — сноха ево — втайне; егда от нас кто начнет с голоду умирати, тогда присылали нужную пищу. Понеже жены милостивы быша, яко древняя серафтяныни*. И не то, государь-свет, надежда наша, едино; но в десеть лет много тово было: беды в реках и в мори, и потопление ми многое было. Первое — с челядию своею гладей, потом без обуви и без одежды, яко во иное время берестами вместо одеяния одевался и по тарам великим каменным босы ходящя, нужную пищу соби-раху от травы и корения, яко дивии звери; иногда младенцы мои о острое камение ноги свои до крови розбиваху и сердце мое зле уязвляху, рыдающе горькими слезами; а во иное время сам и подружие мое шесть недель шли по голому льду, убивающесея о лед, волокли на волоченыках малых детей своих в пустых даурских местех, мерзли все на морозе. И о сих всех, государь-свет, благодарим Бога, яко первые мы в тех странах с женою моею и детьми учинились от патриарха в такой пагубной, паче же хорошей, ссылке. Упоил нас чашею вина неразтворенна*. Да не поставит ему Бог в грех здесь и в будущем веце!

Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю: не тогда мне говорить, как издохну! А близ исход души моей, чаю, понеже время належит. То не отеческой у патриарха вымысл, но древняго отступника Иулияна* и египтенина Феофила*, патриарха Александрова града, и прочих еретик и убийц, яко христиан погубляти. Мне мнится, и дух пытливой таков же Никон имать, яко и Феофил, понеже всех устрашает. Многие его боятся, а протопоп Аввакум, уповая на Бога, его не боится. Твоя, государева-светова, воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить, за помощию Божию готов и дух свой предати. Аще не ныне, умрем же всяко и житию должная послужим: смерть мужу покой есть*; смерть греху опона. А душа моя прияти ево новых законов беззаконных не хочет. И во откровении ми от Бога бысть се, яко мерзок он пред Богом, Никон. Аще и льстит тебе, государю-свету, яко Арин древнему Константину*, но погубил твои в Руси все государевы люди душею и телом, и хотящий ево законы новыя прияти на страшней суде будут слыть никонияня, яко древний арианя. Христа он, Никон, не исповедует, в плоть пришедша; Христа не исповедует ныне царя быти и воскресение ево, яко иудеи, скрывает; он же глаголет неистинна Духа Святаго, и сложение креста в перстех разрушает, и истинное метание в поклонех отсекает, и многих ересей люди Божия и твоя наполнил; инде напечатано: «духу лукавому молимся»*. Ох души моей и горе! Говорить много не смею, тебя бы,

света, не опечалить; а время отложить служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! Воистинно, государь, сблудил во всем яко Формос* древней. Потщися, государь исторгнути злое ево и пагубное учение, дондеже конечная погуба на нас не приидет, и огонь с небесе или мор древний и прочая злая нас не постигло. А егда сие злое корение исторгнем, тогда нам будет вся благая: и кротко и тихо все царство твое будет, яко и прежде Никонова патриаршества было; и агарянской меч Бог оставит и сподобит нас получите вечная благая.

О патриархе престану, государь, тебе, свету, изве-щати, но молю тебя, государя, о воеводе, которой был с нами в Даурах, Афонасей Пашков,— спаси ево душу, якож ты, государь, веси. А время ему и пострищися, да же впредь не губит, на воеводствах живучи, христианства. Ей, государь, не помнит Бога: или поп, наш брат, или инок — всех равно губит и мучит, огнем жжет и погубляет. Токмо, государь, за мою досаду не вели ему мстити! А паки тебе, государю, припадая, глаголю, слезы от очию моею испущая: не вели ему мстити! Не должны суть чада родителем имения снискати, но собирают родители чадом. Аще и стропотное, но мое он чадо, Афонасей Пашков, и чадо мое и брат мне по благодати: едина купель всех нас породила, едина мати всем нам церковь, един покров — небо, едино светило — солнце, Аще и досаждают, но любовьию их нам приимати. Помилуй, государь, царь православной, не оскорби бедную мою душу: не вели, государь, ему, Афонасью, мстити своим праведным гневом царским, но възыщи ево, яко Христос заблуждшее овча, Адама. Твое бо, света, миловати и спасати всегда, и ныне, и присно, и до кончины.

Свет-государь! Пред человеки не могу тебе ничтож проговорите, но желаю наедине светлосное лице твое зрети и священнолепных уст твоих глагол некий слышати мне на пользу, как мне житии.

[ЗАПИСКА О ЖЕСТОКОСТЯХ ВОЕВОДЫ ПАШКОВА,
ПРИЛОЖЕННАЯ К «ПЕРВОЙ» ЧЕЛОБИТНОЙ
АЛЕКСЕЮ МИХАИЛОВИЧУ]

В 169* Афонасей Пашков* увез из Даур Никанские земли два иноземца, Данилка да Ваську, а те люди вышли на государево имя в даурской земле в полк к казакам. Да другие два перевотчика, Ивашко Тимофеев Жючерской да Илюшка Тунгусской, жили у тех же даурских казаков многие лета. И Ивашковым да Плюшкиным толмачеством государю сбирали казаки государские ево казны многие лета. А после розгрому Богдойскова пришли достальные казаки снизу ко Офонасью Пашкову на Иргень озеро. А те четыре человека: «Данилко, да Васька, да Ивашко, да Илюшка, пришли с ними же, казаками, служить великому государю. А воевода Афонасей Пашков у казаков их отнял и взял к себе во двор сильно, и оне и по се время плачучи, живут, мучаясь у него во дворе, пособить себе не могут. А бьют челом великому государю, чтоб их свободил от порабощения и пожаловал в свой чин государев. Да он же,

Афонасей, увез из Острошкоа от Лариона Толбозина троих аманатов: Гаврилка, Алешку, Андрюшку. Да он же увез 19 человек ясырю у казаков: Бакулайко да две ево дочери, имен их не помню, Марьица, Анютка, две Овдотьицы, четыре Маринки, две Палашки, и третья Овдотьица ж, три Анютки ж, Офроська с братом с Ивашком. И те все люди у него.

А та земляца без аманатов и досталь запустела, государевым людям быть не у чево, лише государеве казне напрасная проворь. Да он же, Офонасей, государевых служилых двух человек взял во двор к себе сильно: Олешку Брацкова да Юшку Иванова. А те все люди, кроме государя, помощника себе не имеют. Да он же, Афонасей, живучи в даурской земли, служивых государевых людей не отпускаючи на промысл, чем им, бедным, питатися, переморил больши пяти сот человек голодною смертию. А которые, не претерпев гладу, ходили промышлять нужные пици, и он, Афонасей, их пытал, бил кнутьем, и ребра ломал, и огнем жег. Таковых ради вин Ивашко Сватеныш да Клишко Шамандрухин с товарищи, осмь человек, свою казачью лошедь [съели]¹, и он их, пытал, в тюрьме и уморил. Ияков Красноярской молил: «Только бы-де воевода по государеву указу ехал прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпели». И он, Афонасей, ево, Иякова, за то, бив кнутом, жжег до смерти. И к моему Протопопову зимовью мертваго кинул под окошко, что он, Ияков, на пытке творил Исусову молитву.

Да он же, Афонасей Пашков, двух человек, Галахтиона и Михаила, бил кнутом за то, что один у него попросил есть, а другой молил: «краше бы сего житья смерть!» И он, бив за то кнутом, послал нагих за реку мухам на сведение и, держав сутки, взял назад. И потом Михаиле умер, а Галахтиона Матюшке Заряну велел Пашков в пустой бане прибить палкою. А преж тово ево же, Галахтиона, и Стефана Подхолгу, и Харпегу, и иных многих бил кнутьем за то, что оне с голоду кобыльи кишки немытые с калом и кровь с снегом хватали и ели от нужи великия. Березовскаго казака Акишу бил кнутом за то, что он ево, Афонасьевы, три щуки распластал нехорошо, не умеючи. Такова ево милость. Афонасьева, была к государевым служивым людям. Кожи, и ноги, и головы давал есть казакам, а мяса своим дворовым людям. А иных двух человек повесил, ей, безвинно. Прочих же ево ругательств и муки к государевым служивым людям не достанет ми повествовати лето*. А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказать странно и страшно: при смерти их и причащать мне не давал, и пречистыя тайны у меня отнял и держал у себя в коробке. Да приходили в Нерчинской острог из Енисейска служилые люди, пятидесятник Иван Елисеев с товарищи, с грамотами государевыми, как Бог дал государыню царевну и великую княжну Софью Алексеевну*. И он, Афонасей, для вести, чтоб про него на Руси неведомо было, не отпустил их назад и уморил в дощенике двух человек, прикащика самого Ивана да толмача Константина.

1 В рукописи это слово отсутствует; введено по изд. Памятники, стб. 702.

«ТРЕТЬЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Христолюбивому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодер[жцу], бьет челом богомолец твой, в Даурех мученой прото[поп], Аввакум Петров. Прогневал, грешной, благоутроби[е] твое от болезни сердца неудержанием моим; а иное тебе, свету-государю, и солгали на меня, им же да не вменит Господь во грех.

Помилуй мя, равноапостольный государь-царь, робятишек ради моих умилосердися ко мне! С великою нуждею доволочся до Колмогор; а в Пустоозерский острог до Христова Рождества не возможно стало ехать, потому что путь нужной, на оленях ездят. И смущаюся, грешник, чтоб робятишка на пути не примерли с нужи. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец! Пожалуй меня, богомольца своего, хотя где, на Колмогорах, изволь мне быть, или как твоя государева воля, потому что безответен пред царским твоим величеством.

Свет-государь, православной царь! Умилися к странству моему, помилуй изнемогшаго в напастех и всячески уже сокрушена: болезнь бо чад моих на всяк час слез душу мою исполняет. И в даурской стране у меня два сына от нужи умерли. Царь-государь, смилуйся.

«ЧЕТВЕРТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ «СПИСОК С ГРАМОТКИ»

Государь-царь, державный свет!— протопоп Аввакум, не стужаю ти много, но токмо глаголю ти: радоватися и здравствовати о Христе хошу, и благоволит душа моя, да благословит тя Господь, и света мою государыню-царицу, и детушек ваших, и всех твоих да благословит их дух и душа моя во веки. Помню твой приказ с Дементьем: приказывал памятовати о себе,— нет, государь, не забуду. Якож зрит Господь, сердце мое не притворяя, говорю: аще получю дерзновение и в будущем веце, и там о тебе хошу припасти ко всех Владыце, не токмо где, в темнице. Протопоп Аввакум не помнит тово ничево, благодатию Божию, что над ним делается. Одново желаю — пред Богом стати вам непостыдным. Да и много столько мне, грешному,— забыти ваше благородие! Один ты у нас царь на сем свете. Да и надеюся, яко силен Бог спасти нас с вами. Ну, государь, моли ж ся и за мя, грешнаго, и в чем перед тобою погрешил, прости мя; а тебя тако ж да простит Господь Бог и да помянет любовь твою ко мне нищему, во царствии своем, егда приидет воздати комуждо по делом его.

Да и заплутаев тех Бог простит, кои меня проклинали и стригли: рабу Господню не подобает сварится, но кротку быти ко всем*. Не оне меня томят и мучат, но диявол наветом своим строит; а оне тово не знают и сами, что творят. Да уж, государь, пускай, быти тому так! Положь то дело за игрушку! Мне то не досадно. Посем паки да благословит тя третицею Господь и дух мои здесь и в будущем веце.

Прости ж, государе, уже рыдаю и сотерзаюся страхом, и недоумением содержим семь; помышляю моя деяния и будущего судища ужас. Брат наш, синбирской протопоп Никифор, сего суетнаго света отъиде*; посем та же чаша и меня ждет. Ох, увы мне, окаянному, и горе! Како отвещаю бессмертному судии, Царю всех и Богу! Токмо надеюся на Его праведный щедрости, понеж любящим его вся поспешествуют во благое. Подобаает, государь, и всем нам помышляти смерть, ад, небо, и отца нашего, протопопа Стефана, учение помнить. Паки тя, государь, благословляю и, опрятне став, поклоняюся тебе, самодержавному, честне.

А корму твоего, государева, дают нам в вес — муки по одному пуду на месяц, да и о том слава Богу. Хорошо бы, государь, и побольши для нищие братии за ваше спасение. Изволь, самодержавие, с Москвы отпустить двух сынов моих* к матери их на Мезень, да тут, живучи вместе, за ваше спасение Бога молят; и не умори их с голоду, Господа ради. А обо мне, якож Богу и тебе годе: достоин я, окаянный, грехов ради своих, темнице пустозерской. Умилися, святая душа, о жене моей и о детех.

«ПЯТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Царь-государь и великий князь Алексей Михайлович! Мнагажды писахо[м] тебе прежде и молихом тя, да примиришися Богу и умилишися в разделении твоём от церковн[а]го тела. И ныне последнее тебе плачевное моление приношу, из темницы, яко из гроба, тебе глаголю: помилуй единородную душу свою и вниди паки в первое свое благочестие, в нем же ты порожден еси с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родители твоими и прародители; и с нами, богомольцы своими, во единой святой купели ты освящен еси; единыя же Сионския церкви святых сосец ея нелесным млеком воспитен еси с нами, сиречь единой православной вере и здравым догматом с нами от юности научен еси.

Почто по духу братию свою тако оскорбляеши? Единаго бо мы себе Отца имамы вси, иже есть на небесех, по святому Христову Евангелию. И не покручинься, царю, что тако глаголю ти: ей, истинна так. Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть Божий. Тогда же наипаче наречется господин, егда сам себе владеет и безместным страстей не работает, но споборника имея благочестива помысла, непобедимаго самодержца бессловесных страстей, иже всех матеря похоти всеоружием целомудрия низлагает. «Честь царева суд любит»*, по пророку. Что есть ересь наша или кий раскол внесохом мы во церковь, якож блядссловят о нас никонияня, нарицают раскольниками и еритиками в лукавом и богомерском Жезле*, а инде и предотечами антихристовыми? Не постави им Господь греха сего, не ведут бо беднии, что творят. Ты самодержче, суд подымеши о сих всех, иже таково им дерзновение подавый на ны. Не вемы в себе ни следу ересей, коих пощади нас Сын Божий от такова нечестия и впредь, ниж раскольства: Бог сведетель и пречистая

Богородица и вси святии! Аще мы раскольники и еретики, то и вси святии отцы наши и прежний цари благочестивии, и святейшия патриархи такови суть.

О, небо и земле, слыши глаголы сия потопныя* и языки велеречивый! Воистинну, царь-государь, глаголем ти: смело дерзаете, но не на пользу себе. Кто бы смел рещи таковыя хульныя глаголы на святых, аще бы не твоя держава попустила тому быти? Вонми, государь, с коею правдою хочещи стати на страшном суде Христове пред т[ьм]ы ангельскими и пред всеми племены]2 язык верных и зловерных. Аще во православии нашем, отеческих святых книгах и в догматах их хотя едина ересь и хула на Христа Бога и церковь его обрящется, ей, ради мы за них прощаться пред всеми православными, паче же за то, аще мы что от себя внесохом — соблазны или раскол — во церковь. Но несть, несть! Вся церковная права суть разумевающим истинну и здрава обретающим разум по Христе Иусе, а не по стихиям сего мира, за ню же мы страждем и умираем и крови своя проливаем. Испытай, царю християнский, писание и виждь, яко в последняя времена исправления веры и обретения истинны нигде же несть и не будет, но везде писано есть, что в последняя времена отступят веры, а не исправят ю, и исказят писания, и превратят, и внесут ереси погибельныя, и многих прельстят. Сиче везде суть в писаниих святых узриши. И не дивися, тако истинна. Христос сам рече: «егда приидет Сын Человеческий, обрящет ли веру свою на земли?»* На се богословцы глаголют: не обря[ще]т, кроме малых избранных, забегших в горы, а во градах и селех не обрящется ни единаго православна[го] епископа и попа. Тако будет, царю, по словеси Христову. И помяни дни Ноевы: много ли осталось благочестивых пред потопом? Веси, только осмь душ. И в скончании века тако будет: мало Христово стадо, много же сатанино и антихристово воинство будет. И ты не хвалися. Пался еси велико, а не востал искривлением Никона, богоотметника и еретика, а не исправлением, умер еси по души ево учением, а не воскрес. И не прогневися, что богоотметником ево называю. Аще правдою спросиши, и мы скажем ти о том ясно с очей на очи и усты ко устом возвестим ти велегласно; аще ли же ни, то пустим до Христова суда: там будет и тебе тошно, да тогда не пособишь себе ни мало. Здесь ты нам праведнаго суда со отступниками не дал, и ты тамо отвещати будещи сам всем нам, а льстящий и ласкающий тебе, им же судом судиша нас, тако ж и сами от Христа и святых его осудятся, и в ню же меру мериша нам, возмерится им от Сына Божия. Несть бо уже нам к ним ни едино слово. Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит. Жаль нам твоя царския души и всего дому твоего, зело болезнуем о тебе, да пособить не можем ти, понеж сам ты пользы ко спасению своему не хочещь.

2 В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстановлены по изд. Памятники, стб. 758,

А о греческих властех и вере их нынешней сам ты посылаи прежде испытати у них догматов Арсения Суханова* и ведаешь, что у них иссяче благочестие по пророчеству святых — царя Константина и Силивестра* папы, и ангела Божия, являшагося тогда Филофею Цареград[скому] патри[арху]* и сказавшу о том же. Ведаешь ли, писано се во Истории о белом клаб[уце* и,]³ ведая, почто истинну в неправде содержиши? Сего ради открывается гнев Божий на вас и бысть многажды ты наказан от Бога и все царство твое, да не позналися есте.

А еже нас не велишь, умерших, у церкви погребати, и исповеди и святых тайн лишать в животе сущих еще коих, да Христос нас не лишит благодати своея: той есть присно с нами и будет, надеем бо ся на нь крепко, и никто ж — человек смертной и тленной — отлучити нас от него возможет, с ним бо стражем и умираем. А по смерти нашей грешная телеса наша — добро так, царю, ты придумал со властью своими, что псом пометати или птицам на растерзание отдати. Вемы бо, да и ты слышишь по вся дни во церкви, яко святым мучеником ни единому честнаго погребения не бысть от убивающих их или в темницах умеряющих, но метяху их в бесчестныя места, и в воду иных, и в ровы, и в кал, овых же и сожигали мощи, да Христос их нигде не забыл. Тако ж и нас негли не забудет надежда наша и купно с первыми соберет кости наша в последний день и оживотворит мертвенная телеса наша Духом Святым. Несть мы лутши древних мученик и исповедник — добро так нам валятися на земли! Земли же есть и добровольне себе святии отцы погребати себе не повелеша, великаго ради смирения, да большую мзду восприимут от Христа Бога, И елико ты нас оскорбляеши больши и мучишь, и томишь, толико мы тебя любим, царя, больши и Бога молим до смерти твоей и своей о тебе и всех кленущих нас: спаси, Господи, и обрати ко истинне своей! Аще ж не обратитесь, то вси погибнете вечно, а не временно.

Прости, Михайлович-свет, либо потом умру, да же бы тебе ведомо было, да никак не лгу, ни ж притворяйся говорю: в темнице мне, яко во гробу, сидящу, что надобна? Разве смерть? Ей, тако. Некогда мне молящюся о тебе с горькими слезами от вечера и до полунощи и зело стужающу Божеству, да же бы тебе исцелитися душею своею и живу быти пред ним; и от труда своего аз, многогрешный, падох на лица своем, плакался и рыдая горько, и от туги великия забыхся, лежа на земли, и видех тя пред собою или ангела твоего умиленна стояща, подпершися под лице правою рукою. Аз же возрадовахся, начах тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И увидех на брюхе твоем язву зело велику*, исполнена гноя многа, и убоях, вострепетах душею, положих тя взнак на

³ В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстановлены по изд. Памятники, стб. 760.

войлок свой, на нем же молитвы и поклоны творю, и начах язву на брюхе твоём, слезами моими покропляя, руками сводити, и бысть брюхо твое цело и здраво, яко николи же боле. Душа ж моя возрадовалася о Господе и о здравии твоём зело. И паки поворотих тя вверх спиною твою, видех спину твою сгнившу паче брюха, и язва больши первый явихся. Мне ж так же плакавшуся, руками сводящу язву твою спинную, и мало-мало посошлася и не вся исцеле. И очютихся от видения того, не исцелих тя всего здрава до конца. Нет, государь, большо покинуть мне плакать о тебе, вижу, не исцелеть. Ну, прости ж, Господа ради, дондеж увидимся с тобою.

Якож присылал ко мне Юрья Лутохина, и рекл он, Юрьё, усты твоими мне на Угреше: «рассудит-де, протопоп, меня с тобою праведный судия Христос». И я на том же положил: буди тако по воли твоей. Коли тебе, государь, тако годе, ино и мне тако любо: ты царствуй многа лета, а я мучуся многа лета, и пойдем вместе в дома своя вечныя, еда Гог изволит. Ну, государь, да хотя меня и собакам приказал выкинуть, да еще благословляю тя благословением последним, а потом прости, уж тово чаю только. Царь-государь Алексей Михайлович, любим бо еси мне, исповемся тебе всем сердцем моим и повем ти вся чюдеса Господня. Ей, не лгу — буди мне с сею ложью стати на страшной суде с тобою пред лицом Господним. Того ради хочу тебе сказать, яко мнит ми ся, не коснит Господь о кончине моей, и помышляет ми ся, будет скоро о[т]ложение телиси моему, яко утомил мя еси зело, еще ж мне и самому о жизни сей нерадящу.

Послушай, державне, побеседаю ти, яко лицом к лицу. Нынешня 177 году, в великий пост на первой неделе* по обычаю моему хлеба не ядох в понедельник, тако ж и во фторник, и в среду не ядох, еще жив четверг не ядше пребых, в пяток же прежде часов* начах келейное правило, псалмы Давыдовы пети, прииде на мя озноба зело люта, и на печи зубы мои розбило с дрожи. Мне же, и лежа на печи, умом моим глаголющу псалмы, понеж от Бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мне,— прости, царю, за невежество мое,— от дрожи тоя нападе на мя мыт; и толико изнемог, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всех дней не ядшу ми дней с десять и больши. И лежащу ми на одре моем и зазирующу себе, яко в таковыя великия дни правила не имею, но токмо по чоткам молитвы считаю, и Божиим благоволением в ноци вторыя недели, против пятка, распространился язык мой и бысть велик зело, потом и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потом и весь широк и, пространен под небесем по всей земли распространился, а потом Бог вместил в меня небо, и землю, и всю тварь. Мне же, молитвы беспрестанно творящу и лествицу перебирающу в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потом восставши ми от одра лехко и поклонившуся до земля Господеви, и после сего присещения Господня начах хлеб ясти во славу Богу.

Видишь ли, самодержавие? Ты владеешь на свободе одною русскою землею, а мне Сын Божий покорил за темничное сидение и небо и землю; ты, от здешняго своего царства в вечный свой дом пошедше, только

возьмешь гроб и саван, аз же, присуждением вашим, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будут и по земле влачimy; так добро и любезно мне на земле лежати и светом одеянну и небом прикрыту быти; небо мое, земля моя, свет мой и вся тварь — Бог мне дал, якож выше того рекох. Да не первому мне показано сице; чти, державный, книгу Палею: егда ангел великий Альтез древле восхитил Авраама выпрѣ*. сиречь на высоту к небу, и показа ему от века сотворенная вся, Богу тако извольшу. А и ныне, чаешь, изнемог Бог? Несть, несть, той же Бог всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Хвалити ми ся не подобает, токмо о немощах моих, да вселится в мя сила Христова — не только то тово Божия присещения. Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду остригли и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице держали,— о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет,— тогда нападе на мя печаль, и зело отяготихся от кручины и размышлях в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не ругали, якож меня ныне: волосы и бороду остригли, и прокляли, и в темнице затворили никонияня, пуци отца своего Никона надо мною, бедным, сотворили. И о том стужах Божеству, да явит ми, не туне ли мое бедное страдание.

И в полунощи во всенощное, чтущу ми наизусть святое Евангелие утреннее, над ледником на сололке стоя, в одной рубашке и без пояса, в день Вознесения Господня, бысть в душе весть, и ста близ меня по правую руку ангел мой хранитель, улыскася, и приклонялся ко мне, и мил ся мне дея; мне же чтущу святое Евангелие не скоро и ко ангелу радость имущу, а се потом изо облака Госпожа Богородица яви ми ся, потом и Христос с силами многими и рече ми: «не бойся, Аз есмь с тобою». Мае же к тому прочетше к концу святое Евангелие и рекшу: «слава тебе, Господи», и, падшу на земли, лежащу на мног час, и, егда отъиде слава Господня, востах и начах утреннюю кончати. Бысть же ми радость неизреченна*, ея же невозможно исповедати ныне. За любовь тебе Господню, Михайлович, сказано сие, понеже хошу умереть. Молю тя именем Господним, не поведай врагом моим, никониянам, тайны сея, да не поругают Христа Иуса, Сына Божия и Бога: глупы веть оне, дураки, блюют и на самого Бога нечестивыя глаголы; горе им, бедным, будет.

Посем, государь, мир ти и паки благословение, аще снабдиши о нем же мо[лю твою царскую душу; аще ли же ни, буди во]4 ля твоя, якож хочещи. Не хотелося боло мне в тебе некрепкодушия тово: веть то всячески всяко будем вместе, не ныне, ино тамо увидимся, Бог изволит.

4 В этом месте рукопись дефектна; слова в скобках восстановлены по изд. Памятники, стб. 766,

ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Благаго и преблагаго и всеблагаго Бога нашего благодатному устроению, блаженному и треблаженному и всеблаженному государю нашему, свету-свиту, рускому царю и великому князю Федору Алексеевичу.

Не смею нарещися богомolec твой*, но яко некий изверг*, и непричастен ногам твоим, издавеча вопию, яко мытарь: милостив буди ми, Господи*; подстилаю главу и весь орган тела моего со гласом: милостив буди ми, Господи*, яко серафинисса, жена еллинска* к Сыну Божию, ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы Господий своих*. Ей, пес есмь аз, но желаю крупичицы твоя милости.

Помилуй мя, страннаго, устраншагося грехми Бога и человек, помилуй мя, Алексеевич, дитяtko красное, церковное! Тобою хочет весь мир просветитися, о тебе люди Божия расточенныя радуются яко Бог нам дал державу крепкую и незыблему. Отради ми, отрасль царская, и не погуби мене со беззаконными моими, ниже в век враждовав, соблюдеши зол моих, зане ты еси царь мой, и аз раб твой; ты помазан елеом радости*, а аз обложен узами железными; ты, государь, царствуешь, а аз во юдоли плачевной плачюся. Увы мне! Кого мя роди мати моя! Проклят день в онь же родихся, и ночь она буди тьма*, еже изведе из чрева матере моя.

Помилуй мя, сыне Давыдов*, помилуй мя! Аще благодать обретох пред тобою, помилуй мя! Услыши моление мое, внуши молитву мою не во устнах льстивых!* Глаголю ти: разрежь чрево мое и посмотри сердце мое, яко с трепетом молю и мил ся дею; припадаю: приклони ухо твое и внуши глаголы моя из болезненны души. Царю, послушав, от люот мя избави: един бо еси ты нашему спасению повинен. Аще не ты по Господе Бозе, кто нам поможет? Столпи поколебашася наветом сатаны, патриарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо — Бог весть!—али и умроша. Увы, погибе благоговейный от земля и несть исправляющаго в человецех! Спаси, спаси, спаси их, Господи, ими же веси судьбами! Излей на них вино и масло, да в разум приидут!

А что, государь-царь, как б ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех переplastал во един час*. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрья Алексеевич Долгорукой!* Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониян. Князь Юрья Алексеевич, не согрешим, небось, но и венцы победныя примем! Помнишь, ты мне жаловал, говорил: «естлн-де, что, протопоп Аввакум,— на соборе том говорит,— и я тебе соппротив безответно реку: «государь, видно, так ты»». Да инде и слава Богу.

А после не так у них стало. Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от спаса; то ему за свою правду*. Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина*, потеряв безверием, предали турку*, да и моего Алексея в безумии поддержали, ко-стельники и шиши антихристовы, предлагатаи,

богоборцы! Князь Юрья Алексеевич, здрав буди, а благословение мое есть на главе твоей. Помнишь, и дважды благословил ты да ныне так же. Прости и моли о мне, грешном, Бога, да не разлучит нас во царствии своем в день века. Мои, светы, вы все, князи и бояре, отступником до вас нет дела. Говорите Иоакиму патриарху*, престал бы от римских законов: дурно затеали, право. Простой человек Яким-от. Тайные те шиши, кои приехали из Рима, те ево надувают аспидовым ядом. Прости, батюшко Якимушко! Спаси Бог за квас, егда напоил мя жаждуца, егда аз с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом.

Чюдо! Чюдо! Заслепил диявол! Отеческое откиня, им же отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиша, извратишася. Не я самим умыслом, скверной, затеваю, ни, ни, никакo же, но время откроет, яко чаша в руце Господни нерастворенная исполнь растворения и уклони от сея в сию, обаче и дрождие его не искидася*. Псалмопевец глагола: «и дрождей не кинет даром, но испиют ё вси грешнии земля»*. Рече Господь: «имеяй уши слышати, да слышит!»*

Прости, прости, прости, державне, пад, поклоняюся. Прости, Господа ради, в чем согрубил тебе, свету. Благословение тебе от всемогущия десницы и от меня, грешнаго, Аввакума протопопа. Аминь.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ РОМАНОВОЙ

Свет-государыня, всегосподованная дево, Ирина Михайловна! Что аз, грубый, хощу пред тобою рещи? Вем, яко мудра еси, дево, сосуд Божий избранный, благослови поговорить! Ты у нас по царе над царством со игуменом Христом, игумения. Яко же он, надежа наша, иссек римскою властью любоплотный род еврейский*, подобает государыня, и здесь любоплотным по тому же уставу быть. Не страша же глаголю, но предлагаю законопреступникам сбывшееся издревле во Израили. Егда в законе поблядят, тогда и разорение, егда же обратятся ко Господу Богу, тогда им милость и ужитие мирно и безмолвно. Но виждь, предобрая, что над собою и греки учинили, ко псу езда, на Флоренском соборе* истиннее рещи на сонмище жидовское, руки приписали, Мануилович* с товарищи, что наведе греческой державе? Помнишь ли, свет, реченное или запамятовала? Ну, ино я препомню.

Тому лет с двести семьдесят с лишком, варвар, Бахмест турецкой*, взял Царьград* и брата Мануиловича Константин*. Не коснел Христос, скоро указ учини. Блюдусь и трепещу. Та же собака заглядывает и в нашу бедную Россию. Мнит ми ся по греческому же уставу ступает, мало-помалу на высоту восходит и со дияволом предуспевает. Егда помышляю, ужас меня объемлет; отвсяду ми тесно ныне, душа, плавание, а тогда телесем гробы. Преудобренная невесто Христова, не лучши ли со Христом помиритца и взыскать старая вера, еже дед и отец твои* держали, а новую блядь в гной спрятать? Пускай Никонов устав мотыльноской до общаго

воскресения тут предпочтет. А будет так и не учинитца, тако глаголет Дух Святой, пострадать будет и нам, якоже и греком. А потом варвар попустит и на самую первую блудницу, еже есть костел римской, потом же и последний диявол, глаголю антихрист, потом пророцы Илия и Енох с Богословом, потом изменение твари. Потом се окених грядет, исходите во стретение его⁵*, по глаголющему пророку: «зрех, дондеже престолы поставятся и Ветхий дньми седе, и книги разверзошася, и тьмы тьмами предстояху ему, и тысяща тысящами служаху ему»⁶*. Тогда праведницы просветятся, а грешницы омрачатся, тогда христиане возвеселятся, а никонияня восплачются и возрыдают, яко прииде отмщение коварству их.

Воистинну, государыня, никониянская вера и устав не по Бозе, но по человеку. Умыслил Никон оружием и пищальми и со дрекольми на противныя, не разумех пророка вопиюща: «не на лук бо мой уповаю и оружие мое не спасет мене»⁶*. По тому же рекл прилично апостол Павел: «несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властей и к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобе поднебесным»⁶*. И еще он же: «сего ради примете вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати»⁶*. Паки он же: «станете убо препоясани чресла ваша истинною и оболкшеся во броня правды и обувше нозе во благовест-вованя миру. Надо всеми же сими восприимше щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити»⁶.*

Царевна-государыня, Ирина Михайловна! Умоли государя-царя, чтобы мне дал с никонияны суд праведный, да известна будет вера наша христианская и их никониянская. Иду, раб ваш, братися с турким поб святей Божий церкви, взявши братию мою страждущих повсюду. Не надобе нам ни пищали, ни сабли, ни ино что от таковых, но токмо облечемся в ризы священный; попы и дияконы со кресты и с фимияном, а черньцы в черныя ризы и схимы. И всяк возраст мужеска полу и женскаб плачуще и восклицающе горце: «владыко, не остави нас сиры, но прииди и стани с нами, да воспоем песнь раба Божия Моисея: „коня и всадники фараоновы вверже в море, избранныя всадники потопа в Чермном мори"»⁶* и прочая. Надеюся на Господа, яко Ияков Никейский⁶* прогнав перскаго царя комарами.

А никонияня, патриархи и митрополиты и архиепископы со архимандриты и игумены, пускай против варвара своим сонмом пойдут. Как знают, так и молят по-своему Бога. В молитвах их напечатано: «молимся тебе, дух лукавый». Пускай оне с лукавым духом, а мы, христиане, со Христом Исусом. Нам оне, поганцы, в товарищы не надобны. Мы пойдём на турская полки от десных, в руках победное

5 В рукописи: во; исправлено по списку XVIII в. ИРЛИ, Усть-, Цилемское собр., № 37, л. 5.

6 В рукописи после этого слова зачеркнуто: и строки и отрочицы.

оружие, крест, держа, а никонияня пускай да идут о левую, с крыжами и с партесным пением*. Оне пускай против воевод идут турскаго, а мы на самого диязола и Салтана-царя. Я хошу о Христе Боже моем, яко Давид на Голияда*, тако и Салтана-царя патрахилию обявав, в Москву притащу ти и пред царя моего поставлю, яко пса, и благословение царю-государю подам. Пойду в пустыню, куды очи несут, направляем Христом и пречистою Богородицею, а избранное Христово воинство, куды кто хочет, туды и поди, Бог благословит. А никонияня назад не возвратятся, тако глаголет Дух Святой, истреблени будут, яко Мадиям и Сисара, Иавим в потоце Кисове, со иноплеменники брашася, погибнут вси, потребятся, яко древле во Аендоре, будут яко гной земный*. Да больше того полно говорить, будет так, якоже рекох.

По сих всех прости мя, святая душа, и благослови, елико согреших словом и делом и помышлением и осуждением и всеми моими чювствы. Аминь.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СЕМЬЕ «СПИСОК С ГРАМОТКИ СТРАДАЛЬЦА ХРИСТОВА АВВАКУМА ОТЦА»

Детям моим благословение и дому моему мир! Настасья, больше мне с вами только видания, прижали плотно ко узам. В Пафнотьеве монастыре* держали девять недель на переменных цепях. И после того мчали к Москве девяносто верст на переменных лошедях, не отдыхая; затрясли было. Потом остригли и проклиали. У Николы на Угреше* сежую в темной полате, весь обран и пояс снят со всяцем утверждением, и блюстителю пред дверьми и внутрь полаты — полуголова со стрельцами. Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети бедные к монастырю приезжают, да получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилу и домой уедут. Нет у меня строки книжные, пою Богу моему наизусть: глагол Божий во устех моих. Подстилаю плоть души моей и почиваю на ребрах, одеваюся слезами и воздыханием, видя людей, в конец прельстившихся.

А вас уже я и забыл, токмо прошу о спасении вашем. Аще жив, мизинцу моему* целование, аще же умер, блажен есть. Паки всем благословение. Помолитесь о мне, да же совершу путь течения добре. Дорого столбец сей куплен, неколи много писать. Писано же лучинкою.

Помышляю о себе, яко удавят мя еретики: попущено бо им гораздо. Не обленись, жена, детей тех понуждати к молитве, паче же сами молитесь. Молитва бо Петра из темницы избави*, молитва Иону из чрева китова изведе*, молитва триех отроков от огня свободы*, молитвою Анна Самойла породил*, молитвами вси святии спасошася, молитва прилежна паче огня на небо возлетает. Добро молитва! Ей же помогает пост и милостыня. Не ленитесь молиться, да не бесплодии будете. В Вознесеньев день, в темнице, во время утрени начах чести святое Евангелие. Падох на лица моем и глаголах: «кто есмь аз, умерый пес, яко Господь присети мя в

темнице?» По сих мысленными очима видех Господа, и глаголюща ми: «не бойся, Аз есмь с тобою!» И в то время радости многия исполнен бых*. О сих до зде. Воистинну, молитися добро. Мир вам паки.

Еще ми от бесов многи наветы и пакости бывают, и о сих ныне несть ми глаголати подробну. Молитесь о мне, да избавлюся от них. Писано в темнице лучинкою, кое-как. Мая в 1 день.

Сыну Ивану и Прокопью, с матерью и с братом ц сестрами, с женою и дочерью*, всем благословение. Посланы грамотки к Москве, и ты их, прочетше, запечатай и сошли. Да к вам же послано десять крестов — старец* трудился. Мне боярня* главоотяжец да саван прислала против первых писем. Буде от нея грамотки к вам придут, не распечатывайте. Будет годно, я отселе к вам пришло. Паки мир вам. А кресты кедровые послано. Запечатай грамотки, да пошли к Москве. Еще таинства в крестом, а грамоток в мир не читите. .... Ивану с матерью, и с женою, и с дочерью, и Прокопью с братом, и с сестрами, и с домашними, Феодору с Лукою, всем без розбору — благословенье]; Марковну, Бог простит.

Пришли с Машиги[ным] ваши все посылки*. Я Огрофене* холстинку послал, да неведомо до нея дошла, неведомо — нет; уш-то ей, бедной, некому о том грамотки написать? Уш-то она бранится с братиею? А я сетую: не весть — дошла, неведомо — нет. А о рубашках,— я с Тимофеем* писал, и про холстинку и про него, что он сплутал, нам посылку с Москвы не привез. И он уш-то то и отодрал? Три рубахи пришлите. Давн[о] рубахи надобно: часто наг хожу. Да и башмачишков нет, какие бы нибудь, да и фerezишков нет, да и день-женец нет. Грамотки, Иван, бояроне в столпчик запечатай да пошли. Послал ныне богоявленской воды боченку, а летом — августовы*; а и нынешнюю и первую сам святил. О мире преж сего писал я вам, Феодор, что об одном деле двжды говоришь? В первые, реку, лета быша православнии епископи, аще и при Никоне священо. И Маремьяне попадье я грамотку с Ываном Архиповым* послал, велю жить с попом, что она плутает? Апостол глаголет: «святит бо ся муж неверен о жене верней»*. Многонько там писано. А ныне с Стефаном...7*, послал с сестрою, неколи много писать, надобе боло итить.

В Соловки те, Феодор, хотя бы подъехал*, письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал, а буде нельзя, ино бы и опять назад со всем. И как весною приедете, тогда и Орину* привезите; а у вас бы жила смирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте. Кто тебе научил указывать тово мне, чтоб я Федосье* той запретил? Плутаешь иное и ты много. Ведаю веть я и твое высокое житье, как, у нее живучи, кутил ты!

Горе, барте, мне с вами стало.

7 Далее в рукописи одно или два слова не поддаются прочтению,

Возлюблении, молю вы, яко странники и пришельцы, отгребатися от плотских похотей, яже воюют на душу нашу. Воистинну, по пророку, вся суета суете, и все суетие*. От нужных не заповедано промышлять, но излишня отсекают. Аще о внешнем всегда будем пещися, а о души когда будем промышлять? Тогда, егда умрем? Мертвый не делает, мертвому тайны не открываются. Когда от века слышать, еже бы мертвый что доброе сотворил? Токмо видим воню от гроба злосмраду исходящу и червьми тело растлеваемо, понявою повиваемо и землю покрываемо. Увы, красный уныл и ясен померк! Где благолепие лица, где светлейши очи, где юность и зрак наш? Все ише, яко цвет, яко трава подсечена бысть. Воистинну, вся увяди смерть. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти. Где ныне род и друзи? Се бо разлу[ча]емся. Воистинну, суета человеческая*.

Ну, Марковна, али не так говорю? Ей, так. Чего для печесься о излишних и о плотских скорбишь? Глаголете ми: «не знаем-де как до конца доживать». Имеющу пищу и одежду, сим довольна будем*, а [о] прочих возложим на Бога. Али Бог забыл нас? Ни, ни. «Аще и забудет мати не помиловати рожения своего, но аз не забуду»*,— рече Господь.— «Не пять ли птиц ценится единому пенязю, и ни едина от них падет без воли отца моего. Вас же и власы главныя вси изочтены суть. Не убойтесе, убо мнозех птиц лутше есте вы»*. Имеш ли речению сему веры? Поверь, не ложно. Рече Господь: «небо и земля мимо идут, а словеса моя не имут прейти»*. Разве неверен и невежда не имеет сему веры! Аз верую Богу моему, ему же и служю всею совестью от чиста сердца, яко будет, так и есть, еже рече Господь. А егда обнажихся во имя его пресвятое и от труда повалился в темнице, молитву говорю лежа, псалом: «внуши, Боже, молитву мою и не презри моления моего»*, и прочая. Егда доидох речи «умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы»*, примрачило ум мой о том месте. И речено ми, надо мною, от образа: «возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитает, не даст в век молвы праведнику». И вскочил и поклонихся Господеви. А сам говорю: «ты же, Боже, низведеш их в студенец нетления»*, и прочая. Потому и рубашку с себя скинул и поверг неимушим. Наг отголе и доньне,— уже три года будет,— да Бог питает мя и согревает, и вся благая подает ми изобильно. Слава о всех сих Творцу и содетелю всех Христу-Богу, и Богородице-свету со бесплотными и со всеми святыми!

И ты, Марковна, положиися всею крепостю душевною на Христа и Богоматерь: она, надежда наша, не оставит нас погружаться в неверствии и бури. Вем до конца, яко попреезлиха о нас печется она и промышляет все, упование наше, и покрывает нас кровом крылу своею и от враг ограждает же. Надолго ли бы ми жили, аще бы не она защищала? Ведайте, каково диявол на нас огнево дышет со угодники своими,— в Даурах и повсюду — живых поглотити ищет! Да Бог не выдаст, уповаю нань крепко. Помните, зверь даурский* всяко распопу беднова, еже есть меня, протопопа, умышлял погубить, а не явно ли Божия милость? На Москве в

руки мне Бог его выдал,— растенся, лежит предо мною, что мертвой! Помнишь, жена, как он мне говорит: «ты волен, и со мною что хочешь, то и сотворишь!» А я постриг его и посхимил по воли Божий и по доуки своей к нему, свету. Помнишь ли, в Даурах казаком на поезде говорил и в Енесейске Ржевскому*, и везде по городом: «мне,— реку,— Пашкова постричь надобно!» Да Бог мне тово и дал. А то вы и не ведаете, как о том докучал Богу.

А нынешнюю зиму потерпите только маленько: силен Бог, уже собак тех, перепутав огненным ужем, отдаст нам в руки. Тогда умей спастись их. А что им попущено от нас умерщвлять, и то добро так. По Господню речению сбывается: «и умертвят от вас, и будете ненавидими всеми имени моего ради, и влас главы ваша не погибнет. В терпении вашем стяжите душа ваша»*. Ну, да полно тово.

Спаси Бог, Афанасьюшко Аввакумович, голубчик мой! Утешил ты меня! Сказывал воевода здешней, по-хваляя тебе, были-де у него вы, и он-де спросил тебя: «как-де ты, Афанасей персты слагаешь?» И ты-де показал ему, воеводе: «вот-де, я слагаю». А он-де тебе молвил: «уже-де где отец и мати, там же будешь!» И ты-де супротив рек: «силен-де Бог, не боюся!». Воистинну, Господь силен, не боюся никого! Упование нам на него, Владыку. Яко лев рычи, живучи, обличая их многообразную прелесть.

А учителя твоего, Григорья*, что не слышать? Жив ли он, беднинькой? А девок тех, свет, учи, Марью да , Окулину*, а сам у братьей учися. Не гнушайся их, что оне некогда смалодушничали, на висилицу Христа ради не пошли*: уж то моего ради согрешения попущено изнеможение. Что же делать? И Петр апостол некогда так сделал*, слез ради прощен бысть. А он так же Богу кающихся прощает и припадающих к нему приемлет. Разговаривай братии: «не сетуйте-де о падении своем выше меры, — простит вас. Да и батюшко-де по воле Божий вас прощает и разрешает, дает прощение в сии век и в будущий». Впредь не падайте, стойте; задняя забывающе, на предняя простирающеся, живите. Един Бог без греха и без изврат, а человечество немощно, падает, яко глина, и востает, яко ангел. Се тому не работает греху, но присносущному Богу Христу, Сыну Божию, свету, со Отцем и со Святым Духом, ныне и присно и во веки веком.

Бог простит всех смалодушствующих и паки возвращайся на первое достояние! Аминь, аминь!

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

Прежде сих грамоток* за четыре месяца понудил мя Дух Святый сыну нашему о Христе написати благословение к брачному совокуплению: в нощи сжалися дух мой о нем, и возгореся душа моя, да благословен будет к женитве. И стрельцу у бердыша в топорище велел ящичек сделать, и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в

бердыш, и дал с себя ему шубу и денег близко полтины, и поклонился ему низко, да отнесет Богом храним до рук сына моего, света; а ящичек стрельцу делал старец Епифаний; а посланейце я никому не показал, писал ево и без твоево прошения: у меня он благословен буди Богом.

Да пишешь ты ко мне в сих грамотках на Федора, сына моего духовнаго, чтоб мне ему запретити от святых тайн по твоему велению, и ты, бытто патриарх, указываешь мне, как вас, детей духовных, управляти ко царству небесному. Ох, увы, горе! бедная, бедная моя духовная власть! Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо! Сама вся в грязи, а иных очищает; сама слепа, а зрячим путь указывает! Образумься! Веть ты не ведаешь, что клусишь! Я веть знаю, что меж вами с Феодором сделалось.

Писал тебе преж сего* в грамотке: пора прощатца — петь худо будет, та язва будет на тебе, которую ты Феодору смышляешь. Никак не по человеку стану судить. Хотя мне 1000 литр злата давай, не обольстишь, не блюдишь, яко и Епифания Евдоксия*. Дочь ты мне духовная— не уйдешь у меня ни на небо, ни в безну. Тяжело тебе от меня будет. Да уж приходит к тому. Чем боло плакать, что нас не слушала, делала по своему хотению — и привел боло диявол на совершенное падение. Да еще надежа моя, упование мое, пресвятая Богородица заступила от дьявольскаго осквернения и не дала дияволу осквернить душу мою бедную, но союз той злый расторгла и разлучила вас, окаянных, к Богу и человеком поганую вашу любовь разорвала*, да в совершенное осквернение не впадете! Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком, что и Мастридия*. Оно лутче со едином оком внити в живот, нежели две оце имуще ввержену быти в геену. Да не носи себе треухов тех, сделай шапку, чтоб и рожу ту всю закрыла, а то беда на меня твои треухи те.

Ну, дружец мой, не сердитуй жо! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред Богом и человеки. А вы мне все больны: и ты и Федор. Не кручинься на Марковну*; она ничево сего не знает; простая баба, право. Господь грядет грешники мучити, праведники же спасти*. Плачемся и воздыхаем, и приимем чювство онаго дне, в онь же безвестная и тайная открывый человеком отдаст по достоянию. Страшен Судия приидет, и кто против станет его? Не обленися потрудитися в нынешнем веце, предварим, и восплачемся прежде суда онаго, егда небеса погибнут, и звезды спадут, и вся земля поколеблется, да милостива обрящем тогда Бога нашего.

Свет моя, государыня! Люблю я правило ночное и старое пение. А буде обленишься на ночное правило, тот день окаянной плоти и есть не давай. Не игрушка душа, что плотским покоем ея подавлять! Да переставай ты и медок попивать. Нам иногда случается и воды в честь, да живем же. Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да одинако нам Бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычню служат тебе не больши,

и мне не меньше. А честь прелетает. Един честен,— тот, кто ночью встает на молитву, да медок перестанет, в квас примешивая, пить.

Еще ли, государыня, браниться? Мне мнится, обленилася ты на ночную молитву. Того ради тебе так говорю с веселием — Евангелие воспоминаю: «егда поносят вам и изженут вы, возрадуйтесь в тот день и възиграйте, се бо мзда ваша многа на небесах»*. Аще и радостию тебе глаголю, не радуйся о глаголах сих. Дние наши не радости, но плача суть. Воспомяни: егда ты родилася, не възиграла, но заплакала, от утробы ишед матери. И всякой младенец тако творит, прознаменуя плачевное сие житие, яко дние плача суть, а не праздника. Якоже мне, грешнику, на земли и праздника несть, разве святым и праведным, кои веселятся законы Божиими и заповедьми его соблюдающе. Тако и ты, государыня, плачи суетнаго жития своего и грехов своих, понеже призвал тя Бог в домовое строение и рассуждение; но и возвеселися, егда, в нощи встав, совершиши 300 поклонов в седьм сот молитв веселием и радости духовныя. И меня, грешнаго, помяни тут, надежда моя, к Богу, и жену мою и дети мои. Еще же реку ти: егда молишися, вниди в клеть свою, затвори двери своя*, сиречь все помыслы злыя отринь и единому Богу гори душею; воздохни со восклицанием и рцы: «Господи, согрешила, окаянная, прости! Несмь достойна нарещися дщерь твоя, сотвори мя, яко едину от наемниц твоих!»* Еще же глаголю: аще и все добродетели сотворишь, рцы души своей: «ничтоже благо сотворих, ниже начах добро творити.»

Нощию воставай,— не людем себя приказуи будить, но сама воспрями от сна без лености,— и припади, и поклонися сотворшему тя. А к вечеру меру помни сидеть, поклоны: егда метание на колену твориши, тогда главу свою впрямь держи; егда же великий прилучится, тогда главою до земли. А нощию триста метаний на колену твори. Егда совершиши сто молитв стоя, тогда «Слава» и «Ныне», «Аллилуйя», и тут три поклоны великия бывают. Тако ж и на «Достойне» всегда поклон великий. На святую Пасху и во всю пятьдесятницу и нощию — в пояс. И промеж Рожества и Крещения — в пояс. И во всякую субботу, и неделю, и в праздники — в пояс. Разве в Великую субботу, против Великаго дни — то метание на колену.

Блюдиися, ты, государыня, лестьцов — чернцов, и попов, и черниц, еже бы не развратили душу твою, и всех злых человек уклоняйся, а с добрыми беседуй. Не презирай живова мертвеца.

ПИСЬМО БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Увы, измолче гортань мой, исчезосте очи мои! Благоволи, Господи, избавити мя. Господи, помощи ми потщися! Скоро да предварят на щедроты твоя, Господи, яко обнищавом зело. Помози нам, Боже, Спасителю наш!*

Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя? Не вем и не слышу; не ведаю — жива, не ведаю — скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?

Увы, Феодосья! Увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладгоглаголивья, две маслицы и два свещника, пред Богом на земли стояще! Воистинну подобии есте Еноху и Илии*. Женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприявше, диявола победиша и мучителей посрамиша, вопиюще и глаголюще: «приидите, телеса наша мечи ссецыте и огнем [сожгите, мы бо, радуясь, идем к жениху своему Христу».,

О, светила великия, солнца и луна руския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред Господем Богом! О, две зари, освещающыя весь мир на поднебесней! Воистинну красота есте церкви и сияние присносущныя славы Господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбраняете волком вход во святая. Вы два пастыря, пасете, овчье стадо Христово на пажетех духовных, ограждающе всех молитвами своими от волков губящих. Вы руководство заблуждшим в райския двери и вшедшим — древа животнаго наслаждение! Вы похвала мучеником и радость праведным и святителем веселие! Вы ангелом собеседницы и всем святым сопричастницы и преподобным украшение! Вы и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! И что много говорю?— всем вся бысте ко исправлению и утверждению во Христа Исуса.

Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления! Древле говаривал и ныне то же говорю: киот свещения, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший*, два херувима одушевленная! Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досягает вашей доброты и красоты; ум мой не обымет подвига вашего и страдания. Подумаю, да лише руками возмахну! Как так, государыни, изволили с такая высокий степени ступить и в бесчестия вринутися? Воистинну подобии Сыну Божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеса и волею пострадал. Тому ж и здесь прилично о вас мне рассудить.

Недивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван есмь, да отрясу бремя греховное; а се человек нищей, непородней и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и сребра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печателей преисполнен пред Господем Богом. Но чюдно о вашей честности помыслить: род ваш,— Борис Иванович Морозов* сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и ночь покоя не имущ; он сопротив тово племянника ево роднаго, Ивана Глебовича Морозова, опалою и гневом смерти напрасной предал,— твоего сына и моего света.

Увы, чадо драгое! Увы, мой свете, утроба наша возлюбленная— твой сын плотской, а мой духовной! Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом, к земле приклонился и отъиде в вечная блаженства

со ангелы ликовствовати и с лики праведных предстоит святей Троицы. Уже к тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебе уже неково четками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки неково погладить,— помнишь ли, как бывало?

Миленькой мой государь! В последнее увидился с ним, егда причастил ево. Да пускай, Богу надобно так! И ты небожно о нем кручинься. Хорошо, право, Христос изволил. Явно разумеем, яко царствию небесному достоин. Хотя бы и всех нас побрал, гораздо бы изрядно! С Феодором там себе у Христа ликовствуют,— сподобил их Бог! А мы еще не вемы, как до берега доберемся. Поминаешь ли Феодора? Не сердитуеши ли на него? Поминай-су Бога для, не сердитуй! Он не больно пред вами виноват был,— обо всем мне пред смертью, покойник, писал: стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить и им-де на дорогу ничево не дала, и с Москвы от твоей изгони съехал, и кое-што сказывал. Да уже Бог вас простит! Нечево старова поминать: меня не слушала, как я говорил, а после пеняешь мне. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а ум короток. Ну, прости ж меня, а тебя Бог простит во всем, Мучьтеса за Христа хорошенько, не оглядывайтеса назад.

Спаси Бог, денег ты жене моей и кое-что послала. Да мужик ничево не отдал, ни полушки, перед ним! Пускай ево! Не до денег нам ныне. У тебя и больши нашева заводов было, да отняли же. Да добро так! Благодарите же Бога, миленькие светы мои, не тужите о безделицах века сего. Ну, и тово полно — побоярила: надобе попасть в небесное боярство.

Мир вам, Евдокеи и Феодоре, и всем благословения. Заплатите же сему за труды принесшему.

Многогрешный инок Епифаний, пустынный честныя обители соловецкия, в темницы, яко во гробе, сидя, Бога моля, благословения преписал. О, светы мои, новые исповедницы Христовы! Потерпим мало, да великая воспримем. 8 Херувимом подобящеса, отроцы в пещи ликовствоваху, вопиюще: «благословен еси, Боже, яко истинною и судом навел еси сый вся грех ради наших, препетый и препрославленный во веки вся»*. Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

Херувимы многоочития, серафими шестокрильнии, воеводы огнепальныя, воинство небесных сил, тричисленная единица трисоставнаго Божества, раби вернии: Феодора в Евдокее, Евдокея в Феодоре и Мария в Феодоре и Евдокее! Чюдной состав — по образу святыя Троицы, яко вселенстии учителяие: Василий, и Григорий, Иоанн Златоустый!* Феодора — огненный ум Афанасия Александрскаго*, православия насаждь учения, злославия терние иссекла еси, умножила семя веры одождением духа.

Преподобная, по Троицы поборница великая, княгиня Евдокея Прокопьевна, свет трисиянный, вселивыйся в душу твою, сосуд избран показа тя, трблаженная, светло проповеда Троицу пресущную и безначальную. Лоза преподобия и стебель9 страдания, цвет священния и

плод богоданен, верным присноцветущая даровая, но яко мучеником сликовна, Мария Герасимовна, со страждущими с тобою взываше: «ты еси, Христе, мучеником светлое радование». Старец, раб вашего преподобия, поклоняюся главою грешною за посещение, яко простросте беседу довольную и напоили мя водою животекущею. Зело, зело углубили кладезь учения своего о Господе, а ужа моя кратка, досягнути немощно, присенно и прикровенно во ином месте течения воды.

Понуждаете мя молиться, чтобы дал Бог терпение и любовь и покорение, безлобие и воздержание, безгневие и терпение, и послушание. И я о сем в души своей колеблюся: нет ли в вас между собою ропоту?— боюся и трепещу навета дияволя. Евдокея Прокопьевна! Худо, свет моя, неблагоприятие. Мария Герасимовна! Чево у вас не бывало преже сего, ныне ли чести искать пли о нужной пищи ропотить? В мимошедшее времена и рабичища слаще тово ели у вас, чем вы ныне питаетесь; а в пустошном сем только ропот и бессоветие. Увы мне, грешному! Ей, слезам достойно есть: у меня здесь диявол от десных ссору положил,— в догматах считалися, да и разбилися. Молодой щенонок, Федор дьякон, сын духовной мне, учал блудить над старыми книгами и о святей Троице предкнулся, и о Христове во ад сошествии, и о иных, догматствуя поникониянски, нелепотно. В книге моей написано и послано к вам* о Господе. Аз же, не утерпев безумию его, и елышати не мог хулы на Господа Бога моего, отрезал его от себя и положил под клятвою, не ради внешних досад к ним,— никакого же,— но ради бесстыдства его на Бога и хулы на старых книг. Буди он проклят, враг Божий!

А у вас, светы мои, какое догматство между собою? Женской быт одно говори: «как в старопечатных книгах напечатано, так я держу и верую, с тем и умираю». Да молитву Исусову грызи, да и все тут. А о пищи и питии, и о чести века сего что ропотать? Бросили вы сие, плюньте уже на все! Неудачно ведь говорю. Аль то и нет у вас тово, милостию Христа, Бога моего, и заступлением пречистыя Владычицы нашея, Богородицы, помощницы нашея, света?

А ты, друг мой головной, пожалуй, Господа ради, на себе притирай. Ты уже мертвец, отреклася всего, а оне еще, горемыки, имут сердца своя к супружеству и ко птенцам. Можно нам знать, яко скорбь их томит. Я и мужик, а всяко живет. У меня в домишку девка-рабичища ребенка родила. Иныя говорят: Прокопей, сын мой, привалял, а Прокопей божится и запирается. Ну, что говорить, в летах недивно и ему привалять! Да сие мне скорбно, яко покаяния не могу получить. В ыную пору совесть расшвирепееет, хошу анафеме предать и молить Владыку, да послет беса и умучит его, яко древле в Коринфах соблудившаго с мачехою*. И паки посужую, как бы самому в напасть не впасть; аще только не он, так горе мне будет тогда: мученика казни предам.

9 В рукописи: святитель; исправлено по списку начала XIX в. ГПБ АН УССР, собр. митр. Макария, № 58, л. 94.

Увы, Феодора Прокопьевна, мати моя! Утеснися душа моя отвсюду грех ради моих. Молися, молися, крепко молися Господа ради о мне! А я уже и не знаю, как живу в горести ума моего; не помню иное в печалях, как день, как ночь преходят меня. Ох, ох, ох души, отвсюду утеснившись моей! Евдокея да Марья оханье прислали ко мне*, а у меня и своего много! Глядел, глядел в ваше рукописание, огорчилась утроба моя, я ударился о землю: «Владыко! Соблюди,— реку,— их во имя твое, и меня, грешнаго, за молитв их спаси! Кому помощи, аще не ты?» А ты говоришь иную суторщину: «взойду ль-де я тебе на ум-от когда? Больно-де ты меня забыл». Я тебя избранил в те поры,— прости Бога ради! Вот, реку, она во сне брусит, и слушать нечево! Разве, реку, сама забываешь меня? А что, петь, о Иване том больно сокрушаешься?*

«Главы, главы не сохранил!» Полно-су плюскать тово Христа для! Главы не сохранил! Как пороссудить тово дело твое, ино ужас возьмет. Как то, надежа-свет, Христос изволил! То бы по-твоему добро, как бы на лошадях тех без тебя ездить стал, да баб тех воровать? Привели бы оне на вся, ругаяся тебе,— и Христа бы отрекся, как и оне ж! А то дорогое дело — по-новому-су ребенка причастили! Великая беда, куды! Он и не знает, ни ведает в печалех в то время, что над ним кудесили, блядины оне дети, и со всем умыслом своим. У Спаса-света правда будет на суде. Только бы он ево, надежа-свет, не возлюбил, и он бы ево в такую нужную пору не взял к себе. Я благодарю Бога о нем,— причастил я ево, помню, довлеет ему сие во веки веком, не истлела в нем благодать! Я на твое плюсканье не гляжу: тебе бы таки всяк исповедник! Ох, Матка Божия, не по Федосьину хотению делается! Плачь-ко ты о себе больше, а о нем, слава Христу, и без твоих возгрей! А што? Горе уже от безумия твоего стало мне! Есть о нем плачущих тех. Иной и один воздохнет, ино адом потрясет; хотя бы и впрямь осужден был, ино выпустят. А то за что ево осудить? В муках скончался робя. Григорей о Трояне, о мучители, помолился, ино отдали*. Сказал же ему Христос: «опять-де не моли мне о таких, не стужай», а однако-таки отдал милостивый Бог. А Иван не мучитель был, сам, покойник, мучился и света не видал вся дни живота своего. Да собаки опоганили при смерти, так у матушки и брюхо заболело: «охти мне, сына опоганили! Во ад угодил!» Не угодил, не суетися! Для тебя так попущено, чтобы ты не вознеслась.

Блюдися себевозношения тово, инока-схимница! Дорога ты, что в черницы те попала, грязь худая? А хто ты? Не Феодосья ли девица преподобнамученица?* Еще не дошла до тое версты! Ну, полно браниться. Прости, согрешил. Не кручинься о Иване, так и бранить не стану. На тебя глядя, и Евдокея кручинится о своих робятах. Да молоть ли правда?

Евдокее той, миленькой, тяшко: то-су и есть мужское и девическое дело, чтобы в грехи не ввалились без приятеля. А батюшко* по-за воронами охоч, знаю я ево, да что же делать? Прокопьевна, миленькая, положим упование на Христа и пречистую Богородицу, света. Она детей

наших не покинет, Евдокея Прокопьевна! Авось бы ты умерла, ведь бы им жить же без тебя? Ну, да станем Христу докучать: он управит их к себе, создатель наш,

Марья Герасимовна! Не пререкуйте же вы пред старицею тою с Евдокеею тою: "она ведь ангельский чин содержит, а вы веть простые бабы, грех вам пред нею пререковать. Да, чаю, то у вас и нет тово о Христе, надеюся на Господа, яко даст вам Бог терпения и долготушество, и кротость, и повиновение, и любовь. А что, петь, ты о Акинфее печалуешься? Вели ему пострищися, да и ты постригися, да прямою дорогою ко Христу тому побредите неоглядкою, а затем — как вас Христос наставит. Мир ему и благословение, свету моему Ивановичю, и всем благословение, любящим вас. Евдокея Прокопьевна! Чаю, уже великоньки детушки те у тебя, светы мои! Да что же делать? Не больно кручинься б них: Бог о всяком человеке промышляет.

Ну, простите же, светы мои, сердечныя друзья, простите, государыни мои, простите же-су Бога для!

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Мати честная и преподобная Феодора! Прости мя, грешнаго, елика согреших словом и делом, и помышлением! Прости же оскорбил тебя, прости, государыня моя! Ну, прости же, старица! Тovo для не кручинься о Иване: еще и не так стану бранить, будет не перестанешь сетовать. Чем было тем не велеть сетовать, а она сама кручинится! А Меланью* ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей, стадо то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея,— чаю, знаешь ты меня. Оне мне и малины прислали, радеют, миленькие. А сне, петь-су, своих тех как покинуть! Надобе друг друга журить, как бы лутчи. Я браню ея, а она благословения просит. Видишь ли, совесть та в ней хороша какова? Полно уже мне ея искушать. Попроси у ней мне благословения: прощается-де пред тобою! Да вели ей ко мне отписнуть рукою своею что-нибудь. Ну, прости же и ты меня и молися Бога для о мне. Я веть надеюся на молитвы те ваши. Посем мир вам и благословение, и по поклонцу рядом всем. И Устине-старице с побратимом мир и благословение. Терпите, светы мои, о Христе. <Многогрешный инок Епифаний, милости у Христа Бога прося, а ваши святыя молитвы в помощь себе призывая, благословение вам Христово приписал. Не забывают нас, светы, новые исповедницы, во святых своих молитвах.>¹⁰.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СИМЕОНУ

Ну, Симеонушко, вот тебе вести. Однако ты приказываешь: «батюшко, отпиши что-нибудь!». Я ведь не богослов, что на ум напало, я тебе то и говорю. Горазд я, Симеон, есть да спать, а как ветхая та

¹⁰ Слова в скобках — копия приписки Епифания.

испражнять? Покой большой у меня и у старца милостию Божию, где пьем и ядим, тут, прости Бога ради, и лайно испражняем, да складше на лопату, да и в окошко. Хотя воевода тут приходит*, да нам даром. Мне видится, и у царя Алексея Михайловича нет такого покоя.

Еретики, собаки! Как то их диявол научил: жива человека закопай в землю! Хлебом кормят, а срать не пускают! Как то бедная боярыня мучится с сестрами? Так же веть нешто! О миленькая моя, не твое бы дело то! Ездил, ездил в коретах, да и в свинарник попала, друг мой милой! Кормят, кормят, да в лоб палкою, да и на огонь жарить. А что ты, Прокопьевна, не боисся ли смерти то? Небось, голупка, плюнь на них, мужествуй крепко о Христе Исусе! Сладка веть смерть та за Христа-света. Я бы умер, да и опять бы ожил, да и паки бы умер по Христе, Бозе нашем. Сладок веть Исус-от, В каноне пишет: «Исусе сладкий, Исусе пресладкий, Исусе многомилостиве[й]», да и много тово. «Исусе пресладкий», «Исусе сладкий», а нет тово, чтоб горький.

Ну, государыня, пойдн же ты со сладким Исусом в огонь, подле нево и тебе сладко будет. Да помнишь ли три отроки в печи огненной в Вавилоне? Навходоносор глядит — ано Сын Божий четвертой с ними! В печи гуляют отроки, сам-четверт с Богом*. Небось, не покинет и вас Сын Божий. Дерзайте, всенадежным упованием таки размахав, да и в пламя! На-вось, диявол, еже мое тело, до души моей дела тебе нет! Аш есмь раба Бога живаго и Сына Его единороднаго, света, его же положи наследника всем, им же и веки сотвори; иже сый сияние славы Отча и образ ипостаси Его, нося же всяческая глаголом силы своя, собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величества на высоких, толико лучши быв ангел, елико преславнее их наследства имя*. И паки пойте, в печь идуще, огнем горяще: благословен еси, Господи, Боже отец наших, хвально и прославлено имя твое во веки*, и прочая до конца.

Ну, голупки, там три отроки, а здесь вас трое же и весь собор православных с вами же. Там не предстоящу пророку Даниилу со отроки в печи, но духом купно с ними. Тако и я: аще и отдален от вас, но с вами горю купно о Христе Исусе, Господе нашем.

Рабом нашим Божиим всем пожженным вечная память трижды, большая. Бог вас благословит, всех чтущих и послушающих. Писано моею рукою грешною, сколько Бог дал, лутче тово не умею. Глуп ведь я гораздо, так, человеченко ни к чему не годно, ворчю от болезни сердца своего. А бор всех нас правит о Христе Исусе.

Чадо богоприимче!* Разумеши ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа руския державы летал, яко жюк мотыльный из говна прилетел и паки в кал залетел,— Паисей Александрейский епископ? Распял-де ево Измаил на кресте*, еже есть турской. Я помыслил: ано достойно и праведно. Помнишь, во Апокалепсисе пишет: «аще кто в пленение ведет, в пленение да идет, и аще кто мечем убьет, подобает ему оружием убиенну быти»*. Распяли оне Христа в русской земле, мздою исполнь десницы своя, правильне варвар над ними творит! Яко Теверий

древле Пилата и Каияфу*, первых распинателей, а нынешних других — Салтан Магметович.

Подай Господи! Подай Господи! Не смейся враг, новой жидовин, распенше Христа! Еще надеюся Тита втораго Иустияновича на весь новый Иеросалим, идеже течет Истра река, и с приго[ро]дком, в нем же Неглинна течет*. Чаю, подвигнет Бог того же турка на отмщение кровей мученических. Пускай любодеицу* ту потрясет, хмель-ет выгонит из блядки! Пьяна кровьюми святых, на красном звере ездит, расвирипев, имущи чашу злату в руце своей, полну мерзости, и скверн любодеяния ея*, сиречь из трех перстов подносит хотящим прянова пьянова пития и без ума всех творит, испивших иш кукиша десная руки. Ей, Бога свидетеля сему поставляю, всяк, крестивыйся трема персты, изумлен бывает. Аще некогда и пятию персты начнет зна-меноватися, а без покаяния чистаго не может на первое достояние приитти. Тяжела-су просыпка та пившему чашу сию, треперстную блядь! А к тому еще малакса на чело поп наложит*, так и вовсе спи, не просняся и до суднаго дни!

Малаксу тово знаешь ли ты, Семион? А то каракуля та! Беда-су миру бедному от сего пития! И не хотящих, поят, силою на лоб воротит поп, выблядков сын. А человечество немощно и полско, по писанию: «семя тли во всяком лежит». И не хотя, иной омрачится и уступит спасения своего, подклонив главу свою к печати сей, ов — страха ради, а ин — зазрения. Как не принять! Царица в золотой чаше подносит. Сиречь патриарх или митрополит оставит каракулю ту, да еще и царь тут же глядит или воевода на городе присматривают. Беда миру бедному пришла! Не пить чаша — во огонь посадят и кости пережгут, а пить чаша скверная сия — в негасимый огонь ввержену быть и в век нескончаемый в плач.

Ну, как же христианом нам быть? Приклони-тко ухо то ко мне и услыши глаголы моя, право, не солгу, Чево себе ищу, тово ж желаю и тебе. Аще не хочешь в стень сию итти Господа ради своего, а в существо пойдешь же. Сиречь: стень — огонь сей онаго огня, иже хочет поясти сопротивныя. Сей огонь плоти снедает, души же не коснется; оный же обоя язвит в неистление. Писано есть: восшумит же удолю вся плачевная страшным скрежетанием, вся видящий согрешившия вечнующим мукам судом праведным Божиим отпускаемы. А прежде возгласят трубы, и истощаются гробы, и воскреснет человеческое, трепеща, естество все: иже добрая содеявшей — в радости радуются, согрешивший же трепещут, плачуще и люте восклицающе, в муку посылаемы и от избранных разлучаемы во тьму кромешную, во огонь вечный, в пропасть глубокую, в черви лютыя, в скрежет зубной и неусыпный, в болезни бес* престанныя. Страшно бо судище, брате мой, на нем же вси обнажени станем. Несть помощника тогда и несть предстателя, ни отец сыну, ни сын отцу, ни матери дщери, ни друг другу, несть помогающего, кождо от дел про* славится или осудится.

Сотвори же, брате, дело сие о Христе и не пей пития тово из чаши той

скверная вы* шереченная! Воистинно будет добро и впредь слюбится. А хотя и бить станут или жечь, ино и слава Господу Богу о сем. Достоин бо есть делатель мзды своея*, на се бо изыдохом из чрева матери своея. На что лутче сего? С мученики в чин, со апостолы в полк, со святители в лик, победный венец, сообщник Христу, святей Троице престолу предстоя со ангелы и архангелы и со всеми бесплотными, с предивными роды вчинен! А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишия печи той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До печи той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельския силы с ним: емлют души те от телес, да и приносят ко Христу, а он, надежа, благословляет и силу ей подает божественную, не уже к тому бывает тяшка, но яко восперенна, туды же со ангелы летает, равно яко птичка попорхивает. Рада, из темницы той вылетела!

Вот пела до тово, плачуще: «изведи из темницы душу мою, исповедатися имяни твоему. Меня ждут праведницы, дондеже воздаси мне»*. Ну, а то выплакала! Темница горит в печи, а душа, яко бисер и яко злато чисто, взимается со ангелы выпсрь, в славу Богу и Отцу, Сын Божий и Святый Дух возносят ю в высоту. А темницу никонияня бердышами секут во огне. Да уже не слышит, ни чюет ничево, персть бо есть, яко камень горит или земля. Аще и не горит, ино таков ж до востаннаго дни, нечувственна и несмысленна персть. Аще святых телеса и нетленна суть, не силою естественною содержиими бывають, но, благодатию Духа Святаго укрепляеми, не истлевають, и действует благодать Духа Святаго в бездушном телеси. Еще живу ему сушу, вселися в него Бог, ради веры и добродетелей его, и по смерти телеси его не оставляет Бог. Душа же праведных в руце Божий, амо же он весть, во всеобъятии его, якоже и Христос распяты на кресте, душу свою в руце отцу предаде, плоть же его три дни во гробе лежа, не истле без души, понеже Бог Слово в ней бесстрастно пребыть, им же Христова содержиима плоть. Егда посла Бог-Отец душу в телеси*, паки душею оживе, и пожерто бысть мертвенное животом. Сниде во ад, плени адова сокровища. Таже явися ученикам, потом възде на небеса и седе одесную Отца, к тому уже не умрет, смерть на нь к тому не обладает*. Тако и о святых телесех разумей: до востаннаго дни лежат благодатию содержиими, в день же последний душами подымутся, и грешници мертвена телеса оживотворятся тем же Духом Святым. Во трубах глас Божий будет. Егда первая труба вострубит, тогда отверзутся гробы. Егда же вторая труба вострубит, тогда потечет кость к кости, состав к составу своему. Так то созидати Дух Святый прах телес наших будет. Таже вострубит третья труба, крепко, громко, неизреченно. И слышавше души повеление Господне, потекут каяждо к своему телесии и подымут своя телеса. Страшно и дивно!

Беседует Златауст: тогда дивно и преславно позорище будет. Тамо зрим прах земный на высоту возметающ, онамо также человецы вставають, река же огненная потечет, огонь искусный коегождо дела

искусит, и погнани будут вой небесными. И его же дело пребудет, спасется и просветится, а его же дело сгорит, отщетится. Сам же спасется тако же, якоже огнем*. И Павел апостол так же пишет. Сиречь: каков почернел во огне том — грехи те в нем и о нем горят — таков уж и стал темнообразен, валяется на земли, нет силы крохи. Вот дурак, сластей тех ради земных что над собою сделал! Пропал, погиб, некому пособить! А ужжо еще тебе ж будет указ. Сей же огонь искусит небо и землю, и всю тварь, солнце, и луну, и звезды. Будет небо ново и земля нова, бела, яко хартия, и моря не будет к тому. Ядовит бо сей огонь, понеже потечет от престола Господня и пояст соблазны вся. Таже праведницы просветятся и взяты будут на облацех по воздуху на встречу Господне.

Златаустый пишет: тогда бо плоть святых лехка будет, яко восперенна, носитися по воздуху начнет, яко птицьа. Полетим, братия, тогда надежу своего встречать с великою радостию и веселием и с ним воцаримся во веки веком. А никонияня валяются на земли, и валяются, яко огорелыя главки. Таже сядет Господь на престоле славы своя судити праведным и грешным и воздаст комуждо по делом его. Ну, вот, дожили, дал Бог, до краю. Не кручиньтесь, наши православные христиания! Право, будет конец, скоро будет. Ей, не замедлит. Потерпите, сидя в темницах тех, Господа ради Бога и святаго Израилева, не поскучите, су, пожалуйста. И я с вами же, грешник, должен. Никола Чюдотворец и лутче меня, со крестьяны сидел пять лет в темнице от Максимиана-мучителя*. Да то горькое время пережили, миленькие, а ныне радуются радостию неизглаголанною и проставленною-со Христом.

А мучитель ревет в жупеле огня. На-вось тебе столовые, долгие и безконечные пироги, и меды сладкие, и водка процеженная, с зеленым вином! А есть ли под тобою, Максимиан, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твоё здоровье, чтобы мухи не кусали великаго государя? А как там срать тово ходишь, спальники-робята подтирают ли гузно то у тебя в жупеле том огненном? Сказал мне Дух Святой, нет-де там уж у вас робят тех, все здесь остались, да уж-де ты и не серешь кушенья тово, намале самого кушают черви, великаго государя. Бедной, бедной, безумное царинко! Что ты над собою сделал! Ну, где ныне светлоблещающися ризы и уряжение коней? Где златоверхие полаты? Где строение сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроен? Где жезл и меч, им же содержал царствия державу? Где светлообразныя рынды, яко ангели, пред тобою оруженосны попорхивали в блещащихся ризах? Где вся затей и заводы пустошнаго сего века, о них же упражнялся невестягнувенно, оставя Бога и яко идолом бездушным служаше? Сего ради и сам отриновен еси от лица Господня во ад кромешной. Ну, сквозь землю пропадай, блядин сын! Полно христиан тех мучить, давно тебя ждет матица огня!* Воспоем, христиания, Господу Богу песнь Моисееву, раба Божия: «славно бо прославися»* Господь Бог наш, яко судил любодеице и отмстил крови наша, всех соженных и в темницах сидящих!

Паисея Александрийскаго патриарха, распял турок, а Макар Антиохийский забежал в Грузи*, якоже от волка в подворотню нырнул, да под лестницу спрятался. А здешним любодеем то же будет от Христа, Бога и Спаса нашего. А нас Христос, Бог наш, десницею своею покроет и сохранит, якоже он весть, ему же слава со отцем и от Святым Духом, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Бог вас благословит, всех чтущих и послушающих. Писано моею грешною рукою сколько Бог дал, лутче тово не умею. Глуп веть я гораздо. Так, человекенко ничему не годной, ворчю от болезни сердца своего. А Бог всех правит о Христе Иусе.

Чадо Симеоне! Бог благословит тя сею книгою*. Поминай мя в молитвах своих и неослабно Господа зови, да милостив будет ми за молитв твоих, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Чадо Семионе, на горе я родился. В Тобольске граде прииде ко мне в дом искуситель, чернец пьяной, и кричит! «учителю, учителю, дай мне скоро царство небесное!» — часу в пятом или в шестом ноши. Аз с домочадцы кануны говорю. Кричит чернец неотступно. Подумаю: «беда моя, что сотворю?» Покинул правило говорить, взял ево в ызбу и рекох ему: «чего просиши?» Он же отвещав: «хощу царства небеснаго скоро-скоро!» Аз же глаголю ему: «можеш ли пити чашу, ея же ти поднесу?» Он же рече: «могу, давай в сии час, не закосня». Аз же приказал пономарю стул посреде избы поставить и топор мясной на стул положить: вершить черныца хощу. Еще же конатной толстый шелеп приказал сделать. Взявше книгу, отходную стал ему говорити и со всеми прощаца. Он же зудумалея. Таже на стул велел ему главу возложить, и шелепом пономарь по шее. Он же закричал: «государь, виноват! Пощади, помилуй!» И пьянство отскочило. Ослабили ему. Пал предо мною. Аз же дал ему чотки в руки, полтораста поклонов пред Богом за епетимию велел класть. Поставил его пономарь в одной свитке, мантию и клубок снял и на гвоздь повесил. Я, став предо образ Господень, вслух Иусову молитву говоря, на колени поклоняюся. А он последуя, стоя за мною, также на колени. А пономарь шелепом по спине. Да уже насилу дышать стал, так ево употчивал пономарь-[ет].¹¹ Вижду я, яко довлеет благодати Господни; в сени ево отпустили отдохнуть, и дверь не затворили, Бросился он из сеней, да и чрез забор, да и бегом, Пономарь-ет кричит вослед: «отче, отче, мантию и клубок возьми!» Он же отвеща: «горите вы и со всем! Не до манатьи!»

С месяц времена минув, пришел в день к окошку, молитву искусно творит и чинно. А я чту книгу Библию. «Пойди,— реку,— Библию слушать в избу». И он: «не смею-де, государь, и гледеть на тебя. Прости, согрешил!» Я простил ево со Христом и велел манатью отдать. Потом издали мне в землю кланяется. И архимарита и братию стал почитать, и воеводы мне ж бьют челом. А до тово никто с ним не смел говорить.

11 Рукопись в этом месте дефектна; «ет» восстановлено по изд. Памятники, стб. 564.

Отрадние, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть*, нежели мне в волокитах тех. Беспрестанно душевное плавание и неусыпный наветы и беды. Яко со зверьми, по человеку со искусители брахся. Вне убо страх, а внутрь такожде боязнь. И во церковь идут, а тово и гляжу, как нападут. А в церкве стою, паки внутренняя беда: бесчинства в ней не могу претерпеть. Беспрестанно ратуюся с попами пьяными* и о крылошаны, и с прихожаны. Малая чадь, робята, в церкви играют, и те душу мою возмущают. Иное хошу и промолчать, ино невозможное дело: горит во утробе моей, яко пламя палит. И плачу, и ратуюся. А егда в литоргею нищия по церкви бродят, и не могу их унять, и я им кланяюся, и денег посулю, велю на одном месте стоять, а после обедни и заплачу. А которые бродят и мятежат людьми, не послушают совета моего, с теми ратуюся, понеже совесть нудит, претерпеть не могу. Еще же и Златаутом реченное воспоминаю души моей. Есть писанно в Беседах апостольских*, во нравоучении, вселенная учитель рече: «аще бы-де варвар или скиф, в церковь вшед, начат во олtare престол раззорять и трапезу опроверг, наругав святая святых, еже есть святой сокромонт долу опроверг (тело Христово)¹², не вси ли бы прилучившиися тут руце свои возложили на него и, уязвльше, яко бешенаго пса, далече отгнавше, восплакали и возрыдали погибели его». Зде же не трапезу раззоряют, ниже святая опровергают, но самый Дух Святой оскорбляют и досажают Богу паче, нежели оный раззоритель трапезы. Вошед в церковь, ов смиеся, ин празнословит и плищ счиняет во время соборнаго моления, ин же, разгордевся, устав церковный применяет, и ин иная непотребства. Стоящий же в церкви яко изумлени и неми, и глуши, и слепи: слышавше не слышат и видявше не разумеют, ни болезнуют о разрушении церковнаго устава. Вси бегуны, вси потаковники, вси своя си ищут, а не яже суть Божия. Аз же глаголю и повелеваю на мятежника церковнаго всем верным руки возложити и далече от церкви отгнати, паче онаго варвара; и дондеже в покаяние придет, ни на праг церковный не попущу таковому восступити. Церковь бо есть небо, церковь — Духу Святому жилище: херувимом Владыка возлежит на престоле, Господь серафимом почивает на дискосе. Егда восступил еси на праг церковный, помышляй, яко на небо възыде, равно со ангелы послужити Богу, Богу живому, истинному, Богу животворящему мертвыя и разрешающему от греховныя смерти к вечной нестареющейся жизни, ея же да улучим вси о Христе Исусе.

Слышал ли еси, чадо Семионе, Златоустово учение и поболение о церкве? Напоследок же и душу свою предаде по церкве святой, яко храбрый и непобедимый воин Царя небеснаго, света. Читал ли ты, чадо Семионе, житие то ево твердо и внятно? Честнаго отца сын, воеводы именем Секунда, матере Анфисы. Бе единочаден. От юности возлюбив Бога и работая Христу всем сердцем и всею душею, Мелетием в четцы поставлен, а Флавиян в той же Антиохии совершил во освященство,

12 Скобки в рукописи.

напоследок же с честью царь Аркадий, Евдоксия* царица в Царьград взяша на престол патрешеский и пять лет святой церковь правил, ядый хлеб токмо ячменный, и родостаму, еже есть вареную воду, пияше. Возрастом мал бе, главу имея велику, языком златословесен, милости источник, кипящая во устех его благодать Духа Святаго, яко река, изливашея повсюду. На гордыя высок, к кающимся милостив, заблуждшия обращая, непокоривыя обличая и потязая, гладныя питая, обидимыя заступая, всем вся бых, да вся приобрете*. Егда же исполнися время и прииде кончина, рыкнул Иркиан в царице*,— возьми да понеси, собирай собор на извержение Иваново!* Надоело житье святое: понуждает на всякое благочестие, а в царских надобно прокладно пить-есть, поиграть в дутки, сиповшики с трупками, детей потешить, самим повеселиться! — Иван мешает.

Слово в слово изначала у нас бысть та же. При духовнике протопопе Стефане Алексеюшко-то с Марьюшкой* добры до нас были и гараздо, яко Аркадий и Евдоксия ко Иоанну. Егда же огорчило житие святое, яко и мед ядущим много,— возьми да понеси, рассылай всылки, стриги, проклинай! Новый Феофил, Александри[й]ский епископ, имеяй дух пытливый,— Никош Златауста — в Куксы арменския, потом в Каманы*;* Аввакума протопопы — в Сибирь, в Тоболеск, потом в Дауры! Прочих же отец и братии наших бесчисленно губи и души, возьми таковых от земли: не подобает им жити! И оттоле двадесяте три лета и пол-лета и месяц по се время беспрестани жгут и вешают исповедников Христовых. Оне, миленькие, ради пресветлыя и честныя, и вседетельныя, пренеисчетныя и страшныя Троица несытно пуще в глаза лезут, слово в слово, яко комары или мушцы. Елико их больше подавляють, тогда большы пищат и в глаза лезут. Так же и русаки бедныя,—пускай глупы! — ради: мучителя дождались, полками во огонь дерзають за Христа, Сына Божия, света. Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают* рафленыя курки. Русачки же миленькия не так: во огонь лезет, а благоверия не предает. В Казани никонияня тридесять человек сожгли, в Сибири столько же, в Володимере шестеро, в Боровске четырнадесять человек; а в Нижнем преславно бысть: овых еретики пожигают, а инии, распальшесея любовью и плакав о благоверии, не дождавсея еретическаго осуждения, сами во огонь дерзнувше*, да цело и непорочно соблюдут правоверие. И сожегше своя телеса, душа же в руце Божий предаша, ликовствуют со Христом во веки веком, самовольны мученички, Христовы рабы. Вечная им память во веки веком! Добро дело содеяли, чадо Семионе, надобно так. Рассуждали мы между собою и блажим кончину им. Аминь.

ПИСЬМО ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ
«ОТПИСКА С МЕЗЕНИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА
КО ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ,
СПИСАНО С СУЩИЯ ЕВО ПРОТОПОПОВЫ РУКИ
СЛОВО В СЛОВО»

Рече Господь: «аще согрешают пред вами человецы до седьмдесят крат, седморицею и каются, прощайте их»*.

Отче Феоктисте и вся братия! Я, протопоп Аввакум, пред Богом и пред вами согрешил и истинну повредил: простите мя, безумнаго и нерассуднаго, имущаго ревность Божию не по разуму*. Глаголете ми, яко мною вредится истинна и лутче бы мне умереть в Даурах, а нежели бы мне быть у вас на Москве. И то, отче, не моею волею, но Божиею до сего времени живу. А что я на Москве гной росшевелил и еретиков раздражил своим приездом из Даур: и я в Москву приехал прошлаго году не самозван, но взыскан благочестивым царем и привезен по грамотам. Уш-то мне так Бог извелил быть у вас на Москве. Не кручиньтесь на меня Господа ради, что моего ради приезда стражете. Аще Бог по нас, кто на ны? Кто поемлет на избранный Божия? Бог оправдали и кто осуждали? Христос Исус умерый, паче же и воскресый, иже и проповедует о нас*,

Отче, что ты страшлив? Слышишь ли: есть о нас промышленник! Феоктист, что ты опечалился? Аще не днесь, умрем ж всяко. Не малодушствуй, понеже наша брань несть к крови и плоти*. А что на тебя дивих! Не видишь, глаза у тебя худы. Рече Господь: «ходяй во тьме не весть, камо грядет»*. Не забреди, брате, со слепых тех к Никону в горькой Сион!* Не сделай беды, да не погибнем зле! Около Воскресенскова* ров велик и глубок выкопан, прознаменует ад: блюдиися да не ввалиссия, и многих да не погубиши. Я-су право, блюдуся горькаго того Сиона, понеж в нем не сладки песни поет дщи Вавилоня, окаянная!* Расширила и народила выблядков Родиона и Ивана* и иных душепагубных волков, и оне пожирают стадо Христово зле. И я, отче Феоктисте, видя их, хищников, ловящих овец Христовых, не умолчал ему, Родиону, и Ивану и начальнику их Илариону, понеж возбудил вас, рабов Христовых, приездом своим. А еще бы нам умолчать, камение вовоипет*.

И ты не кручинься на меня, миленькой! Я поехал от вас с Москвы паки по городом и по весем словесныя рыбы промышлять: а вы там бегайте от никониян! Поминайте реченное: «не бойся, малое мое стадо, яко Отец Мой благоизволи вам дати царство»*. Батько Феоктист! скажи Василью Рогожке от меня мир, и благословение, и поклон, и прощение и спроси, что с ним, не видался, тако ж и протчей братье всем за меня кланяйся *- твое то дело: протопоп-де прощения просит, кому в чем досадил. Да и сам престань Бога для пить сикера.

А Ондрей Самойлов у меня на Колмогорах недели с четыре жил* у всех у вас благословения просит и прощения. Да отпиши ко мне кое о чем пространно — не поленись, или Афонасья заставь*. А я жду на Мезени вашава письма до весны. Не ездите к Николе на Болото! никониане удавят.

Шатайся кое-как всокровение или ко мне приедь, буде сможешь. Про все пиши, а про старцово житье мне не пиши*, не досажай мне им, не могут мои уши слышати о нем хульных глагол ни от ангела. Уш-то грех ради моих в сложении перстов малодушствует. Да исправит его Бог, надеюся! Отпиши ко мне, как живут отщипенцы, блядины дети, новые унияты, кои в рогах ходят*, понеж отец их диявол, бляди и лжи начальник, их тому ж научил лгать и прельщать народы.

Посем мир ти, господине и брате, и отче! И жена моя и дети благословения просят, и Фетинья и Григорей*.

ПИСЬМО АФАНАСИЮ

Афонасий, не умер ли ты! Да как умереть: Афонасий бессмертие толкуется. Носи гораздо пироги те по тюрьмам тем. А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял?* Жури ему: боярин-де-су, одинова умереть, хотя бы то-де тебя екать по гузну тому плетьми теми и побили, ино бы не какая диковина, не Христова бы кровь пролилась, человечья.

А Хованской князь Иван Большой* изнемог же. Чему быть! Не хотят отстать от Антиоха тово Египетскаго*, рафленные куры да крепкие меды как покинуть? Бедненькие, увязают в советех, яже умышляют грешнии! Да покинут, будет и не хотя, егда повелит Господь расторгнута душу с телом. Аще и Илия и Енох не вкусили смерти плотски, но при антихристе и те плотию постраждют* и, на стогнах убиты, полежав три дни и пол, оживут паки и на небо взыдут. Видишь ли, толикыя светила смерть плотски вкусят. А мы когда бессмертии будем?

Ну, Афонасей, прости. Спаси Бог тя за пироги. Моли Бога о мне. Мир ти и благословение от всех нас, а от меня поклон с любезным целованием.

ПИСЬМО МАРЕМЬЯНЕ ФЕОДОРОВНЕ

Маремьяна Феодоровна, свет моя, еще ль ты жива, голубка? Яко голубица посреде крагуев ныряешь и так и сяк, изрядное и избранное дитятко церковное и мое, грешнаго.

Ну, свет, Бог тебя благословит, перебивайся и так и сяк, аще Господь и отрадит нам, бедным. Спаси Бог, что не забываешь бедный протопопицы с детьми. Посажена горюша так же в землю, что и мы, с Иваном и Прокопием; а прочий горе мычют. Да пускай их терпят.

Как там братия наша, еще ли живы или все сожжены? Бог их, светов моих, благословит и живых и мертвых! Все бо живи Христу, хотя и сожжены и повешены, те и лучшая приобрели. Не остави и нас, Владыко, и не отлучи от дружины нашея! Собери нас под крыло свое, воедино всех наших! Удержи диявола, да не поглотит наших никого же! Ты бо еси Бог наш, судия живым и мертвым.

Ну, голубка, скажи всем благословение от меня, грешна старца, да молятся о мне отцы и братия. Дмитрию отпиши от меня благословение, Козьме священнику, Стефану священнику и домом их благословение, и

прочим всем, в грамотке писанным, равно благословение. Аще живи, и Якову и Максиму* с домами их благословение. Страждущим Христа ради, еще же их же знаю и не знаю, их же вем и не вем, стоящих право душами своими в вере — всех их Бог благословит, и жены их, и детки, и вся сродники, отцы их, и братию, и сестр, всякаго чина в православии пребывающих, за него же стражем и умираем.

Потерпите светы мои, господа ради потерпите! И не унывайте душами своими, но уповающе на Бога и пречистую Богоматерь в молитвах и молениих да пребудем. Время жития сего суетнаго сокращенно: яко дым исчезает, такое вся сия минует. Доброродие и слава века сего и богатство — все ничтоже, едино спасение души сей всего нужнее. Без веры нам невозможно угодити Богу* веровати же подобает право, како от отец прияхом. Не учите вас о том стало — ведаете путь Господень, его же ради и стражете. А еще кого и сшибет диявол с ног православия, муками и томлением отречется, и он бы не лежал отчаянием, но паки бы к первому православию с покаянием прицепился. Милостив Господь и праведен, ведает немощь естества нашего человеческого, простит и помилует кающагося. Горе же тому будет, иже отчаеся, упадше, и возненавидит перваго света и ко тьме прилепится. «Лучше бы не родился человек той»* , яко Июда по писанию.

Зело Богу гнусно нынешнее пение. Грешному мне человек доброй из церкви принес просфиру и со крестом Христовым. А поп, является, по-старому поет, до тово пел по-новому. Я чаял, покаялся и перестал, ано внутрь ево поган. Я взял просвиру, поцеловал, положил в уголку, покадил, хотел по причастии потребить. В нощи той, егда умолкнуша уста моя от молитвы, прискочиша беси ко мне, лежащу ми, и един завернул мне голову, рек мне: «сем-ко ты сюды!» — только и дыхания стало. Едва-едва умом молитву Иисусову сотворил, и отскочил бес от меня. Аз же охаю и стону, кости разломал, встать не могу. И кое-как встал, мо-литвуя довольно, опять взвалился и мало замгнул. Вижу: у церкви некия образ, и крест Христов на нем распят по-латыне, неподобно, и латынники молятся тут, приклякивают по-польски. И мне некто велел той крест поцеловать. Паки нападоша на мя беси и утрудиха мя зельно и покинута. Аз же без сна ночь ту проводих, плачючи. Уразумех, яко просвиры ради стражю, выложил ея за окошко. Не знаю, что над нею делать — крест на ней! И лежала день. В другую ночь не смею спать, лежа молитвы говорю. Прискочиша множество бесов, и един сел с домрою в углу на месте, где до тово просвира лежала. И прочий начата играти в домры и в гутки. А я слушаю у них.

Зело мне груско, да уже не тронули меня и исчезли. Аз же, востонав, плакався пред Владыкою, обещался сожечь просвиру. И бысть в той час здрав. И кости перестали болеть, и во очию моею, яко искры огнены, от Святаго Духа являхуся. И в день сжег просвиру, и пепел за окошко кинул: рекше: «вот, бес, жертва твоя, мне не надобе». И в другую ночь лежа по чоткам молитвою. Вошел бес в келию мою и ходил около меня. Ничево не

сделал, лишю из рук чотки вышиб, и я, подняв, опять стал молитвы говорить. И паки в день с печалию стих лежа пою: «и печаль мою пред ним возвещю, услыши ны, Господи!»* И бес вскричал на меня зело жестоко. Аз вздрогнул и ужася от него. И паки в ыную ночь, не вем как, вне ума, о просвире опечалился и уснул, и бес зело мя утрудил. С доски свалясь на пол, пред образом немощен, плачючи Никона проклял и ересь ево. И паки в той час здрав бысть.

Видишь ли, Маремьяна, как бы съел просвиру ту, так бы что Исакия Печерскаго затомили*. Такова та их жертва та хороша. И от малой святыни беда, и от большие то и давно, нечево спрашивать. Маремьяна, прости же. Скажи Анне Амосовне* благословение. Бог разберет всякую правду и неправду, надобно лише потерпеть за имя ево святое. Мир тебе о Христе. Аминь.

«ПОСЛАНИЕ ВЕРНЫМ»

«ПОСЛАНИЕ К ВЕРНЫМ ОТ НЕГО ЖЕ, СТРАДАЛЬЦА ХРИСТОВА, АВВАКУМА, ИЗ ПУСТОЗЕРСКОЙ ТЕМНИЦЫ»

Возлюбленнии мои, их же аз, люблю воистинну*, друзии мои о Господе, раби Господа вышняго, светы мои, имена ваша написаны на небеси! Еще ли вы живии, любящий Христа истиннаго, Сына Божия и Бога, еще ли дышите?

Попустил им Христос, предал нас в руки враг. Уш-то аз, окаянный, достоин ранам быти сим. Жаль мне стада верных, влающихся и скитающихся в ветренном учении, во лжи человечестей, в коварстве льщения*. Да что же делать? Токмо уповати на Бога, рекшаго: «не бойся, малое мое стадо, яко отец мой благоизволи дати вам царство небесное»*. Не сего дни так учинилось кораблю Христову влятися, еже есть святей церкви, но помяни, что Златоуст говорит: «многи волны и люто потопление, но не боимся погрязновения, на камени бо стоим. Аще каменю волны и приражаются, но в пены претворяются, камня же вредити не может, еже есть Христа».

Что же делать, братия моя любимая, потерпим со Христом, да слюбится нам, а они постыдятся. Горе им, бедным, будет в день судный, судия бо близ, при дверех, сотворити кончину веку сему суетному. Горе тому, кто не внимает о прелести последних времен! Зде есть терпение святых*, иже соблюдают заповедь Божию и веру Иисову, якоже Лествичник Иоанн* пишет: «аще не вкусиши горчицы и опреснока, не можеши свободитися фараона». Фараон есть диавол, а горчицы — топоры, и огонь, и виселицы. А которыя на нас строят, на тех нечево винить: днавол тому виновен, а они были братия наша.

Станем Бога ради добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аще и яра зима, но сладок рай, аще и болезненно терпение, да блаженно восприятие. Отгыта буди рука — да вечно ликовствуем, да такожде и нога — да во царствии веселимся, еще же и глава — да венцы увяземся. Аще и

все тело предадут огневи, и мы, хлеб сладок, троице принесемся. Не убоимся, братие, от убивающих тело, души же не могущих убити*, убоимся второя смерти*, еже есть вечныя муки. Братия моя zde со мною под спудом сидят, дважды языки резали и руки секли*, а они и паки говорят по-прежнему, и языки таковы же выросли Божию благодатию. Вот, не смеху ли достойно — диавольской умысл! — паче же слезам, не о нас, но о режущих. Горе им, яко а путь Каинов ходиша и в лещь Валаамову предашася!* Спаси их, Господи, ими же веси судьбами! Не вмени им за озлобление наше, пречистый Владыко!

Милянькии мои! Аз сижу под спудом тем засыпан. Нещь на мне ни нитки, токмо крест с гойтаном да в руках чотки — тем от бесов борюся. Да что Бог пришлет, и аз то снем, а коли нет — ино и так добро. О Христе Иусе питайся наш брат, живой мертвец, воздыханием и слезами, донеле же душа в теле. А егда разлучится, ино и так добро: жив погребен. Воистинну и на свободе люди те в нынешнее время равны с погребеными. Во всех концах земли ох и рыдание, и плач, и жалость, наипаче же любящим Бога туга и навет сугубой: душевной и телесной.

Увы, камо ся дежем, прежде того осуждени и прежде вечных мук утомлени? Се ныне прибегаем во твое, Владычице, теплое заступление, предстани нам в помощь и не закосни, всегосподствованная небесная Царице, госпоже Богомати, видя виждь озлобление людей сих*, и умоли Сына своего, света, да избавит нас сугубых бед и напастей, еже есть в нынешнем житии времени и в будущем.

Братия, свети мои! Простите мя, грешнаго, и помолитесь о мне, и вас Бог простит и благословит, и наше грешное благословение да есть с вами неразлучно. Вас и жен ваших, и деток, и домашних всех, целую целованием духовным о Христе и, пад, поклоняюся на плесны ног ваших, слезами помывая. Спаситесь, свети мои, от рода строптивного сего* и нас в молитвах своих поминайте, а мы вас должни. Спаси Бог за платки. По платку нам прислали закона ради отец наших и веры ради Христовы.

Детей своих учите, Бога ради для, неослабно страху Божию, играть не велите. Ох, светы мои! Вся мимо идет, токмо душа — вещь непременно. Стойте в вере Христа, Спасителя нашего, не ослабевайте душами своими. Паки мир вам всем и благословение, благодать Господа нашего Иусу Христа, Сына Божия, с вами. Аминь.

Жаль их бедных, от гнева погибающих. Побили наших, о Христе пострадавших, на виселицах и огнем пожгли. И в моем дому двоих повесили*, и детей, было, приказали удавить, да, не вем како, увертелися у виселицы. А ныне и Соловки во осаде морят, пять лет не етчи. Чюдно в новой той их вере родилося. Помилуй их, Христос, бедных! Потеряли, горюны Христа-Бога, поработилися страстей сего века.

Ждет их Христос ко обращению, да обратятся бедныя никониане, да как хотят! Мы чисти от них. Говорили мы им по своей силе, затем умрем о Христе Иусе, Сыне Божий. Не дорожи мне сим веком, не имам zde града, но грядущаго взыскуем*.

ПОСЛАНИЕ «ГОРЕМЫКАМ МИЛЕНЬКИМ»

Книга всем нашим горемыкам миленьким. Любо мне, что вы охаете: «ох, ох, как спастися, искушение прииде!» Чаю-су, ох, да ладно так, меньше, петь, спите, убужайте друг друга. А я себе играю, в земле той сидя. Пускай, реку, днэвол-от сосуды своими поганяет от долу к горнему жилищу и в вечное блаженство рабов тех Христовых. Павел пишет: «житие наше на небесех есть»*. Благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами, любящими святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа.

Раб и посланник Иисус Христов, волею Божию земляной юзник, протопоп Аввакум чадом святых соборных и апостольских церкви: Акинфею с сестрою Маврою, Родиону, Андрею брату и сестре Марье Исайи сожженного, Феодору Железному, Мартину, Мавре, Феодосии, Анне, Парасковии, Димитрию Колашнику, Димитрею Молодому, Симеону, Агафону, Ксении со Игнатием, Анне Амосовне с детьми, Акилине девице, Евдокеи, Марфы, Анне, Ксении, Ирине, Ивану Сахарному, Маремьяне с Димитрием, Агафонником, старице Меланьи, Пелагии, Мавре, Таисеи, Елене, Ираиде и Сусане, Марье, Неониле, Афонасию, Луке и всей тысящи. Пад пред всеми, равным лобзанием целую главы ваша и перси, и руце, и нозе, и весь орган телесный подьемлю, своими руками приношу вас в жертву Богу живу и истинну, Богу животворящему мертвых; сам по нем аз умираю, и в вас того желаю.

Станем добре, станем твердо, отцы мои и братия, и чада и сестры, и матери и дщери! Аще не ныне, умрем же всяко. Не предадим благоверия, други мои сердечныя, светы, но оболкшеса во броня веры и шлем упования приемше*, подвигнемся на богоотступныя и богомерския нечестивыя никонияня, обличаем их богоборную прелесть. Аще кто силен, да борется словеса и дела, взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса*. Аще кто немощен, да уклонится от зла и сотворит благо. Зане очи Господни на праведныя и уши его в молитву их, лице же Господне на творящая злая, еже потребити их от земля*.

Вы просили есте о неведомых вам вещех — о сожженных братии, како их почитати? И аз о имени Господни со духом вашим согласую: добро почитати сожженных за правоверие отец и братии наших. Но в место образная их не поставляем, дондеже Бог коего прославит. Тогда, перекрестясь, поклонимся, егда Бог изволит сбавить. А до тех времен сожженных кости держим в чесне месте, кажение и целование приносим по страдавших за Христа-спаса, избавителя душ наших,

Аще приключится и вода святити, полагаем их со крестом Христовым в воды и теми покропляемся водами, и испиваем, поучающеса на тот же подвиг, и в молитвы их призываем, сиче рекше: «Боже, за молитв пострадавших, сего и сего, спаси нас, Господи, и их помяни во царствии небеснем». Да прекрестясь, Богу лбом в землю. А мощи кадя, глаголи: «отче мой или брате, елико имаши дерзновение к Богу, молися о мне,

грешней». Да поцеловав и покадя, челом ему усердно, просто. Аще и прекрестясь поцелуешь — не согрешишь. Но добро, кто Бог оправдает, а не мы, человеки.

Ответ о причастии. Есть в правилех пишет, повелевает исповедатися искусному простолюдину, нежели невеже попу, паче же еретику. Аще нужда привлечет, и причастится без попа мочно святым комканием. Аще мужеск пол или женеск, в нынешнее настоящее огнепальное время со исповеданием и с прощением друг ко другу тела Христова и крови причащаетесь: пред образом Владычним возжги свещу и на столыце устрой плат, и на нем поставь сосудец с вином и водою, и вложи часть тела Христова; взявше фимиян и кадило, со Исусовою молитвою покади образ и святая, и дом весь, и потом целуй святых иконы и крест на себе носяй, и, поклонився на землю, глаголи полное прощение пред образом Господним, и, востав, глаголи: «Владыко, Господи Исусе Христе, человеколюбче, да не во осуждение ми будет причастие святых ти тайн, но во очищение и освящение души и телу, и во обретение будущия жизни и царствия, яко благословен еси во веки, аминь». Таже и к нам прощение, изливая свою душу, и Бог тебя благословит, причастися святаго сокромента. И паки моли о себе и о нас Бога, а мы о вашем благоприступании, елико можем.

Ответ о крещающихся младенцах. По старому служебнику и новоставленной поп, аще в нем дух не противен, да крестит робенка. Где же деться? — нужда стала. Аще и старой поп по новому служебнику — не приятно. А за царя хотя Бога и молят, то обычное дело. Есть пишет в правилех: не всех Дух Святой рукополагает, но всеми действует, кроме еретика. И я то помышляю: иной станет в попы те, а душою о старине той горит. Таковых по нужды приемлем, аще богоборствует. И старой чорт — плюнь на него и с паками. А младенцев тех причащайте истинным запасом* и всех плакавшие, кой и по-новому тому крещен. Жаль мне младенцев тех, хотя бы тела тово Христова сподобилися искусненько! И мирянин причащай робенка, Бог благословит. А исповедаться пошто итти к никонияну? Аще нужда и привлечет тя, и ты с ним в церкви той скаски сказывай, как лисица у крестьянина куры крала: «прости-де, батюшко, я-де не отгнал», и как собаки на волков лают» «прости-де, батюшка, я-де в конюру собаки той не запер». Да он, сидя, исповедывает, а ты ляг перед ним, да и ноги вверх подыми, да слину попусти, так он и сам от тебя побежит: черная-де немочь ударила.

Простите-су Бога ради, согрешил я пред вами. А што? Уже горе меня взяло от них, от блядиных детей. Плюйте на них, на собак! Ведь оне, воры, и дочерей духовных воруют, право, не лгу. «Исповедайте друг другу согрешения, по апостолу, и молитесь друг о друге, яко да исцелете»*,

А воду ту святит, хотя истинной крест погружаем, да молитву дьявольскую говорит. В правилех пишет: и образу Христову в еретическом соборе не кланяться. Егда оне престанут от молитвы, тогда после их кланяйся. А то1 тоже, хотя и крест, да еретическое действо. А

будет нужею в церковь ту затошат, и ты молитву Исусову, воздыхая, говори, а пеня тово не слушай их». А на молебны те хотя и давайте им, а молебны те ё Москву-реку сажайте. Хотя и попа тово, врага Божия, в воду ту посадишь, и ты не согрешил: Лев Катанский в огонь посадил же такова вора*.

А по старым книгам кои пострыжены от никониян, за простоту не пособить, быть ему чернцу, Господь видит нужду человеческую. Поминайте покойников, кои и по-новому причащены! розберет Христе, какова в ком совесть была. А с водою тою как он приидет, так ты во вратех тех яму выкопай, да в ней роженья натычь, так он и абрушится тут, да и пропадет. А ты охай, около ево бегая, бутто ненароком. А будет которой и яму ту перелезет, и в дому том быв, водою тою и намочит, и ты после ево вымети метлою, а робятам тем вели по-за печью от него спрятаться, а сам с женою ходи тут и вином ево пой, а сам говори: «прости, бачко, ночесь с женою спал и не окачивался, недостойны ко кресту!» Он кропит, а ты рожу ту в угол вороти или в мошну в те поры полезь да деньги ему добывай; а жена — и она собаку из-под лавки в те поры выгоняй, да кричи на нея. Он ко кресту зовет, а она говори: «бачко, недосуг!» Еще собаку выгоняю, тебя же заест!» Да осердись на него, раба Христова: «бачко, какой ты человек! Аль по своей попадье не разумеешь? Не время мне!» Да как-нибудь, что собаку, отживите ево. А хотя и омочит водою тою — душа бы твоя не хотела! Велика та, су и есть вам нужда та от них, от лихоманов, мочно знать! Да что же, светы мои, делать? Вольни станем перед Спасом плакать. А в чем погрешится, и ты кайся пред Господем Богом! Где же деться? Живыя могилы нет!

А крест Христов на печатех тех без полныя подписи нехорошо: без копия, и без трости, и без «Ника» и без «Царя славы»; некто играет, яко жидовин древле, и ругается кресту Христову.

Спаси Бог за послание отца Авраамия*. Сын мне духовный был, в бельцах Афонасей. Пускай сгорел — сгорел за Христа! Любо мне гораздо. А здесь Киприяну голову отсеки. 83, июля в 7 день, в среду*.

Борисушко! Бог тебя простит, яже согреших от юности и до сего часа, или словом, или делом, или помышлением, или в разуме, и в недомысле, или пронырством и лукавством, и человекоугождением, татьбою и блудом и всякою нечистотою. Бог простит тя о всем в сии век и в будущий, и да неосуждена тя сподобит предстатя на страшной суде своем Христос, Бог наш, сый благословен во веки, аминь. Ну, Борисушко, всегда прощения говори; а я ведь слышу, и на всяк день по-дважды кажу вас кадилком, и дома ваша, верных рабов Христовых, и понахиды пою, и мертвых кажу, и благословляя вас крестом Христовым и потом рукою своею грешною пятья днем, по всяком правиле. А ты за меня кланяешься ли Богу толь свету? Я веть о вас молю, а ваших молитв требую же, да и надеюся за молитв ваших спасен быти. У отца Досифея благословения прошу, и старец Епифаний также, по-премногу челом бьем: отец святыи, моли Бога о нас!

Симеон! Деньги твоего привозу все пропали: только три рубли пришло с пустобородом, а то всю — девяносто рублей — съел дьявол. Феодосей привез к нам 11. Да воздаст Господь Бог всем творящим к нам милость, и за те, кои и пропали! Да напишутся имена их в книгах животных! Раби Бога вышняго! Посылайте деньги мои к жене моей и детям*; а я, милостию Христа, моего Бога, покоен, сыт и пьян,— дал Бог! Оне, бедные, требуют и ко мне приказывают с Мезени той; не ведомо, кои беды гладуют: живут больше неблагодарно. Чему быть? Робята робяцки и движутся. Маремьяна! А с кем вы послали лествицу ту? Ешь, пожалуй, во вторники те и в четверги те, Бог простит тя! Правила не теряй — молитв и поклонов — и о мне моли Бога. Спаси Бог за листвицу: дойдет ли, не дойдет ли, а вы ведь послали. Вы правду, я кривду, уж то недостоин. Маремьяна! Вот тебе игуменья Акилина Гавриловна, девица, будь у нея в послушании о Христе Иусе, Господе нашем, ему же слава и ныне, и присно, и во веки веком, аминь.

Посем вам всем паки мир и благословение. И старец, мир дав, по-премногу челом бьем. Молитесь о нас всеусердно. Ну, простите, а вас Бог простит. <Инок Епифаний* милости у Христа Бога прося, а ваши святые молитвы в помощь себе призывая, благословение Христа Иуса приписал.>13

«СОВЕТ СВЯТЫМ ОТЦЕМ ПРЕПОДОБНЫМ»

Паки реку и паки возглаголю всем святым, живущим в Лиде и во Ассароне*, еже есть в пустынях и горах скитающимся, отцем и братиям, богомольцам, о своем спасении и о недостатках мирских. Вы бо есте вожи и дверь райский породы, скитаетесь посреде видимаго леса, душа же ваша витает в горнем Сионе*. Вы есте ходатаи слепоте мирстей, омываете прозрение своими слезами, приводяще к свету святые Троица.

Вы есте корабли, фарсийскаго исполнены злата*, пловуще во пристанище тихим ветром. Вы есте необуздания кони, текуще ретящесе, превосходяще друг друга желанием красот небесных. Вы есте поущание ленивым; нашей братье, заблуждшим, столпи непоколебимии и утвержение вере. Вы есте камение избранное, на положении во главу углу камени себе наздасте. Вы есте слепым вожи и хромым хождение, прокаженным очищение, мертвым воздвижение, болящим исцеление. Молитва ваша, яко огонь, попаляяй дубровы и яко пламень, пожигаяй горы, тако и вы никониянския еретический гнусныя уставы.

Милостив буди ми, Господи! Дажь ми слово проглаголати подвиг святых твоих, им же не точен весь мир. О возлюбленнии Богом! О чета богоизбранная горняго Сиона! Кто не воспоеет песнь Богу, в разуме приемше ваш труд и подвиг! Ужаснися небо, и да подвижатся вся

13 Приписка Епифания.

основания земная. Убойтесь вси, живущий на Гаваоне*, противнии Иисусу! Востече солнце от запада на полудне, зря Иисусову победу, взыде праведное солнце от врагов римлян, ненавидящих его и изгнавших, и вселихся со святыми своими в тесных пустынных дебрях, и даст святым своим победу на новыя гаваониты.

Изгнаша жида Иисуса Христа, Божия Сына, он же прошел, посреде их идяше, и прииде в гору, со ученики пребывая, Тако и никонияня изгнаша святых Божиих от градов и сел и весей. Они же, вселихся в горах, со ученики витают. О отцы святии, подобии бысте тверди небесней, на ней же сияет видимое солнце! В ваших же душах мысленное солнце, молитвами вашими просвещает весь мир. За молитв ваших не убоюся и я. Что сотворит ми человек духа никониянска? Но крепко и всенадежно упование имам, яко есть за мя ходатаи к Богу. Отцы святии, духоносцы, кто вам подобен? разве лик апостольский и пророческий, и святителей, и преподобных, иже в посте просияша и на небесех пред Владыкою сияют!

Чюдно, батюшки, извол Божий и поупущение велиару* нас дьявол видимый мучит, а вас душевныя и телесныя страсти, и везде фараониты*. Да как от них избудем в тленней телеси сем, со бесплотным брався? Батъки, а батъки, сказать ли вам? Я доведался, сказал мне Дух Святой: видимых тех врагов велено побеждать терпением от них и благодарением к Богу, взирающе на распятого нас ради, а невидимых тех постом и молитвою со слезами, и смирением, и любовию, между собою без ропоту живуще, душою и сердцем едином, нелицемерно и негневливо, не самолюбно. Брату пошедшу, отвори ему келью и затвори за ним сенцы. С пути приидет — встретья, поклонився на колену, целовавше. Сняв с него бремя и положи к месту, совлецы с него и котыгу, развесь мокрую на грядку, возложи на брата сухую. Та же на столец возложи хлеб и зелияницу против дней по уставу. Аще прилучится, и с маслецом разрешите на радостях: два отца — два братца. Разве пост соборной, среда и пяток,— и вы ягодок или медку за любовь Христову полижите, да и меня поминайте: я люблю мед-от, Та же рт трапезы воставше и достойно благодарение Богу воздавше, сытым брюхом седше, друг друга о вестях вопрошайте, любезно, не кичением говорите друг другу. Пришлец тем не величайся, яко был в Вавилоне*, а домашней — не ставь свое велико, яко без него нагревал келью. Но грех ради наших вселилася в человеки ересь. Пыщится, надувается гневливой, един спросить гордится, а другой отвещать не хочет. Оба, яко сено, истлевают, и яко древо, червием изгрызаемы бывают. А и сами не знают, о чем мутятся. Мало им в глаза те сего света, и тьму ту желают [в] свою душу вложити,

Увы о сем братстве! Лучше бы, не взявше аггельскаго чина, во тьме житейстей жити, во Египте, не исходя в пустыню с Моисеом, и в котлах египетских мяса жрати, нежели ропщуще в Синаи приобщатися манне, гневаяся на Бога и на Моисея. Гнев бо мужу правду Божию не соделовает, гнев от Бога отлучает и душе убийство сотворяет. Прогневася брат на брата, на Авеля Каин*, и изведе его на поле, убив каменей. Виждь, что

успело Каину в сей и в будущей жизни, омочил десницу свою в горле крови братни, омочился и сам в темницах адовых в век века.

О зависть и нелюбка, сатанино дело! Да слышите, братоубийцы, гневающейся туне на брата, разгну вам Каинову повесть¹⁴ (беседа Златоустова, слово 6 на иудея). Рече Господь по Каину: «к тебе обращение братне, и ты обладаеши им. Дерзай,— рече,— и не бойся, ниже устрашайся о сем. К тебе обращение его, и ты начальствуеши им».

А еже глаголет, сичево есть: пребывай на чести первороднаго и бывай брату твоему прибежище и покров, и предстательство, и держава, и обладай им, точию да не ко убийству искочиши, ниже на законопреступное оно изыдеши закование. Но обаче ни тако не послуша, ниже умолкну, но содела убийство, и десницею в горле омочи братнем.

Видите, отцы и братия, начальствуемии! Не бывайте подначальным, яко Каини, внимайте наказание Бога самого ко Каину: пребывал на чести первенства, бывай брату прибежище и покров, и предстательство и держава, и обладай им, точию не бей, законопреступно не твори. Аще ученик не брежет о своей души, не брези о нем, но прилежи, кое же спаси его. Да слыши Бога, о Каине промышляюща. Что убо по братоубийстве оном, егда рече Бог «оставим его», прочее, кая в нем польза? «Содела убийство, убил есть брата, преобиде моего наказания, неисцельно некое и не прощаемо закование дерзну, толика и такова промышления восприим, и учительства и совета моего, но вся изверже от смысла своего, и нимало не послушав, да вставится убо, и отвержен будет», прочее. И ниже слову некоторому: «да сподобится от мене». Но ничто же таково Бог не рече, ни содела, но и приходит к нему паки и исправляет человека.

И рече Бог-Господь: «где есть Авель, брат твой?» Каин же отвеща: «не веде»,— рече. Господь же не оставляет его, отметающася, но приводит и не хотяща к соделания исповеданию. И рече ко Каину: «глас крове брата твоего вопиет ко мне», самая та вещь проповедует убийство. Что же убо той? «Большой грех мой, еже оставити ми, аще изгониши мя от земли и от лица твоего скрюся». А еже глаголет, сиче есть: большими убо согреших прощения и отвещания, и еже оставити ми ся. (Попросту рещи: велик-де грех сотворил, нет мне прощения; нечево много говорить, пропал-де, да все тут.) Обаче, аще восхощеши отмстити о бывшем, всем предлежати хошу на убийство, иже от тебе пособия пуст быв.

Станем zde и рассудим о себе. Тако подобает прилежати о падшем брате наставнику, яко Бог о Каине. Падшему же не подобает подобитися Каинову безумию, и не глаголати: «большой грех мой, еже оставити ми ся, аще изгониши мя от земли, и от лица твоего скрюся». Преводне рещи: аще-де мя запретишь, аз-де из кельи да и из пустыни от тебя, отца журливого, вон пойду. Не тако, не тако, нехорошо, неладно. Дуруешь, плут! Кайся, кайся, пади на ногу отцу: «виноват, согрешил!» Ну и за тебя

¹⁴ На поле рукописи киноварью: О Каине.

ко отцу: «прости, отче святой, Господа ради прости! Заповедь твою презрел, преслушание сотворил, в грех впал, прости, отче святой, Господа ради прости!» Кланяйся, дурачищо, не отчаивайся! Что в землю ту глядишь, что бык истурился? Ну, кайся, сказывай отцу тому, что тебе дьявол запретил? А то пророк Исайя, глава 43: «глаголи ты беззакония своя первые, яко да оправдишишь»*. Не бо просто рече пророк: «глаголи ты беззакония своя», но что глаголи ты беззакония своя первее, сиречь: «не жди обличающаго и оглаголюющаго.

Виждь, Каин не рече первее, но пождаваше обличен быти от Бога, паче же и обличаем отметаешься, так же, как и ты упрямысья; неладно, миленькой, так, Каинович. Сего ради и ин некий рече: «праведный себе оглагольник в первословии есть». Видишь ли, не ждати, яже от других обличения, но еже первее себя самому оглаголовати. Петр убо по отвержении оном лютом, понеже вскоре свой воспомяну грех, и никому же обличающу, глаголаше свое прегрешение и плакася горько, сице исправи отвержение оно, яко и первый быти апостолом сподобися и вселенней всей вручение быти ему. Так то и ты заплачь пред батюшком, да и ладно. Виждь, отче, а то о падении своем плачет, бедной. Прости ево Бога ради! Разделим грех-от ево на части: мне часть, тебе часть, ему часть, а четвертую на Бога положим. Он нас сильнее всех, истребляя свой пай, и наша испепелит.

Ну-су, горюн, люби же отца тово нелицемерно и в заповедех и оправданийх его ходи беспорочно: ныне уж ты не Каинов, но Петрович, апостола перваго сын стал, а мне брат учинился. Каково то хорошо сделалося! Моли Бога и о мне, грешном, да же исправит мя, яко и тебя, зиждитель наш и Господь. Паки возвратимся на ту же повесть. Обаче, аще восхощеши отмстити о бывшем, всем предлежати хошу на убийство, иже от тебе пособия пуст быв. Что убо Бог, не тако рече: «всяк, убивый Каина, семь отмщений разрешит, сиречь примет»? «Не бойся,— рече,— сего, поживеши житие долго, и аще убьет тя кто, многим мукам будет повинен». Еже семь числ писании, неуставну множеству есть незнаменательно. Пишет в Гранографе, тысящу лет жил. Елма убо ты, Каин, многими обложен бысть муками: боязнию, и трепетом, и стонаньми, и печалию, и расслаблением телесным (просто рещи, земля под ним, яко вода колебалася), убивый тя, рече, и от сих тя пременивый мук, сам на ся привлечет мучение. Вото-су, отец, как бы ты ученика тово убил, и упустил от себя — быть было и тебе битому самому, и мнится, убо быти тяжко и временно глаголемое. Многа же се есть благодетельства указание, ибо яже по сих уцеломудрити хотя, таков умысли образ мучения, иже пременити его от греха можаше. Аще бо бы абие того убил, отшел бы, убо имея грех закровен и сущим потом не бы был ведом. Ныне же оставлен быв много лет пожити. Во оно время учитель сретающим его бысть всем ради зрения и мятежа плотскаго наказуя всех, никогда же таковая дерзнути. И сам же уньший бысть паки, страх бо и трепет, и еже с боязнию жити, и телесное расслабление, якоже уздою некоторою держаше его и не оставляше его,

ниже на другое искочити, таково дерзнутие паки. И первейшее чисто воспоминати, и всих ему душу целомудреннейшую соделоваше.

Никонияне, а никонияне! Видите, видите, клокочюща и стонюща своег[о]...15 Расслаблен бысть прежде смерти и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим. От отчаяния стужаем, зовый и глаголя, расслаблен при кончине: «господне мои, отцы соловецкие, старцы, отродите ми да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся христианския веры, играя, Христа распинал и панью Богородицею сделал, и детину голоуса Богословом*, и вашу соловецкую обитель под меч подкони, до пяти сот братии и больши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, и боярнь живых, засадя, уморил в пятисаженных ямах. А иных пережег и перевешал, исповедников Христовых, бесчисленно много. Господне мои, отрадите ми поне мало!» А изо рта и из носа и из ушей нежид течет, бытто из зарезаные коровы. И бумаги хлопчатые не могли напастися, затыкая ноздри и горло. Ну-су, никонияне, вы самовидцы над ним были, глядели, как наказание Божие было за разрушение старый христианския святыя нашея веры. Кричит, умирая: «пощадите, пощадите!» А вы ево спрашивали: «кому ты...16 молился!»ю. И он вам сказывал: «Соловецкие старцы пилами трут мя и всяким оружием, велите войску отступить от монастыря их!» А в те дни уж посечены быша*.

Ужаснись, небо, и вострепещи, земле, преславную тайну видя! Вам засвидетельствую, вам являю, будете ми свидетели во всей Июдеи и Самарии и даже до последних земли. Никонияня не чювствуют, никонияня, яко свиньи, забрели в заходы, увязли в мотылах, не зрят гнева Божия, на облацех восходяща. Огнь ни единыя лавки не оставил, вся перелизал, и собор было их на площади всех и с молитвою слизал, насилиу в Кремль ушли. А не очхнутя в покаяние притти! Лепко-су большо антихристова та печать — три те перстика, укрепила блядь сатонин сосуд вся погибающая, умроша смертью второпервою, сиречь прежде мук вечных уснуша сном, воздремашеся вси и спяху. Зрите, наши, огонь их не разбудит, мор их не приведе в чювство, меч не подклони главы их под руку вседержателя Бога, пречистая Богородица явлением своим не уцеломудри, святыя жены явишася и в разум не приведоша их*. Аще и паки Христос приидет, пригвоздят, на Голгофе крест поставя, глаголемии христиане. Милостив буди нам, Господи, рабом своим повсюду, и не введи нас во искусы, но избави нас от лукавых, яко Твое есть царство и сила, и слава ныне и в день века, аминь.

15 В рукописи «своег», далее оставлено место для двух слов, вероятно, «царя Алексея».

16 Далее оставлено место для одного слова, вероятно, «царь».

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ (?), КСЕНИИ ИВАНОВНЕ И АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

...во странах сибирских от врага патриарха. Царие же тогда до меня зело добры быша. Егда же мя паки из Даур привезоша, тому лет 15, развратишася милыя мои други. Токмо добра была царица Марья*, а царя озлобили вожди злии и лукавыя власти, понеже приняли от Никона тово новизну ту. Как им сором покинуть стало, а мы обличать стали, так на бесстудие приидоша и сами глаголаша с нами: «хотя-де в черта веровати, да вам не покоримся!» Вселенские-те, было, и говорили взять старые те книги, да наши псы не восхотели, заупрямку им стало. Царь тот меня и зело милосердовал, да уже и ему нечево стало делать.

Властишка те мне многий друзья духовныя были, да свратил бранью их, бывало так. Оне с сердца приговор написали жжечь меня да царица-покойница не дала. Да петь то много, возясь, что черти над попом, да и сюды послали. Я им, отсюду написав, послал всем фигуру*. А боярыня-покойница, дочь мне была духовная, Феодосия Морозова, ревнивой человек была, свет моя, уставщицу ту, сестру свою Анну Веньяминовну* и в дому и в Верху: «ты-де, блядь, Няконовы отирки, церковию колеблешь». А властей тех так же, бабоблудов. А отселе тож и им и досталь за беду стало. А Ртищевых тех ты и сам знаешь, да Артамон* заедино, наговоря царя со властью,— возьми да пали бедных наших, и Соловки не пощадели. Ведаешь ты о сем и сам пространно, нечево мне ковырять много. Оттоле и до днесь лежит устав той, тьмы тьмами и тысяща тысящами погублено народу. Да уже с горя милые, не хотя отступить Бога, сами во огонь лезут христиане. Воистинну блажени и треблажени творящий таковая! И прежде сего при мучителех мнози во огонь сами дерзали, якоже и ныне воочию нашею бывает. Едина погибель: яко тогда идолу пожрати, тако и ныне от старого благочестия отступить и лукавому духу поклониться.

Аще бы кто разумел в новых книгах беды те, сам бы ся заморил не ядши. Во крещении напечатано: «но молим ти ся, Господи, дух лукавый, понеже помрачение помыслом наводяй»* . А в Шестодневе Богородицу явно злословят, в слове Дамаскина Иоанна* переменили воровски. Евангельская речь: «и прият Иосиф жену свою и не знаеше ея, дондеже роди сына своего, первенца»* . И оне напечатали: «по сему-де не пресекается деторождение ея и по Христе». Я с ними говорил: «почто вы чистую деву бесчестите, глаголете, иных детей после Христа родила, яко и жиды глаголют: „дети быша со Иосифом“?» И оне токмо смеются: «надобе-де так». Я бы за едину ту Богородицу пятью умер. Как бы мне мочь Илии пророка, всех бы еретиков тех, яко Илия, ножем переколол за Владычицу ту, яко он в потоце Киесове полосма¹⁷ ста перепластал, покойник, при Ахаве*. Сердит же был, миленькой.

17 На полях рукописи: полдевята ста.

А во ином месте сокровенно напечатана Ариева ересь* сице: «аще кто речет, яко ты еси един Бог, творяй чудеса — внутрь трижды, а иже исповесть Сына единосущна Отцу — вне трижды». Вото какво красно сказывают: не единосущен Сын Отцу, но иного естества.

И все ли то в малых сих словесех могу тебе возвестить? И тремя теми персты Никон принудил царя креститься, то тем ум ево помрачил. Беда велика в трех перстах сих, глаголют богословци: змий, зверь, лжепророк являет в перстах сих, сиречь змий — диавол, зверь — антихрист, лжепророк — учитель лукавый, папа римский и патриарх русской, да и вси учителя тому злему делу лжепророцы и глаголются. Сам, собака, презрит свою душу, да в зазор пришед и протчих за собою же тянет. Не токмо о честных говорити, но и меньшие — учителя пагуби. Также здесь есть, в Пустозерье, попенко косою Оська Никольской. Не умеет трох свиней накормить, а губит людей, бутто и доброй еретик. Григорьем звали, байник, сын мне был духовной. Егда же еще в ызбах жили и после того, он [к] попенко на исповедь. Как причастил ево, так мужик и взбесился, да и без ума стал. Я с ним уведевсья, говорю ему: «проклени попа тово со всею службою, так беси от тебя отступят. И я о тебе должен молити Бога». И он говорит мне: «не могу-де никак тово сотворити: беси грозят, удавить хотят». Я и рукою махнул: «пропадай,— реку,— коли не хочешь обратиться». Послышу после, оно в бане и удавили черти.

Таковы оне, никонияне, человекогубцы, прелатагаи! После тово попенко той призвал меня к себе на лице свое и передо мною прощался и проклинал новизну ту. Я ево маслом помазал и потрахиль алтын в полтретьяцеть вздел на него, крест ему большой позолоченой дал ради поклонения тово. Агда же Артамон сюды приехал, и паки ево развратил. Артамон — ученой ловыга, и цареву душу в руках держал, а сия ему тварь — за ничто же. Чесо ради много беседую о нем? Блюди и ты душу свою от него, держа старово отеческаго предания, и блажен будеши. И кая то игрушка душею играть настоящих ради временных? Есть пишет Исайя пророк сице, нарекая нам днесь: «размладел еси плотию и упитался еси сластями, и светло имаши лице, юностию цветы и, буй-силою. А наутре таже сый уныл и дряхл, и леты увянул или язео содручен онсица славный и богатством еловый зело, или самая постиже смерть. Увы! Где юность, где слава, где золото, и о здании, кони и колесницы четвероконныя? Вся с веком сим рассыпашася. Блажен человек, его же Господь обрящет бдяща о едиnorodной души, ему же слава в нетленных о Господе.

Ксения Ивановна, учила ли ся еси, госпоже моя, псалмом, и како приносиши вечернюю песнь, и словесную службу Сыну Божию Христу? Разумно ли поешь псалом «Благослови, душе моя, Господа»* о мирстем бытии, или учиться требуешь еще? Да гряди убо, чадо, да ты повожу, прежде за руку ем, по граду и покажу ти сокровенная чюдеса великаго сего града и разумнаго, и угощу тя в нем. В нем же граде отечество наше исперва есть, из него же изведе человекогубец-бес, своими ласканьми прельстив человека.

Да ты узришь первое человече бытие и яже абие постиже смерть, ею же роди грех первый отрод давно¹⁸ злаго беса. И познаеши земна суца родом, но дело руку Божию, силою же зело хуждши скота, но владыку поставлена Богом всему скоту и бездушной твари всей, естественным приготовлением хуждша, но умным обилием могуща и выше небес взыти.

Да аще то разумеваем, то и сами ся увемы, что есть мы, и Бога познаем, и творцу поклонимся, Владыце работаем, Отца славим, кормителя любим, благодетеля устыдимся, начальника жизни нашея, иже есть быти, кланяющесе, не препочием. Еже да есть нам богатство во обещанных, искушает бо сим искушением нынешним и утверждает нам чаемая. Да елма же малогодная суть сице, то како будет вечная? И аще видимая суть добро сия, то како будет невидимая? Аще величество небесное мысли человека превосходит и меры, то присносущее естество кий ум может исследити? Им же ти повинно есть солнце, толи-ко есть добро величество имы противу всему, яко не именовать кроме всего намерения и добротою естественною,

аки око светлое украшает тварь. Да елма же годная суть позорующе, то како будет добротою солнце праведное Христос, Бог наш? Да еще невышнему тщета бывает, елма сего солнца не видит, то какова тщета будет слепому, не хотящу истиннаго солнца, Христа, видети?*

Разгнем книги, душе моя, и видим хитреца и содетеля и начен песнь вечернюю, псалом «благослови, душе моя, Господа». Чесо ради Давид* понуждает душу свою хвалити Господа, да нам отрыгнет словеса устен своих тако же славословити Господа: «Господи, Боже мой, возвеличился еси зело»*. И когда и в кое время возвеличился? Толю Не о горнем бытии глаголет пророк, но о смотреии. Тамо начало безначально, тамо начало несказанно. Здесь же на земли бысть Христово вочеловечение под леты. Отселе воссия величество плотяну Богу.

Да слыши псалом, исповедание: «и в велелипоту ся облече, одеяся светом, яко ризою»*, Толк: Проразуме псалмопевец Духом Святым за тысещу лет, яко прийти Сыну Божию на землю и вочеловечитися, пострадади за ны и облещися плотию в велелепоту. Когда же то бысть, онагрили¹⁹ еси, душе, сего не разумеешь? Егда Христос пригвоздися на крест, таже во гробе положен бысть и в третий день воста, якоже жених от чертога*, того же пророка по словеси. Господь воцарися, в лепоту-ся облече, облечесе Господь в силу и препоясая, еже есть одеяся, яко ризою. По востании из гроба сниде во ад, якоже писание о нем свидетельствует, силою лучшею одолевшу ему, сиречь смертию на смерть наступи. И ада разруши, изведе вся святых в отцы, и Адама свободи, и введе и в рай. Велий Господь наш и велия крепость его, и разуму его несть числа! Той

¹⁸ Исправлено по тексту источника: «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, л. 134; в рукописи: от правовнаго,

¹⁹ Так в рукописи.

есть Бог богом и Господь господем, той есть сотворил небо и землю и вся видимая и неведимая. Есть бо ино тварное творение им — силы ангельския. Но прекращу беседу о сих, о видимом же с Давидом повем.

Псалом: «Пропиная небо, яко кожу, покрывая водами превыспренняя своя, полагая облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветреню»*. Толк: Небо сие видимое распростерто, кругом грядый над нами по повелению хитреца-Бога, еже повеле исперва: «небо, вертися скоро, звезды, теките борзо, и друг другу не препинайте». На нем же воды недвижимы пребывают, а твердь под водами в посолонь кругом грядый. Звезды же под ним отлучене, разлучне со своими круги летяще под землю и по малой тверди под землю шедше, таки на око ю восходят коловратствуя непрестанно. А еже рече: «полагаяй облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветреню; творяй ангелы своя духи и слуги своя огонь палящ»*, и се являет псалмопевец: которой во ефире под горним небом сотворил ангельския силы, той же и по видимым силам — облаком — итти имать. И бысть. И по воскресении из мертвых възде на небеса по облаком с горы Елеонския идуще. О нем же и Даниил провиде и рече сице, и видех: «и се сын человек, грядый на облацех небесных, и прииде до ветхаго деньми, и дастся ему власть и царство. И власть его— власть вечна, и царство его не престанет»*. Так веруем со пророки, яко вознесеса и сedit одесную Отца Христос и царствует непресекомо, Его же царствию несть конца. А Никон блядет: не царствует Христос совершенно, но по судном дни воцарится, и тогда царству его не будет конца. Так Никон, алгимей, толкуется и в символе говорит так же. Мы же не пресекаем Христова царства, но обладает бо Христос и владеет всеми верными и неверными, еллинами, и иудеями, и самыми бесами. Не пресекает бо ся его царство, его же царствию несть конца.

Псалом: «Основали землю на тверди своей, не преклонится в век века. Бездна, яко риза, одеяние ея»*. Толк: Разумно се идет. К сим сказует пророк под землю другую малую твердь, еже место несведомое. Бездна бо та глаголется тартар, якоже Патрикий Прусский* пиша сице глаголет: есть низу во основании земли ад,1 темное место. Низу же есть твердь под землю, под твердию же бездна, глаголемый тартар. Тамо по тверди зодии ходят, тамо планиты обтекают, и от них в тартаре строится лютая студень. Тамо река огненная в день последний снидет, тамо бо мучатся еллинстии бози, и тамо и диавол с бесы осужден будет, тамо и наши отступники будут, и мраз и огонь купно на врагов Христовых. Еще же по Исаии-пророку: и солнце тогда седьмо-сугубеч свет примет, едина в нем светящая сила будете а жгущая отъимется и послется тамо же в тартар на врагов Божиих, казителей закона. Добро так, праведен* еси, Господи, и праведно судишь!

Возвратимся о твари беседовати, паки прогнали отступников в тартар преисподний. Псалом: «На горах станут воды, от запрещенія твоего побегнут, от гласа грома твоего устрашатся»*. Толк: Егда разгнана бысть повелением Божиим от земли тьма и мрак, и бысть свет, и протяжено во

второй день твердь, нами видимая, на ней же полводы положи хитрец-Бог. Не быше бо тогда солнца, и луны, и звезд, но свет просто простирайся три дни и скутываяся, амо же весть Господь отдохну; бо земля совлекшеся от воды, егда речет Бог: «да соберутся воды в сонм един и да явится суша». И бысть дело Божие скорее молнии. Обнажися земля повелением Божиим, и быша горы, и холми, и юдоли, и равни, и быша в земле лукияты жилы. Двизашеся воздух, и быша ветри крепцы и погоняху морскую горькую воду в лукияты жилы. Вода же протесняяся, восходя на высоту гор, и горесть в земле оставляя, от них же сладка бываше. Текуще же от гор реки и источники водные, от них же строятся езера и болота. Тако то псалмопевец глаголет: «восходят горы и нисходят поля в место, еже основал еси им. Предел положи, его же не прейдут, ниже обратятся покрыти землю»*. И како тварь поступити смеет? Повеленно земли преклонитися в век века и горам.

Таже псалом: «Посылая источники в дебрех, посреде гор пройдут воды. Напаяют вся зверя сельныя. Ждут онагри в жажду свою. На ты птицы небесныя привитают, от среды камня дадут глас»*. Толк: Зри, слыш[ат]елю, и поплачи, како то есть водное естество устроено. Повсюду напаяют зверей и птиц: в дебрех, и в камениях горских, и инде. Рассадит вода та камень текуще, ждет онагрев жадных напоити. Онагр по Алфавиту конь глаголется или осел, а попросту — лошадь. Тепло на желание естество имать прилучается, или человек на нем едет, или просто в дебрех витает, обретает текущую воду, испивает, а хозяин ево, его же ради живот сей создася, глаголют, человек, о сем славит Бога. Лошадка напиталася — опять поехал путем или на работу о имени Господни. Не толико ан живот воды жаждет, якоже лошедь: велбуд, путем грядый, токмо соль лижет, под ярмом идуще.

Псалом: «Напоая горы от превыспренних своих от плода дел твоих насытитися земля. Прозябая пажити скотом и траву на службу человеком, извести хлеб от земли. И вино веселит сердце человеку»*. Толк: Видь дело Божие. До потопа исхождаше река и напаяше лице земли на плодотворение, по потопе грома и молния на* пояют поля и верей горам, с высот сходя. Како же, да слыши, дождь строится? Егда бо солнце пришед развратить воды морския, зайдет под землю, влага же от вод на воздух вземся, бывает мгла, и ста вся на воздусе, состынув, бывает облако, идеже Богу хотящу, тамо по воздуху и носится воды исполнено, иде же Бог повелит, тамо проливается, напоает горы и поля, и юдолия, да насытитися земля мokrоты и прорастит траву, и вся пажити, хлеб и виноград. Что же вино веселит сердце человеку, рече пророк, проразуме бо Духом Святым? И яко от пшеницы хлеб будет тело Христово и от лозы винья вино — кровь его, от масличных древ — масло на освящение. Сего ради рече: «умастити лице елеом душевное, и хлеб сердце укрепит»*. Причастие истиннаго служения — хлеб,— в плоть нашу разыдется, а Дух Святый в душу внидет с верою приемлющим. Такожде и скверных еретик служение:

хлеб в тело человеке внидет, а дух лукавый в душу темную, не хотящую разумети истинны.

Псалом: «Насытятся древа польская, кедри ливанстии, их же еси насадил. Ту птица вогнездается, еродиево жилище обладает ими»*. Толк: Видя, виждь боголюбезне, како то хитрец-Бог землю утвердил человека ради, крины насадил и древа польская, влагою своею питает землю и кедри в Ливане, сиречь во благоуханных древах кипарисах, в них же вогнеждаются птицы, ими же обладает еродий, птица большая. Пишет о нем во Алек-сиконе*: на многих древах гнездо свое делает и ту витает со птицами на кедрях ливанских. Преводне да разумеши: еродий — Христом, еридой и диавол, кедри — святии Божий, на них же Христос селитьбу имать: ливан — благодать Духа Святаго, облагоухает правоверную душу; птицы — беси со диаволом живучи, блазнят в тех же недрах.

Псалом: «Горы высокия — еленем, камень — прибежище зайцем»*. Толк: Елени, глаголют, пустынницы, Христа ради отходят в дебри и рассели горския, яко елени по холмам скачуще; камень, глаголет, церковь Божия; зайцы — христиане православный, Яко зайчик под, камень хоронится от совы и от серагуя и от псов, наве* , тующих ему, тако и христианин, в церковь приходя избывает душегубителя диавола и бесов. А ныне и во церквах тех, яко под камень заец бедной не уйдет, яко совы, пастыри тово и ищут, как бы христианина погубити. И не токво совы, но и псы тово и нюхают, сиречь своя братия, мирстии, друг друга предают. Люто время пришло, Муж жены боится, а жена мужа опасается, а все боятся бесов, не хотя, за страх мнози попускают в нечестие.

Псалом: «Сотворил еси луну во времена, солнце позна запад свой. Положи тьму и бысть ночь, в них же пройдут вси зверие дубравнии»*. Толк: Сотворил бос светила сия в четвертый день и положи я на тверди небесней, яко сияет им по земли. Солнце сотворил на востоце, и потече днем к западу, а луну сотворил на западе полну, яко пятнадцатую, и потече под землю, Солнце позна запад свой, а луна восхождаше на востоце во времена. Глаголет: яко луна изменяется, света своего лишаема, яко умирающе еще во времена, в леты и в годы менил, в последний день вся грамада сия рассыплется и будет вся нова, егда солнце зайдет под землю, а луна ночная — владыка умирающий. Тогда бывает ночь темная, в ней же пройдут вси зверие дубравнии: медведи и волцы аравитстии, и лисы, и мыши, и всякая гадина, ищуща себе потребная. Преводне: ночь — неведения Божия; без солнца праведнаго — Христа— во тьме неверия всяк, яко зверь, шатается, ища, яко волк сожрати искренняго. А них-то же безбожен, ин таков и зол, яко еретик, без милости есть, яко лис и яко псец, и единоплеменнаго чюждь быв благодати Божия осенения, яко лев, ища погубити вся зверьки церковная.

Псалом: «Скимни рыкающе восхитити и испросити от Бога пищу себе. Воссия солнце, и собирашася и в ложах своих лягут»*. Толк: Скимен глаголется молодой львичищ*. рыкает, ища лов на снедь себе восхитити.

Ему же и гласныя органы Бог в естество вложи. Егда какова зверя восхощет, тем гласом и зовет к себе, яко органом возбрыцающе. Избытка же вчерашнего уловления не яст, яко царь, новое брашно имат повсячески. Егда же лев обыдет остров кой, ни един зверь не смеет чрез прелести стези его — всех ту искоренит. Пишется в писании: лев — Христос, лев и антихрист. Злобы ради и умысла подобен лев антихристу, за образ же царский и владыческий подобен лев Христу, Сыну Божию, и по многим тайнам сокровенным. А егда бо лев спит, то едином оком спит, а другим бдит, яко и Христос во гробе, уснув плотию, а Божеством зрех во ад из гроба.

Еще же: егда родится скимен, сирень львичищ молодой, мертв рождается, и в третий день внидет дух животен в онь, и оживет, яко Христос мертв был плотию и в третий день воскресе из мертвых, сниде во ад, диавола связа и Адама свободи и нам дарова живот вечный. Воссия солнце праведное, и в ложах своих зверие — в темницах адовых дияволи — возлегли, страхом одержими, трепещуще. А и видимыя звери во дни том мало волочатся.

Псалом: «Изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера. Яко возвеличишася дела твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси»*. Толк: Подобаает нам, христианам, весь день до вечера дела слична свету делать, егда же ночь приидет, сиречь покрывает очи наши гроб, тогда делать не имам, но токмо спать во дне востаннаго. Александра Григорьевна, госпоже и мати моя, не спи, не спи сном лености! Прииде вечер, приспе ночь ко дверем твоим. Тогда убо успнем на долгий сон, егда очеса не узрят животнаго света сего. Ныне время благоприятно делания, ныне дни спасения, во гробе бо никто не может делати. Им же образом желает елень на источники водныя, сице желает душою ко Господу Богу с верою правою. Елень бо, ядши мох, пожирает змей — гада ядовитаго. Егда же во утробе его змия учнет торгати, тогда елень зело быстро течет на воду текущую и пиюще жаждею умеряет в себе змию, гада ядовитаго. Аще укусит елень живыя воды взыскати, проедает змия чрево его и пропадает весь*. Тако и мы, пожерше грех смертоносный, ускорим на покаяние, испивше живыя воды святых словес книжнаго разума. Аще ли обленимся и не взыщем своего спасения?. Горе человеку, во гресех умершему! Лучши бы ему не родитися, нежели в себе образ Божий обесчестити грехи скверными.

Молю тя, христоролюбивая, не ходи к еретику попу Осипу! Ей, Бога свидетеля поставляю, сосуд пагубы. Нарочито попенко богородское не пьяница, да и смирен. Али тут обновится, яко орлу, юность твоя?»* Орел бо егда состарееется и естеству его изнемогшу и перьем обетшавшу, всяко старость сокрушит его, обретает же воды живы, сиречь текущий источник, и, взявся, выпсрь, взлетает на высоту ко огню небесному, еже есть выше облак, под солнцем. И обгорит от пламени того весь и, спустився низу на преждереченный источник, измывается в нем довольно и, опернатев, бывает паки на многи лета юн вместо ветха*. Тако то пророк и

тебе, старип-шую, понуждает, глаголя: «обновится, яко орлу, юность твоя», сиречь коснися, умом возлетев, престола огнезрачного, на нем же пребывает истневаяя горы и сокрушаяй камение.

Той твою обновит ветхость и грехи возьмет, и чисту тя сотворит от греховных скверны. Умойся естественною водою, еже имаши слезный источник, текущий паче воды живы в живот вечный. Григорьевна, перестань-ко ты мясца кушать, господа ради, но питайся семеньями, яко трие отроцы в Вавилоне. Не уморит тебя о Христе Исусе и без мяса, яко стерчин родителя своего на старость. Есть стерх-птица, бела перьем, с жеровля ростом, егда состареется и не возможет летать, ни пищи добывает, тогда чада, ея подъемлюще, преносят с места на место крилома своим а и пищу ему приносят. Виждь, нрав имеют вскрай словесных, как быть человецы, добрые детки о родителях своих пекутся. И за тот их добрый нрав преславно о них Бог промышляет. Егда стерхи прелетают и отлетают, служат им враны, злосердые птицы. Встречают их и провожают, оберегая от иных птиц сопостатных*.

Григорьевна, старого нашего православия чадо, и винца перестань пить, ино пей квасок и воду, так в голове ум не мутится, и очи с похмелья не кружат, и руце и нозе не упадают, чревеса и утроба здрава, паче же греха меньши. Лоту* и праведнику запят пьянство, и Ное* от того же поруган бысть. Сампсон* и смерть прият от пьянства. Али мы крепчайше такова исполина? Некогда восторже врата градская, сиречь башню, вознесе на гору високу. И путем ему идущу, нападоша на нь иноплеменницы 1000 человек, хотяху его убити. Он же восхитив ослию шоку и всех поби костию тою, и, поймав триста лисиц, ввяза в ошиби их по свещи горящей, и пусти в нивы их. И пожже вся нивы. Чтец да чте я в бытийстей книги*. А после погиб от пьянства. Окаянно таково то пьянство: ни юность блюдет, ни седин милует, ни святаго почитает, ни честна мужа хранит, но всех без ума творит и во грехи поощряет. Богатым скудость наводит, убогим —раны, женам — бесчестие, юнотам — поползновение, девам — срамота, а попам и чернцам всех злейши препретається. Яко богомольцы то есть, всегда жрут жертву.

Подобает христианину правым путем ходити, понеже праведник, яко финике, процветет. Есть финикс-птица*, обретается близ рая во странах восточных, она же глаголется и сирин, и неясить пустынная. Излетает бо из рая и витает в кедрах ливанских. Красна и велелепа, перием созлатна и песни поет сладки, яко не восхощет человек ясти, слышавше ея гласы. Гнездо бо ея на 12 древах и вящце. Егда бо отлетает в Ливан обьюхатися арапат, птенца своего во гнезде оставя. Змей же с нею непрестанно враждуя и усмотря без нея, получа время, надхнет птенца ея ядом смертоносным, измират. Прилетев же финике из Ливана, добыв змия, убивает, и проклевав своя ребра, кровию мертвеца своя кропяет. И оживотворяются юныя ея детки. Тако и Христос сотвори, на кресте вися, яко неясить, от ребра своего источа кровь и воду, и оживотвори нас, умерших грехми, убив диавола крестом, и Адама свободи, и на 12

апостолах гнездо свое устрой, воссед яко на коня, послав их в поднебесную, да проповедят его, яко той есть судия живым и мертвым, и воздаст комуждо по делам его.

Возвратимся паки на первую беседу, отнюду же изыдохом. Псалом: «Исполнися земля твари твоя»*. Толк: Колицы суть на земли, роди травы сельныя и древа дубравныя, по них же суть одушевленный живот: зверие и скоты, и птицы пернаты. Овы кормятся от земли, а ин-ныя живот животом. Их же родов несведомое множе* ство есть*: птицы зерноберные есть, друзии плотоядцы суть, а инии травую и древом питаются. Тако ж и зверие: овии мясоядцы суть, еже же и плижушей по земли, и по воздуху паряще, и мухи большие и малые, и комарие от тины ся ражающе. Вся бо та увиди и настрой благий Божия нас ради человек и нашего ради спасения.

Псалом: «Се море велико и пространно; ту гади, им же несть числа, живота малая с великими. Ту корабли преплавают»*. Толк: Елико суть живота на земли, то-лико и в водах и множае суть. Есть в мори, во Атланти-честей стране, лежаги, сиречь киты велицыи, жируют. Егда восплуют, подобны суть горам великим или яко грады велицыи. Туды корабли не заходят. Но на удивление и на страх нам таковый живот сотворил хитрец. По них же и инии мнози велицыи животи есть в море: пси велицыи, и изугени, и приони, и дельфины, селахи же, и фоки, и ин живот дробный, его же родов несть числа, токмо той вест, иже я сотворил, рыбы и гады, и вся ныряющая и плавающая. Ови ся ражают птицами, ови яйца несут, и инии своим образом. Рыбы же икру пущают, и от того бывает живот, животна малая с великими. Есть в мори живот именем острей, а другой — каркин ясти плоть астреев и немощно ему уллучити ея, в сколку огражена. Егда же острей уразумеет каркин в заветренне месте греющесе, разверше сколца своя, бив его каркин, и ввержет камычек в сколпа его. И к тому не возможет стягнути их, тако то его и погубит. О злый, проныливый каркин*, прехитрил милаго острей-живота! Тако то и никонияне добывают христиан, умышляют, на смерть предают. Егда христианин, не хотя их жертвам приобщатися, в заветренной месте греющесе или молитвует втай, или ино что служит Богови, разверше сколца своя, сиречь не о[па]сется бедной горюн, уведав же, еретицы на нь и, бив его, совсем разорят, яко острей каркин, съдят совсем. Есть в мори рыба многоножица*, пронырлива глубоце, изменяет вид своего естества. Егда прислонится к камени, бывает яко камень, а к зеленому — зелена, а белому — бела, или ко траве, или ко древу — везде ся пригодит. Мног же дробный живот, аки бы не разумив, заплывает в челюсти ея, она же поглатающе. Тацы мнози суть человецы во градех пронырливы, коварни суть, пременяются на нравы различныя, друг друга оманывая, а наипаче суть в духовном чину малии и велицыи изменяют лица своя. Кажутся, яко постницы, даже вящши чин уллучат. Егда же въздет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где ся у святаго отца кожа възмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная.

Животна малая с великими. Ту корабли преплавают. Корабли бо по морю преплавают из царства в царство, строя нашу человеческую жизнь. Превозят бо вещи из земли в землю, иде же чево несть, отинуде превозят*. Море бо совокупляет воедино всех нас, да любим друг друга и хвалим чинотворца, хитреца-Бога. Мы же несть тацы суть, не хоцем бо обще стяжания иметь, но вся хошу мне собрать, яко несытый всеядец. Аще бы ми возможно, вся бы вещи морския и земския во утробу свою вместил.

Псалом: «Змий сей, его же созда, ругатися ему»* Толк: Древне в породе змия крылья имела и нозе. Егда же прельсти праотца, тогда отъяты быша и нозе и крыле. И повеле Бог ясти землю и ползати на чреве, якоже; она наругала со дьяволом в человецех образ Божий, науча преступить заповедь Божию. Да тоже и сама поругание претерпе. Адама изгна из рая Бог и постави у врат вертящееся оружие на стражу раю, и повеле Адаму делать землю, от нея же взят бых, жене же в печалех родить чада, а змеи на чреве ползати и ясти землю, а дьявола прокля*. Так то богопротивление зло есть, подобает внимати и нам, да не то ж правило подымем и мы.

Псалом: «Всяк к тебе, чают дати пищу им во благо время. Давшу тебе им, соберут; отвершу тебе руку, всяческая исполнятся благости; отвращу же тебе лице, возмзутся»*. Толк: И кая тварь может от небытия пищи себе привлеци, аще не Господь земле повелит из нея умножиться пищи всему животу, человеком и скотом? Аще он, надежда, прострет пречистую руку свою и послет на землю дар свой — дождь и теплоту, тогда всяческая исполнятся благости: умножит земля хлеба и овоща человеком и скотом, и зверем, и птицам небесным, и всему животу; християне обогатеют, и бояром добро. Егда же отвратит лице свое за умножение беззакония грешных человек, тогда вся возмзутся, и самая стихия, еже есть воздух, и земля, и вода, и огонь огорчатся на противных Богови и из предел своих выступают. Земля плоды своя умалит, вода иссыхает, а инде потопляет, огонь пожирает, якоже в Москве пожары видеша очи наши. Еще же и воздух изменяет: овогда студень, овогда сухо бывает и не подаст влаги на плоды земныя. Зверие оттекают, и птица небесныя от беззаконных отлетают, и в водах умалются рыбы. А сами тии человецы, грешницы, мзутся, яко пружи бьются, и дерутся, яко пьяни суть. Не явно ли то бысть в нашей России бедной: Разовщина* — возмущение грех ради, и прежде того в Москве коломенская пагуба*, и мор, и война*, и иная многа. Отврати лице свое Владыка, отнеле же Никон нача правоверие казити, оттоле вся злая постигоша ны и доселе. Преводне же «всяк тебе чают дати пищу им во благо время», — сиречь благое время во грядущем веце, тогда бо насытятся святии пищи нескончаемыя. Ему же по достоянию даст Бог, той примет вечная благая, а от него же лице свое отвратит, той возмзется вечно во пламени огненне.

А прежде се будет. Псалом: «Отъимеши духи их, и исчезнут, и в персть свою возвратятся. Послещи дух свой, и созиждутся, и обновиши лице земли»*. Толк: Виждь, кончину и воскресение и всему обновление

глаголет пророк. «Отъимеши духи их» — ту смерть являет, а «исчезнут», рече,— ту раскидание плоти и в землю паки возвратит; а еже рече: «послещи дух свой, и созиждутся» — ту и востание являет. И тако то смысл, разум глубок.

О воскресении мертвых Павел апостол пишет «вся убо не успнем, вси же изменимся во мгновении ока в после[дне]й трубе. Вострубит бо, и мертвии восстанут нетления, и мы изменимся волею Божию. Подобае бо тлеемому сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие. И тогда убо пожерто будет мертвенное животом»*. Да слыши попросту, аще бы единою нагою душею жили, не требовали бы глагола, ниже слуха, но глагол и тутнание слуха дея, а слух глагола ради. Аще не быша уши и устне, и язык плотян, то бы от ума моего к твоему уму разумение исходило без звука и без грома, ныне же подоба глагола и слуха.

Да разумеется востание мертвых. Вся убо не успнем, вси же, глаголет Павел, сиречь не умрем, до последние трубы живущий на земли будут. Егда первая труба вострубит, в ней же повеление Божие, гласом ея отверзутся гробы. Таже вторая труба вострубит, и потечет кость к кости и состав к составу своему. Третья труба вострубит, и созиждутся телеса мертвых. А живущий аще на земли есть. Егда же четвертая возгремит труба, в ней же глас Божий: «восстаните от гроб, мертвии, явите дела своя судии всех и Богу», тогда во мгновении ока вси живущий изменятся, а мертвии оживут. Да слыши, Златоуст глаголет: «тамо узрим прах возметающ, всюду человецы вставают, дивен позор будет», И егда вси восстанут, обымут их ангельския силы.

Тогда вся стихия разорят: небо, яко свиток свиется, солнце и луна, и звезды спадающе с небес, якоже смоковница отмест листвие от себе, тако то звезды полетят на землю. Тогда от престола гоподня река огненная потечет, поядающи тварь от востока до запада, и вся изгорит. И будет небо ново и земля нова, бела, яко хартия. То же псалмопевец рече: «и обновиши лице земли»*. Тогда же ангелы поженут вся человеки во огонь негасимый. Ох, люте мне! Праведницы просветятся, а грешницы помрачатся, праведницы восхищени будут на сретение Господне на облацех по воздуху, а грешницы, увы, яко огорелыя главки, валяются низу. Златоуст рече: «тогда бо плоть человека легка будет и восперенна, добрыми делы носима, яко может ездить и по воздуху». Егда бо с небесе Христос, Бог наш, приидет и сядет на престоле славы своей, и соберутся пред ним вси языцы, и разлучит их, яко овца от козлищ, понеже тьмы тьмами силы небесные предстояху ему и тысяща тысящами служаху ему. Ристаху же ангелы собирающе и поставляху праведныя одесную его, а грешный отрехаху ошуюю. И речет Господь праведным: «приидите, благословении, наследуйте уготованное вам царствие небесное». Возрев же ярим оком на грешныя и речет: «отъидите от мене, проклятии, во огонь вечный со дьяволы». И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный*, еже есть взем судия святыя своя и приведет их к Богу и Отцу и

речет: «се отче, приношение мое, се есть плоды моя. Приими их, да будут едино с нами, яко же и мы». Тогда возвеселится Господь о делех своих*.

Псалом: «Презираяй на землю творя ю трястися, прикасайся горам — воздымятся»*. Толк: Егда на Синайстей горе с Моисеом беседоваше, тогда страшно бе вядимое, понеже гора горяше огнем, и облак, и сумрак, и буря, и трубныя звуки, и гласы шумящи глаголанны. Моисей бо рече: «пристращен и трепетен есмь, Господи»*. Виждь, «прикасайся горам — и воздымятся». Воспою Господеви в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь. До насладится ему беседа моя, аз же возвеселюся о Господе*. А плуты те,— ну их к черту! И людьми их не зову. По писанию: «скончаются грешницы от земли и беззаконницы, яко не быти им»*. Вот ладно каково. Благослови, душе моя, Господа*. Аминь, аминь, аминь.

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ «ИЩУЩИМ ЖИВОТА ВЕЧНАГО»

Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Всем святыя и а[постольския] церкви от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа слава и честь и нетление ищущим живота вечнаго. А иже по рвению противляющимся убо истинне, повинующим же ся неправде псам — никонияном — ярость и гнев, и скорбь, и теснота на всяку душу человека-никониянина, творящего злое, архиерею же прежде и рядному. Глаголют бо безумнии человецы, утесняюще свою душу: «не на нас-де възыщет Бог законное дело и веру; нам-де что? Предали патриарси и митрополиты со архиепископы и епископы, мы-де и творим так».

О неразумныя души беззакония! Ни ли слышал еси апостола Павла: «сила Божия есть всякому верующему, июдеови же прежде и еллину от веры в веру, якоже есть писано. Праведный же от веры жив будет»*. Зри: праведный от веры жив будет, а не от человеческого предания. И еще чтый да разумеет того же апостола рекша; «открывается гнев Божий с небесе на всяко нечестие и неправду человеческую, содержащих истинну в неправде, зане разумное Божие яве есть в них, Бог бо явил есть им»*. Вот апостол глаголет: «Бог бо явил есть им».

Шлюся на твою совесть, зане разумное Божие яве есть в тебе, Бог бо явил, есть в тебе. С тем же Павлом глаголю: «невидимая бо его от создания твореньми помышляема видима суть, и присносущная же сила его и Божество, во еже быти им безответным. Зане разумеша Бога не яко Бога, прославиша или благодариша, но осуетишася помышленьми своими, и омрачися неразумное их сердце»*.

Читай внятно: «и омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным». И еще ли шарпаешися, неразумие омраченное сердце, глаголя: «не на тебе възыщется твоя погибель, но на великих»? А патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшеся*, рекоша: «не на нас възыщется, но на царе! Он изволил изменить старый книги!» А царь говорит: «не я, так власти изволили!» Воистинну омрачися неразумное их сердце, во еже быти им безответным. Осуетишася помышленьми своими друг на друга, а все на Бога омраченными сердцы, зане разумное Божие

яве есть в них. Все знают, яко погибают, но мраковидным духом ослепоша в сопротивии всяцем, зане разумное Божие яве есть в них, Бог бо явил есть им. Невидимая бо его от создания мира твореньми помышляема, видима суть. Аз им говаривал: «безответны вы, никонияне, пред Господем Богом. Солнце, и луна, и звезды, и самое небо кругом впосолонь вертится, а вы, свята святая церкви, около ея ходите противу солнца и всея твари*. Тако же крестят дети около купели, тако же и браки венчая, против солнца же кружаете, а не впосолонь ходите по преданию». И оне отвещают: «нам-де велят так». И разумеют, яко зло деют, но тьмою покрыты, по апостолу: «измениша славу Божию в подобие образа тленна человека»*, сиречь царя паче Бога убоялися, «иже премениша истинну Божию во лжу»*. Бабоблуды, блядьи дети! Да что, братия моя любезная, светы, вем, яко молвите: «батько-де неискусно глаголет».

Хорошо, искусно, искусно! От дел звание приемлют. Послушай-ка апостола тово, о таких же баб[о]бл[удах] глаголет. Зачало 81: «И якоже не искусиша Бога имети в разуме, сего ради предаст их Бог в неискусен ум творити неподобная, исполненных всякия неправды, блужения, лукавства, лихоимания, злобы, исполнены зависти, убийства, рвенія, лъсти, злонравия и прочая, непримирительны и нелюбовны, яко таковая творящий достойни смерти суть. И не точию сами творят, но и волю деют творящим»*.

Да так то и есть, святой апостоле Павле, не одны токмо погибают сами, но и иным простым людям волю деют. На нас-де положено, мы-де знаем! На то-де Бог вещь сделал, несть греха. Какову-де бабу захотел, такову-де и вали под себя. Да что рассмехнулся! Так-де оне учат, еретицы, собаки, да так и творят. Сами блудят и иным повелевает. По апостолу, исполнены блужения и всякия неправды. А как в них злонравие то! Ино и в собаке той лихой нет столько, и в змее той, ползющей гадине, и рысь та лютая человеколюбнее их, и аспид-от милостивее их. Кому же они подобны, знаешь ли? А то, брат, тово уж не знаешь! Дияволу подобии. Он человеке* убийца бе искони и во истинне не стоит, яко отец лжи. Исперва оболга человеку Бога, а потом Богу человека. Как же, аль не ведаешь? Сем я тебе возьму за руку и поведу на то место, идеже бысть се. Стани прямо востока и зри к Едему, возведи очи свои в рай и виждь глаголы лестны дияволи ко Адаму. Рече бо: «вкусите от древа, от него же вам Бог заповеда. Аще вкусите, будите яко Бози, разумеюще добро и зло. Бог бо завистлив есть, сего ради заповеда. Не хочет вас быти, яков сам бе»*.

Вот собака, яко Никон, блядей сын, солгал! Обманул царя Алексея, трети персты креститися понудил: «Троица-де Бог наш, трема персты и знаменимся». Он, бедной, послушав, да дьявола и посадил на лоб. Слово в слово, яко и в рай при дьяволе и при Адаме. Восхоте Адам быти Бог, простре руце ко древу, и сея ради снеди изведе из рая враг Адама. Тако и Никон лишил Алексея трех ради перстов жизни сея, понеже царскую и архиерейскую власть на ся восприял, да мочью и силою вечную нашу правду, старое православие, истребил, яко Бог века сего, взимался

гордостию, но Соловецкой монастырь сломил гордую державу его. В которой день монастырь истнил, о тех днях в той день и сам исчез*. Восхотел Бог быти, и не бысть. Потерял, яко Адам рай, тако и он жизнь сию. О сем до зде.

Взыдем на первый глагол. Како оболга дьявол к Богу человека, чти во Иове. Егда приидоша ангели пред Господем поклонитися, прииде же и дьявол, не местом, но вопрошением. И рече Господь к дьяволу: «внят ли на раба моего Иова, яко несть такова в поднебесном: праведен, благочестив и непорочен. Еще же держится и незлобия». И отвеща дьявол: «не туне чтет тя, обложил еси ему внутренняя и внешняя. Повели ми, да коснуся, аще не в лице благословит тя. Кожа за кожу и вся даст человек, елика име, за душу свою»*. Ох, собака, блядь, клеветник! Что и никонияня же, блядьи дети!

Умыслиша Аввакума беднова и прочих повсюду мучити: «ужо-де и не хотя, волю нашу сотворят, как в землю закопаем их!» А боярня с сестрами умерла о Христе*, а не покорилась дьяволенкам и не предала благоверия. Так же и над Иовом тем и дьяволов-от умысл был. К Богу рече: «не туне-де чтет тя. Богатства-де и детей, и всякия благодати довольно ему даде. Дайко-де мне над ним поиграть. Ужжо-де и не будет хуже ево, и бранить-де станит тебя. В лице тя благословит, просто реши, прокленет». Вот как дьявол-от на человека тово лжет.

Слово в слово и никоянияня таковы же. Отдал Бог Иова тово во искушение дьяволу тому, да и приказал: «вся сия тебе Иовлева предаю, токмо душу ево соблюди»*. Возился над ним дьявол-от, что чорт, а душе той коснутися не смел, понеже Бог с небесе сам зрех победы Иовлевы. Радуется в те поры владыка-свет, как терпением, благодаря, Иов плотной побеждает бесплотнаго дьявола. Так ж то и ныне бывает, братия. Егда терпим Христа ради и завета его, так же радуется Бог. А идеже Бог, тамо и ангели вси, и праведнии тут же со владыкою зрят победы или победения. Читали ли в житии Андрея Юродиваго?*. Егда с черным велиаром брався, а белоризцы позороваху. Как учал Андрея вертеть хохлата-ет чорт, так белоризцы те миленькия испужалися, жаль им Андрея тово. Как справился Андрей и брякнул Чернова о камень лбом, так белоризцем радость велія и веселие. Так то и ныне: победа бывает — невидимо нам радость небесная, а то много радости в той час, егда кто мучится за Христа. Простите, к слову пришло. Однако уж говорить, от своих вас не подобает скрывать.

Как стригли меня на Москве*, тому уже годов о тринадцеть есть, а в то время без меня всылке на Мезени Ияков Сытник был, В кой день меня ругали в соборной той церкви, а он-де на Мезени в той же день и час в клети молитвовал. Жена ево мне сказывала, как меня сюды в Пустоозерье, везли: «бежит-де мой Ияков из клети в ызбу, а сам кричит мне: „Оринушка! Оринушка! Батька Аввакума на Москве ругают, а он с ними кричит. Я видял топере в клети. Небо отверзлося, и ангели прилетают над него и от него на небо радующеся". А сам-де он, батюшко, изменился

весь, зыблется, тужит и плачет по тебе, охая». Так, конечно, мне жена ево сказывала. Ево уж тут в то время не было.

Да что же еще с вами стану говорить? Чаю, утрудилася ваша мысль, коснящи в вышних. Ну, и мы ум наш сведем с небесе и поговорим мало о земных. Много ли вас на я славном, избранных Божиих, и церкви и попы есть ли христианския, и несть ли гонения правоверию, возвестите ми. Или восплачу или возрадуюся. Господа ради мужайтесь, утвержайтесь. Живите, поминаючи день востанный, не яко не мудрии, но яко премудрии.

ПОСЛАНИЕ «ЧАДОМ ЦЕРКОВНЫМ» О ДЬЯКОНЕ ФЕДОРЕ

Се аз, протопоп А[ввакум] всем верным повсюду православным христианом, отцем и братиям моим, чадом церковным. Пад пред всеми, поклоняюся, мир дав и благословение, целую главы ваша и руце и нозе целованием духовным о Христе Исусе и молю вы, о Господе всех рабов Божиих, не примешатись сему скверному сыну моему духовному, врагу Божию Ф[едору]. Мерзок есть таковой святей Троице и Отцу и Сыну и Святому Духу, и от меня, отца ево, положен под правила и отсечен, яко гнилый уд, от церкви Божия, понеже лет с десять целил ево и моля, увещал, еще бы престал сливати святая во единицу по-жидовски, и савелиянски не мудрствовал, и прочая, в книжице сей еже есть писано. Обо всем о сем молил многожды, чтобы престал бесноватися, он же нимало в чюство не восхоте приити, но и книги написал блядивыя по своему уму обольщенному и в мир послал, возмущая стадо Божие, яко не Троица Бог, но единица слиянная, и прочая многая на церковь вражда от него, врага святых Троицы, в мир поплыла.

Судите вы, Божий избранныи: аще праведно мне терпеть ему? Близ мене отравя в люди раждается, а мне молчать? Как Сын Божий претерпит? Ни, никакоже! И вас молю, аще кто где узрит ево письма подметныя*, предавайте огню Господа ради, яко в них яд пишет мног сокровен и отсохлою своею рукою сеченою утверждает писанное: «сие-де писано рукою моею сеченою за православие, слушайте-де и сие веруйте, якоже писано». Называет себя святым, а явен враг Божий. Исперва о казни нарочито говорил, а ныне онемел, при прежнем худо и говорит. Помните, писано: «и еже мнится имеяй, возьмется от него». А рука, отсеченой уд, исперва была цела, а ныне измогла*. Он же со стыда ея велел в землю бросить. Видит сам, что нехорошо делает, а не хочет престать!

Да уж не о нем. Пропади он, враг проклятой, но вы Господа ради блюдитесь ево учения. Лютой лис и обманщик, божится и ротится, хотя обольстити ково! Во един от дней отца Е[пифания] обольстя, и, ссоря со мною, говорит ему: «отче Епифаний, подвизайся всеми силами, как бы Аввакума преломить о образе троическом, и о прочих, и тогда-де наша будет добра».

А я, петь, коли послушаю, кроме писания о Христе? Обыкох бо я от купели троицу чести в трех образех по равенству, а не единицу

жидовскую. Старец же прост человек, правду чаял шептание ево и напал на меня по ево учению всеми силами. Увы, горе часу тому, якоже пророк рече. Внимай, в конец да не растлиши. Тотчас было в погибель впал старец-от, на меня роптит, а мне с ним рогостатися не хочется. Вздумал я потешить ево, пошел ночью ко врагу тому Божию, как бы примирить ево. Прощаюся с ним и сам не знаю в чем. Он блюет на святую Троицу, а я лише помикиваю, бытто и не слышу, токмо примиряю ево. И помиряю с ним, сказал старцу. Он рад, бедной, судит внешняя, а не внутренняя.

Пришел я в хижу свою, повалился спать. Вижу ся со старцем у церкви некия, а одаль нас Ф[едор] д[ьякон] на холму высококом стоит со скоты и с немцами и с татарами. Старец же посла меня к нему, как на яве том было, так и тут видится, и горе и смех у беса тово близко все. Пришел я к холму тому, к Ф[едору], он на меня почал сцать. На ноги мои мокрота та пловет. А се ноги мои стали гореть, зело больно горят, а я кричу: «Господи, согреших, прости мя, окаяннаго!» Да не во сне уже, обудяся, горят. А некто, стоя, говорит мне: «то тебе за ходьбу!» Я молюся, ано не слушает, жгут ноги. Да он же, стоящей, рече: «вот еще за безумие твое в прибавку!» Да ну ж меня мучить, душить и ломать. Больно устряпал, покинул, и встать не могу. Лежа говорю: «благодарю тя, Господи,— по писанию, посылал еси ангелы лютыми путь сотворити, стезю гневу своему»*. Да свался с доски, кое-как лбом о землю, весь болю. Полехче мало стало, дьякона та опять проклял, да и оздоровел.

Ну же потом старца косить! Нечево о том много ковырять, и сами знаете, не до друшка стало — до своево брюшка, вправду осердился. Да после со старцем и помирился. А как бы не осердился, так бы меня самово велели до смерти забить, не подорожат, друг, тамо и не Аввакумом, много тое грязи у Христа наделано. Не тот А[ввакум], ино другой. А за ним дело не станет спасения человеческого. Колесница та таки катится, как ей надобе. А[ввакум] п[ротопоп] бодрствовать станет Господа ради, себе ему во грядущий век должная своя возьмет. А еже разленится, и ему кнут на спину. Не как Пашков — ременной, но железо разженно огнем клокшущим. Лют есть он, братие, огонь, и вне и внутрь, наши кишки переест, проходя до членов же и мозгов, и до самыя окаянныя души. Потщимся будить друг друга нелицемерно, любя не токмо любовных, но и досадителей нам подобает любить аще нас в душу не, вредят. Любите враги ваша душеядцов же, еретиков, отгребайтесь. Аще спасение ваше вредят, подобает ненавидети их.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНУ СЕРГИЮ С «ОТЦЫ И БРАТИЕЙ»

Новому игумну, старому моему чаду Сергию отцу²⁰ радоваться о уповании вечных благ. Припомяни, чадо, и о мне в день радостный. Аз

20 В рукописи эти слова зачеркнуты и над ними написано: Братия, отцы.

есмь. заматоревый во днех злых, хошу с тобою совсельник быти в пазухе Авраамове. Аще Бог благоволит и пречистая Богородица поспешит, негли, препоясався о Христе, переползем темнотрачный сей век к тихому оному и безмолвному пристанищу. И что тогда речей, Сергей мой, егда узрим нашего света лицеи к лицу никониянам неприступнаго Христа, отца нашего и строителя?

Сергий! Слушай-ко, сказывай людям тем: сидит он на огнетрачном престоле одесную отца, о нас промышляет и нам приказывает: не пецыте-де ся вы ни о чем, токмо о проповеди прилежите, а то-де у меня вам всево много напасено. Скажу вам, раби Христовы, слушайте²¹.

На что, петь, Иосиф Волоцкий* с писанием ратуется? Не ладно он о сошествии пишет во ад, бытто смерть и дьявол снесли душу Христову во ад. А пророцы и богословцы вси не так, но глаголют, со славою во ад бысть поход. Помнишь, в слове Елифаньеве* пишет: «предшествует же ему архангели Михаил и Гавриил и прочия силы ангельския глаголюще: „возьмите врата, князи, ваша"»* и прочая. Евсевий Самосадский* также: «идуше пред Спасителем силы вопияху: «возьмите врата, князи, ваша». Да и все церковны книги учат: не дьявол душу Христову во ад снес, но сам по восстании из гроба плотию боголепною с душею сниде во ад Божески, и расторг Бог-человек чрево адово.

И много о том неколи говорить. Одно молить: свято-ет бы насилу сам написал ли бы так. Полно, вор некто такой жо в книгу ту ево внес, что и Федька-отступник*, в тетратках подметных чтучи. Сего дни ли воруют? Во-ся, петь, Климантовы те книги* и повыше Иосифа тово, не исказили ль? Или и Григория Низкова* правила 12 Во всех церковных книгах пишет, яко Христос плотию одушевленною во аде бысть и о сем слава ему, Христу, Богу нашему. Мы так и веруем, как церковные книги учат. А в письмяных тех всячину найдешь. Не буди нам с вами по своему смышлению спасение свое содевать, но по преданию святых и богосносных отец. Дай, Господи, ум наш и сердце в согласии со святым писанием, так и добро, а привал-от пустой, яко нужно слово, не отмещу ли?

А что отец Исидор вопрошает мя кое о чом, мочно веть и самим вам рассудить с Господем. А я кто? — умерый пес, и как могу выше вашего священнаго собору разуметь? Ты говоришь, огненный во мне ум. И сопротив молыл (прости!): «облазнился,— реку,— ты, чернец, и в кале тинне помышляешь сокровенну быти злату и сребру. Не ведется, мол, тово, еже драгое камение полагати в говенной заход, тако и в моей греховной арган непристойно внити благодатному огненному уму. Разве по созданию данному ми разуму отчасти понимаем и отчасти пророчествуем»*,

21 Эта строка написана в рукописи по стертой киноарной строке, из которой можно разобрать только одно слово: Сергей.

И ты, игуменушко, не ковырай впредь таких речей. Которая тебе прибыль? Наводишь душе моей тщету. Но всяко дыхание да хвалит Господа и пречистую Богородицу, а я — ничево, человек, равен роду, живущему в тинах калных, их же лягушками зовут. Погубил в себе властный сан и рассудительну силу, без рассуду земных прилежю и, я со свиная от рожец, наполняю чрево свое*. Аще не умилосердится Господь, при смерти стою и во адова сокровища гляжю. Аще не Господь помог бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя. Обо мне пророк рече: «далече от грешных спасение»*, и еще: «яко погна враг душу мою и смирил есть в земли живот мой, посадил мя есть в темных, и уны во мне дух мой»*. Еле-еле отдыхаю от похотей, задавляющих мя.

Моли Бога о мне и всем заповеждь. И Настасья, хотящая быти ц[арица], пускай молится о мне. Смешница она, Сергей, хочет некрещеных крестить! Я говорю: вотю, реку, какую хлопоту затеваает! Их же весь мир трепещет, а девая хошет, яко Июдифь*, победу сотворить. Материн большо у нея ум-от. Я ея маленьку помню, у тетушки той в одном месте обедывали. Бог ея благословит за Беликова и честнова жениха! Девушка красная, княжна Анастасьюшка Петровна, без матушки сиротинка миленькая, и Евдокеюшка, ми«ленькие светы мои! Ох мне грешнику!

Егда ум мой похватит мать вашу и тетку, увы, не могу в горести дохнуть,— таковы оне мне! Лутче бы не дышал, как я их отпустил, а сам остался здесь! Увы, чада моя возлюбленная! Забвенна буди десница моя, прильни язык мой гортани моему, аще не помяну вас! О дщи Вавилоня окаянная! Блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси им! Блажен, иже имет и разбиет младенца твоя о камень!* Ну, добро много плакать, да перестать же будет. Слушайте-тко, Евдокия и Настасьюшка, где вы ни будете, а живите так, как мать и тетка жили: две сестрицы здесь неразлучно жили и в будущий век купно пошли, без правильца не жили, канонцы всегда сами говорили на правиле и всяко...23

Зело покойница перед смертию тою докучала мне о них, горько сокрушаючись,— и о грехах и тех кается и о них кучится. Рукою своею наморала на обе стороны столбец, а другая так же и третья. Да долго столпцы те были у меня: почту да поплачю, да в щелку запехаю. Да бес-собака изгубил их у меня. Ну, да добро! Не дорожи он мне тем. Я и без столпцов живу. Небось, не разлучить ему меня с ними! Христос с нами в век века уставися.

22 в рукописи далее зачеркнуто: сам же мольшь.

23 Далее четыре строчки зачеркнуты, можно разобрать лишь отдельные слова: он... пускай сказывает... чернец, не покидай их, отрасли моей... поливай их слезами...

Анисиму Фокину мир и благословение. А что ты, Онисимушко, меня о полах тех спрашиваешь, а то я им велел смириться. Оба добрые люди, да шалуют без пути. У Григория в грамотке почти. Ходи со Стефаном и с Козьмою*, Бог благословит! Стефан ко мне преже сего писывал кое о чем, и я ему о Христе и прощение послал; и Козьма доброй человек, я в ево церкви и детей духовных своих причащал, со мною он говаривал. Он обедню поет в олтаре, а я на крылосе у него певал. А для чева Исидор младенцев не причащает, которых Дмитрией крестит? Я приказал ему крестить, сын мне он духовной. Стефан-батько, которые младенцы те от еретиков тех крещены, и ты розыскивай: буде отрицание было от сатоны и в три погружения крещон, и ты токмо молитвы и недокончанная над ними соверши, а буде же не было отрицания, и ты и совершенно крести.

А что Исидор-от еретик крещенных не причащает, то он правду творит. А о умерших — надобе о них Бога молить и их поминать. Глупо робя было, не знало правды и кривды. Аже кто велик умрет, о таком рассудить: буде и по-новому крещон, а пред смертию каялся о неверии своем, такового принимать; аще ли так умре, и он часть волчья, нет ему до Христа дела, нашего Бога. Ну, Онисим, прости! Бог тебя благословит! Моли Бога о мне.

А что вы выпись из Псалтыри прислали, псалма 9: «сиру ты буди помощник»*, и прочая, и толк-от Афанасиев прав*, а на Григорья това Амиритскаго* солгал некто вор, именем ево безделицу утверждает, яко и Федор-отступник. Статное ли дело душу Божию дьяволам обладати? Смерть и телом не обладала, нежели душею. Сам Господь нас научает, рече: «никто же душу мою возьмет от мене, но сам полагаю ю о себе, область имам положити ю и паки область имам прияти ю»*. Да умирая, рече: «Отче, в руце твои предаю дух мой»*,— а не ко дьяволам во ад. Во ад со славою иде, восстав от гроба телом и душею Божески. Все богословцы так научают: ад, рече, огорчися, человека зря обожена,— а не нагую душу. Писывал преже сего о том в книгах тех письменных, надобе разуметь. Иван эксарх* пишет: еретики-де и Григория Нисскаго правила развратили многия, их-де и чести не подобает. А и Климентовы книги, помнишь в Кормчей напечатано, не велено их чести, возвращены от еретик. Так то и тут, сицевой и Далее выскоблены два слова.

Иже Федор или никониян, жалеют ли оне книг тех? Что взбрело на ум, то и творят. Во Псалтырях тех толковых есть всячина толковщиков тех много. Полно о том. Какой то будет Бог, что душу свою от разбойников отнять не смог?

ПОСЛАНИЕ БОРИСУ, И «ПРОЧИМ РАБАМ БОГА ВЫШНЯГО»

Древо жизни и бессмертия, древо разума, древо трилюбезно, нетле[нно] и неизнуряемо, крест трисоставный, честное древо: Троица бо носит три составныя образ²⁵.

За молитв святых отец наших, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас.

Чадо Борисе, Бог простит тя в сии век и в будущий и да неосужденна ты предстати сподобит на страшной суде Христос, Бог наш, сый благословен во веки, аминь.

Вопросил мя еси о пении церковном и о келейном правиле. Да веси, брате, устав во церкви от святых Отец со Святым Духом устроен. Кто мы? — хотим быть разумнее Параклита*, прелагаем по своему чину! Как напечатано, так и творить подобает. Не прелагаем пределы, иже отцы положиша. А ты мне возвестил еси странно: среди заутрени у вас бывает самочиние, а не по преданию бывают поклоны. Правду те глаголют, которые поют рядом заутреню и до отпусту не рассекая, или церковным чином или вервицы молитвами исполняя. А поклоны между вечерни и заутрени.

Нощию правило келейное отцы узаконоположиша, кто сколько может: или поклонов 300, или 600, или 1000, с ними ж и Иисусовы молитвы: или 6 сот и седьмое Богородице, или вдвое или втрое, как кто хочет и может. А церковнаго правила пения отнюдь не поколебати. Хочеши ли слушати, как у меня бывало? Внимай жо, я тебе стану вякать. Да не сам собою изволил, но от отец искусных навиче.

Егда вечерню с павечернею отпою, после ужины правило начну: павечерницу и 4 канон Иисусу и акафист с кондаки и искосы: «Воду прошед» и «Ангелу», и тропари канонов и молитвы, таж «Достойно», «Трисвятное» и «Нескверную», и еще «Трисвятное» и «Даждь нам», и рядом «Боже вечный», и все молитвы спальный и отпуст, и «Ослаби, остави» вместо прощения, и «Ненавидящих»; таж 50 поклон за живыя и за мертвыя. Благословлю да и ропущу черемош. Паки начинаю начало правилу поклонному: «Боже, очисти мя» и молитвы; и проговоря «Верую» и огонь погасим; да и я, и жена; и иные охотники ну же пред Христом кланятца в потемках тех: я 300 поклон, 600 молитв Иисусовых да сто Богородице, а жена 200 поклон, да 400 молитв, понеже робятка у нее пищат.

Довершим правило, прощение проговоря, да и спать взвалюсь,— один я спал. Когда обедню пою, тогда опасно сплю: сам добуду огня да книгу чту. Егда время приспеет заутрени, не спрашиваю понамаря, сам пошел благовестить. Пономарь прибежит, отдав колокол, пошед в церковь и начну полунощницу. Дока мест сходятся крылошаня, а я и приговору в те поры. Прощаются,— ино Бог простит, а которой дурует,

²⁵ Эта фраза написана под изображением старообрядческого креста.

тот на чепь добро пожаловать: не роздувай уса тово у меня.

Таже завтренья на всяк день с кажением по чину и чтение 4 статьи, а в воскресной день 6 статей по данной мне благодати толкую, чтучи. В рядовыя дни заутренья, 4 часа, а в полное 5 часов, а в воскресенье всенощное 10 часов. После завтрени причастное правило час говорю сам, а церковное пение сам же, и чту и пою единогласно и наречь пою, против печати слово в слово: крюки те в переводах тех мне не дороги и ненайки те песянные не надобе ж. И отпев обедню, час поучение чту. И после обеда 2 часа усну и, встав, книги до вечерничту, сидя один.

А обедню, прости, плачючи служу, всякую речь в молитвах разумно говорил, а иную молитву и дважды проговорю, не спешил из церкви бежать,— после всех волокусь. И болящих маслом соборовал — единогласно же пел, и мертвых погребал — единогласно ж пел, и келейное и церковное все единогласно ж правило было у меня, и в пути едучи и пеш идучи — единогласно все. далее шесть с четвертью строк зачеркнуты.

Да не собою я затеял так; виде в писании, со отцы трудились так: епископ Павел Коломенский, Данил протопоп Костромский, священномученик же Михаиле: священномученик Гавриил, священномученик же архимарит Тихон Печерский, архимарит Суздальский Иосиф за Волгою, в пустыни с сим пением и скончался так, протопоп Конон Нижегородский; Логин, протопоп Муромский мученик и поборник велий, Марфа, игуменья на Везниках, наречь и единогласно пение бысть у нея. Не по Игнатьеву жила: странным и мимоходящим ноги умывала сама и со Анною леженкою добре скончашася. И Андреян, архимарит Троицкой, добро же житие проходил, и пел единогласно ж*.

Да и много бысть добрых людей, все блажиша и хвалиша пение единогласное и наречное. Многие с перевода ветхаго, по нем же аз певал, списывали, а я и без перевода, Богу помогающе, по печати пою, да и крюков тех не изгублю, ненайки лише не пою. А как один молюсь, так и не говорю: един Бог знает, как делаю, нельзя сказать.

Ну, Борис, полно ли ковырять тово? Али еще слушать хошь? А то как в правду ту молился, зажмурь глаза те, да ум-от сквозь воздух и твердь и ефир отпусти к надеже тому и престолу его, а сам ударься о землю, да лежи и не вставай плачючи: ужжо ум-от Христа тово притащит с неба тово, как оскорбишь гораздо сердце то. А то влагодящее сердце,— какому пришествию духа быть?

Да еще к тому: Игнатей бывшей братью-де драз[нит] нароком и по печати говорит: «преславенная денесе». Ох! ох! Не глаголю беснуется, но помрачение ума. Кому то досадит, мещуци выпрь камень? Себе; ему на главу оный камень с высоты падает. Добро, братие, совет и любовь, а иде же поперечина, тамо не подобает и ходить и тлить душа своя. Аще бы чья и немощь в чом, ино бы тож не так, но прощением и покорением, да всяко бы не оставил Бог за молитв брацких смиреннаго. А то бесом сделается

чернец: и играет, ругался страшным и неизреченным таинством. Увы! Что бысть при Евфимии Вели[ком]* Климатю? Чтый, ругайся, да разумеет сие. Ну, Борисушко и прочий раби Бога вышняго! Простите меня в слове и в деле и помышлении, а вас Бог простит и благословит! Целую всех о Господе Бозе моем.

А поп-от, Борис, суматоха, мне кажется; да служил по-новому и, остригшися, отрекся мира и священства и паки тоже творит: все ни та, ни ся. О новослужении том бы каялся, а не стригся бы. Волен Бог, да вы: буде каялся о службе той, и вы по нужде малые потребности исполняйте им, молитвы и прочая, а причащатца не подобает ему, обеден служить только. Прости и молися о мне. Отцу Досифею мир и благословение. Спаси Бог тебе за добронравие твое. Пад, подстилаю главу свою и благословения прошу: моли Бога о мне, грешней. А твою любовь да помянет Господь Бог во царствии своем всегда и ныне, и присно, и во веки веком.

Досифей, а Досифей! Поворчи, брате, на Олену ту старицу: за что она Ксенью ту бедную, Анисью сестру*, изгоняет? Досифей! А за что, петь, ея и с мужем тем разводит, коли оне молитвились? Апостол велит посягати младым вдовам, нежели разжижатися.

Елена-дурка! На что ты ея в приказах тех и в монастырях тех озлобляла и робеночка-де маленько не уморила? Меланья! Слушай-ко ты, и я со духом твоим, смири бесчинницу ту, на что она над крестьяны играет? Ну как бы ребенка тово уморили, так убийство стало, а убийце 7 лет епетимии.

Ну, Оленушка-сестрица, вот тебе от нас с Меланьею пирожок, кушай на здоровье: седьмь лет держи епетимию, 3 годы не сообщайся с верными, 2 лета плачь с припадающими, в притворе стоя, 2 лета в церкви да пребудеши без причащения, свечи и просвиры да не приемлет священник во олтарь от руку твою, ею же убийство сотвори; чрез день кроме субботы и недели сухо да яж, по тысяще на всяк день метания твори пред Господем, на всяк день в вечер 3 поклона, к келье окормительницы Меланьи пришед, до земли, сице глаголя: «прости мя, мати моя! Се аз, окаянная, жену с мужем разлучила и убийство сотвори! Увы мне, дщери Каинове и Ламехове*!» И возвратяся в келию свою сице рцы: «Боже, за молитв святых Меланьи, матери моея, отпусти ми согрешения моя!»

Ну, чадо, тружайся да и о мне, грешней, Бога моли. И отец Елифаный молитвами помогает ти.

Слушай-ко, игумен Сергей! Иди во обитель Меланьи матери и прочти сие, писанное со Духом Святым, на соборе Елене при всех, да разумеют сестры, яко короста на ней, да же не ошелудивеют от нея и удаляются ея. А ты Меланья, не яко врага ея имей, но яко искреннюю. И все сестры спомогайте ей молитвами.

Друг мой миленькой Еленушка! Поплачь-ко ты хорошенько пред Богородицею-светом, так она скоренько очистит тебя. Да веть-су и я не выдам тебя: ты там плачь, а я здесь! Дружне дело, как мне покинуть тебя? Хотя умереть, я не хочу отстать. Елена, а Елена! С сестрами теми не

сообщайся, понеже оне чисты и святы. А со мною водися, понеже я сам шелудив, не боюся твоей коросты, и своей много у меня! Пришли мне малины. Я стану есть,— понеже я оглашенной, ты оглашенная,— друг на друга не дивим: оба мы равны. Видала ли ты? — земские ярышки друг друга не осуждают. Тако и мы. Помни же, что говорю,— не обленись поработати Господеви. Аще ли просто положишь, большую беду на себя наведешь: без руки будешь, и без ноги, и без глаз, и глуха и острупленна. Яко Елисей* я ли затеваю? Да не будет. Но тако глаголет Дух Святый со Христом ко апостолом, яко его же, аще свяжет на земли, будет связан на небеси, а его же разрешите, той разрешен*. Да по данной мне власти от Исус Христа се возлагаю ти бремя на плеча души твоя: достоин бо делатель мзды своея*. Прости. Тебе несть благословения, дондеже очистишися. Аминь.

Ксения бедная Гавриловна! Взыщи мужа тово своего и живи с ним, коли ты молитвилася с ним, а затем — как знаешь: воля тебе о Христе. Пожалуйте, раби Бога вышняго, не покидайте ея, яко Марию Магдалыню*, прибегшую ко Исусу, или оную, ея же приведоша к нему и хотящу побити камением. Исус же возбрани и рече: «аще не имат кто греха, верзи камень на ню прежде всех»*. Стали созиратися: ано шелудивы все! Тако и здесь: всяк разумей немощь свою, не созирайте чужих грехов, но своих.

Да еще тебе, игумен Сергей, приказываю: порозыщи и нам о имени Господни возвести, кто от духовных биет Евдокею Ивановну словесы нелепыми, лютейши камения. Со слезами мне говорит: «пущи-де никониян, батюшко, духовныя наветуют ми, и стражю-де от них понос и укоризну, насилу отдыхаю в бедах». На что, петь, так мучат сестру свою неправильна, забывше апо« стола, еже рече: «братие, аще человек впадет в некое согрешение, вы, духовнии, исправляйте таковаго духом кротости. Блюдый себе, да не и ты искушен будеши, друг другу тяготы носите»*. А еже только не согрешила сестра, а наветуют бесчинующе, и сего обычая ни во языцех обрести возможно где. Чюдно! Как та верным нам, а хуже неверных живем, взимающесе друг на друга своего!

Родион! Слыхал ли ты в правилех: «разлучи» вый мужа и жену — проклят»? Хочешь ли я тебе сию игрушку в душу посажу? Да хотя мы и в дальнем расстоянии, да слово Божие живо и действенно проходит до членов же и мозгов и до самыя души*. Да не таково; мне на тебя, что на Елену.

Добро, друже, Бог тебя простит. Прошайся пред Оксиньею Гавриловною и Ефремову книгу* отдай ей; тогда и от меня совершенно Бог простит. Аще ли ни, не уйдет то и впредь. Не иматъ власти такovyя над вами и патриарх, якож аз о Христе кровию своею помазую душа ваша и слезами помываю. Никто ж от еретик восхитит вас, православных християн, от руки моея; хоцю неповинных представи вас в день просвещенный праведному судии. Да и бывало тако во время: Христос бдящу ми, и вселил вас всех во утробу мою. И царю Алексею говорено о

том*. Простись же с нею, да не отлучайте ея от мужа того; аще хошет, пускай с ним живет.

Сергий! Возвести впредь о сем, каково к прощению тщание будет у них. Аще и Елена поищет со усердием прощения да ослабится тогда от епитимий и от худости моя благословение получит. Жаль мне ея гораздо вздыхая, сие творю. Полно о том. А еже изволившу Духу Святому вложить во ум отцу Досифею с челобитными по жребию стужати царю о исправлении веры, и кто аз силен возбранити воли Божий, еже не быть тако? Да будет, да будет! Господь благословит тя и с Максимом* от высоты святых своя и от престола славы царствия своего! Трудитесь Господа ради, ходяще в премудрости ко внешним*. И мое имя по Христе обнесите пред человеки: или кого величайте, или еретиков потязаите — се аз с вами семь до скончания нашего века. Якоже отец Досифей, и вы, церковная чада, даете ударити душа ваша Духу Святому. Се и мы с Епифанием-старцом хошем быти причастницы части вашей, да общее воскресение улучим о Христе Иисусе. Да будет, да будет! И будет тщание ваше усердно, и Господь славы посреде нас, по словеси Христову: «идеже два или трие собрани о имени моем, ту есмь посреде их»*

ПИСЬМО АЛЕКСЕЮ КОПЫТОВСКОМУ

Во юдоль плачевную новорожденному чаду моему Алексею Копытовскому мир и милость от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и от меня, грешника, от протопопы, благословение и поклон. Миленькой дитятко, где ты гулял? Не слышать было про тебя. В лесу большом ты, Алексей, бродил, или а расселинах каменных*, или по холмам скакал? Да доброе то семя и горою не рассыплет, ниже зной еретический иссушит. Разумно ли тебе, о чем тебя спрашиваю? А то шум никониянский, яко ветром лес, возмущает человеческия души; в расселинах книг их человецы погибают, яко холмы, никоньяня взимаются, разгордевся. Да не может Христовы части сам диявол, яко гора, по-давити, ниже детей его, еже есть еретиков, учение знойное праведную душу обольстити.

Спаси Бог тебе, дитятко, на утешительном послании. Хорошо так, яко дряхлуешь, грехи своя поминая. А от Лукияна* отлучися. Бог тебя благословит, и наше благословение да есть с тобою, аще тако сотворишь изгнания с рабы Христовыми, понеже несть сообщения свету со тьмою*, тако и целомудрому с блудным. Пишет он ко мне в грамоте [лесть]²⁷, а не покаяние своему беззаконию. Растлил он храм Божий, растлит его самого Бог*. К добрым людям я ево писанием своим усвоил, чаял в нем добра, а он засеял, окрадше душу християнску, яко древле диявол Адама, Но милостив Господь кающимся, а ему горе по непокаянному и жестокому его сердцу*. Не помышляй себе того, дурак, еже от Бога тебе, кроме

²⁷ В рукописи это слово отсутствует; вставлено нами по другому списку этого письма —XVII в. ГИМ, собр. Хлудова, № 149 (дои. каталог), л, 76.

покаяния, помиловану быти но изволися Духу Святому и мне* предати тя сатане в озлобление, да дух твой спасется*.

Да приидет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огонь, яко содомлян*, а все не зазришь души своей треокаянной. Кайся, треглавный змей, кайся! Еще ти даю нарок покаяния, да нечто малу отраду приимешь; аще ли ни, будет так, елее выше рекох. Собака, дура! Не хочу имени твоего рещи, согрубил ты Богу. Чаяшь, у меня уйдешь? Не уйдешь, небось,— не наемник я, но душу свою полагаю за овцы* за страх Господа моего. Силен мне Господь помощи во всем. Несть ти мира и благословения; а клятвы погожу возложить, али оплачеши грех свой пребеззаконный.

Мир ти, Алексеюшко, миленькой мой,— побей его, Господа ради, палкою, по моему благословиению, и аще станет каятися, и ты о том мне возвести, и аз ему во исцеление души и тела епитимию пришлю; а буде взбесится, и ты и рукою махни. Не подобает приходящаго к нам отгнать, а за бешеным не нагонятца же. Прости, Алексей! А тебя Бог простит и благословит. Возьми у братьи чоточки — мое благословение себе. Дайте ему, Максим* с товарищи, и любите Алексея, яко себя. Аминь.

ПИСЬМО «ОТЦАМ СВЯТЫМ» И «ПРЕПОДОБНЫМ МАТКАМ»

Благословите, отцы святии, благословите, преподобныя матки. Како пребываете, и все ли по-здорову? Дерзнух, нагой грешник, из земли приити в недра ваша. Освятите мя молитвами своими понеж пришлец есмь из сквернаго мира. Ну, творите ж о мне молитву: «благослови благословящая тя, Господи, и святи уповающая на тя», и прочая. Спаси Бог, миленькие батюшки, очистники всего мира, и меня очистили, поганца. Ей, право, от грех осквернен есмь.

Ведаете ли, отцы и матки, есть ли любовь между вами? Скажите ми кратко: «скажем ти, отче Аввакум, яко Богу: „люблю брата, яко фусточку, себя ж вменяю пред ним, яко онучку"». Оле, чудо! Нашол достояния нашего образ — Христа, превечнаго Бога. Ей, добро так!

Вся бо возносяйся да смирится, а смиряйся вознесется*. Смирение бо побеждает всяк грех, отцы святии, понеж Христос смирил себе, послушлив быв, даже до смерти, смерти же крестней; тем же и Бог его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени*.

Простите, батьки, пошел я к маткам-старикам в кельи. Благословите, преподобныя, небесных красот смотряющи! Како труждаете, со страстьми и похотьми бравшесе, и молящесе о благосостоянии святых Божиих церквах, и о царе Феодоре, и иже с ним, пекущихся о исправлении православныя веры? Рцыти ми, поздорову ли душа и телеса ваша о Христе Иусе: «здрав буди, отец Аввакум, со всеми православными христианы! Мы живем десницею Божию покровени, взирающе на начальника вере и совершителя Иуса*, ходяще в запозедех Божиих оправданиих Господних беспорочно».

Слава Господу Богу! Веселитесь о Господе и радуйтесь, праведнии, хвалитесь вси правии сердцем. Простите и молитесь о мне Бога. Мир вам всем и благословение со гражданы. Повидался с вами.

ПИСЬМО «ОТЦАМ ПОМОРСКИМ»

Отцам в Поморие пишет. Четверокопечная колесница огненного течения, ревнители Илиины, нравы подобящиеся Крестителю, правыми стопами последовали Христу: Саватие и Евфимий, Тимофей со Авксентием, молитесь Бога о нас, грешных! Вы постигаете веры горам, а мы получим веры бедам; вы взываете на бестрастие, а мы погрязнем во глубине страстей; вы со ангелы беседовали, а мы по человеку правились, яко с бесы; вы зрите к небеси, а мы влекущиеся долу. Но надеющиеся на ваши отеческия молитвы, дерзаем со еретики братися до смерти по матери нашей, святей Божией церкви. Аще Бог по нас, кто на мы?* Со Христом и большому волку, хохлатой той собаке, глаза вырву, нежели щенятам. Молитесь только вы о нас, крепко и неослабно, Господа ради, отцы святии. Мне весть неколи плакать: всегда играю со человеки, таже со страстьми и похотьми бьюсь, окаянный. Ведаете и сами: беседы злы тлят обычаи благи*. В нощи что по-соберу, а в день рассыплю,— волен Бог, да и вы со мною. Бью челом вам не всклонно, не презирайте бедную мою злосмрадную душу; молитесь, молитесь о грешней Аввакуме протопопе.

Старец Елифаный, мир дав, благословения вашего отеческаго просит. Еще же коленам вашим касаюся: поминайте в молитвах жену мою бедную и дети и о всем домишку молитесь Христа моего и содетеля всех Бога, да примете от Него себе славы неувядаемый венец*. Паки, паки миром Господу помолимся, Господи помилуй!

Ну, простите, полно говорить. Вы молчите, но и я с вами престану говорить. Мир вам и благословение. Пришлите мне гостинец какой-нибудь: или лошку, или ставец, или ино что. Али у самих нечево нет, бедные батюшки мои? Ну, терпите Христа ради! Ладно так! Я веть богат: рыбы и молока много у меня Христовою благодатию и пречистый Богородицы милостию и всех святых молитвами. Аминь.

ПИСЬМО ИОНЕ И МОИСЕЮ

Краегранесие: Горних ищите, небесныя мудствуйте*. Ей, аминь.

Отцы святии, Иона и Моисей, небесопарнии орли, пустынное воспитание, Троицы вселение, благодати сосуд! Что вас наречем? Святии херувими ли — яко на вас почил есть Христос, серафими ли — яко непрестанно прославили Его, аггелы ли — тела бо отвратистесь? Многа ваша имена, а больша дарования. Молите непрестанно о нас, отцы святии, вас бо утвердил утвержеи ни на чем же землю повелением си.

Отцы святии! Вас утвердил утвержеи гром и зиждаи дух. А я что? Сосуд гнева. Где иду и камо бежу?* Во-истинну, истинно, поистинне, ей-ей, в правду Божию о себе свидетельствую, яко нищ есмь добродетельми,

богат страстьми. Отцы святии! Ничто же преславно богатаго взыскать и славнаго посетить, но се чудно, аще сироту взыщет кто, яко же мене, осиротевша Бога и человек. Ей, нет близ мене дружка, кто бы поправил кривую душу мою, один старец и тот, яко же и аз, пес ловчий, заклепан, да не пужает поганых зверей — волков и льстивых лисиц. Аще и снидемся на мал час, не ведаем, что друг, другу рещи: воспросить или отвещать. Ведаете, мною: Обыдоша ны пси мнози, сонм лукавых одержаша нас*.

Молю вы, грешный п[ротопоп]28, исправляйте недостатки мои молитвами; ин, яко в море утопающу,— весло подай, ин — шест или д[о]ску верзи ми, изряднее же, подщася рукою, извлеши мя из глубины. Аще кто полиет слезы на нозе Иисусовы,— велика ми помощь слеза теплая пред образом царицы небесныя, а иже кто лишен дара сего,— воздохни о мне, грешнике, яко Ануфрий Великий* воздыханием горы поколеба, аще ли ни,— припомяни Господа ради со оглашенными. Что же делать? И мало за велико поставит Бог. Немного и Моисей при мори моляшеся, но токмо возведе горе очи сердечнии, и рече ему Бог: «Моисею, Моисею, что вопиеш ко мне?»

Видите ли, избрании Божий, коль скор Господь просящим у него истинною? Моисей, от фараона угнетаем, молча очи на небо возведе, а Бог свидетельствова и рече5 «Что кричишь Моисей? Ударь жезлом по воде, и будет ти сух путь посреде воды и воды»*. Аще тамо един Моисей неблагодарнаго Израиля 600 000* избави от фараона руки, а здесь вас, уповаю, за Волгою, на родине моей, не един, не два, но яко звезд без числа, вопиющих ко Христу, Сыну Божию, день и ночь.

Всем вам мил ся дею, у всех прошу молитвы. Афонасей Зубов с Лукою Рубашешником*, обойдите со Христом вертепы и пещеры, и рассели горския, и болота, и дебри, иде же витают святии мужие и жены, и отроки, и отроковицы, и испросите мне у всех дара, любезнаго мною, дара честнейшаго, паче солнца и света, глаголю,— молитву. А я с вами29, пред всеми пад, лежу невсклонно. Умилитесь, райстии житилие, богатии — о нищем, свободнии — за пленника. Весь ваш zde и во грядущем. Аминь.

ПИСЬМО «СТАРИЦЕ КАПТЕЛИНЕ»

Старица Каптелина Мелентьевна, Гликерьина дочь! Не ты ли со отцем и с материю жила во дворе моем, девушка? Помнишь, я у вас бывал, возлюбих бо тя паче всех ваших домашних красот? Мать твоя меня подбивает, а ты, утенка маленькая в те поры была, поглядела на меня да воздухнула. Ну, вздыхай же и ныне о мне, да и всем матушкам тем обо мне бей челом: я твой, ты моя.

Миленькая моя чернушечка, как тя назову? Виноград едемский именую тя и Ноев славный ковчег, рай словесный, крин краснопеснивый, голубица нескверная, ластовица сладкоглаголивая*. А как ты

28 В рукописи только буква «п» — в кружке.

29 Исправлено, в рукописи: свеми.

подвизаешься на борителя-врага и душеядца дьявола?

Каптелина, а Каптелина! Люби бесчестие, люби укоренив, досаду, понос и унижение, люби худость ризную, пищу тонкую, неумовение, труды и молитву беспрестанную. Каптелина, а Каптелина! Егда тя обыдут внутренний скимни рыкающе восхитит и испросит у Бога пищу себе*, еже есть бесове и лукавии помыслы, в то время стани крепце лицом душевным пред Господа и воззови: «Боже, за молитв святых отец наших, помилуй мя и горемыки ради, отца моего, радости моя, избави мя ото обышедших мя»,— да лбом о землю. «Заступнице христианом, мати царя вышних сил, заступи мя и избави от сети чюжаго»,— да паки лбом о землю.

Я все так-то деруса с разбойниками теми. Да на левую ту страну и плюну, рекше: «Отступи, неприязнь, и иди тамо, иде же человек не живет, но токмо един Бог призирает. Аз есмь раб грешный Исуса Христа, распята го за нас, обещахся язвы Его носити на себе, а не блудить»*. Да милость Божия бывает, Каптелина, дьяволи те во мне и уснут домашние, сиречь мысли те поганые. А как, Каптелинушка, маленько оплошишь — так беда тогда случается: миршйны захочю или ризами себя украсить, да старое то житие на ум побредет, как з друзьями важиванось: пито, да едено, да плясывано, да и все по тому. И ты, петь, себе внимай: таков весть ум-от мой, таков и твой, не давай ему на колесах тех ездить. Писано есть: Сьюзиме плоти смиряется сердце, ботёюшу сердцу свирепеют помышления*.

Знаешь ли речь ту сию Сирахову? А то говорит, как-де плоть та изнемождает, либо помелешь, или потолчешь, или у сестры заход выпрячешь*, мотылу ту под гору вытаскаешь шолковыми теми руками, так сердце то смирится и звери все спать полягут. А как-де сердцу тому разботеюшу, сиречь обленишься потрудитися, а тому на умишко то кичение прападет, да и одолят тя помыслы лукавый, да и печать наведут, да и тужить станешь о сыне и о матери, и о мирщине восплачеши, и раскаяние на аггельский мнишеский чин, и на окормителя своего вознегодуеши, да и во всю пагубу поринешися со дияволом.

Сего ради Ефрем святой рече: «чернечествуй умови, чернечествуй духови, чернечествуй взору и ступанию, и глаголанию, вопросу и ответу»*, и все по тому. А без благословения окормителя своего не твори дела никакова, всегда поучайся благим, да же злым не поучаешь-ся. Писано: «неокормленнии падают, яко листовие»*. И паки писано: «земля есть делание — естество наше, делатель же — воля, советницы же и учителя наши — святое писание». Слышала ли речение се коротенько да красненько? Ори землю ту, одушевленную свою плоть, изволом добрым, прибегая ко святому писанию, и оттоле черпай живыя воды, напаяюща душа с телесы. Аще кто пиет от источник сих спасенных, не вжаждется во веки.

А иже Каптелине глаголю — всем глаголю Христовы ограды словесных овец, яко вси есте равно сынове и дщери завета и пророк о всех и за вся умре Христос. И апостол рече: «несть иудей, ни еллин, несть раб,

ни свободь, несть мужеский пол, ни женский, но вси едино есть о Христе»*. И сам Господь к саддукеом рече: «в день он, егда воскреснут, ни женятся, ни посягают, но равни аггелом суть»*. Вот какво хорошо! Смесимся в одно стадо с горними силами и мужики, и бабы, и пареньки, и девушки. Во славе велицей и крепцей силе летать станут иноцы яко пернатии, а бельцы, по ним ходяще, последуют в том же нетлении и плоти легцей, могущей по воздуху ездити.

Бабушечки — чернушечки, вонмите глаголемая, тогда бо, тогда нынешний нрав добродетельный во аггела претворит или злый нрав непокоривый в беса претворит. Приклоните уши ваши во глаголемое: не риза спасет, но нрав, не место пустынное, но обычай благий. Слушайте же совета моего к вам, любезным моим: повинуйтеся наставником вашим и покаяйтесь, и яко от уст Божиих заповеданная от них храните*.

Есть во Отечнице* писано: прииде Иван Лествечник во обитель ко Иванну Великому. И рече Великий к Лествечнику: «Хощеши ли да покажу ти раба Божия?» И отвеща Лествечник: «Хощу, честнейший отче». И седше им

ясти за трапезою. Возва Иван Великий ветха деньми и сединами украшена диякона Лаврентия из-за стола: «Гряди семо, Лаврентий!» Он же скоро воспрянув, не ядше, предста у трапезы игуменовы, зря на игумна Иванна, яко на Христа, не смея вопрошити, чего для возва. Иван же с Лествечником беседуя, ничто Лаврентию не рече во весь обед. Егда же отиде стол, посла Иван Лаврентия не ядша ко Исидору осужденному, Железному, повеле псалом 39 изглаголати. Удиви же ся Лествечник таковым сединам послушания. И потом скончася Лаврентий, искипе миро из ног его в показание послушникам, и нетленно яви Бог тело его трудолюбное.

Видите ли, матушки, каковы плоды растут от послушания? Воньми, преже да же избери себе наставницу руководства небесного неблазнену, и егда подклониши главу свою, не моги таити от нея дел своих и помышлений. Аще заповесть ту, что и во мнящихся злых тобою,— должна есми послушати, разве ереси и блуда, и пьянства — вина нерастворенаго,— сего не подобает послушати. А аще и мясо велит, искушая тя, ясти — яждь, аще и спать велит — спи, аще и биет тя — терпи, аще и не кормит — терпи, аще и злословит — молчи, послала — побеге, не велела — возвратись, дала что — приими, отняла — поклонись, да и вся по тому приемли Христа ради заповеданная, без ропоту служа, яко Богу, а не человеку, о Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава и ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Паки всем мир и благословение, чтущим и слушающим. Простите, други мои, светы, о Господе.

ПИСЬМО «ДВУМ ДЕВАМ»

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Раб и посланник Исус Христов волею Божиею и юзник о Госпедо о предании отеческом

п[ротопоп] А[ввакум]³⁰ двум девам, Е[вдокее] и Е[...]³¹, радоватися и здравствовати о Христе.

Слышу я, чада Сионя, о вас, яко странствуете Господа ради, вся, яко уметы, вменисте*, богатство и славу века сего,— добро и благоприятно. Евдокея, Евдокея, почто гордаго беса не отринешь от себя? Высокие науки и[с]чешь, от нея же падают Богом неокормлени, яко листвие. Что успе Платону и Пифагору и Демостену со Аристотелем?* Коловратное течение тварное разумеюще, от ада не избывше.

Дурька, дурька, дурищо! На что тебе, вороне, высокие хоромы? Граматику и риторику Васильев, и Златоустов, и Афанасьев* разум обдержал. К тому же и диалектик, и философию, и что потребно,— то в церковь взяли, а что непотребно,— то под гору лопатою сбросили. А ты кто, чадь немощная? И себе имени не знаешь, нежели богословия оттоле составляти. Аи, девка! Нет, полно, меня при тебе близко, я бы тебе ощипал волосье за граматику ту.

Есть, госпоже моя, Ефрем Сирийский пишет, Слово 3: «может бо духовно слово добре живущих верою без граматик и риторик препрети»*. Вера есть мати всякому делу благу. Не прелагаю пределы, яже положиша отцы, и держи преданное неизменно*.

Креститися подобает, якоже прияхом, веровати же,— яко крестихомся*.

А то возвони во уши твои, сопостат, священство упражняешь*, да и таинство,

люторски и кальвински. Забрела ты, друг, во глубину зол. Воспрями! Понеже ни сам диявол упразднити может священнотаинства, нежели антихрист с чадю. Рече учеником своим владыка: «аз есмь с вами до скончания века*. Аминь». Глава наша Христос, царь и архиерей сый, коли устав упразднити попустит? Не блазнися, чадо! Аще изгнано будет священство, но не до конца погибнет. Ну, простите.

«О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ»

Месяца ноября во второй день сказание отчасти доблести, и мужестве, и изящном страдании, терпении свидетельство благоверных княгини Феодосии Прокофьевны Морозовы и преподобномученицы, нареченныя во инокинях схимницы Феодоры.

О трех исповедницах слово плачевное. В лето...¹ быша три исповедницы, жены — боярони: глебовская жена Ивановича Морозова Феодосья Прокопьевна, во инокинях Феодора-схимница, и сестра ей бе, нарицаемая княгиня Урусова, Евдокея Прокопьевна, с ними же дворянская жена Акинфея Ивановича Данилова Мария Герасимовна. Беша

30 В рукописи только буквы П и А под титлами.

31 В рукописи только две буквы Е под титлами; упоминается далее: Евдокея.

1 В рукописи далее почти две строчки выскоблены; с трудом можно прочесть во второй строке: отступника христианского.

бо Феодосья и Евдокея дщери мне духовныя, иместа бо от юности житие имя одной из «дев» воздержное и на всяк день пение церковное и келейное правило.

Прилежаще бо Феодосья и книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостальских. Бысть же жена веселообразная и любовная. Многими дньми со мною беседующе и рассуждающе о душевном спасении. От уст бо ея аз, грешный протопоп, яко меда насыщашеся. Глаголаше бо благообразная ко мне словеса утешительная, ношаше бо на себе тайно под ризами власяницу белых власов вязеную, безрукавую, да же не познают человецы внешний. И, таящися, глаголюще: «не люблю я, батюшко, егда кто осмотрит на мне. Уразумела-де на мне сноха моя, Анна Ильична*, борисовская жена Ивановича Морозова. И аз-де, батюшко, ту волосяницу искинула, да потаемне тое сделала. Благослови-де до смерти носить. Вдова-де ; я молодая после мужа своего, государя, осталася, пу-скай-де тело свое умучю постом, и жажду и прочим оскорблением. И в девках-то, батюшко, любила Богу молитися, кольми же во вдовах подобает прилежати о души, вещи бессмертней, вся-де века сег[о] суета тленна и временна, преходит бо мир сей и слава его. Едина-де мне печаль: сын Иван Глебович молод бе, токмо лет в четырнатцеть; аще бы ево женила, тогда бы и, вся презрев, в тихое пристанище уклонила». О свет моя, чево искала, то и получила от Христа! Бысть же в дому ея имения на двесте тысяч или на полтретьи, и христианства за нею осмь тысящей, рабов и рабыней сто не одно, близость под царицею — в четвертых боярнях. Печаше бо ся о домовном рассуждении и о христианском исправлении, мало сна приимаше и на правило упражняшеся, прилежаще бо в нощи коленному преклонению. И слезы в молитве, яко струи, исхождаху изо очей ея. Пред очима человечесима ляжет почивати на перинах мяхких под покрывалы драгоценными, тайно же снидет на рогозину и, мало уснув, по обычаю исправляше правило. В банях бо тело свое не парила, токмо месячную нужду омываше водою теплою. Ризы же ношаше в доми с заплатами и вшами исполненны, и пряслице прилежаще, нитки делая. Бывало, сию с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать. И нитки— свои труды — ночью по улицам побредет, да нищим дает. А иное рубах нашьет и делит. А иное денег мешок возьмет и роздаст сама, ходя по кресцам, треть бо имения своего нищим отдая. Подробну же добродетели ея не достанет ми лето повествовати, сосуд избранный видеша очи мои.

Бысть же в Петров день пожар великий в Москве, и приближающая огонь ко двору ея; аз бо замедлив в дому Анны Петровны Милославские*, добра же ко мне покойница была. Егда бо приидох к Феодосье в дом, и двое нас, отшед, тайно молебствовали, быша бо слезы от очию ея, яко река, воздыхание бо утробы ея, яко пучина морская колебашеся, глас же

тонкий изо уст ея гортанный исхождаше, яко ангельский: «увы! — глаголаше,— Боже, милостив буди мне, грешнице!» И поразится о мост каменной, яко изверг некий, плакавше. Чюдно бе видимое: отвратило пламя огненное от дому ея, усрамився молитвы ея сокрушенныя. Обыде и пожже вся окрест дому ея, а за молитв ея и прочих не вредило тут. Аз же тому бысть самовидец сам, и паче слуха видения: моя молитва при ней, яко дым, ея же изо уст, яко пламя, восхождаше на небо. Еще ж она, блаженная вдова, имел пред враты своими нища клосна и расслабленна. Устроили ему келейцу, и верная ея Анна Амосова покоила его, яко матери чадо свое, и гнойные его ризы измываху, и облачаху в понявы мяхкие. Сама же по вся нощи от него благословение приемлюще, рабыня же не отлучашеся от нищаго по вся времена.

Егда же рассвирепела буря никониянская и сослала меня паки с Москвы на Мезень* во отоки акиянския, она же, Феодосья, прилежаше о благочестии и бравшеся с еретики мужественно, собираше бо други моя тайно в келью к преждереченному нищему Феодоту Стефанову и писавше выписки на ересь никониянскую, готовляше бо ожидающе собора праваго. И уразумевше бо сродники ея Ртищевы, и наустиша холопей ея воровским умыслом, и оклеветшут ю ко царю. Царь же, лаская ея, присылал к ней ближних своих Иякима* архимарита, патрарха нынешняго, развращая ея от правоверия. Она же глагола мужественно: «аще-де и умру, не предам благоверия! Издетска бо обыкла почитать Сына Божия и Богородицу, и слагаю персты по преданию святых отец и книги держю старыя, нововводная же ваши вся отmeshу и проклиною вся! Аще-де вера наша старая неправда суть, но яко же есть права и истинна, яко солнце на поднебесной блещашеся. Скажите ц[арю] А[лексею]: «почто-де отец твой, царь Михайло так веровал, яко же и мы? Аще я достойна озлоблению,— извергни тело отцово из гроба и передай его, проклявше, псом на снеть. Я-де и тогда не послушаю». Посланницы же возвратишася вспять и поведавше царю, яже от нея слышавше. Он же повеле ей с двора не съезжать и отнял лутчие вотчины — две тысящи христиан. А холопи в приказе клеветшут на ню, яко блудит и робят родит, и со осужденным Аввакумом водится. Он-де ея научил противитися царю.

Потом приехал в дом ней сродник ея, Феодор Ртищев, шиш антихристов, и, лаская, глаголаше: «сестрица, потешь царя тово и перекрестися тремя перстами, и втайне, как хочешь, так и твори. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя». Она же смалодушничала, обещалася трема персты перекреститися. Царь же на радостях повеле ей вся отдать. Она же по приятии трех перст разболевся болезнию и дни с три бысть вне ума и расслабленна. Та же образумяся, прокляла паки ересь никониянскую и перекрестилася истинным святым сложением, и оздравела, и паки утвердилася крепче и перваго.

Та же паки меня с Мезени взяли, протопопа Аввакума. Аз же, приехав, отай с нею две нощи сидел, несытно говорили, како постражем за истинну, и аще и смерть приемем — друг друга не выдадим. Потом

пришел я в церковь соборную и ста пред митрополитом Павликом, показуяся, яко самовольне на муку приидох. Феодосья же о мне моляшеся, да даст ми ся слово ко отверзению устом моим. Аз же за молитв ея пылко говорю, яко дивитися и ужасатися врагом Божиим и нашим наветникам. И так и сяк, сослали меня в Боровеск, в Пафнутьев монастырь. Она же за мною прислала ми потребная. И, держав мя десять недель, паки возвратили в Москву. Она же со мною не видалась, но приказывала: «ведаю-де я, хотят тебя стричь и проклинать. Обличай-де их с дерзновением. На соборище том-де я буду и сама». И я таки, бедной, за молитв ея столько напел, сколько было надобе. Потом сослали на Угрешу меня за крепостию велиею. Она же и туде потребная присылаше ми. Потом перевезли паки в Пафнутьев монастырь. Она же потребная присылаше ми и грамотки. Потом паки мя в Москву ввезли. Она же, яко Фекла Павла ищущи,— увы мне, окаянному!— и обрете мя, притече во юзилище ко мне, и по многим времянам беседовахом. И иных о собою привождаше, утверждая на подвиги. И всех их исповедал во юзилище: ея и Евдокею, и Иванушка, и Анну, и Неонилу, и Феодора, и святого комканя сподобил их. Она же в пять недель мало не всегда жила у меня, словом Божиим укреплялся. Иногда и обедали о Евдокею со мною во юзилище, утешая меня, яко изверга.

Егда же я взят бысть палестинскими, и переселища рля на горы Воробьевы с Лазарем и со старцем Епифанием, и бысть крепко там, и невозможно видеться. Она дке умыслила чином, по-боярскому в коретах ездила, бытто смотрит пустыни Никоновы, и, назад поедучи, заехала на Воробьевы ко мне и, будучи против избы, где меня держат, из кореты кричит, едучи: «благослови, благослови!» А сама бытто смеется, а слезы текут. Потом же так и сяк, ввезли мя паки в Москву на подворье Никольское. Она же по много прихождаше ко вратом 'двора того и стерегущим воином моляшеся, насилу обретала такова сотника, яко пустил на двор ея. Она же, прибежав к окну моему, благодарит Христа, яко сподобил Бог видетися, и денег мне на братью дала. Да паки, ко вратом приходя, плакивала. Да и только видания.

Потом меня в Пустозерье свезли, и писанием возвещахуся. Она же после меня бродила по юзилищам, идеже мучатся мученики. Потом тайно и постриглась, видевшя, яко зверь ища конца ея. Егда же время приспе, женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприемше, и на муки пошла, Христа ради мучится. Зверь бо, яко лукавый лис, восхитил ю из дому и предал за приставство воинству, бесчестя и волоча на чепях, яко льва оковану. И сестру ея Евдокею и княги[н]ю так же, мучиша обеих на чепях без милосердия. К ним же последи присовокупища и Марию Герасимовну, и бысть троица святая, непорочная.

По смотрению же Божию скоро преставися Феодосьин сын едиnorodный, Иван Глебович, и вся вотчины и домовная быша в разграблении. Она же вся, яко уметы, вменила ради Сына Божия. У Евдокеи же княгини преставися дочь во время ея мучения. И еще трое

деточек осталось со отцем своим, с князь Петром Урусовым. Писала из своея темницы в темницу ко мне, зело о них печаловаше, еже бы во православии скончались. Токмо въздыхает и охает: «ох, батюшко, ох, свет мой! Помолись о детушках моих, ничтоже мя так, якоже дети, крушат. Помолись, свет! Помолись, батюшко!» Да тож, да тож одно говорит — целой столбец, и другая целой же столбец, и третья тако же. Ковыряли руками своими последнее покаяние, и рукава прислали рабам своим от чепей с ошейников железом истертые, а с Марьины шеи полотенцо железное же. Аз же, яко дар освящен, восприях и облобызах, кадиллом кадя, яко драго сокровище, покропляя слезами горькими.

Егда же оне быша в Москве, тогда и на соборище водили их. Говорит мне: «в сей рубахе была, батюшко, на соборе я, и по многом прении последним запечатала! «все-де вы еретики, власти, от перваго и до последняго! Разделите между собою глаголы моя!» Тако же и Евдокея и Мария, не яко жены, но яко мужие, обличиша безбожнаго иудеянина. И быша все три на пытке пытаны, и руки ломаны, Мария же и по хрепту биена бысть немилостиво. И приступи к ним, вопрошая, верной Ларион, Иванов сын: «еще ли веруете во Христа распятаго, и како персты слагаете, покажите ми!» Оне же единеми усты все трое исповедаху: «за отческое готовы умерети! Аще и умрем, не предадим благоверия! Отъята буди рука наша, да вечно ликовствует, такоже и нога, да по царствии веселится, аще же и глава, да венцы вечными увяземся, аще и все тело огню предашь, и мы хлеб сладок святей Троицы испечемся». Та же свезоша их в Боровеск на мое отечество, на место мученое, иде же святии мучатся, и устроиша...2

...звезда утренняя, зело рано воссияющая! Увы, увы, чада моя прелюбезная! Увы, други моя сердечная! Кто подобен вам на сем свете, разве в будущем святии ангели! Увы, светы мои, кому уподоблю вас? Подобии есте магниту камению, влекушу к естеству своему всяко железное. Тако же и вы своим страданием влекуще всяку душу железную в древнее православие. Искуше трава, и цвет ея отпаде, глагол же Господень пребывает во веки. Увы мне, увы мне, печаль и радость моя осажденная, три камня в небо церковное и на поднебесной блещашесь! Аще телеса ваша и обещечена, но душа ваша в лоне Авраама, и Исаака, и Иякова.

Увы мне, осиротевшему! Оставиша мя чада зверям на снадение! Молите милостиваго Бога, да и меня не лишит части избранных своих! Увы, детоньки, скончавшиися в преисподних земли! Яко Давид вопию о Сауле царе: горы Гельвульския, пролившия кровь любимых моих, да не снидет на вас дождь, ниже излиется роса небесная, ниже воспет на вас птица воздушная, яко по-жерли телеса моих возлюбленных! Увы, светы мои, зерна пшеничная, зашедший под землю, яко в весну прозябшия, на

* Здесь, очевидно, утрачена часть текста.

воскресение светло узрящу вас! Кто даст главе моей воду и источник слез, да плачу другое моих? Увы, увy, чада моя! Никтоже смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная, бездушна, мертва, уязвенна, поношеньми стреляема, паче же и рогожи оберченна!* Увы, увy, птенцы мои, вижду ваша уста безгласна! Целую вы, к себе приложивши, плачущи и облобызающи! Не терплю, чада, бездушных вас видети, очи ваши угаснувший в дольних земли, их же прежде зрях, яко красны добротою сияюща, ныне же очи ваши смежены, и устне недвижимы.

Оле, чудо! о преславное! Ужаснися небо, и да подвижатся основания земли! Се убо три юницы непорочныя в мертвых вменяются, и в бесчестном худом гробе полагаются, им же весь мир не точен бысть. Соберитесь, рустии сынове, соберитесь девы и матери, рыдайте горце и плачите со мною вкупе другое моих соборным плачем и воскликнем ко Господу: «милостив буди нам, Господи! Приими от нас отшедших к тебе сих души раб своих, пожерших телеса их псами колитвенными! Милостив буди нам, Господи! Упокой душа их в недрах Авраама, и Исаака, и Иякова! И учини духи их, иде же присещает свет лица твоего! Видя виждь, Владыко, смерти их нужныя и напрасныя и безгодныя! Воздаждь врагом нашим по делом их и по лукавству начинания их! С пророком вопию: воздаждь воздаяние их им, разориши их, и не созиждеши их! Благословен буди, Господи, во веки, аминь».

КОММЕНТАРИЙ

Эта книга знакомит читателей с литературным наследством выдающегося русского писателя второй половины XVII в. — протопопа Аввакума. Кроме знаменитого автобиографического «Жития», в настоящем издании печатаются важнейшие его сочинения различных жанров: челобитные, послания, письма, беседы, толкования, в том числе сочинения, найденные в результате многолетних разысканий советских ученых и прежде всего В. И. Малышева. Книга подготовлена к печати на основе издания «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения» (под общей редакцией Н. К. Гудзия. М., ГИХЛ, 1960), ставшего библиографической редкостью. Однако в отличие от этого издания в книге несколько изменен состав публикуемых произведений: не переиздается Приложение — Прянишниковский список «Жития», дополнен раздел писем за счет вновь найденных текстов, публиковавшихся только в специальных научных изданиях. Кроме того, в книге частично переработан и заново выверен комментарий к сочинениям Аввакума. В настоящем научно-популярном издании сохранены правила публикации текстов издания 1960 г. Буквы славянского (кирилловского) алфавита, вышедшие из употребления, заменены современными, титла раскрываются и не воспроизводятся, выносные буквы вносятся в строку, причем выносное т в окончаниях инфинитивов и выносное с в окончаниях возвратных глаголов и деепричастий передаются как -ть и -сь (женить, сбесясь), при выносном с в глаголах 2-го лица настоящего времени также используется ь (боисья), выносные частицы ж и б вносятся в строку без дополнения их (того ж). Особенности орфографии оригинала сохраняются за следующими исключениями: ъ, ь и и употребляются в соответствии с правилами современной орфографии (вместо больше, Петрович — больше, Петрович и т. п.); в целях облегчения восприятия текста современным читателем не сохраняются фонетические написания в предлогах и приставках, а также обозначение начальной йотированной гласной (вместо к Казанской, вделал, не-йдет — к Казанской, сделал, не идет). Явные опiski исправляются. Под строкой оговариваются исправления, меняющие смысл того или иного слова. Все интерполяции издателей, предположительные чтения дефектных мест взяты в квадратные скобки, слова Епифания — в угловые. Заглавия текстов (или их разделов), имеющиеся в рукописях, а также «надписания» писцов («Список с грамотки» и т. п.) заключены в кавычки и отделены от основного текста. Цитаты, приводимые Аввакумом, печатаются в кавычках, скрытые цитаты курсивом. В комментарии цитаты поясняются указаниями на их источники для учета круга чтения Аввакума.

Принципы комментирования материала определяются необходимостью реального объяснения упоминаемых Аввакумом исторических фактов, событий, лиц, географических названий, а также

некоторых его высказываний. Такие объяснения, как правило, даются при первом упоминании того или иного факта или имени.

Текст «Жития» подготовлен к печати В. Е. Гусевым. Комментарий к тексту памятника воспроизводит комментарий Н. К. Гудзия в издании 1960 г. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения»; он дополнен и отредактирован Н. С. Демковой (ее дополнения отмечены предваряющей их звездочкой, а в случае необходимости звездочкой отмечается и конец дополнения).

Статьи из «Книги бесед», «Книги толкований», «Книги обличений», а также «Списание и собрание о Божестве и о твари и како созда Бог человека» подготовлены к печати и прокомментированы А. С. Елеонской. «Совет святым отцем преподобным», послание «чадом церковным» о дьяконе Федоре, «О трех исповедницах слово плачевное» подготовлены к печати А. И. Мазуниным (последний памятник прокомментирован им же). Тексты челобитных, посланий и писем подготовлены к печати и прокомментированы Н. С. Демковой. Ею же осуществлена общая редакция комментариев к остальным сочинениям Аввакума. Словарь составлен В. И. Кодуховым.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Текст «Жития» печатается по автографу (Рукописный отдел БАН, собр. Дружинина, № 746), Кроме основного текста (так называемой редакции А) в подстрочных сносках даются некоторые варианты и дополнения по двум другим редакциям «Жития»: автографу редакции В, опубликованному в «Пустозерском сборнике», и одному из дошедших до нас позднейших списков редакции Б, опубликованному в книге «Русская историческая библиотека», т. 39 (Памятники истории старообрядчества XVII в.), Л., 1927. Приводятся не все варианты, а лишь представляющие литературный интерес.

Основной текст «Жития» заново сверен с автографом, при этом учтены некоторые новейшие прочтения памятника (А. Н. Робинсон, Н. С. Демкова). Сохраняющиеся различия в публикациях текста объясняются, во-первых, тем, что в некоторых случаях нами предлагаются иные прочтения спорных мест, и, во-вторых, тем, что исправляются ошибки и опечатки в издании автографа в книге «Жизнеописания Аввакума и Епифания» (М., 1963).

При чтении текста следует иметь в виду, что ударения в словах, проставленные в автографе, не всегда совпадают с современными. Не отмечая многочисленные, закономерно повторяющиеся несовпадения (в именах, например Аввакум, Пашков, Струна; в деепричастиях, например бегающй, едучй и т. п.; в творительном падеже множественного числа существительных, например бесами, и др.), являющиеся, как правило, отражением норм древнерусского языка, мы воспроизводим ударения лишь в тех случаях, когда они имеют смысловое значение (например,

воздух) или важны для правильного восприятия особенностей речи Аввакума.

Исправления Епифания в тексте «Жития» Аввакума оговариваются под строкой, но не вводятся в основной текст. Там, где это необходимо, аутентичность и неслучайность аввакумовского написания, исправленного Епифанием, подтверждается ссылкой на автограф редакции В.

В некоторых случаях мы отступаем от пунктуации, предложенной в названных изданиях «Жития», и сохраняем пунктуацию, принятую в издании «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения».

При подготовке текста с благодарностью принималась текстологическая консультация Н. С. Демковой.

В. Гусев

Стр. 10. * Епифаний — инок Соловецкого монастыря, один из видных деятелей и писателей раннего старообрядчества, духовный отец Аввакума в пустозерской ссылке, также заключенный в земляную тюрьму и сожженный вместе с Аввакумом 14 апреля 1682 г. Епифаний ушел из Соловецкого монастыря в 1657 г., не приняв никоновской реформы, и долгое время жил отшельником в разных скитах в Поморье, где написал большую «книгу» (по-видимому в 1665—1666 гг.), не дошедшую до нас, обличающую никоновскую реформу и ее сторонников. В 1666 г. Епифаний принес «книгу» в Москву с целью публичного обличения «никониан», был арестован и осужден церковным собором 1666—1667 гг., казнен «урезанием языка» и сослан вместе с Аввакумом в Пустозерск. Автобиографии чешское «Житие» Епифания, написанное им в пустозерской земляной тюрьме, в рукописях непосредственно продолжает «Житие» Аввакума. О Епифании и его отношениях с Аввакумом см.: Робинсон, стр. 47—86; издание текста «Жития» Епифания — там же, стр. 179—202.

* Всесвятая Троице... возглаголю... — Аввакум начинает «Житие» словами молитвы, хорошо известной его современникам, несколько сокращая и видоизменяя ее текст для более осмысленной связи с дальнейшим (см.: Псалтирь. М., 1648, л. 17—17 об., и другие издания).

* ...Дионисия Ареопагита «О божественных именах»... — Именем Дионисия Ареопагита, по преданию — ученика апостола Павла и первого афинского епископа (краткие известия о нем имеются в Деяниях апостолов, XXVII, 34, и в его апокрифическом «Житии»), обозначался автор четырех трактатов и десяти писем, пользовавшихся огромным авторитетом в богословской практике средневековой церкви, как западной, так и восточной. В новое время доказана мифичность личности Дионисия Ареопагита, и сочинения с его именем, носящие явные следы влияния неоплатонизма, с этих пор приписываются автору, жившему в конце V или в начале VI в. Они известны в нескольких старинных славянских и русских переводах с греческого, начиная с XIV в. Здесь и далее Аввакум имеет в виду трактат псевдо-Дионисия Ареопагита «Об именах Божиих», представляющий собой извлечение из сочинения

неоплатоника V в. Прокла, распространявшийся на Руси как в отдельных рукописях, так и в составе монументального теологического и литературного свода XVI в.— в Великих Минеях Четых митрополита Макария (см. приводимые далее Аввакумом цитаты: ВМЧ, октябрь, дни 1—3. Издание Археографической комиссии. СПб., 1870, стб. 399—400, 557, i 562, 564).

* О патриархе Никоне, Павле Крутицком, Иларионе Рязанском, Макарии Антиохийском, Паисии Александрийском см. прим. к стр. 15, 47, 55, 66.

Стр. 11

* Алексей — личность этого последователя и «доброхота» Аввакума, которому был отправлен автограф «Жития», не установлена; из послания Аввакума к нему явствует, что Алексей — глава большой семьи и, по-видимому, наставник в общине. Известно, что в Пустозерске был дом «брата Алексия», где пустозерские узники (до заключения в земляную тюрьму в апреле 1670 г.) могли иногда встречаться и переписывать свои сочинения, однако нет никаких данных, которые позволили бы отождествить Алексея-пустозерца и адресата «Жития Аввакума» (см.: Демкова, стр. 32).

* ...книга живота вечного.— Так Аввакум называет свое «Житие».

* Еще же да будет... свыше...—Ср.: Книга Бытия, XXVII, 28, 29, 39.

* ...да ясте ветхая... израните...—Ср.: Левит, XXVI, 10. * ...житие свое... пятьдесят пяти годов.— Обращение Аввакума к читателям «Жития» датируется 1675 г.

* Авва Дарофей... лист 49...— Авва (древнееврейск. «отец») — обычное в византийской традиции почтительное добавление к имени инока и настоятеля монастыря. Дарофей (ум. 620) — Сирийский монах, аскет, настоятель созданного им монастыря и автор многочисленных поучений, обращенных к монашеской братии, популярных в восточном христианстве. В 1652 г. книга «Поучения аввы Дарофея» издана в Москве и была хорошо известна Аввакуму. Однако точность отсылки Аввакума кажущаяся: на указанном месте нет «понуждения» Дарофея, на которое ссылается Аввакум.

* Мы же... исповедаем... истинного и животворящаго...— Здесь Аввакум протестует против исключения в новоисправленных при Никоне книгах слова «истиннаго» в символе веры.

* ...ищитати беги небесныя...— То есть следить за движением небесных светил, заниматься астрономией или астрологией.

* ...вся сия вмених быти яка уметы.— Ср.: Послание ап. Павла к филиппийцам, III, 8.

* К Тимофею пишет в книге своей... да понимает.— Все сочинения, приписываемые Дионисию Ареопагиту, адресованы Иоанну Богослову, а также апостольским ученикам — Титу, Тимофею, Поликарпу и др.

* Этот текст не найден в сочинениях псевдо-Дионисия — ни в славянских, ни в греческих списках.

* Чти Апостол, 275.— Аввакум здесь отсылает ко второму Посланию ап. Павла к фессалоникийцам, II, 10—12.

* ...в Солнечном граде...— В Гелиополе. «Солнечный град» — славянский перевод греческого названия древнеегипетского города Гелиополя (31 км к северу от Каира), где, по преданию, Дионисий Ареопагит со своим учеником находился во время распятия Христа (см.: Робинсон, стр. 211—212).

* ...солнце во тьму преложися... черным видом.— Ср.: Книга Иоиля, 11, 10, 31.

Стр. 12

* Той же Дионисий... закрывает солнце.— Источник фрагмента не найден. Возможно, это оригинальное осмысление Аввакумом текста послания псевдо-Дионисия Поликарпу, в котором объяснялась необычность затмения, случившегося, по евангельской легенде, в день распятия Христа (см.: ВМЧ, стб. 746, 749).

*...солнце затмилось в 162 году, пред мором за месяц или меньше.— Речь идет о солнечном затмении 2 августа 1654 г. во время эпидемии чумы (цифра 162 сокращенно обозначает 7162 г. По летосчислению от «сотворения мира»; для перевода старого летосчисления на современное нужно вычитать из даты от «сотворения мира» цифру 5508). Ниже Аввакум так же ошибочно приурочивает это затмение ко времени «недели за две до Петрова дня» (29 июня), то есть к середине июня.

* По-видимому, это не ошибки памяти Аввакума, а нарочитое «стяжение» времени, так как он ставит оба события в непосредственную связь с реформами патриарха Никона, вызвавшими, по мнению Аввакума, эти бедствия.

* ...Симеон Сибирской...— Архиепископ Сибирский и Тобольский (с 1651 г.), сочувствовавший старообрядцам, земляк Аввакума, неоднократно помогавший ему во время сибирской ссылки.

* ...в то время Никон... зело мор велик был...— Начало реформаторской деятельности патриарха Никона (1605—1681), положившей основание расколу, относится к весне 1653 г. Опустошительная моровая язва (чума) свирепствовала в Москве и во многих других местах России во вторую половину 1654 г. 25 августа этого года, в связи с мором, произошло в Москве народное возмущение, направленное против Никона как реформатора.

* ...Бог изляял фиал гнева... на Рискую землю.— Ср.: Апокалипсис, XVI, 1. Потом... тьма бысть... проклинав, бросили.— Второе солнечное затмение, упоминаемое Аввакумом, было не через четырнадцать, а через двенадцать лет, 22 июня 1666 г. За месяц с небольшим до этого, 13 мая 1666 г., Аввакум был расстрижен и вместе с попом Никитой и дьяконом Федором увезен в Никольский монастырь на Угрешу, близ Москвы.

* Той же Дионисий пишет... там пространно уразумеешь.— О солнечном знамении у палестинского города Гаваона при Иисусе Навине см. в Книге Иисуса Навина, X, 12—13; о «знамении» при царе Езекии — * в

Четвертой книге Царств, XX, 8—И. В комментариях к книге псевдо-Дионисия эти же сюжеты излагаются кратко (см.: ВМЧ, стб. 744).

* Он же Дионисий пишет в небесных силах...— В трактате «О небесной иерархии» (см.: ВМЧ, стб. 315—342).

* ...благословенна... Господня! — Ср.: Книга пророка Иезекииля, III, 12.

*...сия Троица... тричисленно и сие воспевание.— Аввакум защищает дониконовскую формулу славословия: «аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» — протестуя против нововведенного на соборе 1666—1667 гг.: «аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» — на том основании, что «ангельская речь» «аллилуйя» на «человеческой речи» именно и значит «слава тебе, Боже» и никоновское прибавление лишнего «аллилуйя», таким образом, учетверяет славословие, долженствующее по традиции быть тройным.

* Алфавит (или Азбуковник)—особый тип толкового словаря, распространенный в греческой и славянской средневековой письменности, содержащий наряду со сведениями о значении слов краткую характеристику различных понятий, предметов, явлений.

* Григорий Нисский (335—394) и его старший брат Василий Великий (329—378) — популярные в восточном христианстве «отцы церкви».

Стр. 13

* «свят, свят... славы его!» — Из книги пророка Исаии, VI, 3.

* Пространно пречистая Богородица... и от Сына исхождение. являют... — Аввакум имеет здесь в виду житие Ефросина Псковского (ум. 1481), написанное в 1547 г. его учеником Василием. По словам Василия, тайна «аллилуйя» была открыта Богородицей, явившейся к нему во сне и повелевшей «двоить» «аллилуйя» (см.: Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 4. СПб., 1862, стр. 104—106). На основании этого сообщения Василия сугубая «аллилуйя» утверждена была Стоглавым собором 1551 г., который «трегубую» «аллилуйя» постановил считать «латынской ересью». В «латинстве» Аввакум обвиняет никониан и далее: католический символ веры утверждает «исхождение Духа» не только от «Отца», как утверждает православный символ веры, но и от «Сына».

Стр. 14.

* Афананий Великий рече... по вышереченному Афанасию.— Излагая в начале «Жития» свое исповедание веры, Аввакум цитирует и пересказывает авторитетнейшие для православной церкви тексты «отцов церкви» III—V вв., интерпретаторов основ христианской догматики, хорошо известные его современникам: «Исповедание веры» Афанасия Александрийского, «Изложение вкратце о вере» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского, «Маргарит» («Жемчужины») Иоанна Златоуста (см.: Собрание краткия науки о артикулах веры. М., 1649, л. 2—5 об.; Маргарит. М., 1641, л. 476—476 об.).

* Сице аз... умираю.— Слова Аввакума, заключающие вступление к «Житию», напоминают заключение его письма церковным властям, которое Аввакум подал 5 августа 1667 г. (см.: Материалы, II, стр. 23; Робинсон, стр. 216); по-видимому, текст вероисповедного и полемического вступления к «Житию» является отражением основных положений речи Аввакума на соборе 1667 г., когда он, по его словам, «посрамил» «римские» заблуждения властей Дионисием Ареопагитом.

* Рождение же мое... Григорове.— Григорово — ныне село Большемурашкинского района Горьковской области. Кудма — правый приток Волги.

* Год рождения Аввакума — 1620 или 1621.

* Анастасия — жена Аввакума Анастасия Марковна (1624—1710). Особая редакция «Жития» (Прянишниковский список) сообщает дополнительные данные о женитьбе Аввакума: «Мати же изволила меня женить семнадцати лет, жену мне привела четырнадцати лет» (см.: Житие, 1960, стр. 310).

* Аз же от изгнания преселихся во ино место.— Из Григорова, где Аввакум не поладил со своими односельчанами (причины неладов неизвестны), он переселился в село Лопатищи Нижегородского края, где и начал свое священнослужение.

* Рукоположен во дьяконы... имею священство.— Следовательно, в дьяконы Аввакум был рукоположен в 1642 г., в священники — в 1644 г., поставлен в протопопы — в 1652 г.

* С 1642 по 1652 г. Аввакум прожил в Лопатищах. Протопопом он был назначен в Юрьевец-Повольский, ныне город Ивановской области.

* А егда в попах был... с полтретьяцеть.— Аввакум определяет количество лет своей проповеднической и учительской деятельности приблизительной цифрой — двадцать пять («с полтретьяцеть»), начиная отсчет ее примерно с 1647 г.

Стр. 15

*обьяша мя болезни... и болезнь обретох» — из Псалтири, СХVI, 3—4.

Стр. 16

* В то же время... в земле закопан.— Речь идет о втором сыне Аввакума, которому в 1653 г. было пять лет (см. стр. 41). Следовательно, он родился в 1648 г. О том, что жена Аввакума и двое его сыновей, Иван и Прокопий, посажены в земляную тюрьму на Мезени, подробно речь идет в «Житии» (см. стр. 49).

* По другим данным, Прокопий родился в 1647 г.: именно в 1647 г., уже после возвращения Аввакума из Москвы в Лопатищи, произошла его встреча с В. П. Шереметевым.

* ...я со же Филипп каженика древле.— Аввакум имеет здесь в виду эпизод крещения в пути, у воды, апостолом Филиппом евнуха-эфиопа, рассказанный в Деяниях апостолов, VI И, 27-38.

* ...к духовнику... Стефану а к Неронову... Иванну.— Стефан Вонифатьев (ум. 1656)—с 1645 или 1646 г. протопоп московского

Благовещенского собора, царский духовник, глава кружка «ревнителей благочестия», влиятельнейшее лицо в церковных делах того времени; Иван Неронов (1591—1670)—с 1646 или 1647 г. протопоп московского Казанского собора, затем инок с именем Григорий; в пору о которой идет речь, после Вонифатьева — второй по степени влиятельности член кружка «ревнителей благочестия».

* Приидоша в село мое... о[т]пустил в поле.— Борьба церкви и государства со скоморошскими потехами и «бесовскими игрищами», проходящая через всю историю старой Руси, особенно усилилась в середине XVII в. по почину кружка «ревнителей благочестия». В 1648 г. было издано специальное распоряжение царя, разосланное по городам воеводам и запрещавшее, под угрозой батагов и даже ссылки в окраинные города, всякие затеи скоморохов с домрами, гуслиями, волынками, медвежьими плясками. К этому добавлялось: «а где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие чудесные бесовские сосуды, и те бы вынимать и, изломав, жечь».

* ...Василей Петрович Шереметев, плавучи Волгою в Казань...— Боярин В. П. Шереметев (ум. 1659) отправился из Москвы на воеводство в Казань в конце июля или в начале августа 1648 г. Таким образом, Аввакум, впервые бежавший в Москву в первой половине 1648 г., летом уже был снова в Лопатицах, где и произошла его встреча с Шереметевым.

* По новым данным, поездка В. П. Шереметева была в 1647 г., в сентябре он проезжал мимо Лопатиц, тогда и произошла описанная Аввакумом встреча (см.: Робинсон, стр. 223).

* ...благословить сына... блудолюбный образ.— Мода брить бороду пришла на Русь с Запада в XVI в. Тогдашние церковные деятели, особенно митрополит Даниил, энергично боролись в своих проповедях с этим новшеством, по мотивам главным образом нравственного характера: бритье бороды тогда имело эротический привкус и стояло в связи с довольно распространенным пороком мужеложества. Ревнители старины, в частности Аввакум, говоря о «блудолюбном образе» молодого Шереметева, исходили из тех же оснований, что и проповедники XVI в.

* ...у царя на сенях со мною прощались...— То есть просили прощения. В Московской Руси было в обычае приближенным царя собираться почти ежедневно в царских сенях.

* ...брату моему меньшому... дочь духовная была.— Речь идет о брате Аввакума, попе Евфимии Петрове.

Стр. 17

* ...Господи, изведый мя из чрева матери моя... устроил! — Ср.; Псалтирь, XXI, 10.

* Аще меня задушат... с Филиппом, митрополитом Московским...— Филипп, митрополит Московский (1507—1560), по распоряжению Ивана Грозного был задушен Малютой Скуратовым.

* ...аще зарежут... с Захарию пророком...— Захария — один из двенадцати так называемых «малых» пророков, автор названной по его

имени предпоследней пророческой книги Ветхого завета, по преданию убитый около 520 г. до н. э. за свою резкую обличительную проповедь.

* ...а буде в воду посадят... свободишь мя! — В Житии Стефана Пермского (ум. 1396), написанном Епифанием Премудрым в начале XV в., рассказывается о победе Стефана над язычником-волхвом и спасении его от испытания водой (ср.: Житие Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, стр. 51—53).

* «прости, государь... тобою» — Евфимей Стефанович обращается к Аввакуму словами «блудного сына» (Евангелие от Луки, XV, 18).

* Господь... дает благодать — из Послания ап. Иакова, IV, 6; см. также: Притчи Соломона, III, 34. Это библейское изречение вошло в речевой обиход XVII в.: оно дословно повторяется в сборниках пословиц этого века.

* Аз же сволокся к Москве...— Второе бегство Аввакума в Москву относится к 1652 г., не позднее начала мая, так как после этого он около двух месяцев прожил в Юрьевце-Повольском и вновь вернулся в Москву до перенесения Никоном мощей митрополита Филиппа (9 июля 1652 г.).

* ...к патриархову приказу... били батошьем и топтали...— Дворцовый Патриарший приказ ведал административными, финансовыми и судебными делами патриарших вотчин. Избиение толпой Аввакума, помимо желания расправиться с ним как со строгим блюстителем нравов, было вызвано, нужно думать, и тем, что Аввакум, видимо, строго взыскивал с населения налоги в патриаршую казну. Об этом избиении в Юрьевце, как и о некоторых дальнейших своих мытарствах, Аввакум говорит и в «первой» своей челобитной Алексею Михайловичу.

* На Кострому прибежал... изгнали.— В 1652 г. костромской протопоп Даниил вызвал против себя мятеж, очевидно, за строгость, с которой он относился к своей пастве.

* Посем Никон... Филиппа митрополита.— Перенесение Никоном мощей митрополита Филиппа из Соловков в столицу предпринято было с целью поднятия авторитета церковной власти, приниженой при Иване Грозном самим фактом расправы с Филиппом.

Стр. 18

* А прежде его приезде... чтоб ему быть в патриархах.— Челобитная эта, о которой Аввакум упоминает и в «Книге бесед», до нас не дошла. За руками — с собственноручной подписью.

* ...и пишет к нему послание навстречу...— Послание Алексея Михайловича с извещением о смерти патриарха Иосифа (15 апреля 1652 г.) было отправлено Никону, митрополиту Новгородскому, в мае 1652 г. (см.: Акты Археографической экспедиции. Т. IV. СПб., 1836, № 57/11, стр. 76—77).

* Егда поставили патриархом...— Никон был поставлен в патриархи 25 июля 1652 г.

* ...не стал и в Крестовую пускать.— Крестовая — зала для приемов и заседаний в Патриаршем дворе.

* ...в пост великой прислал... пишет: «трема персты бы есте крестились».— В «памяти», посланной Никоном накануне великого поста в 1653 г. сначала протопопу Казанского собора Неронову, а затем и в другие места, речь шла об уменьшении числа земных поклонов (с семнадцати до четырех) во время покаянной молитвы Ефрема Сирина и о замене двуперстия троеперстием.

* Аввакум вспоминает, что его прочили протопопом в собор Спаса-на-Бору в Кремле на место, освободившееся после смерти протопопа Силы, однако неясно, насколько эти сведения достоверны.

* ...в Чюдов...— В Чудов монастырь в Кремле.

* ...от образа глас бысть...— Об этом «гласе» от образа Спаса Неронов писал Стефану Вонифатьеву из Вологды 13 июля 1654 г. (см.: Материалы, I, стр. 99—100).

* ...коломенскому епископу Павлу... в новгородских пределах...— Епископ Коломенский Павел (ум. 1656), друг Неронова, сразу же стал во враждебные отношения к реформам Никона. Это был единственный архиерей, до смерти оставшийся в лагере старообрядцев. После собора 1654 г. он был лишен епископской кафедры и отправлен в заточение. По одним сведениям, был убит по приказу Никона в Хутынском монастыре, в Новгородском уезде, по другим — сожжен в срубе в Новгороде.

* Мы же с Данилой... Никону отдали.— Эти выписки до нас не дошли.

* ...в монастыре за Тверскими вороты...— То есть в Страстном монастыре, на бывшей Страстной (ныне Пушкинской) площади в Москве.

* ...темниковского Даниила... у Спаса на Новом.— Темников — ныне город в Мордовской АССР. Спас-на-Новом — бывший Ново-спасский монастырь в Москве.

* Тоже протопопа Неронова... в Кольский острог.— Первое столкновение Неронова с Никоном произошло, как об этом пишет сам Неронов, из-за заступничества Неронова за муромского протопопа Логгина. В июле 1653 г. Неронов был сослан в Спасов-Каменный монастырь на Кубенском озере (ныне в Вологодской области), а затем — в Кандалакшский Рождественский монастырь на Кольском полуострове (см. «Записку о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 г.» — Материалы, I, стр. 136).

* А напоследок... да так и умер.— Обессиленный в борьбе с противниками, Неронов в 1667 г. обратился к царю, патриархам и всему собору (1666—1667) с посланием, в котором он, «яко блудный сын», уподобившийся «скотам несмысленным», каялся в своем непокорстве, просил прощения и впредь обещал новопечатным исправленным книгам не прекословить ни словом, на делом, ни помышлением (см.: Материалы, I, стр. 240—243). Умер Неронов в сане архимандрита, с именем Григорий, 2 января 1670 г. и похоронен в паперти соборной церкви московского Данилова монастыря. Сочувственное отношение Аввакума к Неронову,

несмотря на отречение последнего от старой веры, объясняется, видимо, дружескими чувствами, которые всегда питал Неронов к Аввакуму.

* ...всяк мняйся... не падет — из первого Послания ап. Павла к коринфянам.

* ...аще возможно... избранных — из Евангелия от Матфея, XXIV, 24.

* Царь ево на патриаршество зовет, а он бытто не хочет...— Желая склонить Никона, занявшего позицию упорного отказа от патриаршества, царь упрашивал его на коленях о согласии, после чего Никон уступил, выговорив, однако, себе беспрекословное послушание со стороны царя и бояр.

* ...а со Анною по ночам укладывают...— Речь идет об Анне Михайловне Ртищевой, по мужу Вельяминовой (ум. 1675), сестре Федора Большого Михайловича Ртищева, жившей в его доме в Москве после смерти мужа в 1642 г., «второй верховой боярыне» царицы Марии, горячей стороннице реформы Никона и его приятельнице (см. о ней специальную статью: Робинсон А. Н. Два русских женских характера (XVII век).— В кн.: Искусство слова. М., 1973, стр. 31—39).

Стр. 19

* Таж меня взяли... до Андроньева монастыря...— Краткое сообщение Аввакума об этом факте дополняется и проясняется из письма священника Казанского собора Ивана Данилова к Ивану Неронову от 29 сентября 1653 г. Как только состоялось постановление Никона о ссылке покровителя Аввакума Неронова, с Аввакумом перестали церемониться. У него, замещавшего Неронова в Казанском соборе во время его отлучек, в тот же день, когда Неронов был приговорен к ссылке, 13 августа 1653 г., на всеобщей было отнято «первенство». Аввакум не уступил, отказался служить и ушел из церкви. Проводив затем отправлявшегося в ссылку Неронова, Аввакум, вернувшись в Москву, не стал служить в Казанском соборе, а служил полунощницу в церкви Аверкия в Замоскворечье. Но и там не поладив, он служил всеобщую во дворе Неронова, на сеновале («в сушиле»), переманив туда и прихожан из Казанского собора, причем иные из приверженцев Аввакума прямо говорили: «В некоторое время и конюшня-де иные церкви лучше». Казанский причт, особенно Данилов, «не стерпев», донес об этом Никону. В результате — арест Аввакума и богомольцев, бывших в сушиле (см.: Материалы, I; стр. 28—31). О том же сообщает и сам Аввакум в письме к Неронову от 14 сентября 1653 г. (там же, стр. 21—22). Очень показательно, что в своем «Житии» Аввакум о сушиле не упоминает, ограничиваясь лишь указанием, что он взят «от всеобщего»: с точки зрения церковно-канонической, демонстративная служба на сеновале, сопровождавшаяся отвлечением молящихся от храмов, была своего рода знаком отделения от церкви. Суровая расправа с провинившимся протопопом и его единомышленниками объяснялась, помимо указанного поступка, еще и тем, что он вместе с костромским протопопом Даниилом был автором челобитной, которую подал от имени «братии» Алексею Михайловичу по поводу ареста и ссылки Неронова. В

этой челобитной, до нас не дошедшей, были допущены по адресу Никона, судя по письму Аввакума к Неронову, резкие выражения (ср.: Материалы, I, стр. 23—24, 31).

* ...день недельный...— То есть воскресенье («неделя» — старое русское (славянское) наименование последнего дня «седмицы» — воскресенья).

* ...до Андроньева монастыря...— Спасо-Андроников монастырь в Москве.

* ...не знаю — на восток, не знаю — на запад.— По старорусскому обычаю молиться нужно было на восток.

* Бысть же я в третий день приаляен...— В Деяниях Апостолов (X, 10—13) сходным образом описывается чувство голода у ап. Петра.

* ...в соборной церкви... остриг в обедню.— Никон лишил Логгина сана (расстриг) в Успенском соборе во время обедни. .

* Во время переноса... пуши жидовского действия! — Возмущение Аввакума вызвано было, очевидно, тем, что ввиду возбуждения, царившего в храме, архимандрит с чашей у алтаря во время так называемого «великого входа» задержался дольше обычного. Называя находившиеся на дискосе части просфоры «телом Христовым», Аввакум утверждает тем самым факт «пресуществления даров» во время так называемой проскомидии, что ему и ставилось в вину как ересь.

Стр. 20

* Тоже в Никитин день ход со кресты...—Никитин день—15 сентября. В этот день совершался крестный ход из Успенского собора в Никитский монастырь.

* ...отдали дьяку Третьяку Башмаку... мне делал добро.— Младший дьяк Сибирского приказа Третьяк Васильев Башмаков вскоре выступил с челобитной против справщиков церковных книг и ушел в монахи, приняв имя Савватий.

* ...послали меня в Сибирь... до Тобольска...— Дело Аввакума велось очень быстро, и он был отправлен из Москвы в Сибирь, видимо, числа 17 сентября 1653 г. или близко к этому. У Аввакума, как он показал на допросе в Сибирском приказе 15 сентября, было четверо детей: три сына — Иван (девяти лет), Прокопий (пяти лет) и Корнилий (восьми дней)—и одна дочь Агриппина (восьми лет). Младшего сына, Корнилия, протопопица Анастасия родила, следовательно, в Москве около 7 сентября. В черновом отпуске указной грамоты Симеону, архиепископу Тобольскому, в числе отправляемых с Аввакумом указывалась и его племянница Марина (ср.: Никольский, стр. 159—160).

* ...три тысячи верст... половину пути.— В то время существовали две дороги в Сибирь: одна — южная, через Казань, большей частью водой, пригодная в летнее время, и другая — северная, через Вологду, зимняя, преимущественно сухопутная. Аввакум с семьей шел второй дорогой. В черновом отпуске проезжей грамоты намечены следующие пункты, через которые должен был следовать Аввакум из Москвы в Тобольск: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий,

Соль-Вычегодская, Кайгород, Соль-Камская, Верхотурье, Туринский острог, Тюмень (ср.: Никольский, стр. 143).

* Архиепископом в Тобольске к месту устроил меня.— Речь идет об архиепископе Тобольском и Сибирском Симеоне (см. прим. к стр. 30), который принял Аввакума, определив его протопопом тобольской Вознесенской церкви. Прибыл Аввакум в Тобольск, если полагаться на его указание, что он был в пути тринадцать недель, в конце декабря 1653 г.

* ...пять слов государевых сказывали на меня...— «Слово и дело государево» — формула, сопровождавшая донос на кого-либо с обвинением в государственном преступлении, отмененная в 1762 г. Екатериною II при вступлении ее на престол.

* ...архиепископля двора дьяк Иван Струна... побегоша вспять.— Вскоре после 24 января 1654 г. архиепископ Симеон уехал почти на целый год в Москву, будучи вызван туда на собор, созванный Никоном против старообрядцев. На время своего отсутствия дела епархии он поручил приказному Григорию Черткову и дьяку Ивану Струне. Заместители архиепископа, особенно Струна, сильно злоупотребляли своим положением, и Симеон по своем возвращении в Тобольск в декабре 1654 г. нашел, что в казенной, житейной и других службах епархиального Софийского дома «воровста и кражи объявилось много». В духовных судных делах Струна «правых винил, а виновных оправливал для своей бездельной корысти». За месяц до возвращения Симеона у Аввакума произошло столкновение со Струной, о котором он рассказывает здесь, из-за дьячка Антона, преследовавшегося Струной, видимо, по какому-то судному церковному делу (ср.: Никольский, стр. 144—145, 165—166).

* ...к воеводе...— «Большим» воеводой в Тобольске с 31 мая 1652 г. по 17 февраля 1656 г. был князь Василий Иванович Хилков (1614-1677).

* ...меня стриг.— Аввакум был расстрижен 13 мая 1666 г.

Стр. 21

* Потом приехал архиепископ... и мое дело тут же помянул.— Во второй своей челобитной, поданной в Сибирский приказ в 1659 г., архиепископ Симеон сообщал, что Ивану Струне «подали челобитную жена на мужа, а дочь на отца, что тот мужик дочь свою насильствовал. И он, вор, сделал по неправде. Мужика оправдал, а жену ево и дочь велел бить без пощады и отдал ему, мужику, головою без всякия крепости». По приезде Симеона (14 декабря 1654 г.) дочь била ему челом на отца. Мужик с дочерью был на очной ставке и дал на себя повинную. За это «пребеззаконное» дело Струна посажен был архиепископом в хлебню и взят на цепь. В челобитной, поданной царю в 1656 г., Струна жаловался на то, что Симеон его «в чеши и железах мучил многое время» и притом «по челобитной ссыльного протопопа Аввакума» (ср.: Никольский, стр. 146, 162, 166). Упоминание Струной челобитья Аввакума объясняет слова последнего: «и мое дело тут же помянул».

* Он же. Струна... «слово и дело государево» на меня.— В своей челобитной царю Струна, со слов «памяти» из Патриаршего приказа в Сибирский, «не претерпя ево, архиепископли муки, в чеши и железах пришел в съезжую избу и бил челом государю, а стольнику и воеводам, князю Василию Ивановичу Хилкову с товарищи, про тово Протопоповы Аввакумовы неистовы слова извещал» (ср.: Никольский, стр. 162). Эти «неистовы слова», о которых мы ничего не знаем, видимо, и послужили Струне материалом для того «слова и дела государева» на Аввакума, о которых упоминает последний. Но, кроме того, судя по отписке тобольских воевод в Сибирский приказ, относящейся ко времени между 1 сентября и 31 декабря 1655 г., Струна «на того протопопа Аввакума извещал, что он, Аввакум, ходит с посохом, а посох-де с яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром...», то есть завел посох не по сану.

* Воеводы отдали ево... за пристав.— Иван Струна, как явствует из челобитных архиепископа Симеона, сказал «слово и дело и дело государево и патриаршее» не только на Аввакума, но и на него, архиепископа. А так как политический доносчик в Московском государстве пользовался особым покровительством во время производства следствия по его доносу и отдавался под охрану властей, то и Струна отдан был под начало, «за пристав», Петру Бекетову, энергичному «землепроходцу», открывателю новых земель в Сибири, присоединявшихся к Московскому царству.

* Посем указ пришел...— и укоряю ересь Никонову.— Как видно из отписки тобольских воевод в Сибирский приказ, ими получен был за подписью царя Алексея Михайловича указ о ссылке Аввакума на Лену, в Якутский острог. В Тобольске Аввакум, таким образом, пробыл с лишком полтора года.

* Два брата жили у царицы в Верху...— Известно, что во время мора (чумы) 1652 г. умер брат Аввакума Евфимий (см.: Материалы, I, стр. 359—369; Робинсон, стр. 241). Верх — царский дворец в Кремле.

* Излиял Бог... фиял гнева Своего! — Ср.: Апокалипсис, XVI, Ъ

* Говорил тогда... меч, разделение...—Аввакум имеет в виду, очевидно, первое послание Неронова к царю Алексею Михайловичу из Спасов-Каменного монастыря от 6 ноября 1653 г., в котором, однако, Неронов, разумея предстоящую войну с Польшей, писал лишь следующее: «аще бо сия брань не уставлена будет и церквам мир не предан будет, крепости не будет имети быти хотящая брань, но за премногое прогневание Владыки нашего Бога велия погибель и тщета будет» (см.: Материалы, I, стр. 38).

* Тоже сел... поехал на 'Лену.— Аввакум отправился из Тобольска по направлению на Лену в Петров день, 29 июня 1655 г., как об этом он сам говорит в «Житии»

* ...в Енисейской...—то есть в Енисейский острог.

* ...велено в Дауры вести — дватцеть тысяч и больши будет от Москвы.— Даурия — старинное название местности, находящейся на восток от озера

Байкал и составлявшей часть Забайкальской области. Аввакум сильно преувеличивал расстояние Даурии от Москвы; на самом деле оно не превышает пяти с половиной тысяч верст.

* И отдали меня Афонасью Пашкову... и мучит, и бьет.— Афанасий Филиппович Пашков (ум. 1664) во время прибытия в Енисейск Аввакума бывший енисейским воеводой, в августе 1655 г. получил приказание отправиться во главе отряда в несколько сот человек стрельцов и казаков в Даурию. Задачей экспедиции Пашкова было освоение земель, лежащих на Амуре, и установление там правильной администрации. Человек предприимчивый, смелый и энергичный, опытный администратор, Пашков вместе с тем отличался жестокостью в обращении с подначальными людьми, довольно, впрочем, обычной у сибирских администраторов, особенно во время походов, когда приходилось усиленными карательными мерами удерживать в повиновении, в обстановке всяческих лишений, плохо дисциплинированное войско. О жестокостях Пашкова по отношению к духовенству доносил, между прочим, архиепископ Симеон, называвший его «великим озорником» (подробнее об этом см.: Бороздин, стр. 69—71, и там же приложение, стр. 117).

* Егда поехали из Енисейска...— Пашков во главе своего отряда выступил из Енисейска весной 1656 г.

* В Большой Тунгуске-реке...— Большая, или Верхняя, Тунгуска— так называлось раньше нижнее течение реки Ангары, притока реки Енисея, вытекающей из озера Байкал.

* ...простоволоса ходя.— По старорусским религиозным представлениям, считалось грехом появление женщины при посторонних с непокрытой головой.

Стр. 22.

* Шаманский, Долгий — пороги на реке Ангаре.

* ...горы... витать.— Перефразировка Псалтири, X, 1.

* И аз ему малое писанейце написал... и послал к нему.— Текст письма Аввакума к Пашкову до нас не дошел.

* Начало «писаней-ца», процитированное Аввакумом,— хорошо известные его современникам слова заклетья дьявола, произносимые священником во время «запретительных» молитв (отсюда параллель «Пашков — дьявол»)

Стр. 23.

* Аще Иев и говорил так...— Аввакум имеет в виду ропот Иова на Бога за обрушившиеся на него бедствия, о чем идет речь в библейской Книге Иова.

* Я со многими скорбьми... царство небесное — из Деяний апостолов, XIV, 22.

* ...Падуну... в щепы изломает...— Ангара «шириною с версту» несколько ниже Падунского порога, в районе которого ширина реки доходит до двух-трех верст.

* «сыне, не пренемай... а не сынове есте» — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 5—8.

* Брацкой острог...— Братский острог основан в 1631 г. на реке Ангаре у порога Падун; в 1654 г. перенесен к месту впадения реки Оки в Ангару. От острога сохранились две башни; одна из них, в которой, по преданию, был заключен Аввакум, в настоящее время перевезена в с. Коломенское под Москвой.

* ...сидел до Фияипова поста...— Так называемый Филиппов пост начинается за сорок дней до праздника Рождества, то есть 14 ноября.

* ...я со Лазаря во гною у вратех богатого, пси облизаху гной его...— Сравнение взято из евангельской притчи (Евангелие от Луки, XVI, 19—31) о богатом и Лазаре.

Стр. 24.

* Хилок — приток реки Селенги, впадающей в Байкал.

* Иргень — озеро к востоку от Байкала.

* ...что Авраам у дуба Мамврийска.— В Книге Бытия, XIII, 18, говорится о том, что Авраам, расставшись с Лотом, поселился «у дуба Мамврийскаго».

Стр. 25

* Ингода — река в системе Амура, вместе с рекой Ононом составляющая Шилку

* У протопопицы моей однарятка... рублей в полтреть цеть...— Упоминание об однарядке протопопицы, которая стоила двадцать пять рублей, указывает на то, что в Москве Аввакум жил в немалом недостатке (лошадь стоила полтора рубля; годовая плата на хозяйском содержании — работника-мужчины была пять рублей, а женщины — два с половиной; см.: Никольский, стр. 138).

* Нерча— приток реки Шилки.

* И у меня два сына маленьких умерли в нуждах те...— При отправке Аввакума в Сибирь у него было, как сказано выше, три сына—Иван, Прокопий и только что родившийся Корнилий.

* Иван и Прокопий далее упоминаются как живые,— следовательно, умер Корнилий и еще один, очевидно родившийся уже в Сибири.

* Кто даст... источник слез — из Книги пророка Иеремии, IX, 1; следующая часть фразы — да же оплачу... житейскими сладьми?— перефразировка текста молитвы (см.; Робинсон, стр. 250).

* ...а иногда у куров корму из корыта нагребет.— Первоначальный набросок описания сибирских испытаний Аввакума и его семьи находится в его «первой» челобитной царю Алексею Михайловичу и «Записке» о жестокостях воеводы Афанасия Пашкова (см. стр. 168—169, 172—173). Некоторые стилистические параллели к описаниям Аввакума обнаруживаются в челобитных служилых людей и крестьян XVII в. (см., например: Оглоблин Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в.— Исторический вестник, 1890, № 7, стр. 199—200).

* Дочь моя... Огрофена... на Мезени... закопаны сидят.— * Огрофена (Агриппина) — старшая дочь Аввакума, родилась в 1645 г., по-видимому, 16 июня (память св. Агриппины — 23 июня); две другие дочери Аввакума («меньшие сестры») — Акилина и Ксения. Анастасия Марковна и два старших сына Аввакума, Иван и Прокопий, были заключены в земляную тюрьму на Мезени в марте 1670 г.

Стр. 26.

* «не начный блажен, но скончавый» — перефразировка . слов Евангелия от Матфея, XXIV, 13.

* яко ничто же успевае, но паче молва бывае — из Евангелия от Матфея, XXVII, 24. Аввакум характеризует А. Пашкова словами Евангелия, относящимися к Пилату.

* Древле благодать действовавшя ослом при Валааме...

* человеческим гласом.— В Книге Чисел (XXII) говорится о том, что прорицатель Валаам отправился на ослице к моавитянам. По дороге ослица, которой трижды ангел преграждал путь, трижды сворачивала с дороги, за что Валаам бил ее, пока она человеческим голосом не стала жаловаться Валааму на побои и пока ангел сам своими укорами не остановил Валаама. Сообщаемое Аввакумом о греческих святых Юлиане и Сисинии не находит себе соответствия в известных нам памятниках, связанных с именами этих лиц.

* Бог идежи хошет, побеждаеся естества чин.— Из третьей стихире на Благовещение.

* Чти житие Феодора Едесскаго... мертваго воскресила.— В Житии Феодора Едесского рассказывается о том, как блудница воскресила умершего младенца; см.: Житие Феодора Едесского. СПб., 1880 (Памятники древней письменности, LXI), стр. 143—147.

* Кормчая — собрание законоположений, относящихся к церковному праву, действовавшему в практике русской православной церкви.

Стр. 27.

* На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились.— То есть поселились с вдовой воеводы Пашкова (ум. 1664), боярыней Феклой Симеоновной, в женском Вознесенском монастыре (в Кремле). Ф. С. Пашкова с июня 1673 г. и до смерти в 1685 г. была игуменьей Вознесенского монастыря, заметной фигурой в лагере никониан (см.: Румянцев В. С. О датировке краткой редакции Жития протопопа Аввакума.— Вестник МГУ. Серия истории, 1969, № 6, стр. 64). Там же погребена и сноха Пашкова Евдокия Кирилловна.

* Тоже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе.— Построив на Нерчи острог, Пашков 25 мая 1662 г. выехал на Иргень-озеро, а оттуда направился в Москву.

Стр. 28.

* У боярони...— То есть у снохи Пашкова Евдокии Кирилловны.

Стр. 29.

* ...в Мунгальское царство...— В Монголию.

* «Господи, хочещи ли... во ину весь» — из Евангелия от Луки, IX, 54—56.

* приложи им зла... приложи — из Книги пророка Исайи, XXVI, 15.

Стр. 30.

* ...согрешил... пролил кровь неповинну...— Слова Пашкова напоминают речь Иуды, предавшего Христа (Евангелие от Матфея, XXVII, 4).

* ...яко косен Бог во гнев, а скор на послушание...— Ср.: Послание ап. Иакова, I, 19.

* «...Аще живем... Господеви умираем» — из Послания ап. Павла к римлянам, XIV, 8.

Стр. 31.

* Десеть лет он меня мучил...— Если считать со времени прибытия Аввакума в Енисейск (1655), где в то время воеводой был Пашков, и до отъезда Пашкова в Москву (1662), Аввакум был в его власти не десять, а семь лет. Очевидно, здесь Аввакум круглой цифрой определяет время своей сибирской ссылки, длившейся в общей сложности одиннадцать лет. О гонениях Пашкова Аввакум рассказывает также в специальной «Записке», приложенной к «первой» челобитной царю Алексею Михайловичу. О том же речь идет и в челобитной архиепископа Симеона (см.: Бороздин, стр. 74). А я, месяц спустя... поехали...— Так как Пашков выехал из Нерчинского острога 25 мая 1662 г., то, следовательно, Аввакум начал путешествие из Сибири в Москву приблизительно в последних числах июня того же года или на несколько недель позже, если здесь имеется в виду отъезд не из Нерчинского острога, а с Иргеня.

* В Прянишниковском списке (см.: Житие, 1960, стр. 325) указывается иной срок.

* ...яко Раав блудная... спрятал ево...— В главе II Книги Иисуса Навина рассказывается о том, как блудница Раав на кровле своего дома скрыла от преследования иерихонского царя двух юношей, посланных Иисусом Навином в Иерихон на разведку.

* «внутри убо страх, а вне убо боязнь»... «уже бо не надеяхом-ся... и избавляет» — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 5, и I, 8, 10.

* «яко еще не бы Господь... пожерли быша нас» — из Псалтири, CXXIИ, 2.

Стр. 32.

* ...запрещение то отступническое...— Аввакум так называет постановление собора 1667 г., запрещающее священнику самому крестить, исповедовать и причащать своих детей.

* Петр (ум. 1326), Алексей (1300—1373), Иона (ум. 1461), Филипп (1507—1569) — митрополиты московские, признанные церковью святыми.

* «любите враги ваша и благотворите» — из Евангелия от Матфея, V, 44.

Стр. 33

* Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись...— То есть на море приключилась непогода и мы гребли изо всех сил.

* ...больши романовского...— Речь идет, вероятно, о сорте лука и чеснока, разводившегося в городе Романове-Борисоглебском (ныне город Тутаев Ярославской области).

* Там же растут и конопли... и зайцы великих в нем...— Возможно, в описании Сибири (в этом фрагменте и в предшествующих) отразились не только непосредственные впечатления Аввакума, но и знакомство с литературным источником — описанием «Сибирской страны» в Есиповской летописи, где есть весьма похожий по типу текст, перечисляющий природные богатства Сибири (см.: Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 109—110). Есиповская летопись, написанная в Тобольске по заказу тобольской архиепископии в 1636 г., была широко распространена в Сибири в XVII в. Аввакум мог познакомиться с летописью во время пребывания в Тобольске в 1653—1655 гг. (архиепископ Симеон покровительствовал Аввакуму) или на обратном пути из ссылки, когда зимовал в Тобольске зиму 1663—1664 гг. Сохранился список Есиповской летописи, переписанной в Тобольске в ноябре 1663 г. при тобольском воеводе князе И. А. Хилкове, к которому Аввакум иногда ходил «обедать». Тесная связь Аввакума с лицами, в распоряжении которых была Есиповская летопись, его любознательность и любовь к книгам, сходный тип описания-перечня дают основание предположить знакомство Аввакума с этим начальным памятником сибирской литературы (подробнее см.: Демкова Н. С. Комментарий в кн. «Пустозерский сборник», стр. 237—238).

* А человек... яко сень, преходят... — Ср.: Псалтирь, СХLIII, 4 Это изречение встречается в сборниках пословиц XVII в.

* ...скачет, яко козел... яко бес...— Аввакум использует здесь об^н навь к разы одного из «слов» Иоанна Златоуста (см.: Робинсон, стр. —259).

Стр. 34

* ...яко ничто ж успеваает, но паче молва бывает.— См. стр. 31.

* «привязался еси... не ищи жены» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 27.

* Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур...— Аввакум приехал в Москву весной 1664 г., так что в действительности путешествие продолжалось около двух лет.

* Иван Богданович Камынин (ум. 1682)—с 22 января 1659 по 16 сентября 1662 г. воевода в Верхотурье (город Пермской области). Об участливом отношении к нему Камынина вспоминает Аввакум в другой редакции «Жития» (редакция В) в связи со своим заключением в Пафнутьевом монастыре.

Стр. 35

* К Федору Ртищеву зашел...— Ртищев Федор Большой Михайлович (1626—1673)—государственный и общественный деятель (во время

приезда Аввакума в Москву ведал Приказом Большого дворца), приближенный царя Алексея Михайловича, образованнейший человек своего времени, основавший школу, в которой ученые монахи, вызванные из Киева, обучали языкам славянскому и греческому, наукам словесным «даже до риторики и философии». Принадлежа к кружку «ревнителей благочестия» и будучи близок на первых порах с Никоном, Ртищев в то же время, отличаясь терпимостью, добротой характера и широтой воззрений, был чужд враждебности к старообрядцам, в частности к Аввакуму. В своем доме он устраивал диспуты, на которых давал возможность свободно высказываться представителям двух враждебных лагерей, не выказывая лично явного предпочтения ни одной из спорящих сторон,

* О Ф. М. Ртищеве см.: Робинсон, стр. 260—261, и в его же монографии «Борьба идей в русской литературе XVII века». М., 1974.

*...вся сия яко уметы... приобрящу... — См. прим. к стр. 14.

* А се мне в Тобольске... благодеяния забыть?—Рассказанное здесь относится ко времени пребывания Аввакума в Тобольске зимой 1663—1664 гг. Царевнины именины, видимо, именины царевны Татьяны Алексеевны (или Михайловны?), 12 января.

Стр. 36

* «...да на полма рассеку тя!» — стилистическое подражание Евангелию от Матфея, XXIV, 51.

*... Господи, источивый... днесь ты еси!—Ср.: Книга Исход, XVII, 2—7.

*...на обычном месте.— То есть на положенном для молитвы месте.

*...«не глад хлеба, ни жажда воды... жити.— Ср.: Книга пророка Амоса, VIII, II.

Стр.37

*...и сколько друзей первых на Руси заедем...— То есть: и сколько прежних друзей на Руси встретим.

*...приказывал государь... чтоб я молчал.— Родион Матвеевич Стрешнев (ум. 1667) — в то время окольничий, ведающий Сибирским приказом. На него, так как он пользовался общим уважением и обладал репутацией беспристрастного и справедливого человека, царь Алексей Михайлович возлагал роль посредника в своих распрях и столкновениях как с Никоном, так и с Аввакумом. Как видно из дальнейшего, Стрешнев наряду с другими лицами, принимавшими участие в судьбе Аввакума, оказал материальную помощь.

* А се посулили мне... книги править...— Симеонов день — 1 сентября. Вряд ли перспективы Аввакума на получение места книжного справщика были реальны ввиду явно враждебного его отношения к тогдашней практике исправления богослужебных книг.

* ...Лукьян духовник...— Протопоп Лукьян Кириллов, царский духовник с 1657 по 1666 г.

Стр. 38

* У света моей... в дому был.— Боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова, в то время вдова одного из первых бояр при царе Алексее Михайловиче — Глеба Ивановича Морозова, и княгиня Евдокия Прокопьевна Урусова, жена также приближенного к царю — кравчего князя Петра Семеновича Урусова,— родные сестры, урожденные Соковнины, родственницы Ф. М. Ртищева и свойственницы царя и царицы, ярые приверженницы раскола и последовательницы Аввакума. Ни убеждения, ни преследования и мучения, ни тягчайший тюремный режим не сломили волю сестер. Они умерли, заключенные в воровской (ныне Калужская область) земляной тюрьме (Урусова— 11 сентября 1675 г., Морозова — 2 ноября того же года). Боярыня Анна Петровна Милославская, урожденная княжна Пожарская (ум. 1669),— родственница царицы Марии Ильиничны, урожденной Милославской.

*...ничто же успевает, но паче молва бывает...— См. прим. к стр. 31—32.

*...паки заворчал... злодея и еретика.— Имеется в виду «первая» челобитная Аввакума царю Алексею Михайловичу, написанная вскоре после возвращения Аввакума из Сибири в Москву.

*...с Феодором юродивым... повеся на виселицу.— Федор юродивый, с которым Аввакум впервые встретился, как он далее об этом говорит в «Житии» (см. стр. 74—75), в Великом Устюге, на пути из Сибири в Москву, и который стал после этого его «духовным сыном» вместе с другим приверженцем Аввакума, Лукой Лаврентьевичем, был удушен на Мезени в марте 1679 г.

*...Павел архимарит...— Архимандрит Чудовского монастыря Павел (ум. 1675), один из главных противников старообрядчества, с 22 августа 1664 г.— митрополит Крутицкий. Упомянутое Аввакумом событие происходило, таким образом, до этой даты (подробнее о нем см.: Робинсон, стр. 266—267).

*...понеже раби Христовы... службе ходить.— Аввакум служил в эту пору в Софийской церкви в Замоскворечье.

* Сказывал... Салтыков.— Боярин Петр Михайлович Салтыков (ум. 1690), крупный административный деятель, в ту пору начальник Малороссийского приказа, принимавший деятельное участие в церковных делах, глава следственной комиссии по делу патриарха Никона.

* Да и повезли на Мезень.— Аввакум сослан был в новую ссылку 29 августа 1664 г. Его сослали в Пустозерск, но с дороги, из Холмогор, Аввакум послал царю челобитную (см. стр. 173—174), полученную 21 ноября 1664 г. В ней он просил, ввиду трудности дальнейшего пути, оставить его в Холмогорах или где-нибудь в другом месте. Однако Аввакума повезли дальше, и 29 декабря 1664 г. он вместе с семьей (двенадцать человек) был перевезен на Мезень (слобода близ устья реки Мезени, впадающей в Северный Ледовитый океан), где произошла вынужденная задержка из-за бунта крестьян, отказавшихся дать подводы. «Остановкой Аввакума на Мезени воспользовались его московские «доброхоты» и добились разрешения... оставаться на месте» (см.:

Малышев, стр. 258). Здесь на Мезени (ныне город Архангельской области), в Окладниковой слободке, Аввакум прожил больше года (по февраль 1666 г.). Отсюда он написал новую челобитную царю, прося о «корме» для семьи («...не вели нас... поморить безгодную смертью с голоду а без одежды...») (см.: Малышев, стр. 261).

*...и детьми...— У Аввакума в ту пору было шестеро детей: три сына — Иван, Прокопий и Афанасий — и три дочери — Агриппина, Акилина и Ксения.

* Полтора года... к Москве взяли...— Аввакум был привезен в Москву 1 марта 1666 г.

* Пафнутьев монастырь — близ города Боровска бывшей Калужской губернии, в 90 верстах от Москвы.

Стр.39

* Скаску им тут... написал... — «Сказка» эта (то есть письмо) до нас не дошла.

* Козьма та... уговаривает...— Дьякон Козьма уговаривал Аввакума о первый раз 12 сентября 1666 г., во второй раз — 30 января 1667 г., то есть уже после того, как Аввакум, просидев семнадцать недель в Никольском монастыре на Угреше, вторично был отправлен в Пафнутьев монастырь.

*...стяжався власти со мною...— С Аввакумом состязались церковные власти на соборе, заседания которого начались в феврале 1666 г.

*...и стригли по переносе меня и дьякона Федора...— Расстрижение Аввакума и дьякона Федора в Успенском соборе после так называемого «великого входа», то есть перенесения даров, происходило 13 мая 1666 г. Дьякон Благовещенского собора в Москве Федор Иванов — один из виднейших деятелей раннего старообрядчества. От него дошел до нас ряд посланий и полемических сочинений. На соборе 1666 г. он держался очень агрессивно, результатом чего и были его расстрижение и отлучение от церкви. Далее следовали заключение Федора в Никольский монастырь на Угреше, его временное, видимо неискреннее, раскаяние, новый допрос, перевод в Покровский монастырь, «что на убогих», новые увещания, бегство из монастыря, заключение, вероятно, в Троице-Сергиеву лавру, затем в московский Богоявленский монастырь, опять увещания и оставление собором 1667 г. в силе приговора над ним собора предыдущего, с преданием его «градскому суду». 25 февраля 1668 г. Федору урезали язык и отправили в заключение в Пустозерск, куда он прибыл 20 апреля и где встретился с Аввакумом, с которым у него впоследствии начались раздоры на почве несогласий в догматических вопросах.

*...повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь.— Аввакума, Федора и суздальского попа Никиту отправили в Никольский монастырь на Угреше (в 15 верстах от Москвы) 15 мая 1666 г., Никиту арестовали после Федора, и 10 мая 1666 г. он был «сана обнажен и проклят». По словам дьякона Федора, узников везли «мимо Коломенскова, не веси

куды, странным путем; по берегу реки Москвы да по болотам, чтобы никто не видал знакомой, куды посадят» (см.: Материалы, V, стр. 422).

* Не им было, а быть же было иным...— То есть если бы ве они это сделали, то сделали бы другие.

* «нужда соблазнам прийти» — из Евангелия от Матфея, XVIII, 7.

* «невозможно соблазнам... приходит соблазн» — из Евангелия от Луки, XVII, I.

* Держали меня у Николы... семнатцеть недель.— Аввакум сидел в Никольском монастыре на Угреше до 5 сентября, после чего был переведен в Пафнутьев монастырь.

* Тут мне... тамо обрящещи.— См. «пятую» челобитную царю Алексею Михайловичу, посланную в 1669 г. из Пустозерска.

*...велико нестроение... отпросила меня.— Царица Мария Ильинична (1625—1669), первая жена царя Алексея Михайловича, была из рода бояр Милославских. Милославские были горячими приверженцами Аввакума; их родственники Морозовы покровительствовали ему.

Стр.40

*...в Верху... — См. прим. к стр. 26.

* И Воротынской... приезжал... — Князь Иван Алексеевич Воротынский (ум. 1679)—с 1664 г. боярин и дворецкий царя Алексея Михайловича.

* Князь Ивана... батожьем били...— Речь идет о князе Иване Ивановиче Хованском (ум. 1701), приверженце старообрядчества. В 1664 г. он был стольником.

*...как Исайю сожгли.— Исайя, дворовый человек боярина Петра-Салтыкова, был сожжен на Москве до февраля 1670 г. (о казни его писал инок Авраамий в феврале 1670 г.).

* А боярню ту... и ея мучат...— Единственный сын Морозовой, стольник Иван Глебович Морозов, умер в конце 1671 или в 1672 г. Разлученный с матерью, он с горя заболел. Царь прислал к нему лекарей, но, по словам составителя Жития боярыни Морозовой, «они так его улечили, что в малых днях к гробу предаша». Со смертью молодого Морозова дом Морозовых был разорен: почти все движимое и недвижимое имущество их было разделено боярами и распродано. Мучили Морозову сначала в Московском Печерском монастыре, а затем, после смерти патриарха Питирима (19 апреля 1673 г.),—в Боровске.

* Спальное крыльцо — крыльцо перед царским теремом, около которого находилась команда царской стражи. *

* Тайнишные водяные ворота — потайные ворота из Кремля к Москве-реке.

* Дементий Минич Башмаков (1618—1705)—дьяк приказа Тайных дел, доверенное лицо царя Алексея и его секретарь; позднее при царе Федоре — печатник (глава Печатного приказа, хранитель государственной печати).

* «не надеетесь... несть спасения» — из Псалтири, CXLV, 3. :

*...о оне, бедные... в Москву взяли опять...— Федора и Никиту перевезли с Угрешы в Москву 26 августа 1666 г.

Стр. 41.

*... царево послании... обрящещи.— В «пятой» челобитной Аввакума царю Алексею Михайловичу.

* Посем свезли... без мала.— Аввакум на этот раз пробыл в Пафнутьевом монастыре с 5 сентября 1666 г. до 30 апреля 1667 г. Говоря о своем пребывании здесь в течение «года без мала», Аввакум ведет счет, очевидно, со времени первоначального заточения своего в Пафнутьев монастырь — 9 марта 1666 г. На этот раз отсылка его в Пафнутьев монастырь сопровождалась данным игумену монастыря Парфению строгим наказом: «посадить Аввакума в тюрьму и... ево беречь накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, и никого к нему пускати не велеть, а корму давать как и прочим колодником» (см.: Материалы, I, стр. 372).

*...табаку испил... творят.— Митрополит Газский Паисий Лигарид, приехавший в Москву 12 февраля 1662 г., сразу же сумевший завоевать себе выдающееся положение в церковных делах и внушить к себе доверие царя, был человек от природы умный и образованный; он был типичным авантюристом, жадным до денег и почестей, не пренебрегавшим самыми неблагоприятными средствами Для достижения всяческих жизненных благ, Для своего обогащения он занимался торговлей, спекуляцией и даже не брезговал присвоением чужой собственности. «Операции» Лигарида с таким запретным на Москве зельем, как табак, весьма для него показательны.

*своему владыке... падает.— Переделка из Послания ап. Павла к римлянам, XIV, 4.

*...на велик день...— То есть на пасху.

* «блаженна обитель... и юзы!» — Аввакум использует здесь стилистические формулы житийной литературы (см.: Робинсон, стр. 274).

Стр. 42

* «горе... еси человецы» — из Евангелия от Луки, VI, 26.

* Тут же приезжал... удушенной мой...— Тайное посещение Аввакума в заключении его сыновьями, Иваном и Прокопием (на этот раз вместе с юродивым Федором, позже, в марте 1670 г., повешенным в Мезени), было вторичным. В первый раз сыновья Аввакума вместе с его племянником Макаром Козьминым тайно навещали его в Никольском-на-Угреше монастыре 7 июля 1666 г., за что все трое подверглись аресту и допросам (см.: Материалы, I, стр. 359—370).

*...у архиепископа на воре... антихристову таинству.— Об Иларионе, епископе Рязанском, см. прим. к стр. 66.

Стр. 43.

* Хорош был и Афонасьюшко...— Афанасий, в иночестве Авраамий, был

преданным учеником Аввакума и одним из видных деятелей раннего старообрядчества. Ему принадлежат полемические и исторические сочинения, важнейшие из которых «Христиано-опасный щит веры», «Челобитная» царю Алексею Михайловичу, «Вопрос и ответ». В 1670 г. за хранение и распространение противониконианских писаний и за переписку с Аввакумом он был арестован, расстрижен и, видимо, весной 1672 г. сожжен в Москве на Болоте (см. письмо Аввакума Афанасию, стр. 175—176). Об Авраамии как о представителе школы приказного стихотворства XVII в. см. в новейшем исследовании А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII в.» (Л., 1973, стр. 82—102).

Стр. 44.

*Павел Крутицкой...— См. прим. к стр. 48—49. Подробное описание заключения и допросов инока Авраамия Павлом, митрополитом Крутицким, см. в сочинении Авраамия «Вопрос и ответ старца Авраамия» (см.: Материалы, VII, стр. 386—416).

*...и, волоча многажды... вселенских патриархов...— Авв.э-кума приводили в Чудов монастырь 3 и 11 мая 1667 г. Там его уговаривали архимандриты — Чудовский Иоаким и Спасский (из Ярославля) Сергей. 17 июня его «поставили» перед патриархами, заседавшими на церковном соборе,— Макарием Антиохийским, Паисием Александрийским и Иосафом Вторым Московским. *Макарий, «патриарх Божия града великая Антиохии и всего Востока», и Паисий, «папа и патриарх великого Божия града Александрии и всей вселенной судия», прибыли в Москву (2 ноября 1666 г.) по приглашению русских властей для участия в церковном соборе 1666—1667 гг., созванном для рассмотрения положения дел в русской церкви — для лишения Никона патриаршего сана, избрания нового патриарха и анафематствования старообрядцев. Было широко известно, что «сребролюбныя» вселенские патриархи приехали за милостынею к русскому царю и рассчитывают на богатые подарки в обмен на свое участие в церковном соборе.

*Бог отверз... уста — из Псалтири, L, 16 (Аввакум уподобляет здесь свою речь речи пророка Давида).

* Последнее слово... рекли: ...так-де не подобает!»— Вряд ли патриархи за защиту троеперстия могли подкреплять его ссылкой на католиков-римлян, к благочестию которых одинаково недоверчиво относились и никониане и старообрядцы. Тут, очевидно, мы имеем дело с передержкой со стороны Аввакума. Здесь и ниже о крестном знамении старообрядцев говорится как о пятиперстии, что, однако, не расходилось с двуперстием, так как при двуперстном знамении крест возлагался молящимся всеми пятью пальцами, тогда как у никониан лишь тремя — большим, указательным и средним, в то время как безымянный и мизинец оставались прижатыми к руке.

* Рим давно упал... и церковь немятежна.— В этих строках отразилось чувство национально-религиозного превосходства, свойственное деятелям русской церкви, которое с начала XVI в. нашло свое выражение в

представлении о Москве как о третьем Риме, наиболее определенно впервые сформулированном старцем Филофеем в его послании к Василию III в 1516 г.

*...от насилия турскаго Магмета — со времени завоевания турецким султаном Магометом Константинополя в 1453 г.

* ...по преданию святых отец... Максима Грека.— Мелетий, епископ Антиохийский (ум. 381), приобрел себе большой авторитет у старообрядцев тем, что при вступлении на антиохийскую кафедру, как говорится об этом в сказании о нем, вошедшем в русские Прологи с XIV в., он при произнесении речи якобы сначала показал три перста, а потом, два согнув, оставил один. (Видимо, этот жест, если он и был сделан Мелетием, означал единство Божества при троичности лиц).

* Феодорит Киринейский (Киррский; 386—457), крупнейший церковный писатель V в., известен главным образом как борец с ересью монофизитов. В середине XV в., когда рядом с обычным двуперстием на Руси стало распространяться и троеперстие, возникло на русской почве подложное так называемое «Феодоритово слово», в котором от лица Феодорита защищалось двуперстие.

* Петр Дамаскин — ученый монах, живший во второй половине XII в. в Дамаске. В его сочинениях старообрядцы находили подтверждение правильности двуперстия.

* Максим Грек (1480—1556) — ученый монах, прибывший на Русь в 1518 г. для перевода на славянский язык греческих богослужебных книг и для исправления книг славянских и поплатившийся заточением за критическое отношение к текстам исправлявшихся им книг и за обличение отрицательных явлений в русской церковной и общественной жизни. В своем слове «Како подобает знаменоватися крестным знаменем» Максим Грек действительно признавал двуперстие, но, видимо, как разъясняет академик Е. Голубинский, считал его равноправным с троеперстием.

* Еще же и московский поместный... собор... и прочий научиша.— Московский поместный собор 1551 г., так называемый Стоглавый, в главе 31, трактующей о крестном знамении, постановил считать, единственно правильным двуперстие.

* «...при царе Иване... от святых русских».— Гурий (ок. 1500—1563)—во время Стоглавого собора епископ Смоленский и Брянский, впоследствии архиепископ Казанский. Варсонофий (1495—1576) —во время Стоглавого собора архимандрит казанского Спасо-преображенского монастыря, впоследствии епископ Тверской, умерший на покое в Казани. Оба канонизованы в 1595 г. Филипп — во время Стоглавого собора игумен Соловецкого монастыря, впоследствии известный митрополит Московский. Все трое названы «знаменоносцами» потому, что у них, как у схимников, на мантии и на клобуке были вышиты знаки (знамена) креста.

*«чист есмь аз... отрясаю» — слова ап. Павла (Деяния апостолов, XVIII, б).

* «лутче един... тьмы беззаконных!» — из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, XVI, 3.

* «возьми, возьми его!» — Аввакум использует здесь слова из евангельской сцены суда над Христом (Ев. от Луки, XXIII, 18).

Стр. 45.

*...человек их с сорок, чаю, было...— Сорок было, конечно, не патриархов, а членов собора.

* Ухватил... Уаров...— Дьяк Иван Уарович Калитин был доверенным человеком и другом Никона.

*...толмачю-архимариту... — переводчику, состоявшему при греческих патриархах, архимандриту Дионисию. Грек Дионисий, архимандрит афонского Иверского монастыря, прибыл в Москву в качестве настоятеля московского Никольского греческого монастыря в 1655 г. и затем принимал участие в исправлении богослужебных книг. Как человек, хорошо знавший русский язык и хорошо осведомленный в тогдашних русских церковных делах, он был советником патриархов в вопросах, касавшихся старообрядчества.

* «таков нам... незлобив» — из Послания ап. Павла к евреям, VII, 26.

* «мы уроди... мы же немощна!» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, IV, 10.

*...повезли меня на Воробьевы горы...— Аввакум вместе с попом Лазарем и иноком Епифанием отвезен был на Воробьевы горы (в окрестностях Москвы) 17 июня 1667 г., непосредственно после его состязания с патриархами. На Воробьевых горах находился тогда построенный Ф. М. Ртищевым в 1648 г. Андреевский монастырь, в котором были поселены киевские ученые, прибывшие в Москву для исправления книг. Сюда присланы были 26 июня для увещания непокорных расколоучителей дьяк Конюшенного приказа Т. С. Марков и старец Григорий Неронов, тогда уже покаявшийся и примирившийся с никонианами.

*...тут же священника Лазоря и инока Епифания старца...— Священник г. Романова-Борисоглебска (ныне г. Тутаев Ярославской области) Лазарь, принадлежавший в свое время к кружку «ревнителю благочестия», был одним из видных деятелей раннего старообрядчества. За оппозицию к Никону он одновременно с Аввакумом в 1653 г. был сослан в Тобольск, откуда затем его велено было перевести «за неистовое прекословие» в Пустозерск. Из Пустозерска Лазарь в 1666 г. был затребован в Москву на церковный собор для суда над ним и 31 августа того же года выехал из Пустозерска. В ноябре 1666 г. он был допрошен на соборе, а 17 июля 1667 г. предан анафеме. Сожжен в Пустозерске 14 апреля 1682 г. О Епифании см. прим. к стр. 28.

* Анна и Каиафа — иудейские первосвященники, по Евангелию, судившие Христа.

*...клубуки те рогатые... носят.— Позднейший монашеский -клубук, верхняя часть которого, камилавка, представляет собой род высокого ставца — расширенного кверху цилиндра с обрезанными полями, вошел в употребление со времени Никона. Доникониановская камилавка, сохраненная старообрядческим духовенством и теперь,— круглая маленькая шапочка, скуфейка. Никоновский клубук Аввакум называет «рогатым», очевидно, потому, что, значительно возвышаясь над головой, он напоминал собой рога.

* Я после ево написал послание и... к царю послал...— Это послание Аввакума до нас не дошло.

Стр. 46

* Потом с Воробьевых гор... «в... молитвах своих!» — События, кратко и иногда с нарушением хронологической последовательности рассказанные Аввакумом в этих двух абзацах, развертывались следующим образом. 30 июня Аввакум, Лазарь и Епифаний были отвезены на Андреевское подворье (в Москве), куда приезжал к Аввакуму Д. М. Башмаков. Отсюда узников перевезли в Саввину слободку близ Москвы, а затем в Никольский-на-Угреше монастырь. В ночь с 4 на 5 июля Аввакум был отправлен назад в Москву, на Никольское подворье, где его уговаривали три архимандрита — владимирского Рождественского монастыря Филарет, новгородского Хутынского — Иосиф и ярославского Спасского — Сергей. 8 июля к Аввакуму «по цареву велению» для новых уговоров приезжал Д. М. Башмаков. 10 июля с той же целью приезжали друг и приближенный Алексея Михайловича Артамон Сергеевич Матвеев (1625— 1682), в то время состоявший при восточных патриархах, заседавших на церковном соборе, и архимандрит Чудовский Иоаким, и в тот же день Аввакума брали в Чудов монастырь для уговоров митрополит Павел Крутицкий и архиепископ Иларион Рязанский. 11 июля Аввакума вновь уговаривал архимандрит Иоаким. 17 июля состоялся над «расколоучителями» приговор церковного собора, осудившего их и предавшего анафеме. 20 июля Аввакум, Лазарь, Епи-,фаний, дьякон Федор и симбирский протопоп Никифор отправлены были в Никольский монастырь на Угрешу; 22 июля к Аввакуму приезжал стрелецкий голова Юрий Петрович Лутохин. После этого в июле же Аввакума, Лазаря и Епифания вновь перевезли в Москау на Никольское подворье. Здесь 5 августа всех троих вторично допрашивали архимандриты Филарет, Иосиф и Сергей и взяли у них «сказки о правоверии». (Вопросы, предложенные архимандритами Аввакуму, и ответы на них Аввакума см. в Материалах, II, стр. 21—23) 22 и 24 августа к Аввакуму приходили Артамон Матвеев и доверенное лицо царя, придворный учитель и стихотворец Симеон Полоцкий, «и зело было стязание. много: разошлись яко пьяни» (см.: Материалы, II, стр. 21—26, 32—34; V, стр. 115, 117, 118).

* Таже, братию казня, а меня не казня, сослали...— Указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания был подписан 26 августа 1667 г. На следующий день Лазаря и Епифания «казнили» на

Болоте (в Замоскворечье), урезав им языки. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря 1667 г.

* И я из Пустозерья послал к царю... чтый да разумеет.— Аввакум имеет здесь в виду «четвертую» и «пятую» свои челобитные Алексею Михайловичу.

*...а двоих сынов моих... на Мезень к матери прибрели...— «Порушная запись» с сыновей Аввакума Ивана и Прокопия была взята 20 сентября 1666 г. «Прибрели» они из Москвы на Мезень летом 1669 г., а весной 1670 г. (в марте) вместе с матерью были заключены в земляную тюрьму.

Стр. 47

* Еще же от меня... о догматах церковных.— Речь идет о сочинении дьякона Федора «Сказание о церковных догматах» (напечатано в Материалах, VI, стр. 269—298 и 315—334), посланном около 1 сентября 1669 г.

* Еще же и от Лазаря... царю и патриарху.— Лазарь написал «сказки» царю и патриарху и подал о них челобитную 20 февраля 1668 г. (см.: Материалы, IV, стр. 223—284; Барсков, стр. 53-67).

*...вопросил его Пилат...— Пилатом Аввакум называет стрелецкого полуголова Ивана Елагина, упоминаемого ниже под своим собственным именем. Присвоение Елагину ставшего нарицательным имени «Пилат» объясняется тем, что своей жестокостью Елагин ассоциировался у Аввакума с Пилатом, предавшим Христа на казнь.

Стр. 60.

* Некогда и друг... прощен бысть.— Речь идет об отречении от Христа апостола Петра, рассказанном в Евангелии (Евангелие от Матфея, XXVI, 75).

* Посем той же полуголова...— Стрелецкий полуголова Иван Елагин приехал в Пустозерск весной 1670 г. после казней на Мезени в марте. 14 апреля того же года состоялась «казнь» Лазаря, Епифания и Федора, после которой все, включая и Аввакума, были помещены в земляную тюрьму.

*...с доброю дружиною...— То есть с Федором юродивым и Лукой Лаврентьевичем.

Стр. 49.

*...стражие же пре[д]дверьми стрежаху темницы — из Деяний апостолов, XII, 6.

*...поем... Песни Песням... «се еси... в силе своей»...— Здесь Аввакум перефразирует первые два стиха IV главы Песни Песней Соломона, в которой, однако, Соломон воспевает не мать свою Бирсавию, а возлюбленную Суламифь.

* «шедше в мир... осужден будет» — из Евангелия от Марка, XVI, 15—16.

* «не может древо... плод добр творити» — из Евангелия от Матфея, VII, 18.

Стр. 50

* ...не по што ходить в Перейду, а то дома Вавилон.— Образы «Персиды» и

«Вавилона», восходящие к популярной в средние века библейской легенде о преследовании трех отроков царем Навуходоносором (Книга пророка Даниила, III), обычно используются Аввакумом в связи с воспоминанием о заключении в воровскую земляную тюрьму «тричисленной единицы» — Морозовой, Урусовой и Даниловой (после 19 апреля 1673 г.). Ср. в четвертой беседе: «Не по што в Персы итти печи огненные искать, но Бог дал дома Вавилон: в Боровске печь халдейская...», тот же образ — в послании Морозовой, Урусовой, Даниловой в письме Симеону.

*не прелагаю предел... положено — перефразировка библейской формулы (Притчи Соломона, XXII, 28).

*...крест... переменить... — Здесь имеется в виду замена восьмиконечного креста четырехконечным.

*...и около купели... против солнца ж водят... — Во всех этих случаях до никоновской реформы в русской церкви практиковался обычай ходить «посолонь», то есть по течению солнца.

*...«печатай, Арсен...» — Арсений Грек, справщик церковных книг при Никоне, приехал в Москву в 1649 г. вместе с иерусалимским патриархом Паисием. В глазах консервативно настроенных москвичей он был человеком весьма подозрительным, так как, будучи выучеником иезуитской коллегии в Риме, приняв, хотя и вынужденно, на время магометанство, затем став униатом, не внушал к себе доверия прежде всего по своим моральным качествам. Вскоре же по прибытии в Москву он за «еретичество» был сослан в Соловки, но в 1652 г. освобожден и сделан Никоном справщиком и переводчиком богослужебных и канонических книг. В 1662 г. Арсений вновь был сослан в Соловки, пробыв там на этот раз четыре года. Участие Арсения в книжных исправлениях само по себе было достаточным поводом для того, чтобы в глазах противников Никона скомпрометировать его деформаторскую деятельность.

*...не нам, Богу нашему слава.— Ст.: Псалтирь, СХIII, 9.

* «аще и невежда словом, но не разумом» — из второго Послания вл. Павла к коринфянам, XI, 6.

*...книгою святого Ефрема Сирина... — Ефрем Сирин — один из виднейших «отцов церкви» IV в. «Слова» и поучения его, особенно собранные в книге «Паренесис», известны были на Руси с XIII—XIV вв. Мрачная философия Ефрема Сирина, проникнутая мыслями о тщете жизни и торжестве смерти, пришлась особенно ко времени в пору гонений на приверженцев старой веры, а его «Слово об антихристе» оказалось злободневным в связи с толками о пришествии антихриста как раз в это время.

Стр. 51

* «призри на мя и помилуй мя!» — из Псалтири, СХVIII, 132.

* «аз ти о имени Господни... Бог призирает» — выдержка из молитвы Василия Великого над «обуреваемыми нечистым духом» и над «крещаемыми».

Стр. 52

* Сундовик — правый приток Волги.

*...к другу своему Илариону... мучитель стал христианской.— Земляк Аввакума

Стр. 53

* Иларион с 1649 по 1656 г. был игуменом макарьевского Желтоводского монастыря. Пробыв затем недолго архимандритом нижегородского Печерского монастыря, он в 1657 г. стал архиепископом Рязанским, а с 13 июня 1669 г. митрополитом. Был суровым противником и гонителем старообрядцев. Умер 6 июня 1673 г. Судя по тому, что Аввакум говорит здесь о нем как еще о живом, можно полагать, что «Житие» написано было до середины 1673 г. О том, что Иларион за четыре года до смерти был возведен в сан митрополита, Аввакум мог не знать.

* И как рыбою покормлю... говорит: «...меня ослабил!» — Рыба считалась символом Христа.

Стр. 54.

* «да не имать со мною части во царствии небеснем!» — перефразировка слов Христа, сказанных апостолу Петру во время омовения ног перед «тайной вечерей» (Евангелие от Иоанна, XIII, 8).

*...во время переноса и досадил мне.— По старорусским демонологическим представлениям, дьявол делал обычно последнюю попытку овладеть своими жертвами во время одного из центральных моментов литургии, переноса «даров» с жертвенника на престол.

Стр. 57.

* «О всепетую» — заключительный «икос» акафиста Богородице.

*...пять тысяч пятьсот лет во аде был осужден.— Аввакум исчисляет время от библейской даты сотворения мира до рождества Христова в 5500 лет. Эту цифру старообрядцы отстаивали против цифры 5508, принятой никонианами (ср.: Материалы, IV, стр. 194).

Стр. 58.

* Терпение... до конца,—Из Псалтири, IX, 19.

* Шакша — пресноводное озеро в Забайкалье, вблизи озера Иргень.

Стр. 59.

* Царевна Ирина Михайловна (1627—1679)—старшая дочь царя Михаила Федоровича, сестра царя Алексея Михайловича.

*...старец... повелеваю ти, напиши и ты рабу тому Христову...— Старец Елифаний «повеление» Аввакума исполнил и написал свое «Житие» (текст см.: Робинсон, стр. 179—202).

* елика сотвори... дела своя — из Деяний апостолов, XV, 4; XIX, 17-18.

* «аще языки человеческими... есмь» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 1—2.

*См. очень близкую параллель к этому рассуждению Аввакума о русском языке в его «Книге толкований» (см. стр. 99—116).

ИЗ «КНИГИ БЕСЕД»

«Книга бесед» создавалась Аввакумом в период пустозерской ссылки, с 1669 по 1675 г. Она включает самые различные произведения (наряду с беседами здесь находятся письма и послания Аввакума к разным лицам) и поэтому лишь формально может рассматриваться как единое произведение, как это было предложено П. С. Смирновым в предисловии к изданию произведений Аввакума 1927 г. (см.: Памятники, стр. XIX—XXXII).

Основное содержание сборника составляют десять бесед: 1. О первых противниках церковных преобразований; 2. Об образе креста Христова; 3. Об иноческом чине; 4. Об иконном писании; 5. О внемн ней мудрости; 6. О днях поста и мясоestia; 7. О старолубцах и новолубцах; 8. Об Аврааме; 9. Толкование на 87—88 зачало Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна; 10. Беседа о наятых делателях.

Эти беседы, по мере их написания, Аввакум отправлял вместе с сопроводительными письмами своим единомышленникам — «всем горемыкам миленьким на всем лице земном», «старице Мелании с сестрами и подначальною Анисьею», «тричисленной единице» — Морозовой, Урусовой и Даниловой. Автографов «Книги бесед» не сохранилось, но списков много, что свидетельствует о большой популярности бесед в старообрядческой среде — некоторые из списков относятся к XIX в. Количество бесед в различных рукописных сборниках неодинаково, имеются расхождения и в последовательности бесед и небольшие разночтения в тексте. В полном объеме «Книга бесед» ни в одной рукописи не представлена.

«Книга бесед» печатается по списку XVIII в. (ГПБ, собр. Богданова О. И. 1059). Названия бесед предложены Н. Субботиным (см.: Материалы, V) и П. С. Смирновым.

[Введение]

Печатается с сокращениями.

Стр. 60

* Книгу святую собрал от святого писания... на крестоборную ересь...— По обычаю публицистов того времени, например митрополита Даниила, Максима Грека, Аввакум указывает на несамостоятельный характер своего творчества и на цели, которыми было вызвано появление произведения. Свое сочинение Аввакум называет «книгой на крестоборную ересь», так как в одной из бесед обвиняет никониан в отвержении истинной формы креста.

*...человека грешна... и бесславна...— Традиционное самоуничтожение, которым обычно сопровождал автор свою характеристику.

*...пасяхся со свиньями...— Имеется в виду евангельская притча о блудном сыне, который во время скитаний, обнищав, ел вместе со свиньями (Евангелие от Луки, XV, 11—32).

* Человек бысть Иов...— В библейской Книге Иова (X— XLII) рассказывается: чтобы испытать веру Иова, Бог подвергает его всевозможным несчастьям; сначала Иов ропщет на Бога, но затем смиряется. Вскоре он был снова возвышен и награжден.

* Моисей—древнееврейский пророк; по библейскому преданию, основатель иудейской религии; как человек особенно благочестивый, был предназначен Богом вывести евреев из египетского рабства и отвести их в землю Ханаанскую, «кипящую млеком и медом» (Исход, XII—XLI).

*...молитвою постави на небе текущее солнце...— Иисус Навин, ученик Моисея, после смерти его приводит евреев в Ханаанскую землю. В Книге Иисуса Навина (X, 12 — 14) рассказывается, что во время битвы израильтян с ратью аморрейского царя около города Гаваона Иисус обратился к Богу с молитвой остановить солнце и луну, чтобы закончить битву в течение дня, и молитва его сбылась,

* «обретох Давыда, сына Иессеева, мужа по сердцу моему» — слова ап. Павла, обращенные к израильтянам (Деяния апостолов, XIII, 22).

*...устыдешася лютые звери... — Пророк Даниил, которому приписывался дар прорицания и угадывания снов, был советчиком царей Навуходоносора, Валтасара, Дария и Кира. По Библии, оклеветанный языческими жрецами, он по приказу Кира был брошен в ров К семи некормленным львам, которые не тронули его (Книга пророка Даниила, XVI, 28—32).

*...его же принесе ангел... к Даниилу. — В Библии рассказывается, что Бог приказал пророку Аввакуму отнести брошенному в ров Даниилу обед. Так как Аввакум находился далеко от Вавилона, места заключения Даниила, ангел поднял Аввакума за волосы и перенес его в ров (Книга пророка Даниила, XIV, 33—39).

*...я и сам сижу в рове... сам пят... — «Рвом» Аввакум называет пустозерскую земляную тюрьму, в которой он вместе с соузниками попом Лазарем, иноком Епифанием, дьяконом Федором и юродивым Киприяном (о нем см. прим. к стр. 76) находился с апреля 1670 г. Об условиях жизни Аввакума в земляной тюрьме очень образно рассказано в Прянишниковском списке «Жития» (см.: Житие, 1960, стр. 341) и в некоторых письмах.

*...в настоящее время. — Судя по дальнейшим словам Аввакума: «А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидят», — первая беседа Аввакума, которая является непосредственным продолжением введения, была написана в 1675 г. (осада Соловецкого монастыря началась осенью 1668 г.), до 7 июля — дня казни Киприяна, который упоминается здесь как живой.

* Увы, увy, мне!., из чрева матере моя.— Неточная цитата из Книги Иова.

* Понеже антихрист прииде ко вратам двора... — По предсказаниям Кирилловой книги, пришествие антихриста на Русь должно было произойти в 1666 г., поэтому многие старообрядцы вначале склонны были

считать антихристом Никона. Но церковный собор 1666 г., судивший раскольников, сместил с патриаршего престола и Никона, и его стали рассматривать лишь как «предтечу» антихриста, царство которого должно наступить в недалеком будущем. Этой точки зрения придерживался и Аввакум.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

«Повесть о страдавших в России со древлецерковная благочестная предания» Заглавие взято из другого списка «Книги бесед» XVIII в. (ВАН собр. Дружинина, № 39, л. 181).

Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 60. В лета 7160-го году... в чернецах Никон...— Никон наречен был в патриархи 25 июля 7160 (1652) г.

*...на Иосифово место.— Предшественник Никона, патриарх Иосиф, умер 15 апреля 1652 г.

Стр. 61

* И я, окаянной... приписал свою руку.— Выставляя кандидатуру Никона как своего единомышленника, «ревнители благочестия» рассчитывали играть при нем видную роль в делах церкви.

*...повелеваяй трема персты креститися... почали обличать еретика...— Открытое столкновение между кружком «ревнителей благочестия» и Никоном произошло сразу же после его распоряжения о поклонах и троеперстии, которое он разослал по всем московским церквям весной 1653 г. Это распоряжение казалось Аввакуму и его единомышленникам тем более кощунственным, что двуперстие било закреплено Стоглавым собором (1551).

* И рассеяны быиш... при Стефане апостоли.— Из Деяний апостолов, XI, 19. Своих соратников Аввакум сравнивает с апостолами, которые после смерти «первомученика» Стефана, обвиненного в «глаголах хульных» на Моисея и Бога и избитого за это камнями, разошлись по разным странам и там проповедовали «слово Божие».

*...Даниила... в земляной тюрме заморил...— Даниил был расстрижен и сослан в Астрахань в августе 1653 г., вскоре после того, как он вместе с Аввакумом подал царю челобитную, в которой просил за Неронова.

*...Логина... сослал, тут и скончался в мор...— О расстрижении Логгина очень образно рассказал Аввакум в своем письме Ивану Неронову от 14 сентября 1653 г. (см.: Материалы, I, стр. 23— 34).

*...со мною 60 человек у всеощнова взял...— В более ранних произведениях Аввакум указывает меньшую цифру. В том же письме к Ивану Неронову, например, он говорит, что «человек с сорок» с ним взяли; Иван Данилов, священник Казанского собора, где служил и Аввакум, в письме к тому же Неронову называет и более точное число — тридцать три. Возможно, Аввакум забыл подробности дела, происходившего двадцать лет назад, но не исключено также, что он

умышленно указал большее число своих слушателей, чтобы подчеркнуть как свою популярность, так и жестокость Никона.

*...в Даурскую землю сослал... яко непогребенozo мертвеца.— Аввакум был сослан в Сибирь в сентябре 1653 г., вернулся в Москву весной 1664 г., то есть был в ссылке около одиннадцати лет.

* Егда же выехал на Русь, на старые чепи и беды попал.— В связи с возвращением из ссылки у Аввакума появились надежды на то, что старая вера снова восторжествует. Однако, приехав в Москву, он сразу понял, что эти ожидания напрасны, так как исправление богослужебных порядков в это время распространилось на весь чин церковной службы и было утверждено церковными определениями 1654 и 1656 гг.

* Жена моя... в земли же сидит.— Жена и малолетние дети Аввакума, прибывшие в ссылку на Мезень 29 декабря 1664 г., прожили там около тридцати лет, пока не были освобождены по просьбе князя Василия Голицына и не переехали в Москву, где, как показал на допросе в 1720 г. сын Аввакума Иван, они жили сначала в Елохове, а потому купили свой двор в Троицком приходе.

* Старшие сыновья, Иван и Прокопий, вновь «прибтели» на Мезень летом 1669 г. и с марта 1670 г. были заключены вместе с матерью Анастасиею Марковной в земляную тюрьму.

* И старец Соловецкая пустыни... говорит также.— Как видно из «Жития» Аввакума, в Москве языки были «резаны легко», так что «осталось немного», и подвергнутые казни Епифаний и Лазарь могли говорить. Это обстоятельство явилось причиной возникновения легенды о «чудесном исцелении» обоих, причем, очевидно, дело не обошлось без заимствования чудес из житий византийских богословов и философов Иоанна Дамаскина (конец VII в.— ок. 754) и Максима Исповедника (582—662). Вторичное «урезание языков» было произведено 14 апреля 1670 г.; кроме того, тогда же Епифанию отсекли на руке четыре пальца, а Федору отсекли руку «поперег ладони».

* Киприян — московский юродивый, через которого Аввакум подал Алексею Михайловичу 21 ноября 1664 г. «третью» челобитную. Был казнен в Пустозерске 7 июля 1675 г.

* А Соловецкой монастырь в осаде 7 лет от никониян сидит. — Еще в 1657 г. монахи Соловецкого монастыря отказались принять новые богослужебные книги и обряды, объявив их «латинской прелестью», а через несколько лет, в 1668 г., заявили о своем открытом неподчинении правительству. Начавшись движением в защиту «старой церкви», Соловецкое восстание вылилось в активное выступление против государственной власти. Его основной движущей силой были монастырские трудники — крестьяне и посадские люди, жившие на Соловецких островах, так как монастырь имел соляные варницы, кожевенные избы, слюдяные разработки, поташные заводы, рыбные ловли. Среди монахов находилось много опальных людей, для которых отдаленный монастырь, расположенный на островах Белого моря, был

местом ссылки. Окрестное население активно поддерживало восставших, стекаясь под защиту крепких стен монастыря и помогая его обитателям припасами. Упорное сопротивление восставших было сломлено через восемь лет, 27 января 1676 г., в результате предательства монаха-перебежчика, открывшего потайной ход в монастырь.

* На Мезени... двух человек удавили...— В марте 1670 г. были повешены два преданнейших ученика Аввакума — юродивый Федор и двадцатипятилетний Лука Лаврентьевич.

* В Нижнем человека сожгли... тысяща тысящами положено под меч...— В этом перечне никоновых мучительств, очевидно, много преувеличений. Кажется странным, что были казнены второстепенные представители раскола, люди совсем неизвестные, а главные его деятели только отправлены в ссылку.

* А иные ревнители... сожигаются огнем своею волею.— Первые случаи самосожжения относятся к 1665 и 1666 гг. Но особенно распространилась практика «огненного крещения» после разгрома крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, тогда крестьяне, не имея возможности активно сопротивляться притеснениям со стороны помещиков и правительства, бежали на восток, юг и юго-восток государства, уходили в леса и пустыни, морили себя голодом и, наконец, сжигали себя в срубах. Массовые самосожжения имели, например, место около Нижнего Новгорода в 1671—1672 гг. после карательной экспедиции князя Ю. А. Долгорукова (ум. 1682), отряды которого пролили море крестьянской крови. Об этом самосожжении Аввакум неоднократно вспоминает (например, в письме к Симеону) и одобряет его.

Стр. 62.

* Мы же еще в море, плаваем пучиною — образ, идущий от Евангелия (Евангелие от Марка, VI, 45—48).

* Душе моя, душе моя, восстани... вся исполняли — молитва, читаемая на пятой неделе великого поста.

*...Феодосья Прокопьевна Морозова... в землю живы закопаны...— Морозова, Урусова и жена стрелецкого полковника Данилова были сосланы в Боровск в 1673 г. Когда Аввакум писал о них в беседе первой, они доживали последние месяцы: Урусова умерла 11 сентября 1675 г., Морозова — 2 ноября, Мария Данилова — 1 декабря того же года. В Житии боярыни Морозовой утверждается, очевидно, не без оснований, как показывают близкие даты смерти узниц, что их уморили голодом: питание вначале было самое скудное, а с Петрова дня (29 июня) им вообще под страхом смертной казни запрещалось передавать какую-либо еду.

* Осмь тысящ хрестиян имела...— Утверждение Аввакума не преувеличение, так как и Соковнины, из рода которых происходила боярыня Морозова, были очень состоятельны, Морозовы же принадлежали к числу самых богатых людей русского государства.

*...дети малы... разориться не хочется...— Говоря о суетности мирских интересов, Аввакум явно отталкивается от евангельской притчи о званых на брак, которая толкуется так: за мирскими делами люди забывают о своем долге перед Богом (Евангелие от Луки, XIV, 16-21).

ИЗ БЕСЕДЫ ВТОРОЙ

[Об образе креста Христова]

В рукописях эта беседа является непосредственным продолжением первой и, очевидно, была написана в то же время — в 1675 г., хотя и не содержит точных указаний на время создания.

Стр. 62

* «приидет к тебе слава Ливанова... ногу моею прославлю» — из Книги пророка Исаяи, LX, 13.

Стр. 63

*...крест трисоставный... четвероконечный римский крж почитают...— В числе разногласий между старообрядцами и никонианами были разногласия и о форме креста. Опираясь на церковное предание, старообрядцы отдавали предпочтение восьмиконечному кресту, на котором якобы был распят Христос. Они не соглашались с никонианами, которые признавали четырехконечный крест равным с восьмиконечным, и объявили первый «латинским кржом» (крж— крест, польск.).

*...Василий Великий рече: «не прелагай пределы, яже положиша отцы!» — Василий Кесарийский, или Великий (329—379),— епископ Кесарии Каппадокийской, один из так называемых «отцов церкви», сыгравший крупную роль в процессе оформления христианства в религию господствующего класса и создании института монашества. Его требование не изменять правил, введенных «отцами», чрезвычайно импонирует Аввакуму, который неоднократно повторяет его в своих сочинениях.

*...научением сатаны,— говорят: Соломону-де царю бес... в лежащих и не свидетельствованных.— Для того, чтобы обличить никониан и доказать превосходство восьмиконечного креста над четырехконечным, Аввакум вспоминает события ветхозаветной истории, используя в качестве источника наряду с канонической Библией апокрифические сказания о крестном древе. К рассказу Аввакума можно провести параллели из следующих апокрифов: «О винограде и како растяше»; «Севирияна епископа Авасильского о древе спасенного креста, где обрегесе и како бысть»; «Сказания Григория Богослова о кресте честном и о двух крестах разбойничьих»; «Исповедания Еввы»; «Слова о Адаме и Евге от зачала и свершения»; «Слова о древе крестном» (см.: Ложные и отреченные книги).

* И при царе... обоготвориша... чудотворная была...— Царь Езекия, по Библии (Четвертая книга Царств, XVIII, 4),— добродетельный царь, разрушивший всех идолов, в том числе и медного змея Моисея, почитавшегося евреями. В Книге Исход рассказывается, что, когда

Моисей вел своих соплеменников через Синайскую пустыню, они возроптали на трудности и за это были наказаны появлением множества ядовитых змей. Спаситься от них можно было лишь посмотрев на изваяние большого медного змея, который был сделан Моисеем по повелению свыше.

*...повеле Пилат титла положить.— На кресте над головой Христа была сделана издевательская надпись на греческом, еврейском и латинском языках: «Это царь иудейский» (Евангелие от Матфея, XXVII, 37, и в других Евангелиях).

Стр. 64

* Пространно о том Елифаный Кипрский благовестит...— Елифаный Кипрский (род. первая треть IV в.— 403) — финикиец, епископ на острове Кипр, автор многочисленных богословских произведений, из которых трактат «О двадцати двух пророках Ветхого завета и трех Нового завета и о двенадцати апостолах и семидесяти учениках Христовых» интересен множеством устных легенд.

* А без возглавия — тот не Христов крест... верхней конец креста, по прошению его.— Эти сведения Аввакум заимствует из апокрифических «Деяний апостолов Петра и Павла». Когда по приказу Нерона распинали Петра, он сказал: «Господь мой Иисус Христос с небес на землю пришел и просто на кресте пригвоздился, меня же зовет с земли на небо, поэтому распните главу мою к земли, а к небу направьте ноги мои, так как не достоин быть на кресте, как был Господь мой» (см. Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. М., 1889, стр. 18).

*...мудрование... киевских унийт...— Говоря о киевских униатах, Аввакум имеет в виду Брестскую унию 1596 г., которая должна была привести украинскую и белорусскую православную церковь в подчинение римскому папе. На Руси к Брестской унии относились резко отрицательно.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

[Об иноческом чине]

А. К. Бороздин (см.: Бороздин, стр. 198) датирует сочинение 1672 г.

Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 64. ...клубуки рогатых...— Некоторые современники Аввакума были склонны объяснять введение на Руси высоких клубуков, принятых у остальных вселенских патриархов, тем, что этот фасон очень нравился Никону (см.: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 1898; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Троице-Сергиевская лавра, 1909, стр. 200—202). «Клубуцы рогатые» были тем более скомпрометированы в глазах Аввакума, что они обличаются в некоторых полемических сочинениях против латинян (например, в рассказе о Петре гугнивом; рассказ этот встречается в Толковой Палее, в Кирилловой книге

и в Четьх Минях Макария, то есть в источниках, хорошо известных Аввакуму).

* Бысть в Риме... на престоле в папах баба еретица.— Подробности о папессе Иоанне также заимствованы из распространенных издавна обличительных рассказах о латинянах.

Стр. 65.

* Евгений — Евгений IV, папа римский в 1431—1447 гг. инициатор созыва Флорентийского собора.

* Фелик — Феликс V, папа в 1439—1449 гг., ведший борьбу за папский престол с Евгением IV.

* ...во Флоренце граде собор.— На Ферраро-Флорентийском соборе в июле 1439 г. была заключена уния между католической и православной церквами при условии главенства папского престола. В конце XIV — начале XV в. Византийское государство переживало глубокий упадок, вызванный феодальными междоусобицами и борьбой за престол. С востока Византии постоянно грозила опасность со стороны турок — уже в XIV в. Византия потеряла значительную часть своих территорий. Чтобы получить помощь от Запада, византийское правительство согласилось на церковную унию. Флорентийская уния никакой реальной пользы Византийской империи не принесла, она нужна была лишь папству для укрепления его положения.

* Марко Ефесский — Марк, митрополит Ефесский (ум. 1450), защитник православия на Флорентийском соборе, отказавшийся подписать акт о соединении церквей.

* Тому времени 282 года, как бысть Фларенский собор.—А. К. Бороздин считает, что при переписке сочинений Аввакума была сделана ошибка от смешения славянских цифр 30 и 80 и следует читать: 232 года (см.: Бороздин, стр. 198).

* Иван Калуйн — византийский император Иоанн VI Палеолог (1425—1448). Цареградский Иосиф — Иосиф II, патриарх Константинопольский, умер в Италии в 1439 г.

* А митрополит наш московский... Его же князь... предал под начал...— В заседаниях Фёрраро-Флорентийского собора участвовал московский митрополит Исидор, грек по национальности, который принял унию и был возведен в сан кардинала. Однако после первой же службы, совершенной в Успенском соборе в Москве, он был объявлен «латинским прелестником и еретиком», заключен, по распоряжению великого князя Василия Васильевича, в Чудов монастырь и затем осужден собором епископов. Сведения, сообщаемые Аввакумом, очень близки по содержанию к «Инока Симеона суждальца повести, како римский папа Евгений состави осмий собор со своими единомышленниками», известный по списку Хронографа русской редакции XVII в. (на «летописи латынские» и «летописцы русские» ссылается и Аввакум).

* И наш старец... преподобный Сергей Радонежский...— В сказании «О презвитере и о мужех, бывших в латынских странах», записанном в

Троице-Сергиевом монастыре около 1441—1443 гг. со слов Симеона Суздальца, рассказывается, как Симеон бежал от Исидора из Венеции, убедившись в его еретичестве, сбился с пути и был выведен на правильную дорогу святым Сергием Радонежским. Этот рассказ вошел в Хронограф. «Инока Симеона суждальца повесть» и сказание «О презвитере и о мужех, бывших в латынских странах» см. в кн.: Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, стр. 344—359.

Стр. 66

*...Константина царя, предал Бог... царство греческое с ним.— С завоеванием турками Константинополя в 1453 г. Византийская империя прекратила свое существование.

* А на Русь было напярк в мимошедшем году.— Трудно сказать, какое именно столкновение русских с турками имел в виду Аввакум.

* «Безумие, в сию ночь... будет?» — из Евангелия от Луки, XII, 20.

* Почти себе пророка Софония 3 главу...— Аввакум, вероятно, имел в виду слово св. Ефрема (Пролог, от 8 марта) — «Яко не подобает черноризцу много риз имети».

* Василий Великий иноку повелевает...— В «Поучении святого Василия како подобает человеку быти» рекомендуется: «мало глаголати, а более разумевати, не дерзу быти словом, ни пререкати а речех, не скоро в смех впадати, очи долу имети, а душе горе...» (см. в кн.: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. СПб., 1897, стр. 20).

Стр. 67

* Иван Предтеча — Иоанн Креститель, или Предтеча (предшественник), крестил Иисуса Христа (Евангелие от Матфея, III, 13—16).

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ [Об иконном писании]

Создана не раньше 1673 и не позже 1675 г., так как здесь говорится о сосланных в Боровск Морозовой, Урусовой и Даниловой, умерших в 1675 г., как о живых. Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 67.

*...письма неподобного изуграфы.— В живописи с середины XVII в. возникает новое направление, которое связано с именем мастера Оружейной палаты, крупнейшего художника того времени Симона Федоровича Ушакова (1626—1686). Ушаков и его единомышленники требовали от искусства красоты и верности природе. В «Слове к люботщателем иконного писания» Ушаков говорит, что живопись, как зеркало, должна отражать жизнь. Реалистическое направление в искусстве защищает и «изуграф» Иосиф Владимиров в «Послании» к Симону Ушакову: «Где таково указание изобрели несмысленные любопрители, которые одною формою, смугло и темновидно, святых лица писать повелевают? Весь ли род человеческий во едино обличье создан? Все ли

святые смуглы и тощи были? Кто из благомыслящих не посмеется такому юродству, будто бы темноту и мрак паче света предпочитать следует?» (см.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. АН СССР, 1955, стр. 637). Аввакум в своих эстетических понятиях целиком следовал за постановлением Стоглавого собора (1551), предлагавшим «писати живописцем иконы с древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочий пресловущий живописцы... а от своего замышления ничтоже претворяти» (Стоглав. Казань, 1862, стр. 165). Этот спор о живописи имеет значение для Аввакума и в моральном плане: истинный христианин должен отличаться «бледностью» и «сухостью плоти», изображение же «толстоты телесной» на иконах «фряжского письма» свидетельствует о еретичестве их авторов и оскорбляет чувства истинно верующих (подробно о взглядах Аввакума на живопись и об идеологических основах полемики см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, стр. 278—309).

* Пишут от чина меньшаго, а велиции власти соблаговоляют им...— Отношение правительства к деятельности Симона Ушакова и его последователей было двойственным. С одной стороны, оно действительно им покровительствовало,— так, под руководством Ушакова расписывался дворец в селе Коломенском, причем тематика росписей была в основном светской. Но за иконописью был установлен надзор, и в царской грамоте от 1669 г. предписывалось писать иконы в соответствии с прежними традициями.

*...пишут Спасов образ Еммануила...— Изображение Христа особенно привлекало Симона Ушакова. Известна его икона «Нерукотворный Спас», где лицо Христа под кистью художника приобрело «плотский», человеческий характер.

* А все то... Никон, враг...— Аввакум был неправ, когда приписывал Никону введение «фряжской» манеры письма. К новому направлению в русской иконописи патриарх тоже относился резко отрицательно, как к нарушению греческого стиля изображения святых.

*...в Жезле книге...— Имеется в виду «Жезл правления» — полемический трактат Симеона Полоцкого против раскольников, напечатанный в 1667 г. и посвященный автором царю Алексею Михайловичу.

Стр. 68.

*А Николе Чюдотворцу имя немецкое...— Николай Чудотворец— христианский святой, культ которого сложился в V в. на основе культа Посейдона-Нептуна. По агиографической литературе, являлся архиепископом Мирликийским, одним из 318 отцов 1-го Вселенского (Никейского) собора (в 325 г.); на этом соборе он вел борьбу с арианской ересью. Этот святой был чрезвычайно популярен как в Западной Европе, так и в России. У моряков он почитался как покровитель мореплавания, у крестьян — как покровитель земледелия.

* В немцах немчин был Николай...— Николай Немчин, или Николай Булев, «профессор медицины и астрономии», как называли его

современники; приехав на Русь из Рима в 1490 или 1492 г., он начал вести активную пропаганду за соединение православной церкви с католической.

*...при апостолах еретик был Николай...— Еретик первых времен христианства, упоминаемый в VI главе Деяний апостолов, основатель ереси «николаитов».

* «яко Господь... под мраком соблюде»— из Соборного послания ап. Иуды, 1, 5—6.

* Златоуст Иван и лутче нас был... так спрятали...— В Житии Иоанна Златоуста рассказывается, что жена царя Аркадия Евдоксия отняла виноградник у вдовы некоего Феогноста. С бесстрашными обличениями против царицы выступил Иоанн Златоуст. Разгневанная Евдокия приказала созвать собор епископов для суда над Иоанном, а затем отправила его в заточенье в «Куксы арменский».

* И Филипп митрополит на Москве.— Имеется в виду митрополит Филипп, живший при Иване IV и принявший участие в заговоре бояр против царя (сам Филипп происходил из знатного боярского рода Колычевых). В 1568 г. митрополит Филипп был низложен и сослан в Тверской Отрочь монастырь, а затем удушен.

* Не по што в Персы итти... Бог дал дома Вавилон...— Аввакум вспоминает библейский эпизод, рассказанный в Книге пророка Даниила (III, 12—25), как вавилонский царь Навуходоносор приказал своим подданным поклоняться золотому тельцу. Приказа царя ослушались три еврейских отрока-пленника — Анания, Азария и Мисаил — и были за это брошены в печь, но остались невредимыми благодаря молитве, с которой они обратились к Богу.

*...в Боровске пещь халдейская, идеже мучатся святии отроцы...— То есть земляная тюрьма, в которой заключены Морозова, Урусова и Данилова. Халдеи — название одного из народов, живших в Вавилонском царстве.

*...претвори Навходоносора сопреди тельцом, а создаи львом...— Навуходоносор за гордость был превращен в вола с львиной гривой и птичьими когтями (Книга пророка Даниила, IV, 30—31).

Стр. 69

* Господь гордым противится, смиренным же дает благодать — из Соборного послания ап. Иакова, IV, 6.

*...сложение перстов — малакса... то антихристова печать.—То есть троеперстное знамение, названное здесь так по имени навплийского протопопа грека Николая Малаксы, жившего в XIV в. Его учение о крестном знамении вошло в «Скрижаль», одобренную церковным собором 1656 г.

БЕСЕДА ПЯТАЯ (О внешней мудрости]

Написана не позднее первой половины 1673 г., так как здесь упоминается как здравствующий рязанский архиепископ Иларион, умерший 6 июня 1673 г. Печатается с небольшими сокращениями.

Стр. 69.

* Неврод (Нимрод) — по библейскому преданию, основатель Вавилона, виновник вавилонского столпотворения, основоположник идолопоклонства (Книга Бытия, X, 9—10).

* Ермис—Гермес, один из древнейших богов Греции, покровитель путешественников и бог торговли.

*...Артемида любодееица...— Артемида — греческая богиня — покровительница животных и охоты, покровительница женского целомудрия и охранительница матери во время рождения ребенка. Аввакум, как это является из его сочинения «Списание и собрание о Божестве и о твари...», имеет в виду не Артемиду, а Афродиту, богиню любви и красоты.

*...о них же Гронограф и еси кронники свидетельствуют...— Все эти сведения взяты Аввакумом из русского Хронографа, который возник в XV в. и пополнялся вплоть до первых десятилетий XVII в., а также из переводных византийских хроник типа «Еллинского и Римского летописца».

* Платон (428—343 до н. э.), Пифагор (ок. 571—497 до н. э.), Аристотель (384—344 до н. э.) — древнегреческие философы.

* Диоген, (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ, представитель кинической школы, считавшей высшей нравственной задачей подавление страстей, сведение к минимуму всех потребностей.

* Иппократ—Гиппократ (ок. 460—377 до н. э.), врач Древней Греции, один из основоположников античной медицины.

* Галин — Гален Клавдий (ок. 130 — ок. 200)—римский врач, один из теоретиков античной медицины.

* «поставлю престол мой... подобен вышнему» — неточная цитата из Книги пророка Исайи, XIV, 13—14.

Стр. 70.

* Помните... пред патриархами теми вселенскими...— Заседание церковного собора, на котором вселенские патриархи судили Аввакума, состоялось 17 июля 1667 г.

* Иларион и Павел — Иларион — архиепископ Рязанский, Павел — митрополит Крутицкий, главные деятели церковной реформы.

ИЗ БЕСЕДЫ ВОСЬМОЙ

[Об Аврааме]

Написана до 6 июня 1673 г.— даты смерти митрополита Илариона, который упоминается здесь как здравствующий.

Стр. 71.

* Сей Мелхиседек сын царев... вместо пития росу лизаше...— В основу рассказа Аввакума о «Мелхиседеке положено апокрифическое «Слово Афанасия, архиепископа Александрьского о Мелхоседеце» (см.: Ложные и отреченные книг и, стр. 22; Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877, стр. 133). По Библии,

Мелхиседек, царь Салимский, увидев Авраама, вынес хлеб и вино и благословил его «как священник Бога вышнего», хотя и не был поставлен священником (Книга Бытия, XIV, 18—20). Личность Мелхиседека была популярна у старообрядцев в связи с их учением о возможности приобщаться у лиц, не имевших официально духовного сана.

* Друг мой Иларион...— С Иларионом Аввакум познакомился еще в молодости, когда тот был игуменом Макарьевского монастыря, в Нижегородском крае. Во время церковных преобразований Иларион принял деятельное участие в борьбе с расколом.

Стр. 72

* На Павла митрополита что глядишь? Тот не живал духовно...— У Аввакума были основания ненавидеть Павла Крутицкого: по прибытии с Мезени опальный протопоп был отдан Павлу «на уговоры» и пробыл пять суток на его дворе в Крутицах, подвергаясь истязаниям. По наущению Павла Крутицкого «мучал» затем Аввакума, «переменяя чепа», и игумен Панфутьева монастыря.

*...Исайю пророка пилою перетерли...— Исайя — первый из так называемых больших пророков. Происходил, по преданию, из царского рода, проповедовал в течение шестидесяти лет при библейских царях Озии, Езекии и Манассии и по приказанию последнего был замучен.

* Иеремия — пророк, по приказу царя Седекии был брошен в зловонную яму (Книга пророка Иеремии, XXXVIII, 6).

*...Науфея камением побили...— Навуфей — израильтянин, который отказался продать или променять свой виноградник царю Ахаву, за что по приказанию Иезавели, жены царя, был побит камнями (Третья книга Царств, XXI, 1—13).

*...Захарии главу отрезали в церкви...— Пророк Захария был убит «между церковью и алтарем», за свою обличительную проповедь (Евангелие от Матфея, XXIII, 35).

*...и вы меня, стригше... браду отрезали...— См. прим. к стр. 48.

* архидиякона Стефана камением побили — из Деяний апостолов, VII, 58-60.

*...Иякова, брата Иванова, мечем скончали.— По Евангелию, брат Иоанна Богослова Иаков Зеведеев был казнен по приказанию Ирода (Деяния апостолов, XII, 1—2).

* «блажени плачущий, яко тии утешатся» — из Евангелия от Матфея, V, 4.

* «многими скорбьми подобает нам внити в царство небесное» — из Деяний апостолов, XIV, 22.

Стр. 73

* «претерпевый до конца, той спасен будет» — из Евангелия от Марка, XIII, 13.

* Некогда мне печальну бывши... Я плюнул на него, да и очутился...— Сон Аввакума об антихристе навеян апокалипсическими представлениями.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕВЯТОЙ

[Толкование на 87—88 зачало Послания ап. Павла к римлянам и 23 зачало Евангелия от Иоанна]

Беседа написана в 1675 г., что можно видеть из слов Аввакума: «в скорбях от никониян двадесять два лета плаваю» (гонения на старообрядцев начались в 1653 г.).

Стр. 73.

* «Не точию же, но и хвалимся... данным нам» — Из Послания ап. Павла к римлянам, V, 3—5.

*...иногда наг, иногда гладен... и разлучений жены и детей.— Вольный пересказ отрывка из второго Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 23—30.

* «изнемогает, и аз не изнемогаю... не разжизаюся?» — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, XI, 29.

Стр. 74

* Саул...— О Сауле как сильном царе, победителе многих иноплеменников,

рассказывается в Первой книге Царств, IX, 13, 14.

* Егда Доик оклеветал... леввит со архиерей тысячи с две и больше убить.— Имеется в виду эпизод из Первой книги Царств (XXI, 6—7; XXII, 9—19). Когда Давид бежал от ненависти царя Саула, священник города Новмы Авимелех дал ему хлеб и оружие. Об этом донес Саулу Доик, старший пастух царских стад, и Саул приказал избить всех священников, которых считал сочувствующими Давиду.

*...аз-от которой передвигнули... положен был.— «Аз» — союз «а», опущенный никонианами в словах из символа веры — «рожденна, а не сотворенна», относящихся к Христу. (Один из пунктов разногласий между старообрядцами и представителями официальной церкви).

* Григорий Синаит — один из «отцов церкви», родившийся в Малой Азии в последней четверти XIII в. На горе Синае принял монашество, вел аскетический образ жизни, принадлежа к так называемой школе «безмолвников». Аввакум приводит здесь один из канонов Григория Синаита.

Стр. 75.

* Повесть писана в Духовном Цветнике.— «Цветник» — название рукописных и старопечатных сборников, состоящих из мелких выписок, изречений, примеров, извлеченных из разных статей. Со второй половины XVII в. в старообрядческой среде появляются «цветники» полемического характера.

Стр. 76

* Спиридон Потемкин — архимандрит Покровского монастыря, одян из наиболее видных противников церковной реформы. Ему принадлежит сборник из девяти «слов», называемый «Книгою о правой вере» и излагающий учение об антихристе.

*...опреснок...— Пресный хлеб, употребляемый иудеями во время их пасхи (Книга Исход, XXIII, 15). Пресный хлеб употребляют во время церковной службы и католики.

ИЗ БЕСЕДЫ ДЕСЯТОЙ :

[Беседа о наятых делателях]

* «Беседа о наятых» (то есть нанятых) делателях» написана не позднее 1676 г., так как здесь упоминается как здравствующая царь Алексей Михайлович. С этим названием встречается в рукописях.

Стр. 76.

* «нищ же бе некто... не имут веры» — из Евангелия от Луки, XVI, 20—31. Притча о богатом и Лазаре пользовалась большой популярностью в поучительной литературе Древней Руси,

ИЗ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ»

«Книга толкований» является второй книгой по времени написания. Озаглавлена так одним из первых ее публикаторов П. С. Смирновым в соответствии с ее содержанием: она включает толкования Аввакума на псалмы, притчи и премудрости Соломона, книгу пророка Исайи и поучение самого Аввакума «Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове». «Книга» сопровождается обращением к Симеону и приветствием «всем чтущим и послушающим». Адресат «Книги» — Семен Иванович Крашенинников (Симеон), в иночестве Сергей, земляк и один из любимых учеников Аввакума. «Книга» была начата, вероятно, в 1673 г. в первой ее части говорится как о живых о воровских узниках и о царе Алексее Михайловиче (умер в ночь с 29 на 30 января 1676 г.), окончена же (судя по словам Аввакума, что со времени ссылки в Дауры прошло «двадешате три лета и пол-лета и месяц») — в 1676 г.

«Книга толкований» печатается по полному списку конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, собр. Богданова, 0.1.339.).

[ИЗ ТОЛКОВАНИИ ПСАЛМОВ]

Стр. 76.

* «Обновится, яко орлу, юность твоя» — из Псалтири. СП, 5.

* Егда состарееца орел... терние наших грехов.— Это толкование очень близко к тексту Физиолога — средневекового сборника сочинений, большей частью фантастических, о животных, камнях и деревьях (см.: Карнеев, стр. 196—197).

* «Бог наш огонь паядаяй есть» — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 29.

* «...И измойся чистою водою естественною» — неточная цитата из Послания ап. Павла к евреям, X, 22.

Стр. 77

* «Господь на небеси уготова... всеми обладает» — из Псалтири, СП, 19.

Стр. 100.

*...упился еси от жены любодеицы... из золотой чаши подливает,— Аввакум использует апокалипсический образ, где в виде жены, сидящей на «звере червленом» и держащей в руке золотую чашу, «полну мерзости и скверн любодеяния ее», изображается символически греховный город Вавилон (Апокалипсис, XVII, 3-6).

* Упоила римское царство и польское... да и в Русь нашу приехала...— Аввакум здесь явно исходит из учения так называемой Кирилловой книги, согласно которому через 1000 лет после рождения Христова совершилось отпадение римской церкви в «латинство», через 600 лет Западная Русь отпала в унию, а через 60 лет той же судьбы должна была остерегаться Русь.

*...во 160 году...— То есть в 7160 г., или по нашему счету в 1652 г., когда Никон сделался патриархом.

* «Слово законопреступно... не приложит воскреснути» — из Псалтири, X, 9.

*...Жиды лгаху... да распнет его...— По евангельскому преданию, понтийский игемон Пилат предложил народу отпустить на свободу, в соответствии с обычаем, одного из двух осужденных — Иисуса или разбойника Варраву. Архиереи, ненавидевшие Иисуса, подговорили жителей города кричать об освобождении Варравы, и Пилат приказал распять Иисуса, хотя сам был уверен в его невинности (Евангелие от Матфея, XXVII, 15—24).

*...ругающаяся глаголаху: «аще снидет с креста... веру имем ему!»— По Евангелию, когда Христос был пригвожден к кресту, проходившие мимо него говорили, издеваясь: если ты Сын Божий, то спаси себя (Евангелие от Матфея, XXVII, 39—42).

*...на кресте Христа... стрелец рогатиною пырнул.— Имеется в виду эпизод, рассказанный в Евангелии от Иоанна, XIX, 34—35.

* «Ибо человек мира моего... возвеличи на мя пята» — из Псалтири, XL, 10.

*...Сие реченно о Июде предатели... вметаемая ношаше.— Иуда — один из двенадцати апостолов Христа, предавший его за 30 сребреников. В Евангелии от Иоанна (XII, 6) говорится, что он имел «ковчежец», куда складывал деньги, ибо «яко тать бе».

* «Им же образом желает елень... душа моя к тебе, Боже» — из Псалтири, XL, 1, 2.

*...Елень... на вечную смерть устрояюща.— Ср. с Физиологом, где описание оленя, как и у Аввакума, отнесено к 41 псалму (см.: Карнеев, стр. V—VI). Слово о том, что олень «питается мохом, и зиму и лето щиплет подле земли пищу свою», в Физиологе отсутствуют. Эта подробность — результат личных наблюдений писателя над северным оленем.

Стр. 78

* «живых воды... к ней: «...текущи в живот вечный». — Живая вода, которой поит окружающих Христос,—его учение о встрече Христа с самарянской, напоившей его, рассказано в Евангелии от Иоанна, IV, 7—14.

* «Красотою твоею... десница твоя» — из Псалтири, XLIV, 5.

* Евсевий Самосадцкий — епископ Самосатский (IV в.).

* «Помяну имя твое во всяком роде... в век века» — из Псалтири, XLIV, 18.

* Богородицу согнали со престола... — Имеется в виду икона Богородицы, снятая с престола Никоном.

* ...перерезал... что Илья пророк... у трапезы Иезавели-ны... — Илья-пророк уничтожает 850 языческих жрецов, поклонявшихся Ваалу, в ответ на убийство по приказанию царицы Иезавели пророков «Бога единого» Саваофа (Третья книга Царств, XVIII, 1—40). Образ грозного и жестокого пророка Ильи, решительного в средствах борьбы с врагами, чрезвычайно импонирует Аввакуму, который неоднократно уподобляет себя пророкам, в том числе и пророку Илье (см. челобитную царю Федору Алексеевичу).

* ...держаше учение Валаамово... любы творити — из Апокалипсиса, 11, 14. О прорицателе Валааме и моавитском царе Валаке рассказывается также в Книге Чисел, XVIII—XXIII.

* ...новой Валаам. — Аввакум имеет в виду Никона, лишённого церковным собором 1666 г. патриаршего сана и сосланного в белозерский Ферапонтов монастырь.

* ...повесил бы его на высокое древо... род Израилев искоренить — Советник царя Артаксеркса Аман, злобствуя на израильтянина Мардохея, которого отличал царь, решил клеветой погубить весь израильский род, якобы сопротивляющийся распоряжениям царя и в первую очередь Мардохея. Но на дереве, которое Аман приготовил для Мардохея, царь приказал повесить самого клеветника (Книга Есфири, I—VII).

* ...царь Иван Васильевич... — Иван IV (Грозный).

Стр. 79

* ...антихрист, зачнется от блуда... летает к женам... — Рассказ Аввакума о приходе антихриста представляет собой соединение апокалипсического предсказания (Апокалипсис, XX, 7) с народными легендами и сказками о происхождении змеевичей.

* Этот мотив отражен в известной повести XV в. о Петре и Февронии.

Стр. 103.

* ...слово в слово как Никон... что прилично блуду. — Трудно сказать, насколько факты, приведенные Аввакумом, соответствовали действительности, — в других материалах они не находят подтверждения. Изображение патриарха здесь имеет явно полемический оттенок. Оно положило начало обличительным раскольничьим рассказам о Никоне конца XVII — начала XVIII в., например, таким, как «Житие инока Корнилия», где Никон представлен как «большой брат» и «друг» бесов, которому они поклоняются; как «Сказание о Никоне патриархе» и повесть «О Никоне волхве, бывшем патриархе московском», где Никон теряет

человеческие черты и превращается в какое-то сверхъестественное существо, «пестрого и страшного змия».

* И веков тех... ересь содержит.— До исправления церковных книг была принята неверная грамматически, возникшая в результате искажений при переписывании форма — во веки веком,— ее и защищает Аввакум. «Кириллова книга! была составлена в 1644 г, протопопом Черниговского московского собора Михаилом Роговым из полемических сочинений южнорусских писателей: Стефана Зизания (XVI в.), Захария Копыстенского (ум, 1627), Василия, священника Острожского. Была направлена против «латинства» и содержала «учение» о приходе антихриста.

* «херувим из среды огня... неправда в нем» — веточная цитата из Книги пророка Иезекииля, XXVIII, 16.

Стр. 80.

* А во Отечниках написано...— Отечники, или патерики,—сборники рассказов о разных случаях из жизни христианских подвижников, были не лишены занимательности и пользовались популярностью у читателей.

* Во Апокалипсисе писано: «аще кто в пленение ведет... убиенну быти»,— Ср.: Апокалипсис, XIII, 10.

* Манасии пятьдесят лет терпел, да дождался.— По рассказу Четвертой книги Царств (XXI, 2—7) в Второй книги Паралипоменов (XXXIII, 2—13), Манассия «сотворил лукавое перед Господом», поклонялся идолам и пролил много неповинной крови. В наказание за грехи попал в плен к ассирийскому царю, после чего покался. Из Хронографа Аввакум заимствовал подробности о том, что «персы» хотели изжарить Манассию в медном котле, но ангел спас его.

* ...Ионе Ростовскому... с палестинскими сedit...— Ростовский митрополит Иона (1607—1690) принимал участие в церковном соборе 1666—1667 гг., на котором присутствовали вселенские патриархи.

* А о Павле... мерено и говорить...— О жестокости Павла Крупиц-кого по отношению к старообрядцам говорит и современник Аввакума, инок Авраамий, в «Книге, глаголемой челобитной» (см.: Материалы, VII, стр. 267).

* Вот пророк, Давид не солгал, рекше: «браздами и уздою... неприближающихся к тебе».— Из Псалтири, XXXI, 9,

* Не гляди на Озию... дерзнувшаго святая покадити...— Царь Озия, в результате многочисленных побед над врагами, возгордился и решил сам покадить в храме, то есть присвоить себе права священников. В наказание за это Бог послал на него проказу (Вторая книга Паралипоменон, XXVI, 16—20).

*...зри на богоотца... и пророка Давыда... престати от пагубы людцкой — Царь Давид разгневал Бога намерением сосчитать население Израиля в Иудеи. Бог наказывает его тем, что в его земле «от утра до часа обеденного» царит смерть. Видя гибель людей, Давид просит покарать его самого (Вторая книга Царств, XXIV, 7).

*...прибегни, яко блудница...—Шкал грешная жена, каясь в своих проступках, омыла ноги Христа своими слезами, и он отпустил ей грехи, так как она «возлюбила много» (Евангелие от Луки, VII, 38).

*...возопи, яко хананея...— Хананейская жена обратилась с просьбой к Христу исцелить ее бесноватую дочь, что он и сделал (Евангелие от Матфея, XV, 22—28).

*...припади, яко мытарь...—Аввакум имел в виду евангельскую притчу: два человека, фарисей и мытарь, вошли в церковь. Фарисей молился, гордясь своими заслугами перед Богом, мытарь же сокрушался о своей греховности, бия себя в грудь. По словам Христа, второй был более угоден Богу, чем первый (Евангелие от Луки, XVIII, 10—14).

*...яко разбойник, возопи...— Один из двух разбойников, распятых вместе с Христом, обратился к нему со словами: «Помяни меня, Господи, когда будешь в царствии своем»,— на что услышал ответ: «Завтра же со мной будешь в раю» (Евангелие от Луки, XXIII, 42—44).

Стр. 82

* зане яко трава... скоро отпадут — из Псалтири, XXXVI, 2.

*...яко о Феофиле иконоборце Мефодий.— Инок Мефодий, впоследствии константинопольский патриарх (842—846), был противником византийского императора Феофила-иконоборца (829—842); усердно молясь о спасении души еретика Феофила, вымолил ему прощение.

* Пострижена ты... Феодора...— Боярыня Феодосья Прокопьевна Морозова тайно постриглась в монахини в декабре 1671 г., вскоре после того как овдовела.

* Воззри на царя Давыда... отвеща: «...смертному осуждению».— Аввакум близко пересказывает главы XI—XII Второй книги Царств.

Стр. 83

* И глагола ему Нафан... за беззаконие посети.— Этого эпизода нет ни в Библии, ни в Хронографе. Вполне возможно, что авторство его принадлежит самому Аввакуму, который очень вольно обращался с текстом священного писания.

*...предал нам и грамоту... и братом его.— Константин (в монашестве Кирилл) и брат его Мефодий — греческие миссионеры, проповедовавшие в IX в. христианство в Моравии. Изобрели славянскую азбуку и перевели на славянский язык ряд богослужебных книг.

* «Да аще бы и ангельски говорили... барабаны ваши» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 1.

* «Любы не превозносятся... вся любит» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 4—7.

* На шестом соборе бысть... отца своего еретика...— Константин IV Погонат (Бородатый) — византийский император (668—685), при котором на VI Вселенском соборе (680—681) было осуждено так называемое монофелитство, признававшееся отцом Константина IV — Константином II. (Монофелитство — учение о том, что Христос имеет две природы — божественную и человеческую, но единую волю).

* понеже суд бывает без милости несотворившим милости — из Послания ап. Иакова, XI, 13.

* Взри на невитян... Господь: «...притекоша ко мне». — Аввакум очень близко к тексту пересказывает содержание Книги пророка Ионы (I, 1—16; II, 1; III, 4—5; IV, 5—11), пересказывает своими словами и с собственными комментариями, внося детали из русского быта.

Стр. 85

* И в лето, в неже умре Озия царь... И нача паки пророчествовати. — Пересказ VI главы Книги пророка Исаяи.

ИЗ ТОЛКОВАНИЙ НА КНИГИ ПРИТЧЕЙ И ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА

Стр. 85

* Иудейская вся возлюбили... казни неблагодарный прияша... — В Синайской пустыне, куда Моисей привел евреев из Египта по пути в обетованную землю, они возроптали на трудности и говорили, что лучше бы им оставаться в рабстве, но досыта есть. За это они были наказаны нашествием змей (Книга Чисел, XXI, 5-7).

*...Исус Наввин, чад их обрезав... — Об обрезании, которое совершал в пустыне Иисус Навин, рассказано в Книге Иисуса Навина, V, 4-5.

Стр. 86.

* «Падут грады... потекут жесточае» — из Книги Премудрости Соломона, V, 22.

* «Седина же есть мудрость... нескверное» — из Книги Премудрости Соломона, IV, 9.

* Рачение бо злое губит добрая... ум незлобив» — из Книги Премудрости Соломона, IV, 12.

[ИЗ ТОЛКОВАНИЙ НА КНИГУ ПРОРОКА ИСАЙИ]

Стр. 87

* «И ту будет вселение птицам... стеблие» — вольный пересказ слов пророка Исаяи (Книга пророка Исаяи, XXXV, 7).

* Сирий бо есть птица краснопеснивая... красно и сладко пение... — Описание птицы Сирий взято из Физиолога (см.: Карнеев, стр. 244 и 13).

*...писано во Алфавите... — См. прим. к стр. 9—10. Сведения естественнонаучного характера, приводимые Аввакумом, попали в Алфавит (Азбуковник), на который он ссылается, из Физиолога.

*...егда хождаше в пустыни Исус... и рыбою их накормил... — В Евангелии (от Матфея, XIV, 19—21, от Марка, VI, 41—44, от Иоанна, VI, 11—14) рассказывается, что Иисус в пустыне, где он учил народ, сотворил чудо и накормил великое множество людей пятью хлебами и двумя рыбами.

* Претерпевый до конца, той спасен будет — из Евангелия от Марка, XIII, 13.

* «И тамо будет путь чист... и не заблудят» — неточная цитата из Книги пророка Исаяи, XXXV, 8.

Стр. 88.

* «Почто цените сребро не в хлебы... во благих душа ваша» — из Книги пророка Исаяи, LV, 2.

* Развратився Израиль тогда... и кольца серебряные.— Вся эта выдержка представляет собой вольный пересказ слов пророка Исаяи ((Книга пророка Исаяи, II, 7).

* «Горы бо и холми изменятся... не оскудеет» — неточная цитата из Книги пророка Исаяи, LV, 12—13.

*...не прах ли был Илинарх-от...— Имеется в виду открытие мощей соловецкого угодника, игумена Иринарха.

«ЧТО ЕСТЬ ТАЙНА ХРИСТИАНСКАЯ И КАК ЖИТИ В ВЕРЕ ХРИСТОВЕ»

Отрывки из поучения Аввакума, входящего в его «Книгу толкований». Название взято из рукописи (ГПБ, 0.1.399), по которой печатается настоящий текст.

Стр. 89.

*...яко Иосиф Прекрасный... Египта, державы своея.— Иосиф, проданный своими братьями-завистниками в рабство в Египет, стал первым человеком при дворе фараона и отплатил братьям добром за зло, наградив их богатством. В главе XLVI, 29, Книги Бытия рассказывается о трогательной встрече Иосифа и его отца, Иакова, когда Иосиф публично плакал на шее своего отца.

...яко Соломин царь Вирсавию...— Когда Вирсавия пришла с просьбой к своему сыну, царю Соломону, он почтительно встал ей навстречу, поклонился и поставил справа от своего престола престол для нее (Третья книга Царств, II, 19).

Стр. 90.

*...о вдовице и о сиром попекись... обидимаго заступи,..— Ср. Книгу пророка Исаяи, I, 17. Эти слова многократно повторяются в различных древнерусских «словах» и поучениях, в частности в «Почении чадом» Владимира Мономаха. Аввакум тут следует общей традиции.

* Скрыся под древо со Еввою Адам...— Этот эпизод взят из книги Бытия (III, 8).

Стр. 91.

*...кудри бедной расчесывает... сапоги сафьянных.— Обличия модников и модниц, Аввакум обращался к традиционной теме публицистической литературы. Отталкиваясь в какой-то мере от Книги пророка Исаяи (III, 16, 19), где обличаются «дщери Сиона», красующиеся «помизанием очным», «ступанием ног», нарядными «ризами», он следовал главным образом за такими публицистами, как митрополит Даниил и Иоанн Вишенский, давшими яркие сатирические портреты щеголей своего времени.

*...египтяныня, Петерфийна жена...— Жена царедворца фараона Пентефрия, соблазнявшая Иосифа (Книга Бытия, XXXIX, 7).

* Диалида (Долила) — блудница. Узнав, что сила полюбившего ее библейского богатыря Самсона заключается в волосах, она остригла его и выдала филистимлянам, которые его ослепили (Книга Судей израилевых, XVI, 17—21).

Стр. 93

* Не подобает скривати данного нам таланта... во огни негасимом.— Аввакум имеет в виду евангельскую притчу о рабе, который получил от своего господина один талант (талант — денежная единица) и, вместо того, чтобы пустить его в оборот, закопал в землю, не принеся, таким образом, прибыли своему хозяину (Евангелие от Матфея, XXV, 14—30).

* Я, окаянный, в Сибири...— Аввакум вспоминает о событиях 1654—1655 гг., когда он жил в Тобольске и служил в Вознесенской церкви протопопом.

*...«хочешь ли вина и пива?» — Наказание, которому подвергает Аввакум «любодеицу», очень напоминает меры, предпринятые героиней «Повести о целомудренной вдове»; убедив искателя ее руки несколько дней не есть, она потом предложила ему на выбор «трапезу или одр», на что он отвечал: «ниже помысла имам, что есть жена, от одержащего мя глада».

ИЗ «КНИГИ ОБЛИЧЕНИЙ, ИЛИ ЕВАНГЕЛИЯ ВЕЧНОГО»

«Книга» эта — полемическое произведение Аввакума, созданное в период пустозерской ссылки и направленное против дьякона Федора, одного из «соузников» автора. Споры, которые начались вскоре после «казни» 14 апреля 1670 г., велись по догматическим вопросам (о святой Троице, о сошествии Христа в ад, о непорочном зачатии и т. д.) и носили чрезвычайно острый характер, причем Аввакум в этом споре особой принципиальностью не отличался: с помощью стрельцов он выкрал у дьякона Федора сочинение, посвященное этим вопросам, и уничтожил его, оставив лишь несколько листков, которые послал в Москву. Федор писал: «Что се, Господи, будет? Тамо на Москве клятвы вси власти налагают на мя за старую веру и на прочих верных, и zde у нас между собою клятвы, и свои друзи мене проклинаят за несогласие с ними в вере же, во многих догматах, больши и никонианских». «Книга обличений» была написана, очевидно, в 1679 г.— на это указывают слова Аввакума: «а с тобою уже десять лет мучуся, а не могу бесов тех отогнать». Адресована непосредственно Федору и отличается чрезвычайно ругательным тоном. «Книга» сохранилась в единственном списке XVIII в., по которому и печатается (ГПБ, собр. Михайловского, Q.173).

Сочинение в рукописи заглавия не имеет. Печатается с названием, которое присвоено произведению первым его публикатором П. С. Смирновым.

Стр. 93.

*...нелепо мудрствуешь о образе святя Троицы.— Аввакум отрицал единосущность Троицы и, с точки зрения православия, впадал в ересь. Он утверждал, что в Троице три существа, «три царя небесные», каждому «особое седение»; вместе с тем он отделял Иисуса Христа от третьего

члена Троицы, или «четверил» Троицу, как говорил дьякон Федор. Аввакум и Лазарь обвиняли Федора в «единобожии», говорили, что он прячет «существа в существо».

* Подобно Федыке бешенному...— Имеется в виду юродивый Федор, с которым Аввакум познакомился в Устюге во время возвращения из сибирской ссылки в Москву, Федор вместе с Аввакумом отправился в Москву и стал одним из ревностнейших его приверженцев.

Стр. 94

*...по благовещению радишася Сиф... царица небесная...— Все названные библейские герои рождались при необычных обстоятельствах: по горячей мольбе бесплодных родителей или по «благовещению» свыше: Сиф, например, рождается на свет по просьбе Адама дать ему сына вместо Авеля, убитого Каином (Книга Бытия, IV, 25); престарелым Аврааму и Сарре ангел сообщает о том, что у них родится сын Исаак (Книга Бытия, XVIII, 10—14); «божественным промыслом» определено и рождение Иоанна Предтечи, и Богородицы (Евангелие от Луки, 1, 5—25, 27).

* Егда родила Бога-человека...— Характеристика Христа-младенца близка к изображению его в апокрифическом «Сказании Афродитиана» (см.: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. СПб., 1863, стр. 4).

*...Ария, собаку...— Арий — священник, «еретик» конца III — начала IV в., учение которого, так называемое «арианство», было осуждено на Никейском соборе (325 г.). Отрицал «извечное существование Христа», рассматривая его лишь как «первое творение Бога-Отца». Сведение об Арии, против которого якобы выступал Никола Чудотворец, Аввакум почерпнул из сказаний о жизни Николы, где рассказывается, как «святой» «заушил» еретика.

*...не знаешь... вопросы бабы поселянки...— ср. с высказываниями Савонаролы, что всякая старуха больше знает о вере, чем Платон. Взгляды Савонаролы излагает Максим Грек в «Повести страшной и достопамятной о совершенном иноческом житии».

ИЗ СТАТЬИ «СПИСАНИЕ И СОБРАНИЕ О БОЖЕСТВЕ И ТВАРИ И КАКО СОЗДА БОГ ЧЕЛОВЕКА»

Статья известна в двух автографах, которые находятся в подлинных рукописях Аввакума вместе с автографами «Жития» и в ряде списков (подробнее об этом сочинении Аввакума и его автографах см.: Демкова Н. С. Снискание и собрание о Божестве и о твари.— В кн.: Пустозерский сборник, стр. 179—185). В автографах заглавия нет, но оно имеется во всех известных списках произведения. Как показывает полный текст этого заголовка, первый список сочинения был, очевидно, сделан в Пустозерске старцем Епифанием и им же озаглавлен с согласия самого автора: «Списание и собрание о Божестве и о твари и како созда Бог человека. Труды грешнаго протопопа Аввакума от бытии и пророк и святаго

Евангелия. Надписал инок грешный Елифаний по его благословию на славу Христу Богу. Аминь».

Статья была написана в Пустозерске в 1672 г.: Аввакум говорит, что «от Христа до сих мест» протекло 1680 лет, а так как по раскольничьему счету от «сотворения мира» до «рождества Христова» прошло 5500 лет, то дата Аввакума соответствует 1672 году.

Печатается по автографу (БАН, собр. Дружинина, № 746, л. 309-320).

Стр. 95.

* «искони сотвори Бог небо и землю» — этими словами начинается Библия (Книга Бытия, I, 1).

* Гранограф толкует...— При толковании Книги Бытия Аввакум в качестве главных источников использует Хронограф и Толковую Палею (Палея — книга, в которой, как и в Библии, излагается священная история, но с добавлением легендарных подробностей. Официальной церковью включалась в число запретных книг).

* Землю взял от воды... пена — легкое дело...— Аввакум опровергает здесь апокрифический памятник — «Беседу трех святителей», где сказано, что солнце сотворено от ризы Господней, месяц — от Духа Господня, земля — от пены морской.

* «яко небеса убо исперва... Божиим словом» — из второго Послания ап. Петра, III, 5.

* «земля же бе невидима и неукрашенно» — из Книги Бытия, I, 2.

* «и разлучи Бог между водою... и бысть» — из Книги Бытия, I, 7—8.

* «пропиная небо... превыспренняя своя» — из Псалтири, СШ, 2—3.

* «и тьма верху безны... верху воды» — из Книги Бытия, I, 1, 2.

* «да будет свет... день един» — из Книги Бытия, I, 3—5.

* «семижды днем... правды твоя» — Псалтири, СХVIII, 164.

Стр. 96

*...звезду сотворил, ей же имя Аррис...— Названия звезд взяты Аввакумом из апокрифа. Ср., например, с апокрифическим произведением под названием «Громник дванадцати месяцам собрано Ираклием царем от звездозакония»: «О небеси. Седьмь небес имеют великих семь звезд: Крон, Зевс, Арис, Солнце, Афродит, Ермис, Луна» (см.: Ложные и отреченные книги, стр. 156). Непосредственным источником Аввакума были в данном случае-также Хронограф или Толковая Палея.

* И положил солнце... во область нощи — из Книги Бытия, I, 16.

* И повеле Господь... творящая плод — из Книги Бытия, I, 11.

* И израстиша былия прекрасна, травы цветныя разными процветении...— Ср. с изображением природы в Толковой Палее (см.: Палея Толковая, по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892, стр. 9).

*...всю тварь... сотворил словом, а человека боголепными руками.— Этих сведений в Библии нет. По мнению А. К. Бороздина, они заимствованы Аввакумом из «Слова о вочеловечении» Иоанна Златоуста (см.: Бороздин, стр. 206). Но возможно, что и здесь источником был апокриф, например

«От книг Еноха праведного, преже потопа» (см.: Ложные и отреченные книги, стр. 15).

*...по Филону...— Филон (ок. 20 до н. э.— 50 н. э.) — греческий богослов и философ.

*...инии глаголют три годы...— В апокрифическом памятнике «Беседа трех святителей» сообщается, что Адам пробыл в раю три часа, с шестого часа до девятого. Правда, к этому произведению Аввакум относится без доверия и даже опровергает его, как сказано выше.

*...инии шесть часов... — Об этом говорится в одном из списков апокрифического сказания «Како сотвори Бог Адама» (см.: Мочульский В. Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893, стр. 80).

* Вниде во змию, лучшаго зверя...— Характеристика змия и сам рассказ об искушении Евы созданы под влиянием апокрифического произведения «Исповедание Еввы». Подробность о том, что у змия «крылья были», возникла под влиянием живописных изображений змиев и народных поэтических представлений.

Стр. 97.

* «и вкусиста Адам и Евва...» и дальше — вольный пересказ библейской легенды (Книга Бытия, III, 6).

ЧЕЛОБИТНЫЕ, ПИСЬМА, ПОСЛАНИЯ

Письма и послания Аввакума разделены на несколько тематических групп: выделены и объединены вместе письма Аввакума к одним и тем же адресатам; внутри каждой группы письма расположены по возможности в хронологической последовательности.

ЧЕЛОБИТНЫЕ ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАИЛОВИЧУ

Из сочинений Аввакума и других старообрядцев известно о десяти челобитных протопопа к царю Алексею Михайловичу, из которых до нас дошло только шесть. Не сохранились две ранние челобитные Аввакума (1653), написанные им совместно с костромским протопопом Даниилом: одна написана после присылки патриархом Никоном «памяти» Ивану Неронову — «Из книг выписки о сложении перст и о поклонах» (см. прим. к стр. 39); другая — по поводу ссылки Ивана Неронова (см. письмо протопопа Аввакума к Ивану Неронову в Спасов-Камеинный монастырь— Материалы, I, стр. 23—24).

Не сохранилась и челобитная, послужившая непосредственным поводом для новой ссылки Аввакума в 1664 г., — «моленей-це» «о духовных властях», как он сам ее называет (см.: Памятники, стб. 751), или «роспись о том, хто в какие владыки годитца», как значится в описи бумаг, отобранных у игумена Феоктиста при аресте (см.: Материалы, I, стр. 335, 336, 189). Не дошло до нас послание Аввакума, которое он написал царю в июне 1667 г., находясь в Андреевском монастыре на Воробьевых горах в Москве {см. стр. 81}.

До 1951 г. были известны лишь пять челобитных Аввакума царю Алексею (см.: Памятники, стб. 723—766), в 1951 г. В. И. Малышев опубликовал еще одну, написанную Аввакумом в мезенской ссылке в январе 1665 г. (см.: Доклады и сообщения Филблогического института ЛГУ, 1951, вып. 3, стр. 261).

Публикуются четыре челобитные Аввакума Алексею Михайловичу: «первая», «третья», «четвертая» и «пятая»; их обозначение дается по Памятникам (кавычки в заглавии введены издателем для обозначения условности такой нумерации).

«ПЕРВАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

«Первая челобитная была написана Аввакумом в Москве вскоре после возвращения из сибирской ссылки весной 1664 г. (приехал в Москву не позднее середины мая 1664 г.) и представляет собой не документ, не жалобу («Не челобитьем тебе, государю... глаголю...»), а литературно-публицистическое сочинение, в котором автобиографический рассказ Аввакума о собственной судьбе и сибирских испытаниях становится аргументом и материалом для обсуждения проблем современности: Аввакум хочет «возвещать» царю, «како строится в его державе»; кроме того, цель обращения Аввакума — просьба об аудиенции: Аввакум надеется на откровенное и тщательное обсуждение церковной реформы (подробнее см.: Демин А. С. Для чего Аввакум написал первую челобитную? — ТОДРЛ, 1969, т. XXIV, стр. 233—236; Демкова Н. С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума.— Там же, стр. 228—232).

Аввакум, рассказывая в «Житии» о своем пребывании в Тобольске на обратном пути в Москву зимой 1663—1664 гг., упоминает о боярине Иване Андреевиче Хилкове. Иван Андреевич Хилков Большой был воеводой в Тобольске с 3 февраля 1659 г. по 19 февраля 1664 г. (см.: Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 239, 585). Следовательно, Аввакум выехал из Тобольска до 19 февраля. Путь Аввакума от Тобольска до Москвы мог продолжаться около тринадцати недель: это же расстояние из Москвы до Тобольска в 1653 г. он ехал «недель с тринадцать» по зимним и осенним дорогам. Таким образом, Аввакум должен был приехать в Москву не позднее середины мая (если он выехал из Тобольска незадолго перед 19 февраля).

Челобитная известна в трех редакциях; печатается первая редакция, сохранившаяся в автографе (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1121 б). Стр. 97.

* Златаустый пишет на Послании к ефесеом...— Иоанн Златоуст (ок. 345—407) — один из учителей христианской церкви. Сборники поучений с его «словами» были очень распространены в ревней Руси. Здесь

Аввакум имеет в виду одну из бесед Иоанна Златоуста, посвященную толкованию Послания ап. Павла к ефессянам.

* Летом, в Преображений день...— Праздник преображения — 6 августа. Во второй и третьей редакциях челобитной указан год, в который свершилось «чудо»,— 171-й (1663 г. по современному летосчислению).

*...звезда на дискосе... преступала...— То есть на дискосе сдвинулась «звезда» — особое приспособление, состоящее из двух изогнутых пластинок, предназначенных для поддержания покрыва над «святыми дарами».

*...по приказу архиепископлю.— В 1663 г. архиепископом в Тобольске был Симеон,

*...яко неистинна глаголют... во исповедании своєю веры.— Одно из никоновских исправлений богослужебных книг заключалось в опущении слова «истинный» в символе веры и замене фразы «его же царствию несть конца» фразой «его же царствию не будет конца». Аввакум обвиняет здесь никониан в «бесчестии» Бога и отказе признать Христа «царем небесным».

*...моровое поветрие...— Эпидемия чумы 1654—1655 гг.

*...агарянской меч стоит десять лет беспрестани...— Россия вела войны, начиная с 1654 г.: 1654—1667 гг.— война с Польшей, союзниками которой выступали крымские татары, 1654—1656 гг.— война со Швецией. Стр. 99

*...при протопопе Стефане...— См. прим. к стр. 30

*...Христа... невоскресша.— В новых служебниках не упоминалось о воскресении Христа.

*...яко уметы, да Христа моего приобрящу — из Послания ап. Павла к филиппийцам, 111, 8.

* А Никон меня... мучил недели с три по вся дни...— Другие редакции челобитной сообщают, что Аввакум был бит «на правеже». В. К. Никольский полагал, что это наказание постигло Аввакума а 1652 г. за недоимку налогов в патриаршую казну (см.: Никольский, стр. 137). В автографах «Жития» этот эпизод отсутствует, однако в Прянишниковском списке (см.: Житие, 1960, стр. 315) избивание Аввакума по приказу Никона было приурочено к августу — сентябрю 1653 г., когда начались преследования Аввакума за его противодействие никоновской реформе (Аввакум был взят под стражу в ночь на 21 августа 1653 г.). Увеличен здесь и срок мучения Аввакума: «...меня бил по ногам четыре недели» (в «первой» челобитной—«недели с три»).

*...не буду... реку — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, XII, 6. Стр. 100

*...яко древняя серафтяныни.— В Библии рассказывается о том, как вдова из Сарепты во время сильного голода поделилась с Ильей-пророком последним запасом пищи" (Третья книга Царств, XVII, 10-15).

*...чашею вина неразтворенна.— Ср.: Псалтирь, LXXIV, 9.

*...отступника Иулиана...— Римский император Юлиан (331—363) восстановил в Риме язычество; рассказ о нем содержится в Хронографе.

* Феофил — александрийский патриарх (ум. 414), противник Иоан. на Златоуста.

*...смерть мужу покой есть...— Ср.: Книга Иова, III, 23.

*...яко Арий древнему Константину... — Константин Великий, римский император (285—337), утвердил христианство как государственную религию; на Никейском соборе (325 г.) добился осуждения Ария, но затем выступал за смягчение постановлений, направленных против ариан. О том, как Арий «пленил хотя царя», сообщает Хронограф, русская историческая компиляция XV—XVII вв., содержащая историю Византии и Руси и начинающаяся от сотворения мира.

* Христа он, Никон, не исповедует... «духу лукавому молимся».— Аввакум перечисляет все «ереси», внесенные Никоном а символ веры, богослужebные книги и обряды.

Стр. 101

* Фармос (Формоз) — римский папа (891—896); после смерти был обвинен в узурпации папского престола, предан духовному суду и проклят. Источником сведений для Аввакума служили Хронограф, «Повесть о белом клобуке» и «Книга о вере».

ЗАПИСКА О ЖЕСТОКОСТЯХ ВОЕВОДЫ ПАШКОВА, ПРИЛОЖЕННАЯ К «ПЕРВОЙ» ЧЕЛОБИТНОЙ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

«Записка» дошла до нас в автографе в том же столбце, что и «первая» челобитная (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1121 б), и является ее непосредственным продолжением, Записка писалась в одно время с челобитной и вместе с ней была подана царю.

Печатается по автографу.

Стр. 101

* В 169...— в 1661 г. по современному летосчислению.

* Пашков — см. прим. к стр. 17.

Стр. 102

*...не достанет ми повествовати лето.— Ср.: Послание ап. Павла к евреям, XI, 32.

* Софья Алексеевна — дочь царя Алексея Михайловича, родилась в 1657 г.

«ТРЕТЬЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Сосланный 29 августа 1664 г. в Пустозерск, Аввакум «с великою нуждею доволокся до Колмогор» и отсюда послал челобитную царю, прося оставить его в Холмогорах. В Памятниках (стб. 754) воспроизведена приписка к челобитной, в настоящее время в оригинале не поддающаяся прочтению: «Сию челобитную подал великому государю Киприян, Христа ради уродивый, во 173 году, ноября в 21 день». Написана она незадолго до

этой даты — в конце октября — ноябре 1664 г. Печатается по автографу (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1120).

«ЧЕТВЕРТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Челобитная написана Аввакумом в «темнице пустозерской» в 1668 — начале 1669 г. не позднее марта — апреля, так как царица Мария Ильинична, которой Аввакум посылает благословение в этой челобитной, умерла 3 марта 1669 г. Судя по тому, что Аввакум в челобитной отвечает Алексею Михайловичу на приказ «памятовати» о нем, переданный через Дементия Башмакова еще до отъезда Аввакума из Москвы в июле — августе 1667 г., можно думать, что эта первая челобитная из Пустозерска была послана вскоре по приезде (Аввакум приехал в Пустозерск 12 декабря 1667 г.). Челобитная сохранилась в единственном списке XVII в. (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 589), по которому и печатается.

Стр. 103

*...рабу Господню... ко всем — из второго Послания ап. Павла к Тимофею, II, 24.

Стр. 104

*...синбирской протопоп... отъиде... — Симбирский протопоп Никифор был сослан в Пустозерск вместе с Аввакумом, Лазарем и Епифанием; умер около 1668 г.

*...с Москвы отпустить двух сынов моих... — Взрослые сыновья Аввакума, Иван и Прокопий, вместе с ним были привезены в Москву 1 марта 1666 г. с Мезени и затем, когда Аввакум был сослан в Пустозерск, оставались в Москве «на поруках» («мучились годы с три») до весны — лета 1669 г.

«ПЯТАЯ» ЧЕЛОБИТНАЯ

Эта челобитная, точнее послание, Аввакума Алексею Михайловичу с его «последним благословением» царю — последняя попытка контакта с ним и одновременно публицистический текст, рассчитанный на широкий круг читателей; она была написана в апреле — августе 1669 г., что явствует из указания самого Аввакума: «...нынешня 177 году», до 1 сентября. Фраза «Жаль нам твоя царские души и всего дому твоего, зело бодезиуем о тебе...» может быть истолкована как выражение сочувствия Аввакума овдовевшему царю: 3 марта 1669 г. умерла царица Мария Ильинична. По свидетельству дьякона Федора, список с челобитной был послан к семье протопопа на Мезень незадолго до 1 сентября 1669 г., еще до того, как челобитная была отправлена к царю (см.: Барское, стр. 68, 70). По наблюдению Н. В. Поньрко, в написании первой части челобитной принимал участие дьякон Федор (см.: Поньрко Н. В. Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума, — ТОДРЛ, 1976, т. XXXI, стр. 362—365). Печатается по автографу (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 601).

Стр. 104

* «Честь царева суд любит» — из Псалтири, ХСVIII, 4.

* «Жезл» — см. прим, к стр. 66.

Стр. 105

*...глаголы сия потопныя... — То есть неразумные слова, подобные тем, которые произносили люди накануне потопа, когда, согласно Библии, вся земля «исполнися... неправды» (Книга Бытия, VI, И— 133).

* «егда приидет... на земли?» — Ср.: Евангелие от Луки, XVIII, 8.

Стр. 106

* Арсений Суханов (ум. 1668) — келарь Троице-Сергиева монастыря. По поручению Алексея Михайловича ездил на Афон, в Грецию, Египет, Иерусалим, чтобы изучить вопрос о различии между русским и греческим богослужением.

*...во Истории о белом клобуке... — «Повесть о Новгородском белом клобуке» — публицистический памятник XV в., пользовался большой популярностью у старообрядцев; основная идея его — идея величия и духовного преимущества Руси перед Римом и Византией. Император Константин Великий (285—337), его современник епископ римский Сильвестр и царьградский патриарх Филофей (1355— 1377)—герои «Повести о белом клобуке».

* И увидех на брuxe твоeм язвy зeлo великy...— Видение Аввакума, возможно, имеет своим источником «Повесть о Новгородском белом клобуке», где также рассказывается о язвах, поразивших царя Константина за его неверие в Христа.

Стр. 107

* Нынeшня 177 году... на первой недeлe...—Первая недeля великого поста в 1669 г. была с 22 по 28 февраля.

*...прежде часов... — Часы — краткие богослужения, соответствующие первому, третьему, шестому и девятому часу дня.

Стр. 108

*...ангел... восхитил Авраама выспрь...— В апокрифическом «Откровении Аввраама», вошедшем в Толковую Палею, рассказывается о том, как ангел Альтез «восхитил» Авраама на небо и показал ему всю вселенную.

* И в полунощи... Бысть же ми радость неизреченна...— Первоначальный набросок этого описания см. в письме семье.

ЧЕЛОБИТНАЯ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Челобитная написана, очевидно, в начале 1676 г., вскоре после вступления на престол Федора Алексеевича (30 января 1676 г.), выражает надежды на изменение отношения нового царя к старообрядцам. Челобитная беспрецедентна по тону обращения к царю, поражает смелостью Аввакума и пренебрежением к требованиям придворного и литературного этикета. По-видимому, именно она была причиной резкого ужесточения режима в пустозерской тюрьме в 1676 г. (см.: Малышев В. И. Новые материалы о протопопе Аввакуме.—ТО ДРЛ, 1965, т. XXI, стр. 329). Печатается по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 201—204 об.).

Стр. 109

- * Не смею нарецися богомолец твой...— Ср.: Евангелие от Луки, XV, 21.
- *...яко некий изверг...— Ср.: первое Послание ап. Павла к коринфянам, XV, 8.
- *...милостив буди ми, Господи...— Ср.: Евангелие от Луки, XVIII, 13.
- *...серафинисса, жена еллинска...— В Евангелии от Марка (VII, 26;) рассказывается о том, как «жена еллинска» «сирофиникисса родом» (язычница сирофиникиянка), просила Христа об исцелении ее дочери.
- *...пси... господий своих — из Евангелия от Матфея, XV, 27; ср.: Евангелие от Марка, VII, 28.
- *...помазан елеом радости...— Ср.: Послание ап. Павла к евреям, I, 9.
- * Проклят день... буди тьма...— Ср.: Книга Иова, III, 3—4.
- * Помилуй мя, сыне Давыдов — из Евангелия от Матфея, XV, 22.
- Услыши моление мое... лстивых! — Ср.: Псалтирь, XVI, 1.
- *...что Илия пророк, всех перепластал во един час.— См. прим. к стр. 102.
- Князь Юрий Алексеевич Долгорукий (ум. 1682) —опекун царя Федора Алексеевича, известен своими победами в войне с Польшей; участвовал в подавлении восстания С. Т. Разина. С 1676 г.— начальник Стрелецкого приказа.
- * Бог судит между мною и царем Алексеем... за свою правду.— Признание царя грешником, достойным адских мук,— одно из самых смелых мест челобитных Аввакума.
- * Иноземцы... предали турку...— Аввакум имеет здесь в виду широко распространенную в древнерусской литературе историю разгрома Византии турками в 1453 г., ее гибели за «безверие», Константин XII (по другому счету XI) Палеолог, брат Иоанна VI,— последний византийский император (1449—1453), погибший при падении Константинополя.

Стр. 110

- * Иоаким (1620—1690) —русский патриарх с 1674 г., до этого архимандрит Чудовского монастыря в Москве, активный участник церковного собора 1666—1667 гг., ярый противник старообрядцев.
- *... яко чаша... не искидашася — из Псалтири, LXXIV, 9.
- * «...испюют... грешный земля».— Ср.: Псалтирь, LXXIV, 9.
- * «имени уши слышати, да слышит!» — из Евангелия от Матфея, XIII, 9.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЕВНЕ ИРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ РОМАНОВОЙ

Царевна Ирина Михайловна (1627—1679), старшая из сестер царя Алексея Михайловича, пользовавшаяся большим влиянием в царской семье, весьма сочувственно относилась к протопопу Аввакуму. О ее помощи Аввакум вспоминает в «Житии»: «Царевна Ирина Михайловна ризы мне с Москвы и всю службу в Тоболеск прислала» (подробнее см.: Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума.—ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 413—415). Это письмо написано Аввакумом, вероятно, уже после собора 1667 г. и до февраля 1679 г. (дата смерти Ирины Михайловны). Из текста его можно понять, что патриотические намерения Аввакума бороться с «Салтаном-царем» вызваны были тем, что «та же

собака («варвар... турецкой») заглядывает и в нашу бедную Россию». Несомненно, что эти мотивы письма Аввакума были вызваны слухами о предстоящей войне с Турцией, но трудно определить, какой именно исторический момент он имел в виду: слухи усилились и после 30 сентября 1672 г.— после захвата турками пограничного Каменца-Подольского, когда Россия начала деятельно готовиться к обороне, слухи были и накануне самой войны с Турцией 1676— 1681 гг. Царь в письме не назван по имени, и это затрудняет более точную датировку письма. Не исключено, что оно написано уже после смерти царя Алексея, когда наряду с устойчивыми представлениями о «конце света» у Аввакума возникали новые надежды на «праведный суд» «с никонияны». Отсюда, возможно, именование Ирины Михайловны «игуменьей» русского царства (вряд ли это было бы приятно адресату при жизни царя Алексея), отсюда же — апелляция к памяти ее отца и деда (минуя упоминания о брате).

Письмо печатается по списку конца XVII — начала XVIII в. (Ярославский областной музей, № 862 (1205), л. 63—69), с исправлением по списку XVIII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 37, л. 2—5 об.).

Стр. 110

*...иссек римскою властью... род еврейский...— Аввакум имеет в виду уничтожение римлянами Иудеи как самостоятельного государства (падение Иерусалима — 70 г.) — факт, хорошо известный на Руси по рассказам Хронографа и по «Историй иудейской войны» Иосифа Флавия (ок. 37 — ок. 95)

* Флоренский собор — Флорентийский собор 1439 г., провозгласивший унию римской и греко-восточной церквей. Ортодоксальное русское православие, не принявшее унию, считало греков (ее участников) «отступниками».

* Мануилович — Иоанн VI Палеолог, византийский император (1425—1448), сын императора Эммануила II, принимал деятельное участие во Флорентийском соборе.

* Тому лет с двести семьдесят с лишком... взял Царьград...— Аввакум приводит эту цифру ошибочно: со времени взятия турками Царьграда (Константинополя), столицы Византийской империи (в 1453 г.), до времени написания этого письма прошло около 230 лет. Бахмет турецкой — турецкий султан Магомет II (1430—1481), взявший Константинополь.

*...дед и отец твои...— Дед царевны Ирины Михайловны (и царя Алексея Михайловича) — московский патриарх Филарет (ум. 1633), отец — царь Михаил Федорович, (1596—1645).

Стр. 111

*...се жених грядет..., стретение его — из Евангелия от Матфея, XXV, 6.

* «зрех... служаху ему»,— Ср.: Книга пророка Даниила, VII, 9—10.

* «не на лук... не спасет мене» — из Псалтири, XLIII, 7.

* «несть наша брань... поднебесным» — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 12.

«сего ради... стати» — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 13.

«станете... угасите» — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 14—16.

* «коня и всадники... в Чермном море» — см.: Книга Исход, XI, 1—4.

* Ияков Никеийский — Иаков Низибийский (ум. 350), святой христианской церкви, епископ римского города Низибии (на границе с Персией), Источником сведений Аввакума был Пролог (память 13 января).

Стр. 112

* Партесное пение — хоровое пение, разделенное на голоса, партии. Аввакум был сторонником единогласия в церковной службе.

*...яко Давыд на Голияда...— Аввакум имеет в виду библейский с рассказ о победе царя Давида над великаном Голиафом (Первая книга Царств, XVII).

*...яко Мадиям... яко гной земный.— Ср. Псалтирь, LXXXII

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СЕМЬЕ

До нас дошли четыре письма Аввакума своей семье на Мезень.

1

Письмо послано 30 мая 1666 г. из темницы Николо-Угрешского монастыря, куда Аввакум был заключен после расстрижения и предания проклятию на церковном соборе 13 мая 1666 г. В конце письма ошибочно указана дата — «Мая в 1 день» (Аввакум только 15 мая прибыл в монастырь). Как предполагает В. И. Малышев, нашедший это письмо, переписчик спутал букву л, обозначающую а древнерусском языке цифру 30 (30 мая), с буквой а, обозначающей единицу (см.: Малышев, стр. 260). Это предположение подтверждается и другими данными, позволяющими приурочить письмо к концу мая: праздник Вознесения, упоминаемый Аввакумом, в 1666 г. был 24 мая. Сыновья Аввакума Иван и Прокопий были еще на I свободе (схвачены 7 июля 1666 г. за попытку проникнуть под окно тюрьмы). Печатается по списку конца XVIII в. (ГИМ, ообр. Вострякова, 1009, л. 112 об.—114).

Стр. 112

* В Пафнотьеве монастыре...—См. прим, к стр. 48.

* У Николы на Угреше...— См. прим. к стр. 49.

*...мизинцу моему...— То есть младшему сыну Аввакума Афанасию.

* Молитва бо Петра из темницы избави...— См.: Деяния апостолов, XII, 4—9.

*...молитва Иону из чрева китова изведе...— См.: Книга пророка Ионы, II.

*...молитва... отроков от огня свобода...— См.; Книга пророка Даниила, III, 20—50.

*...Анна Самойла породи...— См.: Первая книга Царств, I, 10—20.

* В Вознесеньев день... радости многая, исполнен, бых.— Об этом же видении Аввакум писал в «пятой» челобитной Алексею Михайловичу (см. стр. 144).

* Иван и Прокопий «прибтели» на Мезень летом 1669 г. и там жили на свободе до марта 1670 г.

2

Письмо написано не раньше лета 1669 и до марта 1670 г. Печатается по автографу (ЦГАДА, Госархив, р, XXVII, № 596)

Стр. 113

*...с братом и сестрами, с женою и дочерью...— Брат Ивана и Прокопия — Афанасий; сестры — Агриппина, Анилина и Ксения; жена Ивана — Неонила, дочь — Мария

*...старец...— инок Епифаний.

*...боярня...— Ф. П. Морозова.

3

Письмо написано между 6 января и мартом 1670 г. (до казней на Мезени). Печатается по автографу (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 600).

Стр. 113

* Пришли с Машигиным ваши все посылки. — Стрелец М. Машигин был отправлен в Москву с отпиской пустозерского воеводы И. Неелова осенью 1669 г. Вероятно, предыдущее письмо Аввакума семье (см. выше) было отправлено именно с ним, а на обратном пути в Пустозерск Машигин захватил «посылки» протопопу от семьи.

* Огрофена — дочь Аввакума (Агриппина).

* Послал ныне богоявленской воды бочечку, а летом — августовы... — Праздник Богоявления 6 января, следовательно, письмо Аввакума написано после 6 января; августова вода — вода, освещенная в день водосвятия 1 августа.

* «святит... о жене верней» — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, VII, 14.

* В Соловки те., хотя бы подъехал... — Проникнуть в Соловецкий монастырь в это время было уже трудно, так как с 1668 г. он был в осаде.

* Тимофей, Иван Архипов, Стефан, Орина — личности их не установлены. Федосья — Ф. П. Морозова.

4

Письмо, вероятно, написано в конце 1672 — в первые месяцы 1673 г., как это определяется на основании следующей фразы Аввакума: «...и рубашку с себя скинул... уже три года будет». Известно, что он «рубашку скинул», попав в земляную тюрьму, то есть вскоре после 14 апреля 1670 г. Печатается по списку начала XIX в. (ГПБ АН УССР, собр. митр. Макария, № 58, л. 162—166 об.).

Стр. 113

* Возлюбленнии... душу нашу.— Из первого Соборного послания ап. Петра, II, 11.

Стр. 114

* вся суета... суетие — из Книги Екклесиаста, I, 2.

* Увы, красный уныл... суета человеческая.—Ср.: стихиры Иоанна Дамаскина на погребение.

* Имеющу пищу... довольна будем — из первого Послания ап. Павла к Тимофею, VI, 8.

* «Аще и забудет мати... но аз не забуду» — из Книги пророка Исаяи, XLIX, 15.

* «Не пять ли птиц... есте вы». — Из Евангелия от Матфея, X, 29—31; от Луки, XII, 6—7.

* «небо и земля... прейти» — из Евангелия от Луки, XXI, 33.

* «внуши, Боже... моления моего» — из Псалтири, LIV, 1.

* «умякнуша словеса... суть стрелы» — из Псалтири, LIV, 22.

* «ты же, Боже... студенец нетления» — из Псалтири, LIV, 24.

*...зверь даурский... — Воевода Афанасий Пашков.

Стр. 115

*...в Енесейске Ржевскому... — Иван Иванович Ржевский (ум. 1678) — воевода в Енисейске с 1658 по 1663 г.

* «умертвят от вас... душа ваша» — из Евангелия от Луки, XXI, 16—19.

* Григорий — личность его не установлена. Марья — дочь сына Аввакума — Ивана, Окулина (Акилина) — дочь Аввакума.

* И Петр апостол... так сделал... — Аввакум имеет в виду отречение ап. Петра от Иисуса Христа (Евангелие от Иоанна, XIII, 37—38, и от Матфея, XXVI, 69—75).

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ

Феодосья Прокопьевна Морозова (см. прим. к стр. 47) поддерживала постоянную связь с Аввакумом, своим «духовным отцом», обращалась к нему за нравственной поддержкой и практическими советами. Письма ее Аввакуму и его семье см. в кн.: Барское Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, и в кн.: Аввакум. Житие. Челобитные к царю. Переписка с боярыней Морозовой. Париж, 1951.

Публикуются два письма Аввакума, написанные им Ф. П. Морозовой из Пустозерска в то время, когда она находилась еще на свободе.

1

Письмо сохранилось в автографе (ЦГАДА, Госархив, р. XXVII, № 598), на обороте письма Морозовой Аввакуму, в котором она просила его помолиться, чтобы Бог «подал» ее сыну «супружницу на спасение». Письмо Аввакума является ответом и на предыдущие письма Морозовой, где она жаловалась на Федора юродивого и сыновей Аввакума, которые «у нево перепели высокоумья великое на себя», и просила «запретить», «чтобы им с ним не знатца» (см.: Барское, стр. 38—39). Известно, что

сыновья Аввакума были в Москве до начала лета 1669 г. Датируется письмо 1669 г.

Печатается по автографу.

Стр. 115

* Прежде сих грамоток...— Речь идет о письмах Морозовой, полученных Аввакумом.

Стр. 116

* Писал тебе преж сего...— Сохранилось еще два отрывка из писем Аввакума Морозовой по этому же поводу (см.: Барсков, стр. 33—35, 39—40).

*...яко и Епифания Евдоксия.— Аввакум напоминает эпизод из истории византийской церкви: императрице Евдоксии (ум. 404) в ее борьбе против Иоанна Златоуста удалось привлечь на свою сторону Епифания Кипрского.

*...поганую вашу любовь разорвала...— Неясно, чьи и какие взаимоотношения имеет в виду Аввакум.

*...выколи глазища... что и Мастридия.— Аввакум имеет в виду Житие «преподобной» Мастридии (Пролог, память 24 ноября), выколовшей себе глаза, чтобы избавиться от любовных соблазнов.

* Не кручинься на Марковну...— Жена Аввакума Анастасия Марковна, очевидно, не вникала в ссору Морозовой и Федора.

2

Написано после 14 апреля 1670 г. (в конце письма Аввакум называет себя «живым мертвецом», а это могло быть после 14 апреля 1670 г., когда он был посажен в Пустозерске в земляную тюрьму) и до 16 ноября 1671 г. (до взятия Морозовой под стражу). Печатается по списку начала XIX в. (ГПБ АН УССР, собр. митр. Макария, № 58, л. 67 об.— 70).

Стр. 117.

* Господь грядет... спасти.— Ср. 9 песнь канона в «неделю мясопустную».

* «егда поносят вам... на небесех»— из Евангелия от Матфея, V, 11—12.

* егда молишия... двери своя — из Евангелия от Матфея, VI, 6.

* «Господи, согрешила... Несмь достойна... наемниц твоих!» — Ср.: Евангелие от Луки, XV, 18—19.

ПИСЬМО БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Письмо обычно датировалось концом 1674 г. на основании указания самого Аввакума. «...20 лет и единое лето мучат мя», когда Морозова и Урусова находились уже в боровекой тюрьме (отсчет лет ведется с 1653 г.— с начала преследований Аввакума никонианами), и соответственно рассматривалось как письмо, отправленное в Боровск: в 1674 г. Морозова и Урусова находились уже в боровекой тюрьме (см.: Смирнов П. С.— В кн.: Памятники, стр. LXVIII; эта датировка была принята нами в издании «Жития» 1960 г.; см. стр. 421). Однако анализ содержания письма

(напоминание о недавней переписке с Федором юродивым, казненным в марте 1670 г., благодарность за деньги, посланные Морозовой жене Аввакума, видимо, еще до заключения Морозовой под стражу 16 ноября 1671 г., беспокойство Аввакума за судьбу своих «духовных дочерей, жизнь которых только что так круто изменилась») позволяет датировать его более ранним временем: это, по-видимому, одно из первых писем Аввакума, отправленных Морозовой в 1672 — начале 1673 г., сразу после получения им известий о злключениях Морозовой и Урусовой в московских тюрьмах («Свет моя, еще ли ты дышишь?., или сожгли или удавили тебя?»). Подробнее см.: Демкова, стр. 75—80. Вопрос о том, почему Аввакум указал на 21 год своих мучений, остается открытым (возможно, он вел счет с 1652 г. — с эпизода своего стояния на «правеже» на патриаршем дворе за недоимку). Печатается по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 174—178).

Стр. 117.

* Скоро ли предварят ны... спасителю наш! — Из Псалтири, LXXVIII, 8—9.

Стр. 118

* Енох, Илия — библейский патриарх Енох и пророк Илия прославились своей святостью.

*...жезл Ааронов прозябший...— В подтверждение прав Аарона (старшего брата пророка Моисея) на священство ореховый жезл его расцвел и принес плоды (Книга Чисел, XVII, 8).

* Борис Иванович Морозов (ок. 1590—/662) — брат мужа Ф. П. Морозовой, воспитатель царя Алексея Михайловича, один из богатейших людей того времени.

ПОСЛАНИЕ БОЯРЫНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ, КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ И М. Г. ДАНИЛОВОЙ

«Боярыня с сестрами», которым было отправлено это послание,— Феодосья

Прокопьевна Морозова, постригшаяся в монахини под именем Феодора, родная ее сестра Евдокия Прокопьевна Урусова и находившаяся с ними в заключении в Боровске жена стрелецкого полковника Акинфия Ивановича Данилова — Мария Герасимовна Данилова.

Морозова, Урусова и Данилова находились уже, по-видимому, не в Москве, как считал П. С. Смирнов (Памятники, стр. XXX), а в воровской тюрьме, куда они были сосланы после 19 апреля 1673 г., так как Аввакум посылает благословение «Устине-старице с побратимом», которые, как известно из Жития боярыни Морозовой, находились в воровской тюрьме в заключении вместе с Морозовой (Материалы, VIII, стр. 190). Отметим также, что уподобление Морозовой, Урусовой и Даниловой в этом послании трем библейским отрокам, ввергнутым в печь царем Навуходоносором (Книга пророка Даниила, III), подтверждает факт отправки этого послания Аввакума в Боровск: именно Боровск как место

заклучения Морозовой, Урусовой и Даниловой Аввакум называл «пещью халдейской». Таким образом, время написания послания — вторая половина 1673 г.— 1675 г. Послание сопровождало «Книгу бесед Аввакума, отправленную воровским узникам.

Печатается по списку конца XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 2582, л. 123—129).

Стр. 119.

* «благословен еси... во веки вся». — Ср.: Книга пророка Даниила, III, 26, 28, 51-52.

* Василий Великий (329—378), его друг и сподвижник Григорий Богослов (328—390), Иоанн Златоуст (ок. 347—407) — так называемые «отцы» и учителя восточнохристианской церкви. Афанасий Александрийский (293—373) — епископ Александрии, прославившийся в истории церкви борьбой с арианством.

Стр. 120

* В книге моей написано и послано к вам... — Аввакум имеет здесь в виду свою восьмую беседу из «Книги бесед», где он полемизировал с «некоторыми гадами» (очевидно, с тем же дьяконом Федором) по ряду догматических вопросов.

*...да послет беса и умучит его... с мачехою. — См.: первое Послание ап. Павла к коринфянам, V, 1—5.

Стр. 121

* Евдокея да Марья оханье прислали ко мне... — Речь идет о письмах Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой Аввакуму. До нас дошло несколько писем Урусовой из заключения, адресованных детям и представляющих немалый историко-литературный интерес: письма Евдокии Урусовой — это «плач» и «поучение» одновременно, книжная фиксация устной импровизационной причеты и материнского наказа-завещания (издание писем: Высоцкий Н. Г. Переписка княгини Е. П. Урусовой со своими детьми. — Старина и новизна. Исторический сборник. Т. XX. М., 1916, стр. 14—48).

*...что... о Иване том больно сокрушаешься? — Аввакум утешает Морозову, горюющую о смерти сына и о том, что никониане лишили Ивана Глебовича «Божьей благодати» — перед смертью причастили «поновому».

* Григорей о Трояне... помолился, ино отдали. — Житие Григория Двоеслова рассказывает о том, как он вымолил у Христа прощение императору Трояну, преследовавшему христиан.

* «Преподобномученица» Феодосия Цереградская (VIII в.) — святая христианской церкви, монахиня знатного происхождения, пострадала за свое бесстрашное сопротивление иконоборцам (Пролог, память 29 мая).

*...батюшка... — Князь П. С. Урусов, с которым Е. П. Урусову развели после заключения ее в тюрьму.

Стр. 122

* Меланья (она же Александра Григорьевна) — инокиня-старообрядка

возглавляла в доме Морозовой своеобразный женский монастырь. После своего пострижения в монахини Морозова была у нее «под началом». После ареста Морозовой Меланье удалось скрыться и организовать в Москве новую обитель.

ПИСЬМА И ПОСЛАНИЯ СИМЕОНУ

Любимый ученик Аввакума Симеон — Семен Иванович Крашенинников, нижегородец, посадский чиновник; в 1675 г. был пострижен в монахи и принял имя Сергей. Инок Сергей известен как сподвижник Никиты Добрынина, так называемого Пустосвята (казнен в 1682 г.), бывшего одним из руководителей Стрелецкого восстания 1682 г., которое выдвинуло ряд старообрядческих лозунгов; им написана челобитная от имени всех стрелецких полков и чернослободцев. Известны три письма Аввакума Симеону, два из них (2-е и 3-е) были посланы вместе с «Книгой толкований».

1

Письмо производит впечатление фрагмента, отделенного от большего текста, и датируется второй половиной 1673 г., так как в письме упоминается Морозова, которая «мучится с сестрами». Речь, по-видимому, идет уже о воровской ссылке (с лета — осени 1673 г.), где Морозова, Урусова и Данилова находились в совместном заключении (см. выше). Строки письма «да в лоб палкой, да на огонь жарить» вызваны дошедшим до Аввакума известием о пытках Морозовой, Урусовой и Даниловой, которым их подвергли в Москве до ссылки в Боровск (до 19 апреля 1673 г.), «свинарник» — по-видимому, воровская земляная тюрьма. Печатается по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1885, л. 228—230 об.).

Стр. 124

* Покой большой у меня... воевода тут приходит...— Аввакум был заключен в земляную тюрьму в апреле 1670 г. До нас дошли сведения только об одном пустозерском воеводе—Иване Савиновиче Неелове, бывшем воеводой в Пустозерске с 14 ноября 1666 по январь 1672 г.

*...три отроки... с Богом.— См.: Книга пророка Даниила, III.

* его же положи... наследства имя — из Послания ап. Павла к евреям, I, 1—4.

* благословен еси... во веки — из Книги Даниила, III, 26.

* Письмо написано после получения в Пустозерске известий о судьбе вселенских патриархов, участвовавших в церковном соборе 1667 г. (Макарий Антиохийский уехал из Москвы 6 июня 1668 г., Паисий Александрийский — 4 июля 1669 г.), и до начала войны с Турцией в 1676 г. Фразы «Чаю, подвигнет Бог того же турка на отмщение кровей мученических», «А мучитель ревет...» указывают, что письмо писалось после смерти царя Алексея в то время, когда ; ожидалась война с Турцией в 1676 г.

Печатается по списку конца XVII — начала XVIII в. (ГПБ, собр. Богданова О. 1.339 л. 309 об.—328).

Стр. 124

* Чадо богоприимче! — Обращение к Симеону (в некоторых списках — «Чадо Богоприимче Симеоне»), «Богоприимцем» назывался евангельский праведник Симеон, принявший Христа в Иерусалимском храме (Евангелие от Луки, II, 25—28),

* Распял-де... ево Измаил на кресте... — Сведения о распятии Паисия Александрийского неверны, но этот слух был весьма распространен в 70-х гг. XVII в. Дьякон Федор в письме сыну Максиму также писал о том, что султан приказал повесить вселенских патриархов (см.: Материалы, VI, стр. 248—249).

* «аще кто в пленение... убиенну быти» — из Апокалипсиса, XIII, 10.

Стр. 125

* Яко Таверий древле Пилата и Каиафу... — Сведения о смерти Понтия Пилата и первосвященника Каиафы, осудивших Христа на смерть, Аввакум не совсем точно почерпнул из апокрифического «Послания Пилата к Тиверии Кесарю».

* Еще надеюся... Неглинна течет,—Тит —сын Веспасиана (41—81), римский полководец и император, разрушивший Иерусалим. «Новым Иерусалимом», назывался Воскресенский монастырь на р. Истре, построенный патриархом Никоном с большой пышностью; главный монастырский храм был точным подобием иерусалимского храма. «Пригородок» — Кремль.

* ...любодеицу., См. прим, к стр. 100, здесь — никонианская церковь.

* имущи чашу злату... любодеяния Апокалипсиса, XVII, 4.

*...малакса на чело поп наложит,.. — То есть помажет маслом по учению Николая Малаксы.

* Достоин... своя — из Евангелия от Матфея, X, 10.

* «изведи из темницы... воздаси мне» — из Псалтири, CXLI, 8.

* Егда посла Бог-Отец душу в телеси... — Аввакум утверждал, что Христос сходил в ад не только душою, но и телом. Это положение было признано еретическим не только господствующей церковью, но и старообрядцами.

* к тому уже не умрет... не обладает — из Послания ап. Павла к римлянам, VI, 9.

Стр. 126

*...огнь... коегождо дела искусит... якоже огнем. — Ср.: первое Послание ап. Павла к коринфянам, III, 13—15.

* Никола Чюдотворец... от Максимияна-мучителя. — Об этом рассказывается в Житии Николая Чудотворца (Пролог, память 6 декабря); Максимиян — римский император Максимилиан (285—310), преследовавший христиан.

* А мучитель ревет... матица огня! — Рассказ о наказании «Максимияна» воспринимается как иносказание о загробной судьбе царя Алексея Михайловича, весьма прозрачное в силу определенных параллелей: «Где строение сел любимых?»

* Где все затеи и заводы?..» Алексей Михайлович увлекался строительством дворцовых палат, охотой, различными светскими забавами, театром; ср. развитие этой темы в челобитной царю Федору.

* «Славно бо прославися» — из Книги Исход, XV, I.

Стр. 127

*...Макар Антиохийский убежал в Грузию... — Из Москвы патриарх возвращался в Антиохию через Грузию.

*...сею книгою — Имеется в виду «Книга толкований» Аввакума, посланная им Симеону.

3

Письмо датируется февралем 1677 г., так как Аввакум указывает в нем, что со времени его ссылки в Сибирь (сентябрь 1653 г.) прошло «двадцать три лета и поллета и месяц». Печатается по списку конца XVII— начала XVIII в. (ГПБ. собр. Богданова. О. 1.339, л. 296 об.— 309 об.).

Стр. 128.

* Отрадние, чадо... житие бысть...— Лот — библейский патриарх, жил в «нечестивых» городах Содоме и Гоморре (см.: Книга Бытия, XVI—XIX).

* Беспрестанно ратуюся с попами пьяными...— Аввакум не преувеличивал, говоря о тех бесчинствах, которые происходили во время церковной службы. В одной из «записок» патриарха Иосифа в 1636 г., например, читаем: «...дети во время святых службы в олтари бесчинствуют, и во время же святого пения ходят по церквам шпыни, с бестрашием, человек по десятку и больши, и от них в церквах великая смута и мятеж, и в церквах овогда бранятся, овогда и дерутся». О попах и дьяконах, упивающихся вином и дерзающих «не истрезвився служить божественную литургию», говорится в соборном ответе 1681 г. на вопросы царя Федора Алексеевича. Подтверждаются эти факты и многими другими документами (см.: Щапов А. П. Сочинения. Т. 1. СПб., 1906, стр. 383—386).

* Беседы апостольские — то есть Беседы Иоанна Златоуста на Деяния апостолов.

Стр. 129.

* Честного отца сын... вся приобрете.— Ср.: Житие Иоанна Златоуста. Мелетий (ум. 381)—антиохийский епископ, учитель Златоуста; Флавиан (ум. 404) — антиохийский епископ, учитель Златоуста; Аркадий (347—408) — византийский император; Евдоксия (ум. 404) — императрица.

*...рыкнул Иркиан в царице...— Иркианом Аввакум называет, очевидно, александрийского патриарха Феофила (ум. 414), союзника императрицы в борьбе против Иоанна Златоуста; Иркиан— Гиркан II (79—40 гг. до н. э.)—

первосвященник Иудеи; был известен Аввакуму по «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия.

*...собор на извержение Иванново! — То есть собор для лишения Иоанна Златоуста сана патриарха.

*...Алексеюшко-то с Марьюшкой...— Царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична.

*...Куксы арменския, потом в Каманы...— город Кукуз в Армении, куда в 404 г. был сослан Златоуст; в Команах (на побережье Черного моря) Златоуст умер в 407 г.

*...греки... патриархи кушают...— Греческая церковь находилась в полной зависимости от власти турецкого султана; это было для Аввакума лишним доводом неприемлемости обрядов, введенных Никоном по греческому образцу.

Стр. 130

* В Казани никонияня тридесять человек сожгли... сами во огонь дерзнувшие...— См. прим. к стр. 81. Одобрение Аввакума относится к самосожжению как средству спасения из рук никониан (см.: Бороздин, стр. 311—314).

ПИСЬМО ИГУМЕНУ ФЕОКТИСТУ

Феоктист — игумен Златоустовского монастыря, деятель раннего старообрядчества. В 1666 г. был арестован в Вятке, где он скрывался от преследований никониан. Умер до собора 1666 г.

Письмо было послано Аввакумом с Мезени, где он находился в ссылке с 29 декабря 1664 по февраль 1666 г. Судя по тому, что год приезда в Москву из сибирской ссылки (весна 1664 г.) Аввакум называет «прошлым годом», письмо написано в 1665 г., зимой (Аввакум просит прислать ответ «до весны»). Печатается по единственному списку XVII в. (ГИМ, Синодальное собр. свитков, № 1119).

Стр. 130

* «аще согрешают... прощайте их». — Ср.: Евангелие от Матфея, XVIII, 21-22.

*...имушаго ревность Божию не по разуму. — Ср.: Послание ап. Павла к римлянам, X, 2.

* Аще Бог по нас... проповедует о нас. — Из Послания ап. Павла к римлянам, VIII, 31, 33—34.

* наша брань... плоти — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 12.

* «ходяй во тьме... грядет» — из Евангелия от Иоанна, XII, 35.

*...в горькой Сион! — Сион — один из холмов, на которых был построен Иерусалим, Сионом назывался и сам иерусалимский храм. В иносказательном смысле означает церковь вообще; «горькой Сион» — никонианская, «неистинная» церковь.

* Около Воскресенскова... — Около Воскресенского монастыря.

* дщи Вавилоня, окаянная! — Из Псалтири, CXXXVI, 8.

* Родион, Иван — московские священники, принявшие реформу Никона; начальник их Иларион — архиепископ Рязанский, один из главных деятелей церковной реформы (о нем см. прим. к стр. 90).

* А аще бы нам умолчать, камение возопиет,— Из Евангелия от Луки, XIX, 40.

* «не бойся... дати царство» — из Евангелия от Луки, XII, 32.

* А Ондрей Самойлов у меня на Колмогорах недели с четыре жил... — Андрей Самойлов — сторож московского Благовещенского собора, один из учеников и последователей Аввакума. При отъезде Аввакума из Москвы в ссылку на Мезень 29 августа 1664 г. А. Самойлов проводил его до Холмогор.

*...Афонасья заставь,— Юродивый Афанасий, впоследствии известный расколоучитель инок Авраамий.

Стр. 131

*...про старцово житье мне не пиши... — Речь идет о бывшем протопопе собора Казанской Божьей матери — Иване Неронове, в монашестве — старце Григории, наставнике и друге Аввакума, принявшем реформу.

*...в рогах ходят... — «Рогами» Аввакум называет новую форму клобука, введенную Никоном.

* Фетинья, Григорей — домочадцы Аввакума.

ПИСЬМО АФАНАСИЮ

Афанасий — мирское имя известного расколоучителя и писателя инока Авраамия. Написано письмо в пустозерский период жизни Аввакума — очевидно, до февраля 1670 г., так как уже в феврале 1670 г. инок Авраамий находился в заключении. Некоторые исследователи полагают, что адресат этого послания не инок Авраамий, а его тезка — другой Афанасий, москвич (см.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, стр. LIX— LX; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, стр. 92, сноска 95). Письмо печатается по единственному списку XVII в. {ГПБ, О.XVII. 37, л. 33-35 об.}.

Стр. 131.

* А Борис Афанасьевич еще ли троицу ту страху ради не принял? — Личность боярина Бориса Афанасьевича не установлена; троица — здесь означает троеперстие.

* А Хованской князь Иван Большой...— Князь Иван Иванович Хованский.

* Антиох Египетский — Антиох IV Епифан (176—164 до н. э.), «нечестивый» царь Сирии, во время правления Иудеей ввел поклонение идолам и вакханалии (см.: Первая книга Маккавейская, I, 10; XVI, 20; Вторая книга Маккавейская, I, V, IX).

*...Илия и Енох не вкусили смерти плотски... постраждют...— Библейский патриарх Енох и пророк Илья были взяты на небо живыми (Книга Бытия, V, 18—24; Четвертая книга Царств. II, 11). По предсказанию Апокалипсиса, перед концом света они вернуться на землю

свидетельствовать против антихриста и будут им убиты (Апокалипсис, XI, 3—12).

ПИСЬМО МАРЕМЬЯНЕ ФЕОДОРОВНЕ

Маремьяна Федоровна, часто упоминаемая в письмах Аввакума,— одна из его любимых «духовных дочерей». По-видимому, она была женой московского священника Дмитрия, который служил «у крестов» у кн. Анны Милославской. Дмитрий уклонился на некоторое время от старообрядчества, стал служить по новым книгам, и Маремьяна отказалась жить с ним. Очевидно, Дмитрий и прислал Аввакуму просфору, о которой идет речь в письме. Письмо написано после марта 1670 г., так как «протопопица» была «посажена... в землю... с Иваном и Прокопием» в марте 1670 г. Печатается по списку начала XIX в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 257, л. 135—139 об.).

Стр. 132

* Козьма, Стефан — московские священники; Максим — очевидно, сын дьякона Федора, одного из пустозерских узников.

* Без веры..., угодите Богу — из Послания ап. Павла к евреям, XI, 6.

Стр. 133

* «Лучше бы не родился человек той» — из Евангелия от Марка, XIV, 21.

* «и печаль мою..., Господи!» — Ср.: Псалтирь, CXLI, 3.

*...что Исакия Печерского заточили.— Рассказ о борьбе Исакия Печерского с бесами находится в Киево-Печерском патерике, древнейшем сборнике оригинальных русских житий монахов Киево-Печерского монастыря.

* Анна Амосовна — одна из «ближних» женщин боярыни Морозовой.

ПОСЛАНИЕ «ВЕРНЫМ»

Послание сохранилось в двух редакциях — сокращенной (1673) и распространенной (1678). Печатаем первую редакцию (датировка ее устанавливается на основании фразы послания: «...ныне и Соловки в осаде морят, пять лет не етчи»; Соловецкий монастырь был осажден в 1668 г.). Печатается по списку XVIII в. (БАН, собр. Дружинина, № 166, (202), л. 207-210 об.).

Стр. 133

*...ил же аз люблю воистинну — из второго Соборного послания Иоанна Богослова, I,

* «влающихся и скитающихся.» в коварстве льщения — из Послания ап. Павла к ефесянам, IV, 14.

* «не бойся... царство небесное» —из Евангелия от Луки, XII, 32.

* Зде есть терпение святых — из Апокалипсиса, XIII

* Лествичник Иоанн, или Иоанн Синаит (ум. ок. 606) — игумен Синайской обители, автор «Лестницы райской» — руководство к иноческой жизни (издана в Москве в 1647 г.).

Стр. 134

- * Не убоимся... убити — из Евангелия от Матфея, X.28.
- *...убоимся вторыя смерти...— Ср.: Апокалипсис, XX, 6.
- * Братия моя... руки секли...— Первая «казнь» Лазаря и Епифания с «урезанием языков» состоялась 27 августа 1667 г. в Москве, вторая— 14 апреля 1670 г.; Лазарю, Епифанию и дьякону Федору «языки резали и руки секли».
- * Горе им... предашася! — Ср.: Соборное послание Иуды, I, 11.
- * ...видя виждь озлобление людей сих...— Ср.: Книга Исход, III, 7.
- * Спаситесь... строптивного сего — из Деяний апостолов, II, 40.
- * И в моем дому двоих повесили...— В марте 1670 г. были повешены юродивый Федор и Лука Лаврентьевич, жившие с семьей протопопа на Мезени.
- * не имам zde града... взыскуем — кз Послания ап. Павла к евреям, XIII, 14.

ПОСЛАНИЕ «ГОРЕМЫКАМ МИЛЕНЬКИМ»

Послание было отправлено в московскую старообрядческую общину, содержит ответы на многочисленные вопросы старообрядцев о «неведомых вещех»: как исповедаться и причаститься без священника, как «почитати» сожженных за принадлежность к расколу и ряд других. Послание датируется концом лета 1675 г.: в нем как о трагической новости сообщается о казни в Пустозерске Киприяна 7 июля 1675 г.; оно сопровождало, по-видимому, «Книгу бесед» Аввакума. Оно известно в четырех редакциях; в настоящем издании печатается редакция А (по обозначению их в Памятниках) по списку конца XVIII в. (ГБЛ, собр. Егорова, № 1898, л. 115—122).

Стр. 135.

- * «житие наше... есть» — из Послания ап. Павла к фи-липпийцам, III, 20.
- оболкшеся... приемше — из Послания ап. Павла к ефессянам, VI, 14 и 17.
- взирающе на начальника... Исуса — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 2.
- * да уклонится от зла... земля — из первого Соборного послания ап. Петра, III, 11—12.

Стр. 136

*...истинным запасом...— То есть святыми дарами, освященными старопоставленными священниками.

* «Исповедайте... да исцелееете».— Из Соборного послания ап. Иакова, V, 16.

Стр. 137

*...Лев в огонь посадил же такова вора.— Лев (ум. ок. 780), епископ Катанский. В Житии его (память 20 февраля) рассказывается о сожжении им неуловимого для светских властей волхва Илиодора.

* отец Авраамий — инок Авраамий (см. прим. к стр. 54).

Стр. 138

*...июля в 7 день, в среду.— То есть 7 июля 1675 г.

* Посылайте деньги мои к жене моей и детям...— Семья Аввакума в это время находилась на Мезени.

* Инок Епифаний — один из пустозерских «соузников» протопопа.

«СОВЕТ СВЯТЫМ ОТЦЕМ ПРЕПОДОБНЫМ»

Это послание, возможно, не имеет в виду определенных адресатов, а обращено ко всем старообрядцам, живущим замкнутыми общинами, в скитах, и содержит указания и советы Аввакума своей пастве относительно внутриобщинного уклада жизни (подобно письму «отцам святым» и «преподобным маткам»). Послание написано после смерти царя Алексея Михайловича (в ночь с 29 на 30 января 1676 г.): в нем рассказывается о страшной кончине царя, по старообрядческой легенде постигшей его за разрушение Соловецкого монастыря (монастырь был взят царскими войсками 27 января 1676 г.),— и, по-видимому, после московского пожара 9 июня 1676 г., который Аввакум рассматривает в ряду апокалиптических знамений, предвещающих «конец света».

Печатается по списку конца XVII — первой четверти XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 3003, л. 175-186 об.).

Стр. 138.

* Лидя, Ассарон — в Деяниях апостолов (IX, 32, 35, 38) упоминаются иудейские города Лидда и Ассарон, все жители которых приняли учение Христа.

*...в горнем Сионе.— То есть на небе.

*...корабли, фарсийсага исполнены злата...— См.: Вторая книга Паралипоменон, IX, 21.

Стр. 139.

* Гаваон — библейский город в Палестине, жители которого (гаваониты) хитростью добились пощады от Иисуса Навина и союза с ним во время войны Израиля с Ханааном (см.: Книга Иисуса Навина, IX).

* велиар — одно из наименований дьявола, встречающееся в Библии, (см.: второе Послание ап. Павла к коринфянам, VI, 15).

* фараониты — слуги библейского египетского фараона, преследовавшего евреев (см.: Книга Исход, I—XV); здесь — преследователи старообрядцев.

* Вавилон, как символ нечестия и развращенности, означает здесь «никонианский мир».

* Прогневася брат на брата, на Авеля Каин...— См.: Книга Бытия, IV, 1-15.

Стр. 141.

* «глаголи ты... да оправдишишь».— Ср.: Книга пророка Исаяи, XLIII, 9.

* Видите... уже посечены быша,— Очень близкое описание смерти царя Алексея Михайловича имеется в сочинениях дьякона Федора (см.: Материалы, VI, стр. 313—314) и во вновь найденном сочинении 1676 г. «Вопрошание от сына духовного ко отцу...» (ИРЛИ, Древлехранилище. Северодвинское собр., № 65, л. 392—399 об.; в печати), в основе которого лежит текст послания из Москвы в Пустозерск неизвестного автора, подробно описывающего важнейшие для пустозерских узников

московские новости первых месяцев 1676 г.: падение Соловков, смерть царя, поведение придворных и т. п. Соловецкий монастырь был взят царскими войсками 27 января 1676 г. (см. прим. к стр. 207).

*...играя... детину голоуса Богословом...— Речь идет о театральных представлениях при дворе царя Алексея на тему «Страстей Христовых».

*...пречистая Богородица... не приведоша их.— В упоминавшемся выше «Вопрошании» подробно описано как действительно бывшее явление царю Федору Богородицы и воровских узнии (л. 395—396), требовавших отмены церковной реформы.

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНУ [?], КСЕНИИ ИВАНОВНЕ и АЛЕКСАНДРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

Это послание дефектно: отсутствует его начало, и поэтому имя первого адресата не названо. Однако известно, что он занимает видное положение в старообрядческой общине Москвы, хорошо осведомлен о жизни Аввакума, деятельности Ф. М. Ртищева и А. С. Матвеева в защиту никоновской реформы, находится в постоянном общении с двумя другими адресатами — Ксенией Ивановной, бывшей казначеей в доме Ф. П. Морозовой, и Александрой Григорьевной— инокиней Меланьей (см. прим. к стр. 163); можно предположить, что это Симеон, в иночестве игумен Сергей. Послание, помимо рассказа о «бедах» «нынешнего времени» и «лживых» учителях, содержит толкование 103 псалма «о мирстем бытии». Датируется 1678—1679 гг. (подробнее см.: Сарафан о-ва Н. С. Неизданное сочинение протопопа Аввакума.— ТОДРЛ, 1960, т. XVI, стр. 257-269. Послание сохранилось в единственном списке начала XVIII в. (ГИБ, собр. Михайловского. Q. 173, л. 1—21 об.).

Стр. 143

*...царица Марья...— Мария Ильинична (1625—1669), первая жена царя Алексея Михайловича.

*...фигуру.— Возможно, здесь порча текста, смысл ясен только приблизительный: речь идет о послании Аввакума властям из Пустозерска.

* Анна Веньяминоопа — см. прим. к стр. 22. О Ф. М. Ртищеве см. прим. к стр. 43.

* Арталюн — Артамон Сергеевич Матвеев (1625—1682), ближний боярин царя Алексея Михайловича, государственный деятель, был в ссылке в Пустозерске с 1678 по 1680 г.

* Во крещении напечатано: «...дух лукавый... помыслом наводяй».— Старообрядцы обвиняли никониан в том, что, изменив расстановку слов в крещенской молитве, никониане молятся теперь «духу лукавому», то есть сатане, называя его «Господом».

* Иоанн Дамаскин (конец VII в.— ок. 754)—византийский богослов и философ, автор многих богословских сочинений и церковных песнопений.

* «и прият Иосиф жену... первенца» — из Евангелия от Матфея, 1,25.

*...всех бы еретиков... яко Илия, ножом переколол... при Ахаве.— См. прим, к стр. 102.

Стр. 144

*...Ариева ересь...— См. прим. к стр. 122,

* «Благослови, душе моя, Господа» — из Псалтири, СШ, 1.

Стр. 145

* Да гряди убо, чадо... не хотящу... видети? — Ср.: Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, изд. О. М. Бодянским.— Чтения в обществе истории и древностей российских, 1879, кн. 3, л. 134. Начиная истолкование 103 псалма, Аввакум здесь и далее обращается к тексту сочинения популярного славянского философа и богослова Иоанна, экзарха Болгарского (X в.),— и «Шестодневу», своеобразной энциклопедии раннесредневековых знаний о мире (подробнее см.: Сарафанова-Демкова Н. С. Иоанн, экзарх Болгарский, в сочинениях Аввакума.— ТОДРЛ, 1963, т. XIX, стр. 357-372).

* Давид — полупоупендарный древнееврейский царь (конец XI— начало X в. до н. э.), автор псалмов.

* «Господи... еси зело» — из Псалтири, СШ, 1.

* «Исповедание... яко ризою» — из Псалтири, СШ, 1—2, якоже жених от чертога — из Псалтири, XVIII, 6.

* «Пропиная небо... на крилу ветреню» — из Псалтири, СШ, 2—3.

* «полагали облака... огонь палящ» — из Псалтири, СШ, 3—4.

* «и се сын челоуеч... царство его не престанет» — из Книги пророка Даниила, VII, 13—14.

* «Основаяй землю... одеяние ея» — из Псалтири, СШ, 5—6.

* Патрикий, епископ Прусский (ок. 100)—святой восточнохристианской церкви.

Стр. 147

* «На горах станут воды... устрашатся» — из Псалтири, СШ, 6-7.

* «восходят горы... покрыта землю» — из Псалтири, СШ, 8—9.

* «Посылая источники... дадут глас» — из Псалтири, СШ, 10—12.

* «Напоая горы... сердце челоуеку» — из Псалтири, СШ, 13-15.

* «умастити лице... укрепит» — из Псалтири, СШ, 15.

Стр. 148

* «Насытятся древа... обладает ими» — из Псалтири, СШ, 16—17. Рассказы об еродии (аисте) читаются в Азбуковнике и Физиологе.

* Алексикон — иначе Азбуковник.

* «Горы высокая... заяцем» — из Псалтири, СШ, 18.

* «Сотворил еси... зверие дубравный» — из Псалтири, СШ, 19—20.

* «Скимни рыкающе... лягут» — из Псалтири, СШ, 21—22.

*...Скимен глаголется молодой львицищ...— Источником рассказа Аввакума о «естестве Львовом» является Физиолог.

Стр. 149.

* «Изыдет челоуек... сотворил еси» — из Псалтири, СШ. 23—24.

* Им же образом желает елень... и пропадает весь.— Источником рассказа Аввакума является Физиолог.

* обновится... юность твоя — из Псалтири, СП, 5.

* Орел... егда состарееется... юн вместо ветха.— Источником рассказа Аввакума является Физиолог.

Стр. 150

*...яко стерчин родителя своего... от иных птиц сопостатных. Источником рассказа о птицах стерхах (белых аистах) является Физиолог.

* Лот и Ной — библейские патриархи; о «поругании» Ною и Логу от вина рассказывается в Книге Бытия, IX, 21—24; XIX, 33—35.

* Самсон — библейский герой, прославился богатырской силой и подвигами в борьбе с филистимлянами. Рассказ о Самсоне читается не в «бытийстей книге» (Книге Бытия), как указывает Аввакум, а в Книге Судей израилевых, XV, 4—15; XVI, 3.

* Дионис — бог вина и виноделия у древних греков.

*...финикс-птица...— Легендарный рассказ о птице фениксе содержится в Физиологе.

Стр. 151

* «Исполнися земля твари твоя»— из Псалтири, СII, 24.

* Их же родов несведомое множество есть...— Следующий далее рассказ Аввакума о птицах, зверях, насекомых, китах, рыбах восходит к Шестодневу Иоанна экзарха Болгарского.

* «Се море... преплавают»— из Псалтири, СIII, 25—26.

*...острей... каркин.— Рассказ о них также восходит к Шестодневу.

*...рыба многоножица...— Сказание о многоножице есть в Азбуковнике, Физиологе, Шестодневе; источником для рассказа Аввакума был Шестоднев.

Стр. 152

* Корабли бо по морю преплавают... отинуде перевозят.— В толковании стиха 26 Аввакум пользуется Толковой псалтирью Феодорита Киррского.

* «Змий... ругатися ему» —из Псалтири, СIII, 26.

*...отъяты быша и нозе и крыле... дьявола прокля.— См.: Книга Бытия, III, 14-24.

* «Всяк к тебе... возмьются» — из Псалтири, СIII, 27—29.

* Разовщина — крестьянская война (1667—1671) под руководством С. Т. Разина.

* Коломенская пагуба — московское восстание посадских людей 1662 г.

Стр. 205.

* «Отымеши духи их... лице земли» — из Псалтири, СIII, 29—30.

Стр. 153

* «еси убо не успнем... животом» — из Послания ап. Павла к коринфянам, XV, 51—54.

* «и обновиши лице земли» — из Псалтири, СIII, 30.

* И речет Господь... в живот вечный...— Ср.: Евангелие от Матфея, XXV, 34, 41, 46.

Стр. 154

- * Тогда возвеселится... своих.— Из Псалтири, СІН, 31.
- * «Презираяй на землю... воздыматся» — из Псалтири, СІІ, 32.
- * Егда на Синайстей горе... рече: «...господи». — Ср.: Книга Исход, ХІХ, 16-19.
- * Воспою... о Господе.— Из Псалтири, СІІ, 33—34.
- * «скончатся... не быти им» — из Псалтири, СІІ, 35.
- * Благослови... Господа.— из Псалтири, СІІ, 35.

ПОСЛАНИЕ ВСЕМ «ИЩУЩИМ ЖИВОТА ВЕЧНАГО»

Послание в рукописи не надписано именем Аввакума, но авторство Аввакума устанавливается на основании особенностей стиля послания, его содержания и прямых указаний в тексте: «Патриарси со мною, протопопом, на сонмище ратовавшеся, рекоша», «Как стригли меня на Москве... как меня сюды, в Пустозерье, везли... Ияков... кричит: «Батька Аввакума на Москве ругают...». Написано послание в Пустозерске в 1679 г, (со времени расстрижения Аввакума 13 мая 1666 г. прошло «с тринадцеть лет»).

Основная цель послания — обличение никониан «во лжи», доказательство ответственности перед Богом в своих религиозных убеждениях каждого верующего — «архиерея» и «рядного». Послание публикуется по единственному списку XVIII в. (ГБЛ, ф. 242, № 61, л. 66—71 об.).

Стр. 154

- * «сила Божия есть всякому верующему... жив будет» — из Послания ап. Павла к римлянам, І, 16—17.
- * «открывается гнев Божий... явил есть им» — из Послания ап. Павла к римлянам, І, 18—19.
- * «невидимая бо... их сердце» — из Послания ап. Павла к римлянам, Д, 20-21.
- * «...патриарси со мною... на сонмище ратовавшеся... — О своих спорах со вселенскими патриархами (Макарием Антиохийским и Паисием Александрийским) на церковном соборе 1667 г. Аввакум рассказывает в «Житии».

Стр. 155

- * «...небо... впосолонь вертится, а вы... ходите противу солнца и всея твари...» — Здесь Аввакум приводит свои доводы в пользу хождения в церкви «посолонь» (по солнцу).
- * «измениша славу Божию... человека» — из Послания ап. Павла к римлянам, І, 23.
- * «иже премениша истинну... во лжу» — из Послания ап. Павла к римлянам, І, 25.
- * «И якоже не искусиша... деют творящим» — из Послания ап. Павла к римлянам, І, 28—32.
- * «вкусите от древа... яков сам бе». — Ср.: Книга Бытия, ІІІ, 1—5.

Стр. 156

* В которой день монастырь истнил... в той день и сам исчез.— Соловецкий монастырь был взят царскими войсками 27 января 1676 г. Царь Алексей Михайлович умер через два дня в ночь с 29 на 30 января 1676 г. В этом старообрядцы видели особое проявление Божьей справедливости (наказание царя последовало немедленно вслед за разрушением оплота старой веры) и широко использовали это совпадение для своей пропаганды.

* Егда приидоша ангели... «не туне... за душу свою».— Ср.: Книга Иова, I, 6—11; II, 4.

* А боярня с сестрами умерла о Христе...— Ф. П. Морозова умерла в ночь на 2 ноября 1675 г., Е. П. Урусова — 11 сентября 1675 г., М. Г. Данилова — 1 декабря 1675 г.

* неся сия тебе... душу ево соблюди» — из Книги Иова, II, 6; II, 12.

* Андрей Юродивый (ум. ок. 940) — святой восточнохристианской церкви. В его Житии (ВМЧ, память 2 октября) рассказывается о его сне, в котором он боролся с черным «ефиопом» — «тысящником... легеона сатанина» и победил его на радость «белоризцем» — ангелам.

* Как стригли меня на Москве...— Аввакум был расстрижен и проклят 13 мая 1666 г.

ПОСЛАНИЕ «ЧАДОМ ЦЕРКОВНЫМ» О ДЬЯКОНЕ ФЕДОРЕ

Это послание является своеобразным сопроводительным письмом Аввакума при посылке «всем верным» его «Книги обличений», направленной против одного из пустозерских «союзников» протопопа— дьякона Федора. Ожесточенные споры виднейших расколоучителей по богословским вопросам, разгоревшиеся с новой силой в 1678—1679 гг., вызывали недоумение старообрядцев. Поэтому Аввакум в поисках единомышленников обращается к «чадом церковным» с особым посланием, рассказывая в нем о «мерзости» «Федьки-отщепенца» и о наказании, которое постигло его самого, когда он хотел помириться с Федором. В послании сообщаются неизвестные ранее подробности взаимоотношений Аввакума, Федора и Епифания. Написано послание одновременно с «Книгой обличений» — в 1679 г. («лет с десять целил ево»,— пишет Аввакум о дьяконе Федоре, разногласия с которым начались уже в 1670 г.).

Печатается по списку конца XVII — первой четверти XVIII в. (РИМ, Музейское собр., № 3003, л. 135—138),

Стр. 157.

*...кто где узрит ево письма подметных...— Около 1678 г. дьякон Федор отправил в Москву «ко всем сродникам и по вере братьям» сочинение, излагающее его точку зрения на пустозерские споры. Очевидно, это сочинение и имеет в виду Аввакум.

* Исперва о казни нарочито говорил... А рука... исперва была цела, а ныне измозгла.— В сочинениях Аввакума и других старообрядцев рассказывалось, что отсеченные руки пострадавших за «истинную веру»

сами слагали двуперстное крестное знамение. Сообщая, что Федор онемел, а рука его «измозгла» Аввакум видит в этих фактах еще одно доказательство его «еретичества».

Стр. 158.

* «...посылал еси ангелы... гневу своему». — Ср.: Псалтирь. LXXVII, 49-50.

ПОСЛАНИЕ ИГУМЕНУ СЕРГИЮ С «ОТЦЫ И БРАТИЕЙ»

Кроме игумена Сергия (в миру Симеон) адресатами являются дочери Е. П. Урусовой, Анисим Фокин и священник Стефан, московские старообрядцы. Послание написано после 1675 г. (после пострижения Симеона в монахи и смерти Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой). Неясно, что значит буква ц при имени Анастасии Урусовой: «Настасья, хотящая быти ц». Аввакум пишет далее: «Бог ея благословит за великаго и честнаго жениха». П. С. Смирнов выдвигает предположение, что ц — начальная буква слова «царица», и, следовательно, послание написано в 1680 или 1681 г., так как до июля 1680 г. царь Федор Алексеевич не был женат, а после июля 1681 г. овдовел (см.: Памятники, стр. LVI). Печатается по списку XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 81 об.— 86 об.).

Стр. 159.

* Иосиф Волоцкий (1439—1515)—игумен волоколамского Успенского монастыря, представитель воинствующих церковников, публицист, церковный писатель. Аввакум высказывает здесь своё несогласие с Иосифом Волоцким, стоявшим на ортодоксальной точке зрения по вопросу о сошествии Христа в ад.

*...в слове Епифаниеве... — Имеется в виду апокрифическое «Слово в святую и великую субботу Епифания Кипрского (367—403).

* «возьмите врата, князи, ваша» — из Псалтири, XXIII, 9.

* Евсевий Самосадский... — Аввакум ссылается на апокриф «Слово... о вшествии Иоанна Предтечи во ад». В печатном Московском. Сборнике 1647 г. автором его назван Евсевий Самосатский; правильно — Евсевий Александрийский.

*...Федька отступник... — Дьякон Федор.

*...Климантовы те книги... — «Правила святых апостолов» и «Постановления апостольские» — два важнейших канонических памятника раннего христианства, приписываемые св. Клименту (I в.), сподвижнику ап. Петра и Павла.

*...Григория Низкова... — Григорий Нисский (см. прим. к стр. 15).

* отчасти... пророчествуем — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, XIII, 9.

Стр. 160

* яко свиния... чрево свое — из Евангелия от Луки, XV, 16.

* «далече от грешных спасение» — из Псалтири, CXVIII, 155.

* «яко поена... дух мой» — из Псалтири, CXLII, 3—4.

* Июдифь — библейская героиня; спасла Иудею от порабощения, убив вавилонского полководца Олоферна (Книга Иудифи, VII— VIII).

* Забвенна буди... о камень! — из Псалтири, СXXXVI, 5—6, 8—9.

Стр. 161

* Стефан, Козьма — московские священники, старообрядцы.

* «сиру ты буди помощник» — из Псалтири, IX, 35.

*...и толк-от Афанасиев прав...— Аввакум имеет в виду Толковую Псалтирь, приписываемую Афанасию Александрийскому.

* Григорий, епископ Омиритский (ум. 560)—святой восточнохристианской церкви.

* «никто же душу мою... пряти ю» — из Евангелия от Иоанна, X, 18.

* «отче... предаю дух мой» — из Евангелия от Луки, XXIII, 46.

* Иоанн, экзарх Болгарский (X в.) — автор широко известного на Руси Шестоднева (распространенное в христианской литературе толкование библейского рассказа о сотворении мира в шесть дней).

ПОСЛАНИЕ БОРИСУ И «ПРОЧИМ РАБАМ БОГА ВЫШНЯГО»

Послание направлено в московскую старообрядческую общину. Помимо вопроса о церковном пении и келейном правиле Аввакум как «духовный отец» разбирает сложные взаимоотношения своей паствы.

Елена Хрущева, уставщица московского Вознесенского монастыря, разлучила с мужем Ксению Гавриловну, молодую вдову, вновь вышедшую замуж, и чуть не «уморила» ее ребенка. Аввакум, строго осуждая Елену и Родиона (вероятно, племянника Акинфия Данилова), поддерживавшего ее, вовлекает многих членов общины в обсуждение проступка Елены. Среди адресатов послания — игумен Досифей, бывший игумен Беседного Никольского монастыря близ Тихвина (1662—1670), пользовавшийся большим авторитетом среди старообрядцев (им был произведен обряд пострижения Ф. П. Морозовой), мать Меланья, игумен Сергей.

Послание датируется предположительно 1681 г., так как Аввакум благословил в нем Досифея на составление челобитных «о исправлении веры», которые были им написаны и использовались старообрядцами в мае 1682 г. во время Стрелецкого восстания и старообрядческих волнений в Москве. Печатается по списку XVII в. (ГИМ, собр. Хлудова, № 149 (доп. каталог), л. 69—75).

Стр. 162.

* Параклит — перифрастическое обозначение Христа, восходящее к греческому языку, что значит «защитник, утешитель» (Спас).

Стр. 163.

*...со отцы, трудились так... пел единогласно ж.— Аввакум перечисляет здесь известных деятелей раннего старообрядчества: Павел, епископ

Коломенский, Даниил, протопоп Костромской, и Логин, протопоп Муромский, упоминаются в «Житии»; сведения о других взяты из книги П. С. Смирнова «Внутренние вопросы в расколе XVII в.». СПб., 1898, стр. LVIII—LIX, сноска 85: Михаил — священник в Москве, Гавриил — в Нижнем Новгороде; Тихон Печерский — очевидно, архимандрит Печерского Вознесенского нижегородского монастыря (1649—1651); Иосиф Суздальский — игумен Дмитриевского суздальского монастыря (1641); «Конон Нижегородский» — протопоп, «тетрадки» которого были отображены в 1666 г. при аресте игумена Феокиста; Марфа — игуменья Вязниковского Введенского монастыря (1652); Андреян — вероятно, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (1640—1656). Игнатий Иванов («Игнатей Бывшей») — бывший дьякон Соловецкого монастыря, известный в Поморье проповедник и писатель (автор челобитной царю Алексею Михайловичу и сочинения «О написании титлы на кресте»), отличался крайним фанатизмом и нетерпимостью (см.: Бубнов Н. Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу, — В кн.: Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972, стр. 93—102). В послании в Москву Исидору (Памятники, стб. 945) Аввакум писал, что Игнатий «мятежит всею церковью», и упрекал его в невежестве («И азбуки не знает»)

Стр. 164

* Евфимий Великий — византийский святой, житие его читается в ВМЧ под 20 января,

*...Анисьшу сестру... — Анисья — известная в старообрядчестве игуменья в обители Мелании; сохранилось специальное обращение Аввакума к ней (Памятники, стб. 401—405).

*...дщери Каинове и Ламехове!—То есть последовательницы ветхозаветных убийц Каина и Ламеха (Книга Бытия, IV).

Стр. 165

* Елисей — ветхозаветный пророк, наказавший своего ученика за преступление проказой (Четвертая книга Царств, V, 27).

*...его же, аще свяжете... той разрешен.— Ср.: Евангелие от Матфея, XVI, 19.

*достоин бо делатель мзды своя — из Евангелия от Матфея, X, 10.

*...яко Марию Магдалыню...— См.: Евангелие от Луки, VII, 37—50; VIII, 2.

* «аще не имат... прежде всех» — из Евангелия от Иоанна, VIII, 7.

* «братке, аще человек... тяготы носите» — из Послания ап. Павла к галатам, VI, 1—2.

* слово Божие... до самыя души — из Послания ап. Павла к евреям, IV, 12.

*...Ефремову книгу...— Книга Ефрема Сирина. И царю Алексею говорено о том.— Аввакум ссылается на свои видения, описанные в «пятой» челобитной Алексею Михайловичу.

Стр. 166

* Максим — личность его не установлена; возможно, это сын дьякона Федора, живший в Москве.

* ходяще в премудрости ко внешним — из Послания ап. Павла к колоссянам, IV, 5.

* «идеже два... посреди их» — из Евангелия от Матфея, XVIII, 20.

ПИСЬМО АЛЕКСЕЮ КОПЫТОВСКОМУ

Алексей Копытовский, как об этом можно судить по письму,— один из любимых учеников Аввакума, скрывавшийся долгое время от преследований властей. Дату написания письма точно определить невозможно; очевидно, оно было написано спустя несколько лет после собора 1667 г., поставившего старообрядцев вне закона. Письмо печатается по списку конца XVIII — начала XIX в. (ГБЛ,* ф. 17, № 200, л. 273 об.—275).

Стр. 166

*...расселинах каменных... — Ср.: Книга пророка Исаи, И, 19.

* Лукиян — личность его не установлена.

* несть сообщения свету со тьмою — из второго Послания ап. Павла к коринфянам, VI, 14.

* Растлил он... самого Бог.— Из первого Послания ап. Павла к коринфянам, III, 17.

*...по непокаянному сердцу — из Послания ая. Павла к римлянам, II, 5.

Стр. 167

*...изволися Духу... и мне... — Ср.: Деяния апостолов, XV, 28.

* предати тя... спасется — из первого Послания ап. Павла к коринфянам, V, 5.

*...месть Каинова, и Исавова, и Саулова... яко содомлян...— Чтобы усилить мысль о неизбежности наказания Богом нераскаявшегося в каком-то грехе Лукияна, Аввакум объединил в одной фразе несколько библейских сюжетов; мечь Каинова...— Аввакум имеет в виду возмездие, постигшее братоубийцу Каина (Книга Бытия, IV); мечь Исавова...— то есть мечь Исав, преследовавшего своего брата Иакова, похитившего у него право первородства (Книга Бытия, XXV); мечь Саулова—наказание, которое понес царь Саул, послушавшийся Бога; содомляне — жители города Содома, сожженного ангелами за нечестие его жителей (Книга Бытия, XVIII—XX).

*...не наемник я... за овцы...— Ср.: Евангелие от Иоанна, X, 11—12.

*...Максим...— См. прим. к стр. 222.

ПИСЬМО «ОТЦАМ СВЯТЫМ» И «ПРЕПОДОБНЫМ МАТКАМ»

Адресаты письма не установлены; оно написано в царствование Федора Алексеевича после января 1676 г. Письмо сохранилось в единственном списке XVII в. (ГПБ, О.XV11, 37, л. 29—30), по которому и печатается.

Стр. 167.

* Всяк бо возносяйся... вознесется.— Из Евангелия от Луки, XIV, 11.

* смирил себе... всякого имени — из Послания ап. Павла к филиппийцам, II, 8—9.

* взирающе на начальника... Иисуса — из Послания ап. Павла к евреям, XII, 2.

ПИСЬМО «ОТЦАМ ПОМОРСКИМ»

Личности адресатов — Савватия, Евфимия, Тимофея и Авксентия — не установлены. Из письма явствует, что они уважаемые в старообрядчестве «отцы», ревностные поборники «старого благочестия», жившие, вероятно, в одной из обителей на берегу Белого моря. Время написания письма также не установлено. Письмо печатается по списку конца XVIII — начала XIX в. (ГБЛ, ф. 17. 200, л. 210 об — 212).

ПИСЬМО ИОНЕ И МОИСЕЮ

Письмо направлялось в Заволжье («здесь вас... за Волгою, на родине моей...»), в керженские скиты, где скрывались многие противники никоновской реформы. Иона — по-видимому, адресат и других писем Аввакума, его земляк «Иона-нижегородец», широко известный деятель старообрядчества XVII в. Письмо относится к числу последних писем Аввакума конца 1670 — начала 1680 гг. (Аввакум называет себя здесь «сиротой», «осиротевша Бога и человек») и по типу весьма близко к письму «отцам поморским» (подробнее см.: Демкова, Малышев, стр. 168—170).

Публикуется по единственному списку XVIII в. (ГБЛ, ф. 17, № 1224, л. 1—2 об.).

Стр. 168.

* Горних... мудрствуйте...— Ср.: Послание ап. Павла к колоссянам, III, 1—3.

* Где иду и камо бежу?— Ср.: Псалтирь, CXXXVIII, 7.

Стр. 169.

* Обыдоша ны... нас.—Ср.: Псалтирь, XXI, 17.

* Ануфрий Великий — популярный византийский святой (день памяти 12 июня), египетский пустынный IV в., жизнь которого воспринималась как символ пустынножизненного жития.

* «Моисею, Моисею... посреде воды и воды».— Ср.: Книга Исход, XIV, 15—16.

*...един. Моисей... 600 000...— Ср.: Книга Исход, XII, 37—38.

* Афонасей Зубов с Лукою Рубашешником...— Эти имена впервые встречаются в сочинениях Аввакума; известен Лука — автор специального «челобитья за рубаху», упоминавшийся Ефросином в «Отразительном писании» (СПб., 1895, стр. 88—89) как сторонник «самоубийственных смертей».

ПИСЬМО «СТАРИЦЕ КАПТЕЛИНЕ»

* «Старлица» Каптелина Мелентьевна — видная деятельница движения старообрядчества XVII в., противница «самоубийственных смертей», жившая в Ветлужских лесах, на Керженце и в Пошехонье (см.: Ефросин. Оразительное писание. СПб., 1895, стр. 11), «духовная дочь» Аввакума. Письмо, так же как предыдущее — Ионе и Моисею, относится к числу писем последних лет жизни Аввакума: его занимает мысль о необходимости монашеского, аскетического бытия; мирская жизнь, даже воспоминание о ней осуждаются здесь Аввакумом: «...маленько оплошися — так беда тогда случается: миршины захочю или ризами себя украсить, да старое то житие на ум побредет...» (подробнее см. Демков, Малышев, стр. 168—175).

Печатается по той же рукописи XVIII в. (ГБЛ, ф. 17, № 1224, л. 2 об.— 6 (единственный список),

Стр. 169.

* Виноград едемский именую тя... сладкоглаголивая.— Ср. весьма близкую формулу в обращении Аввакума к Ф. П. Морозовой и Е. П. Урусовой и к его другой «духовной дочери» — К. А. Болотовых (см.: Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума.—ТОДРЛ, 1958, т. XIV, стр. 419).

Стр. 170

* Егда тя обыдут... пищу себе...— Ср.: Псалтирь, СШ, 21.

*...за молитв святых отец... Заступнице християном... Отступи, неприязнь... а не блудить».— Аввакум использует здесь тексты различных молитв (ср.: Псалтирь с воследованием. М., 1642, л. 257 об.; Требник Петра Могилы. Киев, 1646, ч. 3, л. 347 и др.).

* Сюзиме плоти... помышления (когда утесняется плоть — смиряется сердце, когда сердцу дается воля — свирепеют помышления).— Ср.: Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, V, 2; XVIII, 30.

*...заход выпрячешь...— То есть вычистишь отхожее место. : Стр. 229.

* Чернечествуи умови... вопросу и ответу...— Ср.: Ефрем Сирийский. Поучения. М., 1647, л. 102—102 об.

* Неокормлении падают, яко листвие.— Ср.: Притчи Соломона, XI, 14. Стр. 171

* Несть иудей... о Христе.— Ср.: Послание ап. Павла к галатам, 111, 28.

* В день... аггелом суть.— Ср.: Евангелие от Матфея, XXII, 30.

*...повинуйтесе... от них храните.— Ср.: Послание ап. Павла к евреям, XIII, 17, 7.

* Отечница (или «Отечник») — русское название пятериков, сборников житий «святых отцов».

ПИСЬМО «ДВУМ ДЕВАМ»

Точная датировка письма невозможна, предположительно конец 1670 — начало 1680 гг., так как в рукописи письмо входит в подборку поздних писем Аввакума, отправленных в Заволжье (см. письма Ионе и Моисею и

«старице» Каптелине; подборка сохранилась в единственной рукописи XVIII в. (ГБЛ, ф. 17, № 1224, л. 1 — 7; письмо «двум девам» — л. 6 — 7). Евдокия, к которой обращается в письме Аввакум, — особа знатного происхождения; имя другой «девы» неизвестно (подробнее см.: Демкова, Малышев, стр. 168-175).

Стр. 172.

*...яко уметы, вмшсте... — Ср.: Послание ап. Павла к филиппийцам, III, 8.

* Платон, Пифагор, Демосфен, Аристотель — древнегреческие философы, чьи имена традиционно использовались христианскими богословами для уничижительной характеристики «внешней», светской мудрости в противовес восхвалению «отцов церкви» — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского.

* Ефрем Сирийский пишет..., препрети. — См.: Ефрем Сирийский. Поучения. М., 1647, л. 11.

* Не предлагаю пределы... неизменно. — Ср.: Притчи Соломона, XXII, 28.

* Крестится... крестихомся. — Этот текст со ссылкой на слова Василия Великого часто использовался в старообрядческой литературе.

*...священство упражняешь... — То есть упраздняешь. Осуждая Евдокию за сомнения в возможности сохранить священство и церковные таинства в эпоху наступившего «царства антихриста», Аввакум обвиняет ее в лютеранстве и кальвинизме.

* «Аз есмь... века» — из Евангелия от Матфея, XXVIII, 20.

О ТРЕХ ИСПОВЕДНИЦАХ СЛОВО ПЛАЧЕВНОЕ

«Слово плачевное» посвящено памяти умерших в 1675 г. в борозской земляной тюрьме боярыни Феодосьи Морозовой, княгини Евдокии Урусовой, жены дворянской Марии Даниловой и написано, очевидно, в первой половине 1676 г. под непосредственным впечатлением известия о их смерти. «Слово плачевное» имеется в единственном списке в сборнике конца XVII — начала XVIII в. (ГИМ, Музейское собр., № 3003, с. 121—134). Последовательность текста была нарушена, очевидно, при переплете; порядок его удалось восстановить, за исключением нескольких или, может быть, одного утраченного листа. «Плач» Аввакума — соединение народного причитания с ламентациями библейских пророков — оказал несомненное влияние на надгробные плачи старообрядческих писателей XVIII в. (братья Денисовы и др.).

Стр. 173.

*...сноха моя, Анна Ильинична... — Анна Ильинична Морозова (ум. 1667), урожденная Милославская, жена Б. И. Морозова, сестра царицы Марии.

*...замедлив в дому Анны Петровны Милославские... — А. П. Милославская (ум. ок. 1669), ближняя боярыня царицы.

Стр. 174.

*...сослали меня паки с Москвы на Мезень... — См. прим. к стр. 48.

* Ияким — чудовский архимандрит, патриарх с 1674 года.

Стр. 177.

* Никтоже смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная... паче же в рогожи оберченна!— Аввакум получил, очевидно, подробное известие о последних днях жизни и обстоятельствах смерти воровских «исповедниц»: как известно по Житию боярыни Морозовой, тело ее, как и ранее умершей сестры Евдокин, было «обвито вместо других наволок рогозицею» и по велению царя «внутрь острога в землю» закопано.

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ

Абие — тотчас, сразу.

Авва —отец (духовный).

Агарянский — турецкий, мусульманский.

Агнец — частица просвиры, в момент литургии претворяющаяся в тело Иисуса Христа.

Аер — воздух, атмосфера.

Аз — я; старое название первой буквы азбуки; начало, первое.

Акафист — вид хлебного церковного песнопения.

Албанасы — албанцы.

Алгимей, алгмеи — мучитель, смутьян.

Аллилуйя —хвалебный возглас в богослужении (от древнееврейского выражения, обозначавшего: «Восхваляйте Господа»).

Аманат — заложник, пленник; см. ясырь.

Амо — куда, см, камо.

Ано — а, ан.

Арган, орган — организм, часть его; см. уд.

Афедрон — задний проход.

Аще — если; а когда; разве; ли.

Баба — пеликан.

Базлук — подкова с шипами, которую рыбаки налетывают к подошве для ходьбы по гладкому льду.

Баиник — говорун, пустослов.

Барте, борте — частица при обращении с разным значением: пожалуйста, пусть.

Батог, батожье — палки или толстые прутья с обрезанными концами; см. шелеп.

Бачка — батюшка, отец.

Белец —живущий в монастыре, но не постриженный еще в монашество,

Бердыш — широкий топор с закругленным в виде месяца лезвием на длинном топорнице.

Верный — бранный, тленный; см. тлимый.

Бесстудие — бесстыдство.

Беть — поперечное бревно, которое врубается для скрепления бортов дощаника.

Блаженно, блазовато — стыдно.
Блазнить — искушать, вводить в сомнение, соблазнять.
Блудня — отпадение от истинной веры; прелюбодейство, блуд.
Блюстися — соблюдать; остерегаться.
Блядка — любодейца, блудница.
Блядословить — проповедовать ересь, обман.
Блядь — ложь; лживая, дьявольская вера; см. воровство, прелесть.
Бо — ведь, же, ибо.
Болезненный — участливый; трудный, тяжелый.
Боло — ведь.
Больше — может быть, кажется.
Братися — бороться, сражаться.
Брашно — пища, еда.
Бродня — ходьба туда и сюда.
Брусить — бормотать; врать.
Брыластый — толстогубый; имеющий бзльшне от»исл«вяру*и»|
Велелепный — великолепный, прекрасный.
Велелепота — великолепие.
Вервица — ременные четки; см. лествица.
Верменница — любовница.
Верста — сверстница; возраст.
Вертогра д — сад.
Верх (мн. число вереи) — вершина.
Вершие — древесные побеги, плоды.
Веси — знаешь.
Весныи — известный.
Весь — деревня.
Вздивиять, вздивиячиться — сделать(ев)
мым, бесноватым, взвыть диким голосом.
Взнак — ничком, навзничь.
Взыскать — найти; возвратить.
Вина — грех; причина; нужда.
Виновный — надлежащий, обязанный.
Витать — пребывать где-либо, проживать, обитать.
Влагодить — падать; замирать.
Вдающийся — колеблющийся, сомневающийся.
Вмале — вскоре; см. помале; в небольшом количестве.
Вменить — принять.
Внегда — когда; см. егда.
Во еже — чтобы; см. даже.
Возглавие — подушка.
Возгря — сопля.
Воздух — покрывало на сосудах с причастием, сокршгентом.
Волокита — скитание, мытарство.
Волохи — влахи, румыны; в средневековых текстах православные

румыны и близкие им народы.
Волоченьки — ручные сани, нарты, салазки.
Вонми — внимай.
Воровать — мошенничать, плутовать, обманывать. Воровство — ложь, ересь,
распространение лживой веры; см. блядь, прелесть.
Восперенна — парящая в воздухе; см. превыспренный.
Во-ся, во-то — вот.
Впосолонь — по солнцу, с востока на запад.
Вседетельный — совершенный.
Втai — тайно.
Высирь — вверх, ввысь к небу.
Вякать — непринужденно рассказывать, беседовать, болтать.
Вящше — больше.
Главотяжец — головная повязка.
Глагол — слово, речь.
Гобзование — изобилие.
Годе — можно, угодно; годно — нужно.
Гоитан — гайтан; шнурок, на котором Носаfileilfcii
Голка — мятеж, шум, паника.
Гон — мера расстояния.
Гордоус, гордоусец — гордец.
Горняя — вышнее, небесное; нагорное.
Гранограф — хронограф, хроника.
Гребь — весло.
Грезнь — гроздь ягод, виноградная кисть.
Гривенка — мера веса.
Грубый — невежественный.
Грядет — идет; грясти — идти.
Гузно — зад.
Да, да же — союз-частица, вводящий побудитель предложение: чтобы, дабы, пусть; см. еже бы,
Дауры, Даурская земля — Сибирь.
Дебело — грубо.
Дежем — движимый, поднимаемый.
Держава — поддержка.
Десный — правый, истинный, достойный.
Деять(ся)—делать(ся).
Дивии — дикий.
Дивить — удивляться.
Дидаскальство — наставничество.
Дискос — блюдце на подставке, на которое кладется вынутый из просвиры агнец.
Довлеть — быть достаточным; см. удовлетаться.
Дозде — до сих пор, донине.

Докучать — усиленно просить, домогаться.
Дондеже, дондеж — до тех пор, пока.
Донележе — до тех пор, пока не.
Досталь — совсем.
Достальной — остальной.
Доше н ик — большая плоскодонная лодка
Дряхловати — печалиться, скорбеть.
Дух — испарение.
Дьяк, дьячок — низший церковный служака, псаломщик.
Егда, еда, внегда — когда; если.
Единако, единаче — также; еще; по-прежнему
Еже — что; который; см. иже; как, если; еже есть — то есть сиречь; еже бы — чтобы, см. в о еже; будто.
Ез — плетень поперек реки, рыболовная застава; см. запор,
Елико — если; сколько.
Елма — так как; см. понеже, зане.
Е родий — цапля.
Железа — оковы; см. юзы.
Женитва — брак, супружество.
Живот — жизнь; животный мир.
Животный — жизненный.
Жупел — горящая сера.
Завод — затея; дело, предприятия
Завтренья — заутренья.
Зазор — стыд, смущение, срам,
Зазреть — осудить.
Законоучители — апостолы православия; первые пастыри.
Залавок — подводный обрыв, уступ в реке.
Заматоревый — постарелый, состарившийся.
Замгнуть — задремать.
Замотай — мот, кутила.
Зане — так как, потому что; см. понеже; поскольку.
Заплутай — плут; см. ловыга.
Запор — плетень поперек реки для ловли рыбы; см. е з.
Засака — заповедный лес.
Заход — отхожее место.
Зде — здесь, на этом месте; на этом свете.
Зелияница — овощное блюдо, растительная пища.
Зепь — карман, пазуха; сумка.
Зодейщик, зодийщик, зодийщик — звездочег, астролог
Зодий — каждый из двенадцати знаков зодиака.
Иде — где.
Иже — который, кто; см. еже.
Избыть — избавиться, спастись.
Изверг — отверженный.

Извет — отговорка; донос.
Изврат — извращение; см. прелесть.
Изгоня — немилость, опала, гонения.
Изженут, ижденут — изгонят, выгонят.
Измозгнуть — сгнуть.
Изубрь — изюбр, крупный восточносибирский олень, марал.
Изугень — беспозвоночное морское животное.
Изуграф — иконописец.
Изящный — выдающийся, несравненный, лучший.
Инде — в иное время, иногда; в другом месте.
И но — да, а; так; иное.
Инова — иногда; см. инде, овогда.
Ипостась — одно из лиц христианской Троицы (Бог-Отец, Сын и Бог — Дух Святой).
Исполнь — полный, наполненный.
Истнить — разрушить.
Кажение — окуривание ладаном.
Каженик — евнух, скопец; калека.
Казить — коверкать, портить, искажать.
Камо — куда; см. амо.
Канун — канон, церковное песнопение; см. правило.
Карбас — большая плоскодонная перевозная лодка.
Каркин — рак (животное).
Кафизма — каждый из двенадцати отделов Псалтири.
Келарь — монах, заведующий хозяйством монастыря.
Келейное правило — частная (не церковная) молитва.
Кирелеисон — Господи, помилуй (греч.).
Клеврет — приспешник, соучастник.
Клосный — увечный, хромой.
Клусить — вести себя шутом, паясничать.
Коб ь — колдовство, ересь.
Ковырять — делать что-либо неумело; писать, говорить неумело.
Коегождо — каждого.
Кокош — курица-наседка.
Колитвенный — убойный.
Кольми — особенно, тем более.
Комуж до — каждому, всем.
Кондак — краткая церковная песнь.
Коноб — котел.
Коснеть, коснить — медлить, мешкать. Косный — медлительный, медленный.
Костельник — приверженец костела, католической церкви.
Которати — сетовать.
Котыга — рубаха, риза.
Крагуи — ястреб.

Край — конец.
Крестцы — перекрестки, распутья.
Крестьяне — христиане.
Крин — лилия; цветок.
Крыж — четырехугольный крест (римский).
Крылос — клирос, место для певчих в церкви на возвешении перед иконостасом.
Крылошане — поющие на клиросе.
Крюк — нотный знак в старинном безлинейном церковном письме.
Кстае — кстати.
Курень — землянка; см. хижа.
Кутья — здесь: каша из пшеницы.
Лагодить — потворствовать, подлаживаться.....
Лаино — кал.
Ластовица — ласточка.
Левит — священнослужитель у древних евреев.
Лепый — красивый, хороший.
Лествица — четки с кистью кожаных лепестков; см. вервица.
Лесть — соблазн, обман, ересь; см. прелесть.
Лизать — целовать.
Ликовствовать — праздновать, изображать, танцевать.
Литоргисать — совершать литургию, обедню, главное церковное богослужение.
Ловыга — плут; см. заплутаи.
Логофетство — математика; ученость.
Лубье — кора, закрывающая окно в жилище.
Любы — любовь.
Льяло — место на дне дощаника, где скопляется и вычерпывается вода.
Маковица — купол церкви.
Малакия — разврат.
Малакса — печать маслом на лоб.
Мало не — чуть не.
Манатья, мантия — монашеская длинная одежда в виде плаща.
Маслица — оливковое дерево.
Матица огня — огненная геенна, ад, таргар.
Медведь — залежалый товар.
Место — пора, время; до тех мест, покамест, докамest — до тех пор, пока; с тех мест — с тех пор.
Метание — земной поклон.
Миро — благовонное масло, употребляемое при некоторых церковных обрядах.
Мирсина — вечнозеленое кустарниковое растение, похожее на мирт.
Мнит мися — думается, представляется; хочется,
Молыть — говорить.
Мотыло — помет, кал.

Мочно — возможно, можно.
Мыт — понос.
Мытарь — мученик, страдалец; сборщик податей (мытарь-притеснитель).
Мытоимец — мздоимец.
Набрушиться — наткнуться, напороться.
Навадник — клеветник, наветник.
Наздать — созидать, создавать.
Належать — наступить.
Напрасный — внезапный.
Марок — намерение, зарок.
Невостыгнувенно — безудержно.
Невсклонно — не разгибаясь.
Негли, некли — может быть, пусть.
Неделя — воскресный день недели, воскресенье; ср. седмица.
Нежд — сукровица, гной из раны.
Неизворотно — несподручно, неудобна
Неключимый — недостойный, негодный.
Необратный — непреоборимый.
Несместный — несоединимый, несмешанный.
Нерпа — тюлень.
Несместный — несоединимый, несмешанный.
Неясыть пустынная — мифическая птица»
Ниже, ниж — ни, ни даже.
Ничать — склоняться.
Нужа — насилие, принуждение.
Нужник (мн. число нужницы) — тот, кто прилагает усилия добивается трудом, преодолевает нужду.
Нужный — трудный, тягостный, мучительный
Обавить — сообщить, объявить.
Обаче — однако, напротив
Область — власть.
Обращение — возвращение; исправляя
Обьюхатися — нанюхаться.
Ов, овый - этот
Овогда — иногда.
Оглаголати — обвинить.
Оглагольник — обвинитель.
Оглашенный — объявленный в церкви как принимающий христианскую веру.
Однорядка, однарятка — однобортная долгополая одежда без воротника,
Озобать — съесть.
Окротить (наст, время окрочу) — укротить, смирить.
Оле — междометие «о!».
Омуль — рыба из семейства лососевых.
Онамо — там.

Он же — тот же.
Онагр — дикий осел; лошадь.
Опасно — осторожно, осмотрительно.
Опона — покров, завеса.
Опреснок — пресный хлеб.
Опрянуться — приодеться,
Орати — пахать.
Ослопье — колья, дубины, палки;
Острей — устрица, раковина.
Отаи — тайно; см, втаи
Отгребаться — воздерживаться, остерегаться.
Отнележе — откуда; с каких пор; с тех пор
Отнюду — откуда
Оток — край; мыс; остров.
От пуст — молитва по окончании богослужения.
Отрадить — утешить.
Отщегиться — претерпеть, повредиться.
Очервленить — обагрить, окровавить,
О ч ютиться — очнуться.
Ошиб - хвост
Паки — опять, снова, еще.
Палестина — христианская церковь.
Память — записка, предписание.
Папарты — крылья.
Партесное пение — церковное многоголосое пение.
Пастырь — священник как руководитель паствы, то есть прихожан, какой-либо церкви; ср. законоучители.
Патрахель, петрахиль — епитрахиль, часть облачения священника в виде длинной полосы ткани, надеваемой на шею и свешивающейся спереди.
Паче — более, тем более, лучше.
Пепелесый — пепельного цвета.
Перенос — большой выход во время литургии, перенесение причастия (хлеба и вина) с жертвенника на престол.
Перси — грудь.
Петь — частица с разным значением, чаще — вот; лишь.
Плесна — стопа, ступня.
Плижуше — ползающие, пресмыкающиеся
Плищ — шум, смятение.
Плюскать — болтать, суесловить.
Повалуша — летняя спальная комната, прилегавшая к избе сверху, через сени.
Повапленный — разукрашенный.
Подружие — супруга, жена
Под спудом — в заточении, в темнице
Пожар — пожарище, погорелое место.

Позорище — зрелище, представление,
Полма — пополам, на две части.
Полтретья — два с половиной.
Полтретьяцеть — двадцать пять
Польский — земной, бренный
Помале — вскоре; см. в мале, таже..
Поне — хотя, только.
Понеже, понеж — так как; поскольку, см. зане.
Пономарь — низший церковный служитель; ср. псаломщик.
Понос — оскорбление, срам, позор.
Понява — нижняя рубашка.
Поползнуться — соблазниться.
Порода — рай.
Посем — потом, затем; см. таже, по мале.
Поспешествовать — помогать, пользоваться.
Потонку — подробно, детально.
Потребиик — требник; книга, содержащая в себе молитвы религиозных служб.
Правило — богослужение, молитва.
Превыспренний — возвышенный, поднебесный: см. выпрь, горняя.
Предетательство — заступничество.
Прежде даже — прежде чем.
Презорство — высокомерное пренебрежение.
Преизлиха, попреизлиха — чрезвычайно, весьма.
Прелагатай — лазутчик, шиш, соглядатай.
Прелестная вера — ересь.
Прелесть — обман, заблуждение, соблазн, ересь.
Препретаться — убеждать, побеждать в споре.
Пререковать — возражать, прекословить.
Претить—запрещать, заказывать.
Приказ — учреждение, ведавшее в Московском государстве отдельной отраслью.
Приклякивать — преклоняться; припадать, обращаться с молитвой.
Прион — беспозвоночное морское животное.
Присещение — посещение; попечение, забота.
Присно — всегда, вечно.
Прозябающая — растительность.
Прозябнуть — прорасти, дать всходы.
Прокуда — колдовство, грех.
Просвира, просфира — белый круглый хлеб из крутого теста.
Протопоп — протоиерей, священник высшего чина, настоятель служителей соборной церкви.
Протори — расходы, издержки.
Пружаться — напрягаться; становиться гордым,
Прузи — саранча.

Пря — спор, прения; см. стыр.
Прятать — жарить в масле.
Псалом — религиозная песнь из Псалтири
Псаломщик — низший церковный служитель; см. дьячок.
Пырскать — брызгать слюной; блевать; нападать.
Пыщнтъ — пучить, надувать.
Пяток — пятница.
Рабичищо, рабыня — служанка, прислуга; см. сенная
Разболочь — раздеть.
Разве — кроме.
Развратиться — отклониться от истинного пути.
Растесать — рассечь.
Ратоваться — состязаться, спорить.
Рафлений — утонченный, изысканный (о блюдах, например: рафленая кура).
Рели — перекладина.
Ретиться — состязаться.
Ристать — бегать, носиться.
Рогозница — постель; подстилка, сплетенная из рогожи.
Роженье — колья, прутья.
Рожцы — стручки.
Романея — сладкая виноградная настойка. ;
Роспоп, распоп — расстриженный пои; поп-расстрига, лишенный сана.
Ротиться-клясться
Рцы — говори.
Рында — телохранитель,
Рычаг — ухват.
Свариться — ссориться
Свешник — светильник.
Святба — святость.
Святиться — славиться, быть почитаемым.
Седмица — неделя.
Селаха — рыба из семейства карповых.
Селитба — жилище, жильё.
Сем, сем-ка — ну, ну-ка, давай.
Сенная (девка) — служанка; см. рабичищо.
Сикер — хмельной напиток, бражка.
Сиповщик — дудочник, свирельщик.
Сирин — мифическая птица; см. финике, неясыть
Сице — так.
Сказка — показание, объяснение, послание.
Скимен — львенок.
Складеньки — складная икона
Сколец, сколка — раковина.
Скутаться — крыться.

Сличный — подобный, равный.
Слова государевы, «слово и дело государево» — донос.
Службник — церковная книга, содержащая тексты, по которым совершается богослужение.
Смотрение — предначертание; промысл.
Смущаться — беспокоиться, бояться.
Снискание — изыскание; сочинение.
Собор — главная или большая церковь.
Соборовать — мазать елеем тело тяжело больного или умирающего человека.
Собрание — группа людей.
Собство — свойство, сущность.
Совсельник — тот, кто поселился с другим в одном месте.
Сокромент — причастие (вино и хлеб).
Сорокоуст — плата за молитву в церкви об умершем в течение сорока дней после смерти.
Сором — срам.
Сошка — подставка.
Ставец — деревянная точеная миска.
Старица — монахиня.
Стень — тень, призрак.
Стерх — белый аист.
Стихер, стнхера — вид хвалебного церковного песнопения
Струб — сруб; здесь: деревянное сооружение в земле.
Студенец — родник, колодец.
Студень — холод, стужа, мороз.
Студныи — постыдный, позорный.
Стужать — усиленно просить; см. докучать.
Стыр — спор
Су — частица при обращении.
Сугубыи — двойной.
Суторщина — вздор.
Сьи — существующий, сущий, вечно сущий.
Та же — потом, после; см. посем, пом але.
Таймень — рыба из семейства лососевых.
Татьба — воровство, кража.
Тля — тлен, все брренное.
Тлимый — брренный, подверженный тлению.
То, того, тому, тех, тем — выделительная частица, употребляющаяся после выделяемого слова.
Тогда-сегда — вот-вот, иногда.
Той же — он же.
Томный — утомленный, усталый.
Торгати — бить, биться.
Точен — подобен, равен.

Точию — только, лишь
Тошно — скоро, поспешно.
Третицею — трижды.
Тружаться — заботиться; мучиться.
Туга — горе, кручина, печаль.
Тутнание — звучание, шум.
Тщиться — стараться, усердствовать.
Убо — же, ведь, в таком случае.
Убрус — платок.
Уд — часть тела (рука, палец и т. п.); см. аргаи.
Удовляться — довольствоваться, удовлетворяться;
Удоль — юдоль плачевная, мир горя и забот; см. волокита.
Уже, ужа — веревка.
Улыскаться — улыбаться.
Умерый — умерший,дохлый.
Уметы — помет, грязь.
Уньший — лучший.
Упование — надежда.
Уряжен и е — устройство, сооружение; сбруя.
Усмарь — сапожник.
Устав — церковный порядок, правила.
Уставить — остановить.
Устне — губы.
Утрудить — утомить
Ферязь — верхняя комнатная одежда без воротника.
Фиал, фиял — чаша, кубок.
Фигура — здесь: послание, написанное высоким стилем
Финикс — мифическая птица; см. сирин.
Фок — тюлень.
Фусточка — платок.
Хари — маски (скоморошьи).
Хартия — бумага.
Х и ж а — лачуга, шалаш; см. курень.
Ходатайственный — посредствующий.
Чекан — топорик с молоточком на длинной (аршинной) рукоятке,
Чепь — цепь.
Чермный — темно-красный, багряный.
Чернец — монах.
Черный поп — иеромонах, монах в сане священника.
Чин — сан, должность установленный порядок; состояние; обрядовые торжества.
Шарпаться — скрести; нить.
Шелеп, шелепуга — плеть, кнут; см. батог,
Шептун — знахарь, колдун.
Шиш — лазутчик, соглядатай.

Шпынский — шутовской, скомороший.
Шулнятка — живот, чрево.
Шурмовать — суетиться.
Ю — ее.
Юзилище — темница, тюрьма.
Юзы — узы, оковы, цепи; см. железы.
Ябедник — доносчик, клеветник; сутяга; см. навадник.
Язя — болезнь, язва.
Ярыжка — низший служитель приказа.
Ясырь — пленник.

АВВАКУМ ПЕТРОВ ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА,
им самим написанное, и другие его сочинения

Редактор И. В. Тулинов
Художник Р. С. Климов
Художественный редактор С. А. Трубин
Технический редактор Н. Н. Гаврилова
Корректор В. В. Аврина
ИБ 901

Сдано в набор 23.01.90. Подписано в печать 23.10.90. Формат 84 X
108/32. Бум.

тип. № 1. Гарнитура литературная

Высокая печать. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 20,032.

Тираж 60.000 экз. Заказ 4134. Цена 2 руб. 50

Северо-Западное книжное издательство. 163061, Архангельск, пр.

П. Виноградова, 61. , Цг V,

Типография издательства «Правда Севера».

163002, Архангельск, пр. Новгородский, 32.